

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Б. Назаренко

Флот, революция
и власть в России:
1917–1921

Флот, революция и власть
в России: 1917–1921

К. Б. Назаренко

К. Б. НАЗАРЕНКО

**ФЛОТ, РЕВОЛЮЦИЯ
И ВЛАСТЬ В РОССИИ
1917–1921**

МОСКВА
Квадрига
Русская панорама
2011

УДК 355.(322):94(470+571)

ББК 63.3 (2)6

Н 19

Н 19 **Назаренко К. Б.**

Флот, революция и власть в России: 1917-1921. – Москва:

Квадрига; Русская панорама, 2011. – 488 с.

В предлагаемой читателю монографии на основании широкого круга архивных документов, нормативных актов, воспоминаний и других источников исследуются вопросы, связанные с морской политикой, организацией и деятельностью морского ведомства царской и Советской России в эпоху войн и революций. Проблемы, затронутые автором, находятся ныне в центре ожесточенной дискуссии. В исследовании предлагается новый взгляд на политическую роль вооруженных сил в современном мире. Читателям предлагаются ответы на вопросы: возможен ли был приход к власти военных после Октябрьской революции, какой политический выбор сделали во время революции флотские офицеры, каким было отношение Советской власти к «старым специалистам», какие механизмы влияли на решения по реорганизации аппарата управления флотом, существуют ли общие закономерности работы государственного аппарата и др.? В этой книге рассматриваются биография ряда ключевых фигур руководства отечественного флота начала XX в.

ББК 63.3 (2)6

«Квадрига»: ISBN 978-5-91791-058-1

«Русская панорама»: ISBN 978-5-93165-292-4

© Назаренко Н. К., 2011

© Исторический факультет

С.-Петербургского университета, 2011

© Издательство «Русская панорама», 2011

© Издательство «Квадрига», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава I.</i> «Человек с ружьем» и власть	18
<i>Глава II.</i> Офицеры и матросы в 1917–1921 гг.	47
<i>Глава III.</i> Материальное положение военных моряков	135
<i>Глава IV.</i> Между «демократическим» и регулярным флотом (1917–1918 гг.)	183
<i>Глава V.</i> В разгар Гражданской войны (конец 1918 — 1919 г.).	280
<i>Глава VI.</i> От войны к миру (1920–1921 гг.)	331
Заключение	395
Список сокращений	411
Источники и литература	418
Приложения	431

ВВЕДЕНИЕ

Вооруженные силы — неотъемлемый атрибут почти любого независимого государства. Они обслуживают интересы государства, выполняя функцию организованного насилия, направленного, по идее, вовне. Даже если отсутствует внешняя опасность для данного государства, либо сами по себе вооруженные силы так слабы, что не могут обеспечить безопасность страны, наличие армии важно как символ государственности. В принципе, оборона страны от внешнего врага и вооруженная защита национальных интересов за рубежом является основной функцией «человека с ружьем», в каком бы уголке мира ни проходила его служба. Однако само наличие стройно организованной, достаточно многочисленной вооруженной массы не может не оказывать разнообразного влияния на политическую жизнь страны. Следует помнить, что армия и флот обладают почти полной монополией на вооруженную силу. Если считать, что вооруженные силы лишь инструмент государственной власти, то их вмешательство во внутреннюю политику страны может мыслиться только в форме активной или пассивной поддержки существующего правительства. Вооруженные силы не всегда выступают лишь как слепое орудие гражданских властей, те или иные группы военнослужащих могут иметь собственные взгляды на общественно-политическую жизнь в стране. Ни полиция, ни спецслужбы, как правило, ничего не могут противопоставить вооруженным силам, если те решаются выступить на политической арене с оружием в руках. При определенных обстоятельствах вооруженные силы (целиком или отдельные их части) могут выступить как против существующего политического строя вообще, так и против политической группировки, стоящей у власти. Они могут не только исполнять роль

послушного орудия гражданских политиков, но и быть самостоятельной политической силой внутри страны, определять ее политический и, в определенной степени и в известных случаях, социальный строй. Разумеется, совершая вооруженное выступление, армия и флот отражают интересы тех или иных классов и социальных групп, но это не закрывает для них возможность сохранять достаточно большую свободу действий. История великих держав знает не так много примеров прямого вмешательства вооруженных сил во внутреннюю политику за последние 200 лет, однако история второстепенных государств, особенно бывших колоний, дает громадное число примеров вмешательства армии в политические дела.

С одной стороны, вооруженные силы кажутся полностью зависимыми от гражданских властей. Объем финансирования армии и флота, размеры и способы комплектования, выбор мест базирования, постановка целей и задач, назначение высшего руководства, выработка общих принципов организационной структуры — все это формально определяется решениями гражданских политических институтов. В то же время флот (как и сухопутная армия) представляет собой в значительной степени автономный от гражданского государственного аппарата организм, способный не только сопротивляться вмешательству верховной власти в сферу своей компетенции, но и активно влиять на внутреннюю и внешнюю государственную политику.

Методы такого влияния могут быть различными. Это и открытый военный мятеж, и его потенциальная угроза, и манипулирование страхом гражданских властей перед возможным вооруженным выступлением войск. К таким методам также относится воздействие общественного мнения военной среды (прежде всего офицеров, а в определенные периоды и массы рядовых) или личное воздействие представителей армии и флота на отдельных лидеров страны, владение эксклюзивной информацией и знаниями, возможность интерпретировать понятие «целесообразности» при распределении средств, отпускаемых на оборону.

Представители вооруженных сил могут повлиять на общественное мнение в стране, рисуя образ врага или друга, убеждая население в практической ценности тех или иных решений в области военного строительства и т. д. Известны случаи, когда военное руководство активно поддерживало и даже инициировало целенаправленные

пропагандистские кампании (например, «пропаганда флота» в Германии начала XX в.).

Чтобы пролить свет на очерченный круг вопросов, следует выделить несколько типов вооруженных сил, в зависимости от их положения в политической системе конкретной страны. При этом можно будет выявить некоторые присущие им черты и попытаться определить, к какому типу относились отечественные вооруженные силы 10–20-х гг. XX в., а заодно оценить возможные альтернативы их политического развития. Решить вопрос о политической роли вооруженных сил невозможно без рассмотрения особенностей формирования и службы их личного состава, его материального положения и бытовых условий. Наконец, рассмотрение структур морского управления и их взаимоотношения с высшими и центральными органами государственной власти позволит увидеть подробности работы аппарата управления военно-морскими силами.

Когда речь идет об истории России, то, как правило, политической роли вооруженных сил уделяется внимание лишь в связи с эпохой дворцовых переворотов. Применительно к периоду XIX–XX в. сложился образ отечественных вооруженных сил, априорно лояльных существующим в данный момент властям. Именно тезис о безусловной верности политическому руководству страны вооруженных сил в целом и различных групп их командного состава в частности служит основанием для распространенных воззрений на исторические события первой половины XX в. На этом основывается уверенность в том, что офицеры дореволюционной формации в массе своей сохранили верность «старому режиму» и выступили бескомпромиссными борцами против большевиков в годы Гражданской войны. С другой стороны, убежденность в том, что офицерство ни при каких обстоятельствах не могло иметь собственных политических целей и желания выступить против гражданских властей, позволила сконструировать концепцию о беспочвенности и абсурдности репрессий против руководства армии и флота в 20–30-е гг.¹ Распространению таких поверхностных взглядов способствует апелляция к понятиям офицерской чести, верности присяге, которые, будучи рассматриваемы абстрактно, лишь запутывают дело и затемняют представление

¹ См., например: *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 гг. М., 2000; *Черушев Н. С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003; *Звягинцев В. Е.* Трибунал для флагманов. М., 2005; и др.

об истинном лице офицерского корпуса русских армии и флота в конкретный исторический период. Некоторые авторы и вовсе утверждают, что «репрессии против командно-начальствующего состава Красной Армии проводились всегда, во все годы ее существования, практически без длительных перерывов»², рисуя все происходившее, как театр абсурда. Фактически в таких работах возрождаются старые взгляды эмигрантов — историков и мемуаристов — 20–30-х годов, которые заявляли, что «сразу же после Октябрьской революции для буржуазно-дворянских специалистов начался “путь на Голгофу”»: массовые репрессии в качестве “главного метода” воздействия на них “со стороны государственной власти”»³.

Впрочем, такой подход не нов: достаточно вспомнить, что Н. И. Костомаров отказывался искать разумные причины ряда мероприятий Ивана Грозного, объясняя их психическим расстройством царя, а В.О. Ключевский писал о том, что деятельность Павла I носила характер не столько политический, сколько патологический. На наш взгляд, подобные оценки не являются научными, в них преобладает этический подход, препятствующий рациональному объяснению исторических фактов.

Быть может, репрессии и «чистки» в отношении «старых» специалистов, в частности в отношении офицеров, имели более рациональное объяснение, чем «патологическая жестокость большевиков»? Быть может, положение самих бывших офицеров в Красной Армии и Флоте не было столь беспросветным, как это представляется многим? Быть может, у властей имелись реальные основания опасаться бывших офицеров? В настоящей работе мы рассмотрим некоторые особенности влияния вооруженных сил на внутривластные процессы в стране в революционную эпоху.

Разговор о роли флота, в том числе и политической, в истории России еще сложнее, чем разговор о роли сухопутной армии. На протяжении всей своей истории отечественный флот неоднократно переживал периоды взлетов и падений. В такой континентальной стране, как Россия, основным «щитом и мечом» всегда служила сухопутная армия, а о флоте вспоминали, когда были

² Черушев Н. С. «Невиновных не бывает...»: Чекисты против военных. 1918–1953. М., 2004. С. 5.

³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 5.

удовлетворены минимальные потребности обороны и появлялось желание вести более активную внешнюю политику, неизбежно связанную с необходимостью «показывать флаг» в более или менее отдаленных водах. Кроме того, военно-морской флот является необходимым атрибутом «великой державы», и его отсутствие или чрезмерная слабость могут поставить под сомнение этот важный статус.

Естественно, что в таких условиях в нашем обществе (в отличие от Великобритании или США) не могли сложиться бесспорные взгляды на роль и значение флота в системе вооруженных сил страны. Почти всегда находились теоретики и публицисты, готовые доказывать ненужность и обременительность полноценных военно-морских сил для России или СССР. Сторонники идеи необходимости флота в споре с его противниками были нередко запальчивы и сильно преувеличивали роль и значение морской силы для нашего отечества.

Одной из дискуссионных стала проблема организации центральных органов управления флотом. Должен ли отечественный военный флот возглавляться особым центральным государственным учреждением на правах министерства или наркомата? Или им должно руководить подразделение единого министерства (наркомата) обороны? А если так, то насколько широкие полномочия должен иметь флотский руководящий орган в составе единого органа руководства вооруженными силами? В этот спор вмешивались представители сухопутной армии, отстаивавшие собственные теоретические взгляды на военную организацию и свои ведомственные интересы.

Возможностей для вмешательства в политику у флота всегда было объективно меньше, чем у армии, поскольку для вооруженного выступления внутри страны пригоднее сухопутные войска. Лишь во время короткого периода 1905–1921 гг. политическая роль флота оказывается заметной невооруженным глазом. Для этого было несколько причин, среди которых и расположение столицы в непосредственной близости от Кронштадта, главной базы Балтийского флота, и более высокая степень политической развитости матросов по сравнению с солдатами сухопутной армии.

Военная история выступает обычно как история боевых действий и военной техники. Рассказ о боях и сражениях, о деятельности полководцев, о творческом поиске конструкторов, как правило, весьма

увлекателен. Не только любитель военной истории, но и специалист, который может свободно рассуждать о действиях войск, тактико-технических характеристиках кораблей, танков или самолетов, скорее всего задумается, если его спросят об устройстве штабных служб и учреждений военной администрации. Не подлежит сомнению, что основы победы или поражения в войне закладываются во время мира, под повседневным руководством тех учреждений, о которых так мало знают и редко вспоминают. В то же время явно недостаточно внимания уделяется изучению устройства и функционирования структур, осуществлявших управление войсками и флотами как в мирное, так и в военное время. Руководящие органы вооруженных сил оказывают воздействие на высшее руководство страны, явно или скрыто подталкивая его к проведению определенной внешней или внутренней политики. Борьба за власть и влияние различных политических группировок и отдельных лидеров также отражается на структуре органов, руководящих вооруженными силами. Это обстоятельство делает особенно важным рассмотрение особенностей высших органов военного и военно-морского управления в различные эпохи.

Положение военных учреждений среди других властных структур зависит от многих обстоятельств, таких как геополитические факторы, характер господствующего политического режима, национальные традиции и т. п. Особенно интересно рассмотреть вопрос о политической роли флота в период революционного перехода от одного социально-политического строя к другому. Здесь встает вопрос о применимости единых подходов к государственному аппарату различных по своему социально-политическому строю стран. Где проходит граница между общими принципами строительства госаппарата, характерными для любой эпохи, для любого строя, и особенными чертами, присущими только определенному общественному строю? Российская империя и Советская Россия были основаны на противоположных классовых принципах, проводили совершенно разную социальную политику, в то же время геополитическое положение страны оставалось неизменным.

Первые два десятилетия XX в. принесли на флот массу технических новшеств, которые, в свою очередь, радикально изменили военно-морскую организацию, тактику, а отчасти и стратегию. Военно-морское дело избавилось от пережитков парусной эпохи

и шагнуло далеко вперед. Именно в первые годы XX в. радиосвязь превратилась из почти циркового фокуса в реально действующее техническое средство. Раньше руководство боевыми действиями было возможно только с мостика флагманского корабля, теперь же информация могла передаваться по радио на сотни и тысячи миль. Развитие артиллерии привело к созданию приборов управления огнем, которые делали возможной согласованную стрельбу нескольких линейных кораблей, идущих в одном строю. Развитие техники и тактики торпедной стрельбы привело к созданию многотрубного торпедного аппарата и разработке принципов стрельбы по площадям, что потребовало согласованных действий нескольких однотипных эсминцев в составе дивизиона. Русско-японская война показала, что морской бой на том этапе развития техники принимает форму управляемого сражения стройно организованных эскадр, а не беспорядочной «свалки» одиночных кораблей, как думали многие еще в 90-е гг. XIX в. Подводные лодки, самолеты и дирижабли показали себя в годы Первой мировой войны настолько эффективным оружием, что начали даже поговаривать о моральном устаревании крупных надводных кораблей типа линкоров или крейсеров.

Сознание отстает от действительности. Даже наиболее талантливые теоретики не могут объять все многообразие реальности. Организационные формы находятся в постоянной погоне за идеалом эффективности. События на флоте неотделимы от жизни страны, и революционные события 1917 г. в России привели к руководству флотом новых людей. Некоторые из них обладали значительным опытом подпольной политической борьбы, но не имели военноморского образования. Другие успели окончить профильные учебные заведения, но обладали ничтожным политическим опытом, а были и просто авантюристы, которые пытались оказывать влияние на реорганизацию структур управления флотом.

Источниками данного исследования стала прежде всего делопроизводственная документация, хранящаяся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) в Санкт-Петербурге. Делопроизводственные документы позволяют получить представление о процессе выработки тех или иных решений. В них отражаются позиции и мнения руководителей, а иногда и рядовых участников событий, по ним можно судить об атмосфере, в которой принималось то или иное решение. Внешний вид документа может

многое рассказать о породившей его эпохе. Изменения в формуляре документов или сохранение традиционного формуляра, изменения качества и цвета бумаги, качества и цвета лент для пишущих машинок, особенности оформления подписей должностных лиц могут многое поведать об обстановке, в которой проходила деятельность отечественного государственного аппарата в революционную пору.

В начале XX в. в Морском ведомстве не существовало единого нормативного акта, регулирующего формы и способы ведения делопроизводства, и они определялись традицией. Правда, в период реорганизации Морского ведомства между окончанием русско-японской и началом Первой мировой войны был поставлен вопрос о стандартизации делопроизводства в ведомстве. Летом 1909 г. морской министр С. А. Воеводский назначил комиссию по разработке «Устава делопроизводства»⁴. Бесплодные совещания протянулись до начала Первой мировой войны, но устав так и не был разработан.

Несмотря на отсутствие нормативных актов, единообразие формуляра документов способствовало широкому распространению типографских бланков, но каждое подразделение имело свои бланки, отличавшиеся от бланков других учреждений размерами и деталями оформления. Бумаги Морского министерства начала XX в. имеют обычные для этого времени признаки официального документа: угловой штамп в левом верхнем углу, где указывалось название учреждения или должностного лица, от которого исходил документ, исходящий и входящий номера, подпись должностного лица и скрепу. Документы, как правило, печатались на пишущей машинке через полтора—два интервала, иногда размножались типографским способом, а в редких случаях писались от руки. В 1905—1914 гг. господствуют синие ленты для пишущих машинок, довольно большое распространение получают двуцветные сине-красные ленты. Обычно все документы рассматриваемого периода имеют левое поле, шириной от 1/4 до 1/2 листа, предназначенное для резолюций и заметок. Исключение составляли докладные записки, оформлявшиеся обычными полями. К этому времени сложилась устойчивая традиция покрывать прозрачным желтоватым лаком карандашные резолюции высокопоставленных лиц в целях сохранности. Вышестоящие начальники, как

⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1240. Л. 99.

правило, сносились с подчиненными предписаниями и приказами, младшие со старшими — рапортами и служебными записками, а равные, но независимые должностные лица — отношениями и служебными письмами, однако на самих делопроизводственных бумагах их тип обычно не обозначался, поэтому создать их точную классификацию затруднительно. В тех случаях, когда требовалось подчеркнуть неофициальный характер обращения одного чина к другому, писали частные письма.

Делопроизводственные документы дореволюционного периода, как правило, напечатаны на хорошей бумаге, с широкими полями, через полтора—два интервала, качество машинописи высокое (отсутствуют опечатки, оттиски букв четкие). Подписывая документы морского ведомства, офицеры или чиновники писали от руки лишь фамилию и дворянский титул, если он был, а чин пропечатывался на пишущей машинке или писался писарем. Необходимости в расшифровке подписи не возникало, так как было принято писать фамилию полностью или почти полностью, притом сравнительно разборчивым почерком.

За 1917 г. ход делопроизводства в морском ведомстве постепенно разлаживался, правда, этот процесс не был быстрым и зашел не слишком далеко. Множество бюрократических процедур продолжало выполняться по инерции. Например, производство в чины в морском ведомстве продолжалось как минимум до 16 (29) декабря 1917 г., до появления декрета «Об уравнивании всех военнослужащих в правах»⁵, а возможно, и до 29 января (11 февраля) 1918 г., то есть до издания декрета о создании Рабочее-Крестьянского Красного Флота, который упоминал о введении единого звания «красного военного моряка». В декрете 10 (23) ноября 1917 г. «Об отмене сословий и гражданских чинов» ничего не говорилось об отмене военных чинов⁶, и на канцелярском делопроизводстве он не отразился: в чины производили по-прежнему.

Перевод делопроизводства «на советские рельсы» начинается постепенно. 22 марта 1918 г. для всех центральных учреждений

⁵ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах. 16 (29) декабря // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 242—243.

⁶ Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. 11 (24) ноября // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 72.

РСФСР вводится новый образец бланков, использование которого становится обязательным с 1 апреля 1918 г. Все бывшие министерства должны были именоваться народными комиссариатами⁷. 3 августа 1918 г. Совнарком постановил воспретить учреждениям пользоваться старыми гербовыми печатями с изображением двуглавого орла и приказал всем завести печати с гербом РСФСР⁸.

В 1918 г. резко снижается качество оформления документации. Начинает использоваться бумага низкого качества, иногда даже линованная или в клетку, оборотная сторона ненужных документов, например, морских карт. Бумага используется крайне экономно — поля становятся узкими, интервал сокращается до одинарного, понижается качество машинописи. Подписи становятся сокращенными и плохо читаемыми. В то же время формуляр делопроизводственного документа в целом сохраняется, с заменой названий учреждений, исчезновением обращений и подписей по чину и общему титулу (например, «ваше превосходительство»). Как курьез следует отметить резкое снижение внимательности телеграфистов при передаче телеграмм — в них появляется масса опечаток и пропусков букв, что иногда делает текст телеграммы трудным для понимания.

В целом, следует констатировать живучесть делопроизводственных традиций, которые не претерпели принципиальных изменений во время революции и Гражданской войны. Они продолжали непрерывно развиваться, несмотря на все перемены в политическом и общественном строе.

Принято выделять следующие группы делопроизводственных документов: нормативные документы, протокольная документация, деловая переписка, информационные, учетные и отчетные документы⁹. Эта классификация является в значительной мере условной, так как точного разграничения разных групп добиться трудно. Кстати, в делопроизводственной практике морского ведомства ещё в начале XX в. возникали предложения обозначать на бумагах их тип (рапорт, отношение, предписание, приказ и т. д.)

⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 163. Л. 135 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 132 от 22 марта 1918 г.

⁸ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 194. Л. 130.

⁹ Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика. М., 2004. С. 119.

для упрощения работы с ними. Это предложение так и не было реализовано. Пожалуй, только на рапортах всегда указывался тип документа.

В качестве характерной черты содержания делопроизводственных документов морского ведомства революционной эпохи обращает на себя внимание традиционная анонимность многих аналитических записок или записок с теми или иными проектами. Это подчеркивало коллективный характер работы штабов и учреждений и вместе с тем служило иллюстрацией известного принципа, сформулированного немецким военачальником и военным теоретиком Г.-К.-Б. фон Мольтке (Мольтке-старшим), о том, что у офицера Генерального штаба не должно быть имени, он должен стремиться не к известности, а лишь к пользе для дела. Обращает на себя внимание откровенный и даже несколько вольный характер высказываний флотских специалистов в письмах, записках, рапортах, проектах.

Как справедливо отмечал в конце 20-х годов видный партийный и военный деятель К. А. Мехоношин: «Историк, пожелавший лишь по одним архивным документам изучить минувшие события, оказывается в крайне затруднительном положении. Пережитая эпоха чрезвычайно характерна в том отношении, что ее наиболее яркие и подчас наиболее содержательные этапы как раз менее всего располагают к тем формам работы, которая фиксируется в документе. И поэтому среди других материалов воспоминания являются также своего рода документами большой исторической ценности. Не раз, наверное, благодаря им удастся связать в единое целое и понять внутренний смысл того или иного периода»¹⁰. Действительно, подозрения, слухи, домыслы, непосредственные впечатления, характеристики окружающих, которые можно найти лишь в источниках личного происхождения, не только передают аромат эпохи, но и позволяют судить о самоощущении и мировоззрении представителей различных социальных и профессиональных групп. Как правило, делопроизводственная документация не позволяет этого сделать. Поэтому в исследовании используется целый ряд мемуаров представителей различных политических лагерей, бывших офицеров и бывших матросов. Мемуары используются в основном не столько

¹⁰ Мехоношин К. А. От захвата власти к овладению аппаратом // Война и революция. 1928. № 2. С. 32.

для изучения исторических событий, сколько как источник изучения сознания людей, вовлеченных в бурный поток истории революционной эпохи.

Среди мемуаров сохранились воспоминания морского офицера народовольца Е. А. Серебрякова¹¹; офицеров дореволюционных армии и флота, сделавших выбор в пользу Советской власти: В. А. Белли¹², М. Д. Бонч-Бруевича¹³, А. М. Василевского¹⁴, А. А. Игнатьева¹⁵, В. П. Костенко¹⁶; воспоминания, базирующиеся на основе переработанного дневника И. С. Исакова¹⁷. К воспоминаниям этой группы примыкают рассказы С. А. Колбасьева¹⁸, повесть и рассказы Л. С. Соболева¹⁹, художественные произведения, основанные на личных впечатлениях их авторов.

Офицеры царского флота, ставшие на сторону белого движения, оставили значительно больше мемуаров, чем их сослуживцы, выбравшие службу под красным знаменем: здесь и видные руководители белого движения — Б. А. Вилькицкий²⁰, А. Г. Шкуро²¹, и рядовые его участники — Г. К. Граф²², Н. З. Кадесников²³, В. А. Меркушов²⁴. К этой группе примыкают записки последнего главы флотского духовенства Г. И. Шавельского²⁵.

¹¹ *Серебряков Е. А.* Революционеры во флоте // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989.

¹² *Белли В. А.* В императорском российском флоте: Воспоминания. СПб., 2005.

¹³ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам! М., 1958.

¹⁴ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989.

¹⁵ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959.

¹⁶ *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955.

¹⁷ *Исаков И. С.* Каспий. 1920. М., 1973.

¹⁸ *Колбасьев С. А.* Поворот все вдруг. М., 1978.

¹⁹ *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М., 1989.

²⁰ *Вилькицкий Б. А.* Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск, 2001.

²¹ *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. М., 2004.

²² *Граф Г. К.* На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997.

²³ *Кадесников Н. З.* Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 9–70.

²⁴ *Меркушов В. А.* Записки подводника: 1905–1915. М., 2004.

²⁵ *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

Воспоминания красного командира новой формации Ю. А. Пантелеева²⁶ и матроса-большевика Н. А. Ховрина²⁷ позволяют дополнить свидетельства других мемуаристов.

В монографии были использованы воспоминания политических деятелей: профессионального революционера, ставшего морским офицером, Ф. Ф. Раскольников²⁸, большевика-подпольщика Н. И. Подвойского²⁹, мемуарные рассказы лидера октябристов А. И. Гучкова³⁰.

При написании монографии широко использовалась различная справочно-биографическая литература, например, мартирологи и списки морского офицерства, составленные В. В. Лобыцыным³¹, С. В. Волковым³², В. В. Верзуновым³³, списки различных категорий личного состава флота и репрессированных граждан³⁴, энциклопедические издания³⁵.

²⁶ Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М., 1974.

²⁷ Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! М., 1987.

²⁸ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе: Воспоминания, письма, документы. Л., 1989.

²⁹ Подвойский Н. И. Год 1917. М., 1958.

³⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 9–10.

³¹ Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Под ред. В. В. Лобыцына. М.; Феодосия, 2001.

³² Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

³³ Верзунов В. В. Моряки на Северо-Западе России (Офицеры флота и чины морского ведомства, служившие в отдельном Северном корпусе Северо-Западной добровольческой армии или пребывавшие в пределах Эстляндии после Октябрьского переворота и Гражданской войны в России) // Балтика. 2006. № 2–3; 2007. № 1. — См. также: <http://www.genealogia.ee/207/00.htm>

³⁴ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. Исправлено по 11 апреля. СПб., 1916; Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926; Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабочее-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-ое мая 1928 г. Л., 1928; Список офицерских чинов русского императорского флота. Царствование императора Александра Третьего / Сост. В. Ю. Грибовский // Петербургский генеалогический портал (URL: <http://www/petergen.com/publ/omsn207.shtml> (22.05.2010)); Список офицерских чинов русского императорского флота. Царствование императора Николая Второго / Сост. В. Ю. Грибовский // Там же.

³⁵ Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь братьев Гранат / Под ред. Ю. Ю. Фигатнер. М., 1989.

Отдельно следует отметить статьи, тезисы, записки, речи лидеров Советской России, определявших внутреннюю и внешнюю политику страны В. И. Ленина³⁶, И. В. Сталина³⁷, Л. Д. Троцкого³⁸, Г. Е. Зиновьева³⁹, А. И. Окулова⁴⁰ и др.

Очерченный круг источников стал основой для написания монографии.

Следует оговорить, что даты до 1 (14) февраля 1918 г. указываются по старому стилю, после этой даты — по новому. Инициалы упоминаемых нами лиц могут быть не указаны или указаны не полностью в том случае, если они не установлены или если под фамилией, упоминаемой в документе, могут подразумеваться несколько человек.

³⁶ См., например: *Ленин В. И.* 1) Государство и революция // ПСС. М., 1974. Т. 33. С. 1–120; 2) Проект постановления СНК по вопросу о порядке подчинения флотов Балтийского и Черного морей // ПСС. М., 1975. Т. 54. С. 386–387, 693; 3) Речь на Первом всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Протокольная запись // ПСС. М., 1974. Т. 35. С. 112–118.

³⁷ *Сталин И. В.* О перспективах революции в Китае: Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1954. Т. 8. С. 357–374.

³⁸ *Троцкий Л. Д.* Наша политика в деле создания армии: Тезисы доклада // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9.

³⁹ *Зиновьев Г. Е.* Об итогах VIII Съезда РКП(б): Доклад кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б), председателя Петроградского Совета Г. Е. Зиновьева на собрании актива Петроградской партийной организации: (Стенографическая запись): 29 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 185–198.

⁴⁰ VIII Съезд РКП(б): Стенограмма заседания военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 года и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 года: Заседание съезда: 21 марта, вечернее // Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 144–178.

Глава I

«ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» И ВЛАСТЬ

Подавляющее большинство политических выступлений вооруженных сил во всем мире было организовано офицерами, то есть командным составом, и лишь в некоторых выступлениях активную роль играли солдаты и матросы. Когда армия и флот не прибегают к открытому вооруженному выступлению, а используют другие методы воздействия на гражданские структуры власти, действующими лицами могут выступать только представители командного состава.

Солдатская и матросская масса по многим причинам сравнительно редко выходит на политическую арену. В массовых вооруженных силах второй половины XIX — первой половины XX в., сравнительно короткие сроки службы при системе принудительного призыва¹, как правило, не дают времени солдатам и матросам осознать свои политические цели и выработать политическую программу. Сказываются национальные, культурные, религиозные, профессиональные различия, разный уровень образования и разные сроки службы. С другой стороны, молодость военнослужащих срочной службы, их небольшой жизненный опыт не позволяют большинству из них в полной мере осознать политические и экономические интересы той социальной группы, к которой они принадлежали до службы и в ряды которой вернуться после нее. На службе им сложнее организовать и совершить вооруженное выступление, чем офицерам, определенную роль играет более низкий уровень образования солдат и матросов по сравнению с офицерами, отсутствие у них привычки к постановке задач и к руководству.

¹ См., например: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

История показала, что в некоторых случаях солдатская или матросская масса все же может выступить как самостоятельный политический фактор. В XX в. такие выступления происходили, как правило, в ходе достаточно продолжительных войн, когда массовая мобилизация ставит под знамена большое число мужчин зрелого возраста. Они обладают жизненным опытом и выходят на определенный уровень осознания социально-политических интересов своего класса или социальной группы. В вооруженных силах «революционного типа» (об их специфических чертах речь пойдет ниже) общая политизация достигает такой степени, что выступление массы рядовых с более-менее отчетливо сформулированной программой становится достаточно вероятным.

По нашему мнению, с точки зрения места вооруженных сил в политической системе страны они могут быть отнесены к одному из трех типов, которые можно условно обозначить как «традиционный», «революционный» и «политический». Вряд ли можно найти вооруженные силы, относящиеся к одному из выделенных типов в чистом виде, однако абстрактность — неизбежное свойство любой теоретической схемы.

Вооруженные силы «традиционного» типа возникают при политическом режиме, который сохраняет стабильность на протяжении длительного времени. Главное условие, определяющее поведение личного состава таких армии и флота, — отсутствие необходимости делать политический выбор, так как существующий в стране общественно-политический строй представляется практически вечным, любые противники этого политического строя — ничтожными и бессильными изменить его. Широкие массы в подобном сравнительно стабильном обществе, как правило, не имеют ни опыта вооруженной борьбы, ни опыта участия в организованных массовых кампаниях гражданского неповиновения или забастовочном движении, часто являются политически инертными. Естественно, что солдатская и матросская масса в вооруженных силах подобного общества не будет склонна к протесту и борьбе под политическими лозунгами.

Априорная уверенность в прочности существующего политического режима подкрепляется системой комплектования офицерского корпуса лицами, прошедшими определенный отбор и длительную подготовку в специальных учебных заведениях. По мере изживания

феодалных институтов сословная принадлежность как критерий отбора постепенно исчезает, и на ее месте возникают другие формы и методы отбора, более скрытые и изолированные, но, тем не менее, отвечающие основной задаче — укомплектовать офицерский корпус личным составом лояльным властям. В военно-учебных заведениях и во время службы происходит воспитание офицерства в духе твердой уверенности в полной стабильности данного режима (по формуле — «данный общественно-политический строй является лучшим для всего мира или, по меньшей мере, для данной страны, и будет существовать вечно»). Идеологическая обработка может быть не только явной, но и завуалированной, незаметной для самого офицера. В этом случае особую роль играют бесчисленные элементы быта, общение с товарищами, подражание старшим, разнообразные традиционные церемонии, приобщение к общим воспоминаниям об истории воинских частей и вооруженных сил в целом.

Для офицерства «традиционной» армии характерен демонстративный отказ от всякого вмешательства в политическую деятельность, основанный на уверенности самих офицеров в вечности основ существующего режима и на убежденности носителей государственной власти в том, что лояльность армии им обеспечена. Такой отказ может принимать вид чисто формального участия в политической деятельности, например, в виде безусловной поддержки правящей партии. Подавляющее большинство офицеров «традиционной» армии просто не задумывается о политических вопросах, подменяя политический анализ в лучшем случае фразами о патриотизме и констатацией необходимости безусловного повиновения любым приказам, исходящим сверху.

Следствием стабильности политического режима и длительной идейной обработки офицерского корпуса является презумпция лояльности командного состава по отношению к высшей власти. Сама верховная власть может смотреть сквозь пальцы на ворчание и даже откровенное фрондерство отдельных офицеров. Важно, что это фрондерство не затрагивает основ верности существующему строю: офицеры могут сравнительно свободно критиковать отдельные недостатки существующего государственного порядка, в первую очередь — гражданский бюрократический аппарат, но не основы политического строя, не главу государства.

При таком отношении офицеров к власти и властей к офицерам становится излишним аппарат политического контроля в армии. В вооруженных силах «традиционного» типа он или вовсе отсутствует, или атрофируется (в тех случаях, когда «традиционная» армия выросла из «революционной» — о ней ниже). В последнем случае аппарат политического контроля перерождается в культурно-просветительский или финансово-контрольный.

В «традиционной» армии обычно вырабатывается механизм поддержания монолитности офицерского корпуса «своими средствами», что позволяет верховной власти полностью устраниваться от поддержания нужного ей климата в офицерской среде. При такой модели отношений офицерства с властью не возникает никакой необходимости в политических чистках офицерского корпуса. Всевозможная «полицейщина», политический сыск презираются и преследуются офицерским общественным мнением как нечто грязное и недостойное офицера. Высшее руководство страны и традиционных вооруженных сил, как правило, и не стремится к насаждению взаимного политического контроля в офицерском корпусе и потому, что в этом не ощущается острой необходимости, и потому, что подобные действия могут привести к утрате корпоративности офицерства, которая сама по себе является достаточной гарантией политической лояльности.

Офицеры настроены на плавную рутинную карьеру, взлеты в которой могут быть связаны либо с успешным участием в боевых действиях против внешнего врага, либо с nepотизмом и коррупцией. Вообще офицерством «традиционных» вооруженных сил война воспринимается как своего рода «профессиональный праздник», достаточно вспомнить подъем, охвативший русское строевое кадровое офицерство в начале Первой мировой войны, неоднократно описанный в мемуарной и художественной литературе. С другой стороны, каждый офицер «традиционной» армии рассчитывает на многолетнюю службу и пенсию после отставки, что приводит к боязни сломать карьеру и предоставляет командованию дополнительный рычаг влияния на профессионального офицера.

Офицерский корпус «традиционной» армии являет собой корпорацию, живущую в значительной степени (если не исключительно) своими собственными узкими профессиональными интересами. Профессиональное офицерство практически не ощущает своей

связи с теми или иными социальными группами гражданского общества. Такую связь чувствуют прежде всего выходцы из привилегированной среды, ведь для них чин офицера представляет собой необязательное дополнение к образу жизни аристократа или выходца из богатой буржуазной семьи. Офицеры же — выходцы из непривилегированных слоев ощущают себя офицерами по преимуществу, поскольку самоощущение выходца из рабочих, крестьян или мещан ничего не прибавляет к их офицерскому статусу. При этом само осознание принадлежности к привилегированной корпорации командного состава армии настолько поднимает самоощущение выходца из низов, что он, в большинстве случаев, готов приложить любые усилия для упрочения своего нового статуса и боится потерять его. Эти обстоятельства делают офицеров-выходцев из низших слоев общества даже более верными защитниками существующего социально-политического строя, чем офицеров-аристократов. Как известно, многие вожди белого движения во время Гражданской войны происходили из трудовых слоев, но их политический выбор состоялся не в пользу Советской власти. Поведение сверхсрочнослужащих унтер-офицеров, положение которых в этом смысле близко к положению офицеров — выходцев из низов, доказывает правильность данной мысли — ведь именно сверхсрочники, как правило, оказываются вернейшей опорой военного начальства.

Сильной стороной «традиционных» вооруженных сил является внешне строгая дисциплинированность. Явное и безнаказанное нарушение приказа в такой армии практически невозможно. Конечно, всегда остаются возможности для тихого саботажа отдельных распоряжений командования, но откровенное нарушение приказа кем-либо из офицеров просто не будет поддержано их коллегами и вызовет осуждение. Даже не одобряемый общественным мнением офицеров приказ все же не может быть проигнорирован. Сильный корпоративный дух «традиционной» армии представляет собой более действенное дисциплинирующее средство, чем самые строгие наказания. Обратной стороной такой корпоративности является слабое развитие личной инициативы командного состава.

Понятно, что в рядах вооруженных сил «традиционного» типа могут появиться исключения из общего правила: офицеры или сол-

даты, вступившие в революционную организацию или даже подготовившие вооруженное антиправительственное выступление. В России примеры такого рода показали декабристы, офицеры-народовольцы, офицеры, вступившие в революционные партии в начале XX в. Однако это были лишь единицы.

Русские армия и флот второй половины XIX — начала XX в. имеют все признаки вооруженных сил «традиционного» типа. Что касается отношения властей к лояльности офицерства в тогдашних вооруженных силах, можно приводить бесконечные примеры явного фрондерства, которое не считалось заслуживающим наказания. Так, осенью 1904 г. перед царским смотром Второй тихоокеанской эскадры второй артиллерист броненосца «Орел» лейтенант А. В. Гирс 3-й спокойно рассуждал в кают-компани: «Ведь “он” (царь. — *К. Н.*) сам знает меньше нашего, зачем приходится посылать эскадру, а сказать он может лишь те шаблонные фразы, которые ему вложат в уста. Весь завтрашний смотр — это просто политическая бутафория. После этих слов старший офицер (капитан 2 ранга К. Л. Шведе. — *К. Н.*), сочувственно слушавший Гирса, махнул рукой и скомандовал: — Ну, кажется, договорились до точки. Все ясно! Больше ничего умного не выдумаете. Стоп на этом! Марш спать по каютам...»² В этом эпизоде офицеры безнаказанно сомневаются в компетентности носителя высшей власти и живого символа государственности, причем ни один из них не собирается участвовать в каком-либо антиправительственном выступлении.

Слабым местом «традиционной» армии представляется прежде всего воспитание командного состава в духе конформизма — офицеру предлагается готовый набор политических идей, отстаивать которые в столкновении с носителями альтернативных концепций ему не приходится. В повседневной жизни для офицерства «традиционной» армии корпоративная сплоченность подменяет идею верности далеким и туманным политическим идеалам. Этому способствует неизбежный для армии такого типа упор в воспитательной работе на традиции и истории воинских частей (или родов войск), который направлен как раз на воспитание корпоративной сплоченности за отсутствием или практической не востребованностью масштабного комплекса политических идей.

² Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме. С. 165.

Народоволец лейтенант Е. А. Серебряков³ писал о русском флоте рубежа 70–80-х годов XIX в.: «...но в то время морская среда была так дружна и корпоративна, что из ее среды очень мало и очень редко что-либо могло дойти до ушей Департамента полиции»⁴. «Кстати, расскажу маленький эпизод, как всякое ведомство старается отклонить от себя неприятности (выделено авт. — К. Н.). Вскоре после 1 марта [1881 г.], еще до ареста Суханова, когда были найдены бомбы на Тележной улице, заподозрили, что в них были употреблены запалы Морского министерства; потребовали специалиста из Кронштадта. Был послан минный офицер лейтенант Бергман, реакционер по убеждению. И вот что он говорил в клубе о своей поездке: “Прихожу, показывают запалы ... смотрю — наши! Никакого сомнения — наши!.. Но, черт их побери, я им втер очки ... доказал, что австрийские. А то такую бы кашу заварили”»⁵. Конечно, в данном случае речь не о бюрократическом стремлении ведомства «отклонить от себя неприятности», ведь лейтенант Бергман не мог отвечать за других морских офицеров, он не был ни министром, ни главным командиром Кронштадтского порта, ни даже командиром корабля. Дело в корпоративной сплоченности офицеров «традиционной» армии и в презумпции их лояльности существующему строю, которая доходит до покрывания революционных элементов в офицерской среде. Основная масса лояльных офицеров настолько уверена в прочности существующего порядка, что не видит необходимости в ежедневной и личной борьбе за его сохранение. Воспоминания Е. А. Серебрякова особенно интересны именно тем, что их автор был совершенно нетипичным офицером «традиционных» вооруженных сил и обращал

³ Серебряков Еспер Александрович (1854–1921) активно участвовал в деятельности военной организации «Народная воля» в 1880–1883 гг. О его авторитете в революционных кругах свидетельствует тот факт, что он предназначался в руководители группы, которая должна была освободить С. Г. Нечаева из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. После расстрела его однокашника по Морскому корпусу видного народовольца Н. Е. Суханова, Е. А. Серебряков эмигрировал. Когда Александр III отозвал русских офицеров из Болгарии во время Болгарского кризиса 1885 г., Е. А. Серебряков вместе с В. В. Луцким, другим своим соучеником, сослуживцем и товарищем по «Народной воле», поступил на службу в болгарский флот и командовал Дунайской флотилией во время болгаро-сербской войны в ноябре 1885 г.

⁴ *Серебряков Е. А.* Революционеры во флоте. С. 214.

⁵ Там же. С. 214–215.

внимание на те стороны сознания своих сослуживцев, которые ускользали от «обычного» его современника.

В другом месте своих мемуаров Е. А. Серебряков вспоминал: «Не помню, кто из артиллеристов рассказывал мне, что хотя он и один из всей батареи состоит членом партии, но вся батарея об этом знает...»⁶, и никто из офицеров не собирается доносить на революционера-террориста.

Относительно подмены политических взглядов офицерства «традиционных» вооруженных сил корпоративной сплоченностью можно привести другой пример. Е. А. Серебряков описал своего сослуживца, А. Протасьева, который «искренно ненавидел не только революционеров, но и самых скромных либералов». «Весь пропитанный дворянскими традициями, презиравший мужика и все сословия, кроме дворянского, ярый защитник самодержавия со всеми его атрибутами», А. Протасьев, узнав о том, что народоволец мичман В. В. Луцкий арестован и должен быть казнен, прибежал к Е. А. Серебрякову «весь бледный» и заявил: «Это так оставить нельзя, надо обдумать план его освобождения. Подумай над этим хорошенько, а я пойду к другим...» Не знаю, на какой шаг он решился бы — человек он был твердый и смелый»⁷. «И это было не исключением, — замечал Е. А. Серебряков, — но в той или другой форме, среди офицеров, по крайней мере на флоте, дух товарищества всегда пересиливал сознание долга перед (не говоря уже о начальстве, оно не считалось) правительством в целом. Будь здесь вопрос об императоре, то, несомненно, А. Протасьев был бы против Луцкого, но правительство никогда не отождествлялось ни с императором, ни с Россией»⁸. Отказ офицеров Черноморского флота участвовать в расстреле лейтенанта П. П. Шмидта в 1906 г. — еще один пример подобной корпоративности. Участвовать в расстреле товарища по Морскому корпусу, даже явного врага существовавшего политического режима, офицеры «традиционных» вооруженных сил посчитали позорным, при том что говорить о сочувствии революционным идеям в среде морских офицеров было бы нелепо.

Ненависть и презрение офицерства традиционных вооруженных сил к организованной системе политического контроля чувствовали сами революционеры. Большевик матрос Н. А. Ховрин писал

⁶ Там же. С. 217.

⁷ Там же. С. 183–184.

⁸ Там же. С. 184.

о 1914–1915 гг.: «У нас на “Павле” (линейный корабль “Император Павел Первый”. — *К. Н.*) таким жандармским прихвостнем был старший штурман [лейтенант В. К.] Ланге. Этот человек, разумеется, скрывал свое истинное лицо не только от матросов, но и от командного состава: многие офицеры, даже из самых заядлых монархистов, безразлично относились к таким типам»⁹.

В «традиционной» армии степень сознательности командного состава, овладения набором политических знаний, убежденности офицерства в официальных политических идеях оказывается на поверку довольно слабой. Политические идеи стабильного режима достаточно приелись населению, в то время как идеи, распространяемые противниками данного политического режима, кажутся привлекательными уже в силу своей свежести и непривычности. Следствием воспитания офицерства в духе конформизма является отношение к военной службе как к ремеслу в определенном смысле выработка психологии ландскнехта. При внезапном падении политического режима, который еще вчера казался таким стабильным, кадровое офицерство без большого сопротивления, вероятно, перейдет на службу новому режиму, даже если тот провозглашает политические лозунги, прямо противоположные лозунгам павшего строя. Безусловно, при этом личная мотивация офицеров может быть самой разной — от твердой веры в то, что новый режим падет через несколько дней, и все вернется на круги своя до желания подрывать новый строй изнутри или до объявления себя чистым профессионалом, более или менее цинично торгующим своим ремеслом. «Ландскнехтская» психология военных специалистов видна на примере поведения военных летчиков эпохи Гражданской войны. Как ценные специалисты, они могли найти применение в любой из воюющих армий. У них была техническая возможность легко перелететь (в прямом и переносном смысле) через линию фронта. Привычка к постоянной опасности, выработанная полетами на несовершенных и изношенных машинах, позволяла легче пойти на риск перехода из одного лагеря в другой. Действительно, военные летчики часто перелетали от красных к белым и обратно. Некоторые меняли знамя, под которым шли в бой, по несколько раз¹⁰.

⁹ *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм! С. 7.

¹⁰ Подробнее см.: *Хайрулин М. А., Кондратьев В. И.* Военлеты погибшей империи: Авиация в Гражданской войне. М., 2008.

Именно об этом явлении Е. А. Серебряков образно писал так: «усилиями воспитателей, начальства, властей в той части головы, в которой у западного человека помещаются политические убеждения, понимание своих обязанностей и своей роли в государстве, у русских офицеров образовалось пустое пространство, в котором свободно перекатывались, подобно шарикам, ничем между собою не связанные слова — православие, самодержавие и народность, и стоило умелому человеку заполнить эту пустоту чем-нибудь более существенным, шарики переставали перекатываться и офицеры начинали говорить другим языком, а потом те, у которых головные дверцы были слабы, выйдя на свежий воздух, растеривали вновь приобретенное, и у них в голове опять начинали перекатываться излюбленные шарики»¹¹. По нашему мнению, Е. А. Серебряков напрасно считал описанное им положение атрибутом лишь русского офицерства. Правильнее было бы говорить о состоянии, характерном для кадрового офицерства любой «традиционной» армии.

Переход на сторону нового политического режима, порожденно-го революцией, для профессионального офицера «традиционных» вооруженных сил был не столь уж труден, как это ни парадоксально. У кадрового военного «традиционной» армии всеми способами в течение всей службы воспитывается привычка к безусловному повиновению. Необходимость дисциплины для профессионального офицера очевидна, и если он видит в начальнике ясный разум и сильную волю, то в нем и не может возникнуть ни малейшего протеста против повиновения такому начальнику. По словам Е. А. Серебрякова, «после же встречи с Желябовым и Колодкевичем наше мнение о революционерах резко изменилось. В них мы встретили не только умных, но и сильных людей с ясным политическим пониманием»¹². Стоило офицеру «традиционных» вооруженных сил увидеть реальную силу, готовую бороться с существующим строем и способную свергнуть его, и почувствовать себя в привычной среде, проникнутой ясными целями и связанной дисциплиной, как сразу же выяснялось, что он в принципе может перейти в ряды «другой армии».

В стабильном обществе у большинства населения, в том числе и у офицерского корпуса, политический режим и страна не разделяются четко. Устойчивый и привычный политический режим склонен

¹¹ *Серебряков Е. А.* Революционеры во флоте. С. 193.

¹² Там же. С. 194.

оправдывать необходимость собственного существования населению посредством патриотической пропаганды. Таким образом, патриотическая, а то и откровенно националистическая пропаганда становится основой политического воспитания военнослужащих. Парадоксальным образом в умах офицерства складывается комплекс «службы стране», а не «службы режиму». В случае смены политического строя, комплекс «службы стране» значительно облегчает переход под новые знамена. Известный историк В. И. Старцев заметил, что после Октябрьской революции «как ни странно, много военных переходило на сторону новой власти. Причины этого были не только идейные (это характерно только для солдат, унтер-офицеров, младших офицеров), но и недовольство поведением Керенского и прочих “демократов” во время их восьмимесячного правления. Крутые меры, к которым сразу же стали прибегать большевики, нравились многим военным, увидевшим в них, наконец, “сильную власть”»¹³.

Еще одна слабость «традиционной» армии — установка на действия исключительно против внешнего врага. «Традиционная» армия практически не сталкивается с необходимостью бороться с «врагом внутренним» в силу стабильности и прочности режима, которому она служит. «Традиционные» вооруженные силы будут беспрекословно подавлять отдельные вспышки неповиновения властям, но систематическое использование такой армии внутри страны против серьезного революционного движения быстро приводит офицерство к моральному кризису. Начинается перерождение «традиционной» армии, связанное с конфликтом в сознании военнослужащих «служения стране» и «служения режиму».

Укажем еще на одну особенность сознания профессионального военного: ценности демократии и гражданских свобод ему, как правило, не близки, поскольку вся его служба проходит в условиях строгого единоначалия и ограничения личной свободы. Поэтому личная свобода не является важной, а анархия представляется офицеру более страшным злом, чем диктатура.

Большая опасность для политического облика вооруженных сил «традиционного» типа связана с большой войной и неизбежной при этом (в исследуемую эпоху) массовой мобилизацией. Офицер-

¹³ *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001. С. 77.

ский корпус начинает пополняться огромным количеством офицеров военного времени и запаса, у которых не выработана корпоративная этика кадрового офицерства. Часть этих людей смотрит на свою военную форму как на временное одеяние и мечтает о возвращении к своим прежним занятиям по окончании войны. Такие офицеры являются носителями самосознания тех социальных групп, из которых они вышли. Среди них могут встретиться не только сторонники, но и активисты политических партий и групп, в том числе оппозиционных и революционных.

Другая часть офицеров военного времени (прежде всего, выходцы из непривилегированных слоев) остро переживает повышение своего социального статуса после приобщения к офицерской корпорации и стремится как можно быстрее перенять манеру поведения и мышления кадровых офицеров. Многим из них это успешно удается. Однако на их пути стоят более или менее серьезные препоны, не позволяющие им влиться в замкнутую корпорацию профессионального офицерства. Это может быть и законодательство, ограничивающее карьерные возможности офицеров запаса, и традиции, не позволяющие принять как своего офицера, не учившегося в престижном военном училище или не принадлежащего к «приличному» обществу.

Офицерство запаса и военного времени представляет собой среду, в значительной степени подготовленную для принятия новых «правил игры» в случае революционных событий в стране и превращения вооруженных сил «традиционного» типа в вооруженные силы «революционного» типа. Это никоим образом не предопределяет конкретный политический выбор таких офицеров. Они могут с равным успехом стать на сторону революции, контрреволюции или какой-нибудь третьей силы. В любом случае их выбор будет продиктован интересами тех социальных групп, которые эти офицеры представляют, с серьезной поправкой на чувство благодарности к свергнутому режиму за возможность приобщиться к привилегированной офицерской корпорации.

Распространено мнение, что кадровые профессиональные офицеры в большей степени способны сохранить верность свергнутому революцией режиму, тогда как офицеры военного времени и призванные из запаса склонны скорее перейти под знамена новых властей. Например, А. А. Зданович основную причину, определившую проантантовскую, а точнее проанглийскую ориентацию сотрудников

русской морской разведки в начале 1918 г., видит в том, что «анти-большевистский накал у флотских офицеров был значительно сильнее, чем в сухопутных частях. В отличие от армейских частей, где офицерский корпус на третьем году войны представляли в большинстве своем вчерашние студенты, учителя, инженеры, государственные служащие, на флоте доминировали кадровые офицеры — выходцы из дворянских семей, потомственные военные»¹⁴. Такое объяснение лежит на поверхности, но его нельзя признать удовлетворительным.

Если говорить о специфике флота в «традиционных» вооруженных силах, то он является наиболее консервативной их частью. Во всяком случае, такое утверждение верно применительно к эпохе парового флота. Значительно меньшая (в сравнении с сухопутной армией) численность флота позволяет более тщательно подходить к подбору офицеров: флотский командный состав укомплектовывается почти исключительно кадровыми офицерами, прошедшими длительное обучение в специальных учебных заведениях, в отличие от массовой армии, в офицеры которой поневоле приходится допускать, даже в мирное время, лиц не слишком «надежных» с точки зрения господствующего режима. Сравнительная малочисленность командного состава флота позволяет поставить его в лучшие материальные условия. Длительные плавания еще больше усиливают корпоративность флотского офицерства. Опасность «затопления» волной мобилизации практически не грозит кадровому офицерству флота, поскольку степень мобилизационного развертывания флота всегда значительно меньше таковой в сухопутной армии.

* *
*

Другим типом вооруженных сил является «революционный», в значительной степени противоположный «традиционному». Прежде всего, политический режим, которому служит «революционная» армия, является «новорожденным». Он появляется прямо на глазах и пока не освящен традицией. Нестабильность такого строя очевидна

¹⁴ *Зданович А. А.* Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год. Российские спецслужбы: История и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 15.

современникам, однако может быть кажущейся. Практически любой новорожденный политический режим имеет достаточное количество противников, которым хочется верить в его скорое падение. С другой стороны, у него есть достаточное количество сторонников, испытывающих страх перед реставрацией прежнего политического и социального строя. Если новый режим, в конце концов, пройдет проверку временем (исчисляемым, по меньшей мере, несколькими десятилетиями), то все равно в течение этих лет найдется множество реальных или вымышленных поводов сомневаться в его прочности. При этом как сторонникам, так и противникам революционных властей будут то тут, то там мерещиться силы, угрожающие новому общественно-политическому строю.

Отсюда возникает повышенное, часто даже болезненное, внимание к проблеме лояльности вооруженных сил и прежде всего их командного состава. Можно сказать, что для «революционной» армии характерна презумпция нелояльности офицерства, особенно выходцев из армии «старого режима» или из многочисленных и разнообразных политических организаций, которые всегда появляются в революционную эпоху. Это порождает пристальное внимание к любым высказываниям и поступкам офицерства, подавление малейшего фрондерства среди них, пропаганду «сверхлояльности», обязательности взаимного политического контроля среди военнослужащих.

Разницу в подходах к проблеме лояльности офицеров «традиционной» и «революционной» армий прекрасно иллюстрирует эпизод из воспоминаний М. Д. Бонч-Бруевича. Бывший генерал, служивший в Красной Армии, описал визит к нему прежнего сослуживца, офицера Логвинского: «Он долго еще продолжал “вербовать” меня, цинично соединяя сомнительные комплименты по моему адресу с явными угрозами. Я слушал Логвинского, размышляя над тем, имею ли я моральное право арестовать его и отправить в ВЧК. *Для нынешнего моего читателя, особенно молодого, этот вопрос даже не встал бы,* — явился тайный посланец врагов, пытается склонить тебя к измене, так чего же с ним церемониться! *Но людям моего поколения было совсем не просто решить, как следует поступить в таком непредвиденном случае* (курсив наш. — К. Н.). Офицер доверился мне как бывшему своему начальнику и русскому генералу. Я мог еще заставить себя сражаться с моими однокашниками в “честном” бою. Но использовать свою власть и прибегнуть к мерам, которые по старинке все

еще считал “полицейскими”, — о нет, на это я был не способен. Рассуждения мои теперь кажутся смешными. Но мое поколение воспитывалось иначе, и гимназическое “не фискаль”, запрещающее жаловаться классному начальнику на обидевшего тебя товарища, жило в каждом из нас до глубокой старости»¹⁵. Для офицера, воспитанного в понятиях презумпции лояльности, в духе корпоративных ценностей, характерных для армии «традиционного» типа, совсем непросто было встроиться в новую систему, предусматривавшую презумпцию нелояльности и всеобщую подозрительность как норму жизни.

Взаимное недоверие в «революционной» армии усиливается еще и тем, что она комплектуется, как правило, случайным командным составом: добровольцами или мобилизованными, степень преданности которых можно проверить только в бою. Костяк командного состава «революционной» армии более или менее долго служил в войсках «старого режима» и пропитан его ценностями, а лица, преданные новому строю, как правило, в армии не служили, во всяком случае, не служили на офицерских должностях. «Революционная» армия формируется в ходе гражданской войны, когда выбор, на чьей стороне сражаться, можно совершить легко, да к тому же и не один раз. «Были ловкачи, умудрявшиеся по 3—4 раза послужить в каждой из враждебных армий», — писал белый генерал А. Г. Шкуро¹⁶.

Для «революционных» вооруженных сил, как уже указывалось, характерно наличие непрофессионального командного состава, вчерашних политических деятелей или рядовых солдат и матросов. Такой командный состав не прошел обработку в духе «профессиональных ценностей» кадрового офицерства. Он не замыкался в рамках узких профессиональных интересов, а ощущая себя частью той или иной внеармейской социальной группы, жил ее интересами и чаяниями. Надежды той социальной группы, интересы которой выражают такие «непрофессиональные» офицеры, оказывают решающее влияние на их политическую ориентацию. Другими словами, значительная часть командного состава «революционной» армии не оторвалась от народа и живет его интересами.

¹⁵ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам! С. 321.

¹⁶ *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. С. 234.

Служба в «революционной» армии чревата многими соблазнами. Прежде всего, это мгновенный карьерный рост, классическими примерами которого стали «Тулон» Наполеона Бонапарта или карьера М. Н. Тухачевского. Такой взлет может сравнительно легко вывести удачливого военачальника за пределы военной службы и превратить его в диктатора, примеров чему достаточно: от того же Наполеона до китайского генералиссимуса Чан Кайши. Реакцией революционных властей на подобную угрозу зачастую являются жесткие репрессии по отношению к военачальникам по первому подозрению, причем никакой пост не может в этой ситуации защитить от гибели, более того, чем выше должностное положение военного, тем большие подозрения он неизбежно вызывает. Судьбы А. М. Щастного, Б. М. Думенко, Ф. К. Миронова и многих других военачальников Красной Армии (в конце концов, того же М. Н. Тухачевского) прекрасно подтверждают данный тезис. Чем популярнее тот или иной командир среди подчиненных ему войск, тем выше вероятность его устранения. На наш взгляд, именно популярность в подчиненных им войсках была одной из главных причин возбуждения судебных процессов против названных военачальников и их гибели. Как выразился И. В. Сталин, «он призывал вооруженных людей к действиям против правительства, значит, его надо уничтожить»¹⁷.

Расстройство экономической и политической системы, которое сопровождает любой революционный взрыв, приводит к перебоям со снабжением и комплектованием вооруженных сил. Армия и флот в значительной степени переходят на комплектование импровизированными способами и самоснабжение за счет населения. Боевая обстановка во время гражданской войны меняется с калейдоскопической быстротой. Эти факторы вынуждают военачальников выступать одновременно в роли полководцев, снабженцев, вербовщиков, пропагандистов и т. д. Боеспособные части «революционной» армии и флота складываются вокруг харизматических лидеров, способных повести за собой вооруженных людей. Формальный статус, столь важный в «традиционных» вооруженных силах, уходит на второй план, а на первом плане оказывается авторитет полководца или флотоводца

¹⁷ Из письма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу о деле А. С. Нахаева. 8 августа 1934 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. М., 2003. С. 550.

в глазах его подчиненных. Вокруг удачливого предводителя складывается своеобразная «дружина», готовая пойти за ним куда угодно. Так формируются группы командного состава, связанные дружескими узами, совместными испытаниями, возглавляемые, как правило, авторитетным военачальником, который «тянет» за собой «свиту» вверх по служебной лестнице, что, с одной стороны, сплачивает командный состав, но, с другой стороны, несет в себе опасность политического выступления сплоченной группы офицеров во главе с готовым лидером¹⁸. Понятно, что для гражданских властей подобные военные вожди представляют огромную опасность, но в то же время они являются единственным средством достичь победы в гражданской войне.

Возможность поставить вооруженные силы хотя бы в какие-то рамки лояльности дает в такой ситуации полноценное политическое воспитание. В 1926 г. И. В. Сталин давал советы руководству Коммунистической партии Китая в условиях развернувшейся в этой стране гражданской войны: «коммунисты Китая должны всемерно усилить политическую работу в армии и добиться того, чтобы армия стала действительно образцовым носителем идеи китайской революции. Это особенно необходимо потому, что к кантонцам пристают теперь все и всякие генералы... как к силе, которая сокрушает врагов китайского народа, и... вносят в армию разложение. Нейтрализовать таких союзников или сделать их настоящими гоминьдановцами можно лишь путем усиления политической работы и путем организации революционного контроля над ними. Без этого армия может попасть в тягчайшее положение»¹⁹. Правда, советы И. В. Сталина не помогли. В апреле 1927 г. Чан Кайши совершил переворот и превратился из главнокомандующего армией в военного диктатора.

В зависимости от эпохи политическое воспитание может принимать различные формы: от разучивания псалмов и чтения Библии в армии «новой модели» О. Кромвеля до изучения марксистской теории в РККА. Однако попытка воспитать офицера, искренне убежденного в революционных ценностях, влечет новую опасность для

¹⁸ Об этой и некоторых других особенностях, по нашей терминологии, армий «революционного» типа см., например: *Минаков С. Т.* 1) Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000; 2) Сталин и его маршал. М., 2004; 3) Сталин и заговор генералов. М., 2005.

¹⁹ *Сталин И. В.* О перспективах революции в Китае. С. 363–364.

гражданских властей — опасность самостоятельного действия, направленного против существующего правительства в том случае, если у военных возникли сомнения в его соответствии политическим идеалам. Именно так, в конечном счете, действовала армия О. Кромвеля, выступившая против Долгого парламента.

Для усиления политического контроля над армией «революционного типа» в ней в явных или скрытых формах создается политический аппарат. По мере роста культурного уровня народных масс политический аппарат становится все более развитым, ведь ему приходится влиять не на малочисленную группу командного состава (как это было до второй половины XIX в., в эпоху поголовной или почти поголовной неграмотности), а на всю армию.

В «революционной» армии однородность офицерского корпуса, характерная для «традиционной» армии, быстро размывается (если она уже не была размыва мобилизацией и боевыми потерями). В среде офицеров оказывается масса лиц, не считающих военную службу профессией. Они готовы воевать до победы в текущей войне, а затем покинуть армию. Они не связаны надеждой на карьеру в мирное время, на пенсию после отставки, а значит, менее управляемы. Такие «случайные» офицеры способны на многое ради своих политических идеалов, для них практически не существуют корпоративные ценности «традиционного» офицерства, которые заменяются другими ценностями — прежде всего политическими и социальными идеалами, выразителями которых обычно являются политические партии.

Наиболее слабой стороной «революционной» армии является ее неоднородность. Она неустойчива, находится в постоянном развитии, сложно предсказать, какие политические идеалы в итоге победят в умах ее солдат и офицеров, какой политической силе они отдадут свои штыки.

Другой слабостью «революционной» армии является «условная» дисциплина. Власть, строящая армию во время гражданской войны, вынуждена формально отказаться от постулата о безусловном для подчиненных исполнении любого приказа начальника, потому что каждый командир находится под подозрением как потенциальный изменник. Исполнение приказов официально обуславливается их соответствием целям и задачам революции, но судить о том, является данный приказ изменническим или нет, непросто для исполнителя. Отсюда проистекает крайняя легкость невыполнения

приказа. Самые страшные кары, которыми грозит верховная власть за нарушение своей воли, имеют очень ограниченное действие: ведь власти (особенно гражданские) зачастую бессильны привести в исполнение свои угрозы.

Такая ситуация иногда находит отражение в уставных документах. Например, «Устав внутренней службы РККА» 1937 г. предельно четко выразил мысль о необходимости со стороны подчиненных оценивать приказы начальников на предмет их законности:

«6. Военнослужащий обязан беспрекословно исполнять приказы начальников, кроме явно преступных. Получив явно преступное приказание, подчиненный, не исполняя его, обязан немедленно доложить об этом вышестоящему командиру и военному комиссару. Начальник, отдавший преступное приказание, и подчиненный, исполнивший его, подлежат ответственности по закону»²⁰.

Введенный спустя менее чем через три года «Дисциплинарный устав РККА» 1940 г. уже не допускал мысли, что начальник может отдать преступное приказание:

«6. Подчиненные обязаны беспрекословно повиноваться своим командирам и начальникам. В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия. Каждый военнослужащий обязан всеми силами и средствами содействовать командиру в восстановлении дисциплины и порядка.

7. Командир не несет ответственности за последствия, если он для принуждения не повинующихся приказу и для восстановления дисциплины и порядка будет вынужден применить силу или оружие. Командир, не проявивший в этих случаях твердости и решительности и не принявший всех мер к выполнению приказа, предается суду военного трибунала.

8. Приказ командира и начальника закон для подчиненного. Он должен быть выполнен безоговорочно, точно и в срок. Невыполнение приказа является преступлением и карается судом военного трибунала»²¹.

²⁰ Устав внутренней службы РККА 1937 г. П. 6. (Введен в действие приказом наркома обороны № 260 от 21 декабря 1937 г.)

²¹ Дисциплинарный устав РККА 1940 г. (Введен в действие приказом наркома обороны № 356 от 12 октября 1940 г.) П. 6–8.

Последующие «Уставы внутренней службы» Вооруженных сил СССР и России (1960, 1975 и 1993 гг.) вообще не регламентируют действия подчиненного, получившего явно незаконное приказание. Так, «Устав внутренней службы» 1993 г. гласит: «Обсуждение приказа недопустимо, а неповиновение или другое неисполнение приказа является воинским преступлением»²², «подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы начальника»²³. В то же время: «Командир... несет ответственность за отданный приказ и его последствия, за соответствие приказа законодательству, а также за злоупотребление властью и превышение власти или служебных полномочий в отдаваемом приказе и за непринятие мер по его выполнению»²⁴. При этом констатируется, что «военнослужащему не могут отдаваться приказы и распоряжения, ставиться задачи, не имеющие отношения к военной службе или направленные на нарушение закона»²⁵. Что делать подчиненному, получившему незаконное приказание, все же не сказано прямо, в отличие от Устава 1937 года.

Эти формулировки уставов, на наш взгляд, служат иллюстрацией эволюции взглядов на проблему лояльности офицерского корпуса отечественных вооруженных сил. Если «Устав внутренней службы» 1937 г. еще отражал понимание дисциплины, унаследованное от армии «революционного» типа, то «Дисциплинарный устав» 1940 г. явно подчеркивает строгую обязательность повиновения приказанию, не допуская у подчиненного мысли, что начальник может отдать незаконный приказ, что характерно для вооруженных сил «традиционного» типа. В послевоенных уставах проводится та же точка зрения, что и в «Дисциплинарном уставе» 1940 г., но в менее энергичных и ясных выражениях.

Период существования революционной армии невелик — он длится до тех пор, пока борется альтернативная ей контрреволюционная армия. При этом по своему типу обе воюющие в гражданской войне армии будут принадлежать к типу «революционных». Как

²² Устав внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации 1993 г. (Утвержден указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г.) П. 30.

²³ Там же. П. 31.

²⁴ Там же. П. 38.

²⁵ Там же. П. 40.

только гражданская война заканчивается, исчезает возможность выбора стороны, на которой сражается данный офицер, и начинается эволюция от «революционной» к «традиционной» или к «политической» армиям.

Вооруженные силы контрреволюции также, в общем, являются армией «революционного» типа, если, конечно, контрреволюция более или менее политически самостоятельна, а не представляет собой «иностраный легион» при армии интервентов, как это было во время Великой Французской революции. Для контрреволюционной армии также характерны презумпция нелояльности командного состава, подозрительность, переходы на сторону противника, попытки выстраивания политического аппарата, мгновенные взлеты карьеры военных вождей. При этом, как правило, в основе контрреволюционной армии все же лежат структуры армии «традиционной», и черты «революционной» армии в ней выражены слабее, чем в войсках, стоящих на стороне революционеров. С другой стороны, в контрреволюционной армии нарастает конфликт офицеров, выдвинувшихся уже во время гражданской войны, с их начальниками, выросшими в армии «старого режима». Например, можно указать на особый счет служебного старшинства, стихийно сложившийся у белых офицеров — участников Ледяного похода, которые не признавали полноценными белогвардейцами офицеров и генералов, примкнувших к белому движению после весны 1918 г. Фактически речь шла о складывании в недрах денкинских Вооруженных сил юга России особой, новой армии, проникнутой жесткой идеологией и состоящей из молодых офицеров военного времени, юнкеров, кадетов, гимназистов. Ядром этой армии, «революционной» по своему типу, были знаменитые «цветные» добровольческие полки. С точки зрения идеологии, мотивации, внутренних взаимоотношений, желаний и потенциальной способности овладеть властью в стране они представляли собой зеркальное отражение Красной Армии. Можно предположить, что в случае победы «белого дела» «цветные» части и выходцы из них стали бы претендовать на серьезную политическую роль в стране.

Говоря об особенностях военно-морских сил «революционного» типа, надо отметить, что революционная эпоха приводит к деградации флота. Это объясняется несколькими причинами. Флот малочислен по сравнению с армией, он в меньшей степени нуждается

в массовом пополнении личным составом, но предъявляет высокие требования к уровню специальной подготовки матросов и офицеров. Даже при наличии кораблей труднее создать боеспособный флот, чем армию из-за трудностей с подготовкой личного состава. Примеры революционной и наполеоновской Франции и Советской России показывают, что создать боеспособную сухопутную армию можно в течение максимум 2—3 лет, а то и быстрее. Создать же боеспособный флот за такой период невозможно. Кроме того, политическая роль флота, как правило, невелика. Его личный состав немногочислен и расположен на окраинах государства, вдали от политических центров. Важная политическая роль, сыгранная Балтийским флотом в 1917—1921 гг. является скорее исключением, чем правилом.

* *
*

Третьим типом вооруженных сил, по нашему мнению, являются «политические» вооруженные силы, то есть такая армия, которая или прямо держит под контролем гражданские политические институты путем непосредственной военной диктатуры, или делает это косвенно, явно или скрыто угрожая военным переворотом.

Главной предпосылкой появления вооруженных сил «политического» типа является слабость гражданского политического режима в стране. Эта слабость долгое время может быть скрытой и проявляется в полной мере тогда, когда армия берет власть в свои руки. «Политическая» армия, как представляется, не может появиться в стране, являющейся «великой державой». Причина такого положения кроется в том, что гражданские политические институты в «великой державе» достаточно сильны и не оставляют места для политической роли армии. Они могущественны потому, что помимо армии существуют серьезные организованные социальные силы, связанные с развитой самостоятельной экономикой, без которой немыслима «великая держава».

Об условиях вызревания военного переворота, в которых вооруженные силы приобретают «политический» характер, хорошо написал востоковед Г. И. Мирский: «Почва для переворота созревает не в армии, а в обществе. Другое дело, что почва может созреть, но правительство — все же продолжать править страной. Таких примеров в истории было сколько угодно. Армия довольно чутко

реагирует на изменения в настроениях общественности. Вследствие того, что для успеха военного переворота требуется солидарность или хотя бы молчаливое, потенциальное согласие командиров, находящихся на ключевых позициях, практически исключена возможность, что какой-то один честолюбивый генерал, не сообразуясь с ситуацией и не учитывая общественного мнения, на свой страх и риск захватит власть, его не поддержат другие военачальники и путч провалится. Поэтому элемент случайности, авантюры при переворотах гораздо меньше, чем может показаться на первый взгляд. Должно существовать некое тайное коллегиальное мнение офицеров, занимающих решающие посты, относительно перемены власти. Чем выше уровень, на котором организуется заговор, тем более убедительными должны быть доводы в его пользу, тем больше должна быть уверенность, что он окажется успешным и ему будет обеспечена поддержка: ведь старшие военачальники не только старше по возрасту и, следовательно, осторожнее молодых, они в случае неудачи и потеряют гораздо больше — обеспеченное положение. Но и молодые офицеры, как правило, не склонны подвергать риску свое положение и жизнь, если нет каких-то действительно серьезных причин выступать против правительства. Правда, надо сделать оговорку: если офицеры будут убеждены, что гражданские власти собираются совершить перетасовку в армии, т. е. если они видят, что их собственное положение под угрозой, они могут пойти на превентивный переворот, так как им уже нечего бояться потери должности и связанных с ней привилегий. Но можно ли считать, что военные, оценивая ситуацию и взвешивая шансы «за» и «против» переворота, принимают во внимание только общенациональное общественное мнение? В первую очередь да, но не только. Общее недовольство тем или иным режимом обычно бывает весьма смутным и расплывчатым, так как в нем объединяются различные оттенки классового и группового недовольства»²⁶.

Отсутствие серьезной внешней угрозы для государства существенно повышает шансы складывания в нем вооруженных сил «политического» типа. При этом вооруженные силы сосредотачиваются на участии, в лучшем случае, в локальных конфликтах, на борьбе с сепаратистами, повстанцами и т. д. Достаточно часто

²⁶ Мирский Г. И. «Третий мир»: Общество, власть, армия. М., 1976. С. 168–170.

«политическая» армия настолько вырождается, что оказывается бесполезной для защиты страны от внешнего врага. Несмотря на значительные затраты на содержание такой армии, ее ценность для общества оказывается близкой к нулю.

«Политическая» армия в той или иной мере берет на себя контроль над прочими государственными органами. Этот контроль может быть прямым (в форме военной диктатуры) или косвенным, когда армия выступает гарантом данного общественно-политического строя и не допускает к власти или устраняет от власти политические силы, угрожающие данному строю. Такой пример может дать современная армия Турции или чилийская армия времен пиночетовского переворота. При этом вооруженные силы могут быть сравнительно популярны в обществе как символ национального суверенитета и альтернатива прогнившей гражданской бюрократии.

Естественно, что «политическая» армия должна найти или выработать определенный набор ценностей, защита которых станет ее задачей. Система комплектования и воспитания командного состава должна быть направлена на твердое усвоение этого набора политических ценностей. В данном случае мы наблюдаем ситуацию, промежуточную между «традиционной» и «революционной» армией. Политические ценности «политической» армии имеют в обществе альтернативу — иначе не возникла бы необходимость для армии выступать на политической сцене. При этом армия представляет наибольшую политическую силу в стране, и другой равно привлекательной (с точки зрения респектабельности, материального положения и т. д.) политической организации не существует.

Лояльность офицерства «политической» армии лежит где-то посередине между лояльностью командного состава «традиционных» и «революционных» вооруженных сил. С одной стороны, в таких вооруженных силах может идти речь о лояльности не по отношению к гражданскому государственному аппарату, а лишь по отношению к командованию армии. С другой стороны, если армия вступила на путь политической деятельности, внутри нее всегда может найтись группа офицеров, пожелавшая сместить военное руководство и стать у руля государства и вооруженных сил. Конфликт между гражданским руководством страны и вооруженными силами, характерный для «революционной» армии, переносится внутрь самой армии, причем он может разрешаться как чистками офицерского корпуса,

вплоть до физического уничтожения части его, так и созданием особой корпоративной атмосферы, наподобие царящей в «традиционной» армии.

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что, если уж вооруженные силы стали силами «политического» типа, дальнейшее изменение ситуации (скажем, эволюция вооруженных сил в сторону «традиционной» армии) невозможно. Убрать с политической арены «политическую» армию (кроме вмешательства внешних сил) способно только массовое мощное революционное движение, которому удастся создать более сильную военную организацию, чем армия данного государства.

Стоит гражданскому правительству проявить слабость по отношению к политическим претензиям военных, как правительство тут же окажется заложником их амбиций. Вырваться из-под контроля «политической армии» гражданскому правительству практически невозможно, как это убедительно показал Г. И. Мирский²⁷. Ведь создание вооруженной организации, параллельной регулярным армии и флоту, может встретить решительное сопротивление вооруженных сил. Попытка ликвидировать регулярную армию тем более вызовет сопротивление. В этом правиле могут быть исключения. Так, регулярные вооруженные силы России к осени 1917 г. достигли такой степени разложения, что уже не могли выступить на политической арене в качестве единого организма.

У гражданского руководства страны остается только один путь обуздания политических амбиций вооруженных сил «политического» типа — более или менее тихие чистки офицерского корпуса, которые также могут стать поводом для переворота. Испанское республиканское правительство в середине 30-х гг. не решилось на жесткие репрессии по отношению к известным ему вождям военного заговора, и в результате ссылка вождей стала поводом к мятежу. Для проведения жестких репрессий правительству надо было иметь сильную опору, альтернативную вооруженным силам, которую в условиях СССР 30-х годов объективно представлял НКВД. В Испании того времени аналогичной структуры в распоряжении правительства не было.

Принципиально важным является вопрос о переходе вооруженных сил одного типа в другой. Наиболее типичным вариантом

²⁷ Мирский Г. И. «Третий мир»: Общество, власть, армия. М., 1976. С. 168–170.

является превращение «традиционной» армии в «революционную», а затем из «революционной» обратно в «традиционную» либо в «политическую». При этом ключевым моментом является изменение коллективной психологии офицерства и в первую очередь, высшего командного состава. Офицерский корпус при переходе от вооруженных сил «революционного» типа к «традиционному» должен отказаться от попыток влияния на гражданское руководство государства, безоговорочно признать господствующий политический режим и стать его безропотным слепым орудием. С. Т. Минаков в своих работах поставил вопрос о том, что неизбежной альтернативой репрессиям 30-х годов в Красной Армии была большая наступательная война за пределами границ СССР, наподобие наполеоновских войн²⁸. Полагаем, что в данном случае мы имеем дело с закономерностью, которую можно сформулировать так: превращение «революционной» армии в «традиционную», а не в «политическую» возможно двумя путями — либо через завоевательную войну (вариант наполеоновской Франции), либо через масштабные чистки командного состава (СССР 30-х годов).

В случае реализации сценария завоевательной войны достигается компромисс между гражданским и военным руководством. При этом, с одной стороны, офицерский корпус имеет благоприятные перспективы для продвижения по службе и достаточно возможностей, чтобы отличиться, стяжать личную известность, упрочить свое положение. С другой стороны, большая война или серия войн отвлекают офицерство от внутренней политики, оставляя ее гражданским деятелям. Тем самым достигается определенная гарантия невмешательства армии во внутреннюю политику. Немаловажно, что участие вооруженных сил в боевых действиях смягчает конфликты между различными группировками внутри офицерского корпуса, так как ведение войны требует единства, а кроме того, лидеры тех или иных офицерских группировок имеют возможность показать на деле собственные таланты и способности, публично подтвердить или опровергнуть собственные претензии на руководящие посты.

Если же воплощение сценария завоевательной войны невозможно, то неизбежно встает вопрос об устранении от службы целых групп

²⁸ См.: Минаков С. Т. 1) Советская военная элита 20-х годов; 2) Сталин и его маршал; 3) Сталин и заговор генералов.

командного состава, сформировавшихся в «революционной» армии, не желающих и не способных воспринять ценности «традиционных» вооруженных сил. При этом ситуация усугубляется тем, что в условиях мирного времени крайне замедляется продвижение по службе, почти исчезает возможность снискать славу и награды, обостряется соперничество высших руководителей вооруженных сил. Это соперничество в условиях мира не может быть разрешено публичной демонстрацией способностей военачальников, руководящих армиями, фронтами и флотами в сражениях, что порождает закулисные интриги и подковерную борьбу. В результате гражданские власти, не желающие превращения вооруженных сил в армию «политического» типа, вынуждены проводить масштабные чистки офицерского корпуса более или менее жесткими методами. Так, во Франции и в Испании после реставрации Бурбонов происходят массовые увольнения офицеров «на половинное жалованье». В СССР в 30-е годы подобный процесс приводит к физическому уничтожению значительного количества военачальников и командиров разных уровней.

При развитии вооруженных сил по любому из вышеописанных сценариев требуется достаточная жизнеспособность самого политического режима. Если режим слаб и непривлекателен, любая его политика в отношении армии приведет к превращению ее в армию третьего типа — «политическую» армию. В Испании после наполеоновских войн чистки офицерского корпуса были достаточно масштабными, а подавление революций в Латинской Америке было сопоставимо, по меркам тогдашней Испании, с большой завоевательной войной, однако абсолютизм не смог избежать превращения «революционной» армии в «политическую»²⁹.

Смыслом как «большой войны», так и чисток является постановка командного состава армии под контроль высшего гражданского руководства страны. В первом случае эта цель достигается его приручением путем обеспечения ему славы, наград, богатства в сочетании с постоянной напряженной боевой деятельностью по возможности вдали от родины. Во втором случае та же цель достигается путем более или менее насильственной смены верхушки командного состава, выросшего в условиях революционной войны.

²⁹ См., например: *Ferrandis M., Beirao C. Historia contemporánea de España y Portugal. Barcelona, 1966.*

Представляется, что вооруженные силы Российской империи начала XX в. имели все характерные черты армии и флота «традиционного» типа. Первая мировая война в значительной степени изменила эти черты и подготовила вооруженные силы нашей страны к превращению в армию и флот «революционного» типа. Вплоть до окончания Гражданской войны РККА и РККФ несли на себе весь комплекс характерных особенностей вооруженных сил «революционного» типа. С начала 20-х гг. наблюдается постепенная эволюция Красной Армии и Флота, которая уже после Великой Отечественной войны привела к превращению их в вооруженные силы «традиционного» типа, но возможность их развития по пути «политических» армии и флота существовала.

Желание активно повлиять на политическую ситуацию в СССР в 20—30 годы испытывали не только высокопоставленные военачальники, но и рядовые военнослужащие. В последнее время вводится в научный оборот все больше доказательств того, что в 20—30-е годы в СССР недовольство военнослужащих разными сторонами экономической и политической ситуации в стране было заметным и проявлялось в различных формах. Наряду с критической оценкой внутренней политики правящей партии систематически возникали организованные политические группы в различных воинских частях и учебных заведениях. Например, в 1933 г. была раскрыта «Всесоюзная партия экономического возрождения страны», организованная комсоставом Саратовской бронетанковой школы с целью «проведения подлинно ленинской политики, извращенной Сталиным»³⁰. В числе малоизвестных политических выступлений в РККА было «дело Нахаева». 5 августа 1934 г. начальник штаба артиллерийского дивизиона Московского городского лагерного сбора Осоавиахима А. С. Нахаев привел свой дивизион (около 200 человек, в основном, призванных из запаса на сборы) в Красноперекопские казармы Московской пролетарской стрелковой дивизии в Москве. А. С. Нахаев обратился к своим бойцам с воззванием, в котором заявлял о предательстве властями СССР идеалов Октябрьской революции и призывал выступить против власти с оружием в руках. Затем мятежник

³⁰ Записка Г. Е. Прокофьева И. В. Сталину о группе «Боевой коммунистический союз» (БКС). 11 декабря 1934 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. С. 819.

пытался захватить караульное помещение, чтобы овладеть боевыми винтовками и патронами, но был арестован³¹. В конце 1934 г. в Ленинграде была арестована «к[онтр]—р[еволюционная] террористическая группа, именовавшая себя “Боевым Коммунистическим Союзом”, состоящая из младших топографов 3-го топографического отряда и бывших курсантов военно-топографической школы ЛВО»³². При обыске были обнаружены программа союза, отпечатанная на ротаторе на украинском языке, и листовки³³. Программа представляла собой сочетание ультралевых лозунгов и правых рецептов выхода из экономических затруднений — призывов возврата политики НЭПа. В вооруженных силах подобные взгляды пользовались значительной популярностью еще начиная с Кронштадтского восстания. На флоте регулярно возникали подобные группировки. Вопрос о политических амбициях верхов Красной Армии и Флота затрагивался, в частности, в новаторских исследованиях С. Т. Минакова³⁴.

Можно констатировать, что вооруженные силы Российской империи принадлежали к «традиционному типу». В конце 1917 — начале 1918 гг. началось складывание Красной Армии и Флота как «революционных» вооруженных сил со всеми присущими им особенностями. После окончания Гражданской войны существовала вероятность превращения РККА и РККФ в вооруженные силы «политического» типа. Они не представляли собой слепого безропотного орудия гражданских властей, в результате действия ряда факторов этот сценарий не был реализован. Процесс эволюции советских армии и флота в вооруженные силы «традиционного» типа завершился после Великой Отечественной войны.

³¹ Из письма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу о деле А. С. Нахаева. 8 августа 1934 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. С. 818—819.

³² Записка Г. Е. Прокофьева И. В. Сталину о группе «Боевой коммунистический союз» (БКС). 11 декабря 1934 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. С. 576—577.

³³ Записка Г. Е. Прокофьева И. В. Сталину о группе «Боевой коммунистический союз» с приложением программы БКС. 16 декабря 1934 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. С. 579—582; 588—592.

³⁴ Минаков С. Т. 1) Советская военная элита 20-х годов; 2) Сталин и его маршал; 3) Сталин и заговор генералов.

Глава II

ОФИЦЕРЫ И МАТРОСЫ в 1917–1921 гг.

Вопрос о политической роли вооруженных сил и о структуре управления ими напрямую связан с подбором их личного состава. В дореволюционное время командный состав флота был сравнительно однороден: в расчет следовало принимать только офицеров. Нижние чины, служившие в штабах и учреждениях, составляли лишь обслуживающий персонал, который не имел возможности влиять на принятие решений. После революции ситуация изменилась, в учреждениях морского ведомства появились комиссары — большей частью выходцы из матросов или профессиональных революционеров. Выдвиженцы из этих же групп заняли часть командных должностей. Командный состав флота в послереволюционное время стал менее однородным с точки зрения его происхождения и пополнения, следовательно, его изучение усложняется.

Система подготовки морских офицеров установилась в России к началу XX в. Будущие «строевые» офицеры проходили обучение в общих и специальных классах Морского кадетского корпуса. Корпус в 1906 г. был переименован в Морской его императорского высочества наследника цесаревича корпус, а после Февральской революции — в Морское училище. Для простоты мы будем употреблять название «Морской корпус» (МК) применительно ко всему периоду, рассматриваемому в настоящей работе. Это военно-учебное заведение сохраняло свой привилегированный характер до 1914 г. и наряду с Пажеским корпусом являлось наиболее аристократическим по составу учащихся и архаичным по своей организации. Потребность в командных кадрах после русско-японской войны настолько увеличилась, что осенью 1914 г. было разрешено принимать в МК недворян.

Это учебное заведение было небольшим: ежегодный выпуск составлял до 1910 г. 80–90 мичманов, затем количество выпускников в год увеличилось до 120¹. Чтобы ликвидировать некомплект офицеров, в 1913 г. открываются временные гардемаринские классы в Севастополе.

Незначительное число флотских офицеров производилось в чины из юнкеров флота (аналог вольноопределяющихся сухопутной армии), молодых людей, получивших среднее или высшее образование, добровольно прослуживших на матросских должностях 2–3 года и сдавших экзамен на чин прапорщика запаса по морской части или более сложный экзамен на чин мичмана.

Офицеры инженеры-механики и кораблестроители проходили обучение в Морском инженерном училище императора Николая I (МИУ). Сюда принимали всех молодых людей, имевших среднее образование и выдержавших установленный экзамен. В 1906–1912 гг. из МИУ выпускалось около 30 инженеров-механиков и кораблестроителей в год².

В русском флоте в начале XX в. существовал еще ряд корпусов: морской артиллерии, гидрографов, флотских штурманов, морской строительной части, по Адмиралтейству, морское судебное ведомство. Они были немногочисленными. В корпуса флотских штурманов и морской артиллерии с начала 80-х годов XIX в. практически никого не зачисляли, так что в апреле 1916 г. на службе числилось всего 37 морских артиллеристов и 4 флотских штурмана. Корпус гидрографов (120 человек в 1916 г.) пополнялся строевыми морскими офицерами, получившими специальное дополнительное образование. Малочисленные корпуса морской строительной части и морского судебного ведомства комплектовались офицерами, окончившими «посторонние» (говоря языком послужных списков того времени) учебные заведения: Александровскую юридическую академию, Николаевское инженерное училище, либо одноименную академию, Институт гражданских инженеров и др. В 1916 г. числилось 27 морских строителей-офицеров (кроме того, было еще 45 чиновников морской строительной части) и 37 юристов.

Корпус офицеров по Адмиралтейству был наиболее пестрым по своему составу и самым многочисленным (после строевых офицеров).

¹ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 217.

² Там же. С. 217.

В апреле 1916 г. на действительной службе состояло 1268 офицеров этого корпуса. Они либо окончили сухопутные военные училища, либо были произведены из матросов до 1895 г. (когда было введено звание кондукторов и производство нижних чинов в морском ведомстве в офицеры было официально прекращено), либо окончили морские военно-учебные заведения с плохими оценками, либо были произведены в прапорщики запаса флота из юнкеров флота, а затем призваны на военную службу, или, наконец, переименованы из строевых офицеров, в свое время не выполнивших плавательный ценз. Необходимо отметить, что прапорщики по морской или механической частям, хотя и занимали должности строевых офицеров или инженеров-механиков, числились по Адмиралтейству. В справочниках по личному составу (например, «Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства» за определенный год) такие прапорщики указывались в разделе, посвященном офицерам по Адмиралтейству. Производство прапорщиков запаса и военного времени в полноценные офицеры флота не предусматривалось, так как до начала Первой мировой войны не предполагалось, что война может настолько затянуться, что кто-то из них сможет претендовать на мичманский чин. Четкое разделение офицеров запаса и военного времени (т. е. начинавших службу прапорщиками по морской или механической частям) и кадровых офицеров (одновременно с выпуском из учебного заведения или вскоре после выпуска получавших чин мичмана) преследовало цель охраны прав кадровых офицеров при демобилизации флота. Предполагалось, что в этом случае на службе могут быть оставлены только кадровые офицеры, поэтому изредка практиковавшееся во время Гражданской войны у белых причисление офицера запаса к кадровому составу носило характер особого отличия. Например, окончивший школу прапорщиков мичман военного времени М. И. Фетелего в октябре 1919 г. был «переведен в кадровый состав флота мичманом»³.

Во время Первой мировой войны Морской корпус и гардемаринские классы в Кронштадте и Севастополе продолжали выпускать мичманов, имевших солидное военно-морское образование, проучившихся по 2–3 года. В 1914 г. было сделано два выпуска

³ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. С. 496.

из МКК (обыкновенный — летом и ускоренный — в декабре), в общей сложности — 260 мичманов, в 1915 г. было выпущено еще 173, а в 1916–1917 гг. — 400 мичманов.

В 1913 г. были созданы Временные классы юнкеров флота, впоследствии преобразованные в Отдельные гардемаринские классы (ОГК). Первоначально они размещались в Крюковских казармах, а затем были переведены в здание 2-го Балтийского флотского экипажа на Васильевском острове⁴. В сентябре 1913 г., в соответствии с ограничениями, принятыми для Морского корпуса, на курсы были зачислены дети потомственных дворян, дети христианских священнослужителей не ниже иерея, дети офицеров, дети гражданских чиновников не ниже VIII класса, лица всех сословий христианского исповедания с высшим образованием⁵. Первый выпуск из этого учебного заведения (не более 60 гардемарин) состоялся 29 января 1916 г. (выпущены корабельные гардемарины, в феврале того же года они произведены в мичманы), второй — в марте 1917 г. и последний — в феврале 1918 г. Учащиеся этих классов получили прозвище «черные гардемарины» — по цвету погон (в отличие от МКК, где носили белые погоны, учащиеся ОГК носили черные погоны с белыми выпушками и такими же как в МКК медными якорями). По данным С. Д. Морозова, в ОГК за 1913–1916 гг. было принято 558 человек, из которых около 180 были выпущены в 1917 г., еще 114 могли сдавать офицерские экзамены до апреля 1918 г., а 265 человек набора 1916 г. не успели окончить курс⁶. Нетрудно заметить, что в подсчетах допущена незначительная ошибка, так как сумма 180, 114 и 265 равна 559. Кроме того, в число выпущенных в 1917 г. исследователь, видимо, включил и гардемарин выпуска января 1916 г. Известный советский военно-морской историк и теоретик В. А. Белли, служивший на флоте перед Первой мировой войной, считал, что система подготовки офицеров в ОГК лучше, чем в МКК. Он видел особое преимущество ОГК в том, что «черных гардемарин» «сразу же отправляли в годичное плавание на учебном крейсере зимой за гра-

⁴ Большой пр. В. О. д. 92. (Ответы читателям. Г-ну Л. К. Москва // Свободный флот. 1917. № 12 (24). 7 ноября. С. 20.)

⁵ Доценко В. Д., Бойнович А. Д., Купрюхин В. А. Знаки и жетоны Российского императорского флота. 1696–1917. СПб., 1993. С. 46.

⁶ Морозов С. Д. Офицерство российского флота в 1897–1917 гг.: Численность и состав // Клио. 2005. № 2 (29). С. 229.

ницу. Таким образом выявлялась склонность или несклонность к морской службе того или иного гардемарина»⁷. Насколько можно судить, по крайней мере первый выпуск ОГК совершил не одно годичное, а два более коротких летних плавания в 1915 и 1916 гг.⁸

Политические настроения гардемарин ОГК несколько отличались от настроений в Морском корпусе. По свидетельству Ф. Ф. Раскольникова, наряду с монархистами среди учащихся ОГК были и представители революционно настроенной молодежи, и такие же «политически неблагонадежные», как сам Ф. Ф. Раскольников⁹.

Летом 1917 г. была намечена серьезная реформа системы военно-морских учебных заведений. Согласно постановлению Адмиралтейств-совета от 22 июня, предполагалось постепенно упразднить как общие, так и специальные классы МК и Морской кадетский корпус в Севастополе, а единственным учреждением для подготовки строевых офицеров оставить ОГК, которые планировалось передислоцировать в Севастополь¹⁰. Впрочем, эту реформу провести не успели.

До лета 1915 г. при 2-м Балтийском флотском экипаже в Кронштадте для облегчения молодым людям подготовки к экзаменам на офицерский чин существовали рота юнкеров флота (для имеющих высшее образование) и рота вольноопределяющихся (для имеющих среднее образование). Юнкера производились в мичманы, а вольноопределяющиеся — в прапорщики. Летом 1915 г. рота юнкеров была переименована в гардемаринскую (прозвище — «серые гардемарины»). С декабря 1916 г. она была преобразована в Курсы гардемарин флота (КГФ) с морским, механическим, гидрографическим и кораблестроительным отделениями. 17 декабря 1916 г. на Курсы были зачислены 106 человек для подготовки по морской части, через два дня — еще 20 человек по механической и 19 — по кораблестроительной части. Позднее было набрано еще

⁷ Белли В. А. В российском императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 273.

⁸ Поликарпов В. Голос бойца ленинской гвардии революции // Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 19.

⁹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М., 1990. С. 24–25.

¹⁰ Постановление Адмиралтейств-совета № 476 от 22 июля по журналу № 5112 ст. 44786 от 22 июня // Ежедельник Морского сборника. 1917. № 11. 5 августа. С. 11.

30 человек на гидрографическое отделение. Курсы располагались в Петрограде на Лоцманской ул., д. 3. Первый выпуск «серых гардемарин» состоялся в мае 1917 г. На 27 ноября (ст. ст.) 1917 г. их начальником был генерал-майор П. Н. Вагнер, на курсах числилось в морском отделе — 219 гардемарин, в механическом — 85, в гидрографическом — 27¹¹. Надо полагать, что на кораблестроительном отделении к тому времени уже никого не осталось. В конце года Верховная морская коллегия приняла решение: «Гидрографическому отделению продолжать свои занятия до 1 июня. Гардемаринам флота по морской части в количестве не более 30 и гардемаринам по механической части в количестве не менее 15 человек, желающих сдать оставшиеся экзамены, дать возможность закончить в срок до 28 апреля»¹². 28 марта 1918 г. было объявлено о закрытии Курсов при сохранении гидрографического отделения, переименованного в Класс гидрографов военного флота (существовал до июля 1918 г.), а также механического и кораблестроительного отделений, переименованных в Краткосрочные курсы военного кораблестроения (существовали до 1 августа 1918 г.). По другим данным последний выпуск КГФ состоялся в апреле 1918 года¹³.

В ОГК и КГФ принимали лиц с высшим образованием, а выпускали мичманов или подпоручиков по Адмиралтейству (в случае малоуспешной сдачи экзаменов)¹⁴.

Весной 1916 г. была создана Школа прапорщиков флота, в которую набрали 200 человек вольноопределяющихся, охотников флота, нижних чинов, ратников морского ополчения и молодых людей со стороны «христианского исповедания, возраста не менее 17 лет», имевших «свидетельства об окончании полного курса мореходных училищ или судовых механиков»¹⁵. Осенью 1916 г. учащиеся были выпущены прапорщиками. Надо полагать, что именно это учебное заведение было затем переименовано в Школу мичманов военного времени, которая в ноябре 1917 г. размещалась вместе

¹¹ РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 42. Л. 20–21.

¹² Доценко В. Д., Бойнович А. Д., Купрюхин В. А. Знаки и жетоны Российского императорского флота. С. 50.

¹³ Там же.

¹⁴ Мартиролог... С. 170–172.

¹⁵ Доценко В. Д., Бойнович А. Д., Купрюхин В. А. Знаки и жетоны Российского императорского флота. С. 51.

с КГФ в Петрограде¹⁶ и находилась на стадии ликвидации. Учащихся в ней уже не было¹⁷.

В июле 1916 г. в Ораниенбауме была открыта Школа прапорщиков по Адмиралтейству, в которую принимали лиц со средним образованием. Выпуски прапорщиков по морской и механической частям состоялись в октябре 1916 г. и марте 1917 г. В апреле—мае 1917 г. школа была переведена в Петергоф¹⁸ и переименована в Школу мичманов военного времени берегового состава. Тогда же состоялся первый выпуск мичманов военного времени берегового состава. В сентябре выпущены мичманы военного времени по механической части и мичманы берегового состава, а в конце того же месяца — третья группа мичманов военного времени, уже без обозначения специальности¹⁹. В конце ноября 1917 г. школа находилась в процессе ликвидации, в ней числилось 105 гардемарин, уволенных в отпуск до 31 декабря²⁰. Школу окончательно расформировали 18 февраля 1918 года²¹.

Осенью 1916 г. был создан особый корпус офицеров морской авиации и установлено, что офицеры — морские летчики должны носить сухопутные чины. 8 сентября 1917 г. офицеры морской авиации переименовываются в военно-морские чины²². Тем не менее, в «Мартирологе...» фигурируют 11 летчиков морской авиации с указанием их сухопутных чинов (подпоручиков и поручиков) и 20 других офицеров-летчиков с указанием морских чинов²³. Это как раз указывает на специфическое отношение эмигрантов к своему служебному прошлому и на фактическое сосуществование сухопутных и морских чинов в морской авиации.

Подготовка морских летчиков первоначально велась в сухопутных авиационных школах. Недостатки этого пути пополнения кадров

¹⁶ Она находилась по адресу: Лоцманская ул., д. 3.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 42. Л. 20—21.

¹⁸ Размещалась на даче Галла, начальником на 27 ноября (ст. ст.) 1917 г. был подполковник Н. Ю. Татаринов (РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 42. Л. 20—21).

¹⁹ Мартиролог... С. 177.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 42. Л. 20—21.

²¹ Доценко В. Д., Бойнович А. Д., Купрюхин В. А. Знаки и жетоны Российского императорского флота. С. 51.

²² РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 157. Л. 60 об.

²³ Мартиролог... С. 18—155.

заставили открыть 10 августа 1915 г. Офицерскую школу морской авиации на Гутуевском острове в Петрограде. В начале 1917 г. школа была переименована в Ораниенбаумскую. В связи с тем что зимой летать на гидросамолетах в Петрограде было невозможно, осенью 1916 г. открыли отделение школы в Баку. В январе 1917 г. морские авиационные школы были выведены из подчинения сухопутному ведомству и подчинены морскому, а Бакинское отделение стало самостоятельной Бакинской школой морской авиации. Одновременно в этих школах обучалось небольшое количество курсантов: по 20–25 офицеров и 15–20 нижних чинов. Летом 1917 г. была создана Школа воздушного боя в Красном Селе (ее штат был утвержден 17 июня²⁴), предназначенная для переподготовки летчиков широкого профиля в истребителей. В конце лета ввели четкие правила производства в офицеры-морские летчики. Обучавшиеся в течение 6–9 месяцев слушатели производились в чин мичмана²⁵.

После Февральской революции делались попытки демократизации системы чинопроизводства на флоте, что было особенно важно, если учитывать постоянный рост числа должностей морских офицеров. В мае 1917 г. были введены чины старшего лейтенанта, лейтенанта и мичмана военного времени и старшего лейтенанта и мичмана военного времени флота по механической части²⁶. Предусматривалось, что эти чины будут получать все лица, окончившие учебные заведения морского ведомства, кроме МК, ОГК и МИУ. Производство в следующий чин для офицеров военного времени было возможно только «за отличие, преимущественно боевое»²⁷, по окончании военных действий на службе могли быть оставлены только те из них, кто сдаст экзамен за полный курс МК или МИУ, также только сдавшие экзамен могли быть произведены в капитаны 2 ранга. Те молодые люди, которые обучались в военно-морских учебных заведениях лишь береговым предметам и не проходили

²⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 243. Л. 6.

²⁵ Герасимов В. Л. Подготовка кадров отечественной морской авиации. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 101–104.

²⁶ Приказ по флоту и морскому ведомству № 186 от 8 мая 1917 г. // Еженедельник Морского сборника. 1917. № 2. 3 июня. С. 6. — В тексте приказа пропущен чин лейтенанта военного времени флота по механической части. Скорее всего, это опечатка.

²⁷ Там же.

практического плавания, производились в мичманы военного времени берегового состава. Состоявшие к тому времени на службе офицеры запаса могли подать прошение о переименовании их в новые чины: прапорщики и подпоручики — в мичманы, поручики и штабс-капитаны — в лейтенанты, капитаны — в старшие лейтенанты. Матросы, производимые за подвиги в офицеры, могли сами выбирать себе чин — прапорщика по морской или механической части, прапорщика или подпоручика по Адмиралтейству или мичмана военного времени.

Таким образом, в чине подпоручика по Адмиралтейству оставались только офицеры тыловых учреждений. Эта реформа помогла разделить офицеров боевого и тылового состава и ввести на флоте тот же порядок чинопроизводства офицеров запаса и военного времени, что и в армии.

В дореволюционном флоте сложились достаточно напряженные отношения между матросами срочной службы, с одной стороны, и, с другой стороны, сверхсрочнослужащими, а также кондуктурами (промежуточная категория между унтер-офицерами и офицерами, наподобие современных мичманов и прапорщиков российских Вооруженных сил). Подыгрывая настроениям матросов срочной службы и призванных из запаса в июле 1917 г., флотское руководство упразднило категории кондуктуров²⁸ и сверхсрочнослужащих²⁹. Те из них, кому исполнилось 44 года, могли немедленно уволиться в отставку (таких оказалось 310 чел.), потому что на военной службе находились в то время военнообязанные до 43-летнего возраста. Оставшиеся на службе кондукторы были произведены в мичманы военного времени или в подпоручики по Адмиралтейству (546 чел.), в классные фельдшеры (303 чел.) или переименованы в старшие специалисты (1052 чел.)³⁰. В мичманы военного времени были произведены и многие сверхсрочнослужащие унтер-офицеры.

23 мая 1917 г. Центробалт принял постановление о том, что прослужившие не менее трех лет «воинские чины специалисты» (то есть матросы и унтер-офицеры, закончившие специальные школы),

²⁸ В конце 1918 г. А. В. Колчак восстановил кондукторское звание. Оно просуществовало в белых флотах и флотилиях до конца Гражданской войны.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об. Приказы № 295 и 296 по флоту и морскому ведомству от 12 июля 1917 г.

³⁰ Там же.

могут быть произведены в прапорщики или подпоручики по Адмиралтейству в соответствии с уровнем их общего образования³¹. Это означало, что имеющие образование в объеме четырех классов гимназии или реального училища могли быть произведены в прапорщики, а имеющие полное среднее образование — в подпоручики. Появился новый канал пополнения офицерского состава: это постановление впервые открывало возможность производства в офицеры по морскому ведомству лиц, не имевших полного среднего образования. Видимо, Центробалт руководствовался тем, что в школы прапорщиков сухопутной армии принимали имевших неполное среднее образование, а кроме того, матросы и унтер-офицеры этой категории уже прослужили на флоте достаточно долго и имели неплохую подготовку в школах специалистов. На основательную подготовку этой категории нижних чинов указывал активный монархист, кирилловец капитан 2 ранга Г. К. Граф: «Среди новобранцев были и такие, которые уже получили до службы начальное образование. Из них выбирались кандидаты на унтер-офицеров, которых особо учили по их специальности в течение двух лет. Эти матросы получали довольно серьезное образование, которое в некоторых отношениях даже было немногим ниже общесреднего. Таким образом, из них получались уже полуинтеллигенты»³².

Нужда в офицерах вспомогательных судов флота была настолько велика, что в 1917 г. появилась новая промежуточная категория между офицерами и бывшими нижними чинами (которых переименовали в «воинских чинов»): это были зауряд-прапорщики по морской и механической частям. Такое звание присваивалось штурманам и механикам малого плавания и речных судов, не имевшим полного среднего образования, необходимого для получения чина прапорщика флота.

Для оценки численности офицерского корпуса флота важно установить, какие потери были понесены им в военное время.

За время войны (август 1914 — сентябрь 1917) потери русского флота убитыми, умершими и пропавшими без вести составили 140 офицеров³³. Потери среди нижних чинов составляли к 15 января 1918 г.

³¹ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 336. Л. 7.

³² Граф Г. К. На «Новике» в войну и революцию. С. 357.

³³ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

2931 человек убитыми и умершими от ран и болезней, 181 матрос пропал без вести, 197 человек попали в плен. Еще 636 матросов числились ранеными³⁴. Судя по тому, что это число невелико, можно предположить, что подразумеваются раненые, не вернувшиеся в строй к моменту составления справки (15 января 1918 г.). Вероятно, в число 140 погибших и пропавших без вести офицеров не входят те, кто был убит матросами или покончил с собой во время Февральской революции или в течение 1917 г.

Обращает на себя внимание то, что соотношение погибших и умерших офицеров и матросов (примерно 1:21) отличается от соотношения офицеров и матросов в составе флота (примерно 1:16–17). Как представляется, причина такого положения кроется в том, что на береговых должностях числилось достаточно большое количество офицеров при не столь значительном числе нижних чинов, а соотношение погибших офицеров и матросов примерно соответствует их соотношению в корабельных командах.

С. В. Волков считает, что «к 15 марта Балтийский флот потерял 120 офицеров, из которых 76 убито (в Гельсингфорсе 45, в Кронштадте 24, в Ревеле 5 и в Петрограде 2). В Кронштадте, кроме того, было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона. Четверо офицеров покончили жизнь самоубийством и 11 пропали без вести. Всего, таким образом, погибло более 100 человек, если не включать сюда троих, покончивших жизнь самоубийством (По другим сведениям, Февральская революция стоила Балтийскому флоту 70 офицеров — 67 убитых (в т. ч. 8 адмиралов и генералов). — *Примеч. С. В. Волкова*). На Черноморском флоте также было убито много офицеров во главе с вице-адмиралом П. Новицким, трупы которых с привязанным к ногам балластом сбрасывались в море; имелись и случаи самоубийства (например, мичман Фок с линкора «Императрица Екатерина II»)»³⁵. Точку зрения С. В. Волкова разделяет М. А. Елизаров: «В Февральскую революцию на флоте погибли около ста офицеров: в Гельсингфорсе около 45, немногим меньше в Кронштадте, в Ревеле 5, в Петрограде 2, а также свыше 20 боцманов,

³⁴ Там же. Л. 15 об. — 16.

³⁵ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 1993. — В действительности упомянутый линкор назывался с 27 июня 1915 г. «Императрица Екатерина Великая» (История отечественного судостроения. СПб., 1995. Т. III. Судостроение в начале XX в. С. 366).

кондукторов и сверхсрочников. Кроме того, 4 офицера покончили жизнь самоубийством, 11 пропали без вести (вероятно, убиты или сбежали)»³⁶.

Бросается в глаза недопустимая небрежность С. В. Волкова, которая оставляет читателя в полной уверенности, что убийства офицеров на Черном море происходили в марте 1917 г. В действительности же они имели место почти год спустя, в декабре 1917 — марте 1918 г. В основном, расправы над офицерами происходили в Севастополе 16—17 декабря 1917 г. Это прямо следует из биографических статей мартиролога того же автора, изданного в 2004 г. С. В. Волков учел 49 офицеров и генералов, убитых на Черноморском флоте в конце 1917 — начале 1918 гг.

Что касается Балтийского флота, то в мартирологе С. В. Волкова учтены 77 жертв из числа офицеров, генералов и адмиралов, погибших в марте 1917 г., 3 офицера, убитых летом 1917 г., еще 1 — без указания месяца и 1 гардемарин, пропавший без вести «после марта 1917 г.» В их числе: 49 в Гельсингфорсе, 18 в Кронштадте, 3 в Петрограде, по 1 в Выборге, Ревеле и в Либаве, а также 9 без указания места гибели.

К сожалению, в мартирологе С. В. Волкова встречаются явные ошибки. Так, в сборнике есть следующая статья: «Вильгельмс ? Альфредович. Убит матросами в Либаве в 1917 г.»³⁷ Основания для причисления данного лица к офицерам морского ведомства непонятны, так как не указан даже его чин. В Либаве в 1917 г. Вильгельмс мог быть убит разве немецкими матросами, ведь этот город русские войска сдали еще в 1915 г.! А вот другой случай: генерал-майор корпуса гидрографов барон Э. В. Майдель якобы «убит большевиками 15 июня 1918 в Гельсингфорсе»³⁸. Столица Финляндии была оккупирована немцами еще 30 марта 1918 г., поэтому трудно представить себе, что большевики могли спокойно чинить там расправы. Кроме того, в отношении 8 убитых в марте 1917 г. на Балтике офицеров указано, что они были «убиты большевиками», тогда как подавляющее большинство остальных жертв приписано «матросам», а одна жертва — «революционной толпе». Возникает естественный вопрос:

³⁶ *Елизаров М. А.* «...здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения» // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 46.

³⁷ Там же. С. 87.

³⁸ Там же. С. 290.

на каком основании С. В. Волков приписал гибель части офицеров именно большевикам, а не анархистам или эсерам? Трудно поверить в то, что члены РСДРП(б), только что вышедшие из подполья, позабыв о своей программе, вдруг занялись индивидуальным террором, причем направленным в основном против офицеров по Адмиралтейству (большевикам приписана гибель 7-ми офицеров по Адмиралтейству (от штабс-капитана до полковника), а также 1-го контр-адмирала). В мартирологе С. В. Волкова находим указание на то, что контр-адмирал П. П. Владиславлев был «расстрелян большевиками 10 августа 1917 г. в Гангэ»³⁹. Интересно, как большевики могли расстрелять адмирала в то время, когда сами были в подполье? В действительности П. П. Владиславлев погиб в ночь на 5 октября 1917 г. Тело его было обнаружено в воде: возможно, кто-то в темноте столкнул адмирала с пирса, но обстоятельства его гибели до сих пор не выяснены⁴⁰. Относительно А. М. Щастного указано, что он «расстрелян большевиками 22 мая (21–22 июня) 1918 в Петрограде»⁴¹. В данном случае несомненно, что А. М. Щастный был расстрелян по приговору революционного трибунала, вынесенному голосами большевиков, левые эсеры выступили против приговора. Широко известно, что он был казнен в Москве 22 июня, арестован 25 мая также в Москве, а 22 мая не только не был расстрелян, но и находился на свободе. Что должна означать тройная дата расстрела, остается только догадываться.

Видимо, С. В. Волковым при составлении мартиролога руководило желание обвинить большевиков во всех смертных грехах. В этой установке составителя есть свои плюсы — можно предположить, что в «Опыте...» численность эмигрантов скорее завышена, чем занижена. Составитель полагает, что основная масса офицеров встала на сторону антибольшевистских сил. В этой точке зрения нет ничего оригинального, она была присуща советской историографии до конца 50-х годов, когда считалось, что из числа офицеров «лишь одиночки примкнули к рабочему классу»⁴².

³⁹ Там же. С. 91.

⁴⁰ Меркушов В. А. Записки подводника. С. 535.

⁴¹ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. С. 542.

⁴² Петров Ю. Военные комиссары в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1956. С. 6.

Было бы грубой ошибкой полагать, что матросами уже с первых дней Февральской революции руководили антивоенные, антибуржуазные или какие-нибудь «левоэкстремистские» (термин, используемый А. М. Елизаровым в диссертации) настроения. Так, самоубийство мичмана П. И. Фока на линкоре «Императрица Екатерина Великая» произошло из-за того, что матросы заподозрили в нем шпиона благодаря его немецкой фамилии. В те дни матросы требовали удалить с линкора всех офицеров с немецкими фамилиями, опасаясь повторения участи линкора «Императрица Мария», погибшего в результате взрыва, причиной которого, по одной из гипотез, была диверсия⁴³. Следовательно, П. И. Фок пал жертвой шпиономании и германофобии матросов, а не каких-то «левоэкстремистских настроений». В. А. Белли отмечал, что уже зимой 1914–1915 гг. у матросов линкора Балтийского флота «Цесаревич» отмечалась крайняя подозрительность к офицерам с иностранными фамилиями, вплоть до того, что ходили разговоры о необходимости расправиться с ними («побросать за борт»⁴⁴).

К сентябрю 1917 г. на флоте числились 7151 офицер и около 300 зауряд-прапорщиков. Ожидалось, что к 1 января 1918 г. численность офицеров достигнет 8050 чел., а для полного укомплектования флота будет необходимо 8500 офицеров⁴⁵. В действительности на 1 января 1918 г. на флоте насчитывалось 8060 офицеров (без зауряд-прапорщиков)⁴⁶.

В результате, к ноябрю 1917 г. морской офицерский корпус был неоднороден. Он включал в себя офицеров, окончивших Морской корпус до войны и прошедших через сито сословного отбора (36 % от числа всех офицеров); окончивших МИУ до 1914 г., где им был привит соответствующий корпоративный дух (14 % офицеров морского ведомства); кадровых офицеров по Адмиралтейству (9 %); офицеров военного времени из числа студентов и гимназистов, прошедших ускоренное обучение в различных формах, бывших кондукторов и сверхсрочнослужащих, гражданских штурманов

⁴³ Смолин А. В. Адмирал А. В. Колчак — становление политика (март–июль 1917 г.) // Россия в XX в. Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 22.

⁴⁴ Белли В. А. В российском императорском флоте... С. 295.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 4–5; Ф. р–5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об.

и пароходных механиков (38 %). Еще 3 % составили офицеры строительной части, судебного ведомства и сухопутного гарнизона Ревеля, связанные с морским ведомством чисто формально⁴⁷. Таким образом, около 60 % офицеров морского ведомства к концу 1917 г. были кадровыми (сюда включены также строевые офицеры, инженеры-механики и офицеры по Адмиралтейству). В принципе, к кадровым офицерам можно было бы отнести окончивших МКК и ОГК в военное время, так как они учились там по 2¹/₂ года — не намного меньше, чем до начала Первой мировой войны. Впрочем, включение этой категории повысит процент кадровых офицеров незначительно.

Процент кадровых офицеров на флоте к ноябрю 1917 г. намного выше, чем в сухопутной армии, где, по некоторым подсчетам, оставалось 4–5 % кадровых офицеров⁴⁸. Вот как об этом пишет Г. К. Граф: «Среда морских офицеров была очень однородной. Большинство из них были кадровые офицеры, вышедшие из Морского корпуса. Война не повлияла на такую однородность, так как за все время потерь было очень мало. Таким образом, все главные должности, как например — начальников бригад, дивизий, отрядов, командиров судов, старших офицеров и специалистов, были заняты кадровыми офицерами. Только младший состав на кораблях был частью из мичманов «военного времени», да должности в тылу флота замещались офицерами из запаса, моряками торгового флота и произведенными кондукторами. Таким образом, в общей массе офицерство было монархично и совершенно не сочувствовало перевороту. Только среди офицеров «военного времени», в число которых вошло довольно много студентов, были его сторонники»⁴⁹.

Вместе с тем нельзя утверждать, как это делают некоторые современные исследователи, что «во флоте не практиковалось во время войны производство (в офицеры. — К. Н.) из унтер-офицеров и матросов»⁵⁰. Кроме приведенных расчетов, в опровержение такого утверждения можно привести следующий пример. В декабре 1916 г.

⁴⁷ Рассчитано по: РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4–5; Ф. р–5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об.

⁴⁸ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 27.

⁴⁹ Граф Г. К. На «Новике» в войну и революцию. С. 348–349.

⁵⁰ Березовский Н. Ю. Военспецы на службе в красном флоте // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 57; Волков С. В. Трагедия русского офицерства.

был произведен в мичманы военного времени и артиллерийский кондуктор А. Б. Елисеев, в будущем советский военачальник, возглавлявший береговую оборону Балтийского и Тихоокеанского флотов в конце 20-х — 30-е годы⁵¹. Правда, факт производства в мичманы приводится в статье В. И. Калинина и В. М. Лурье лишь со ссылкой на автобиографию А. Б. Елисеева. Учитывая то, что чин мичмана военного времени появился только после Февральской революции, мы предполагаем, что будущий генерал-лейтенант береговой службы был произведен в прапорщики по Адмиралтейству, а уже весной 1917 г. — в мичманы военного времени берегового состава. Для производства сразу в подпоручики ему не хватало образовательного ценза: А. Б. Елисеев закончил городское четырехклассное училище, то есть имел неполное среднее образование. Вместе с тем обратим внимание на то, что А. Б. Елисеев не значится в списках офицеров на октябрь 1917 г.⁵²

Факт значительной неоднородности офицерского корпуса старой армии отмечался уже во время Гражданской войны. Так, в своем выступлении на VIII Съезде РКП(б) член Реввоенсовета Республики А. И. Окулов отмечал: «Военные специалисты есть известный слой служивой интеллигенции. Раздел всей судьбы ее — в зависимости от колебаний общего политического положения. Если мы обратимся к старой так называемой офицерской касте старого периода, мы увидим, что эта каста никогда не была единой. Она разделялась на гвардейцев, которые презирали армейцев, на казаков, которые презирали какие-нибудь драгунские части, на самых несчастных армейцев, которые завидовали кавалеристам, и так далее. Словом, тот миф, которым помахивают перед нами, что офицерство от рождения является белогвардейской глыбой, — это миф, который не опирается ни на один серьезный аргумент, не оправдывается нашей собственной практикой»⁵³.

⁵¹ Калинин В. И., Лурье В. М. Комендант Владивостокского укрепрайона генерал-лейтенант А. Б. Елисеев: Страницы биографии // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2004. Вып. 2. С. 105–124.

⁵² Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1.

⁵³ VIII Съезд РКП(б): Стенограмма заседания военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 года и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 года: Заседание съезда: 21 марта, вечернее // Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 157.

Морской офицерский корпус сохранил свое кадровое ядро в несравнимо большей степени, чем сухопутный, тогда как армейское кадровое офицерство было в большинстве уничтожено в боях Первой мировой войны⁵⁴. Учитывая происхождение большинства офицеров и их длительную службу монархии, логичным было бы предположить массовый переход морских офицеров на сторону антисоветских формирований. Действительно, если мы обратимся к зарубежным параллелям, например, к истории гражданской войны в Испании, то увидим, что там из 19 адмиралов на стороне Республики остались двое (10 %), из 31 капитана 1 ранга — двое (6 %), из 65 капитанов 2 ранга — семеро (11 %) и из 128 капитанов 3 ранга — тринадцать (10 %). В общей сложности из 243 старших офицеров и адмиралов на стороне законного, но составленного из представителей левых политических сил, правительства оказались всего 24 человека (10 %)⁵⁵.

В странах Европы в начале XX в. существовали различные подходы к комплектованию офицерского корпуса армии и флота. Так, во Франции треть офицерских вакансий была еще в 1818 г. закреплена за офицерами, выслужившимися из сверхсрочнослужащих солдат и окончивших специальные курсы (как тот пехотный капитан, о котором пишет А. А. Игнатьев)⁵⁶. В то же время в России и Германии производство из нижних чинов было в мирное время практически исключено. Для того чтобы еще сильнее ограничить это производство, в русском флоте в 1894 г. была введена категория кондукторов, занимавшая промежуточное положение между офицерами и матросами. Это было предпринято, с одной стороны, чтобы практически полностью исключить производство нижних чинов в офицеры, а с другой — выделить привилегированную группу сверхсрочнослужащих и сделать сверхсрочную службу более привлекательной. В русской сухопутной армии аналогичную роль играли подпрапорщики. В Германии, чтобы любой ценой избежать производства нижних чинов в офицеры, но в то же время заполнить офицерские

⁵⁴ См., например: *Коровин В. М., Свиридов В. А.* Особенности восполнения офицерского состава в России в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 34–39.

⁵⁵ *Benavides M. D.* La escuadra la mandan los cabos. Mexico, 1949. Цит. по: *Кузнецов Н. Г.* На далеком меридиане. М., 1966. С. 72.

⁵⁶ История XIX в. / Под ред. Е. В. Тарле: В 8 т. М., 1938. Т. 3. С. 399–400.

вакансии в военное время, был введен в 1877 г. особый чин фельдфебель-лейтенанта. Кстати, о силе феодальных традиций в немецкой армии свидетельствует тот факт, что, хотя формальные ограничения для производства в офицеры нехристиан в Пруссии были отменены еще в 1815 г., вплоть до 1914 г. не было ни одного случая производства иудея в строевые офицеры. В 1909 г. «Союз германских евреев был вполне способен назвать (всего лишь! — *К. Н.*) двадцать шесть случаев, в которых крещеные сыновья еврейских родителей стали офицерами запаса прусской армии»⁵⁷. Это объяснялось большим влиянием общественного мнения офицеров на пополнение их корпорации: в Германии первый офицерский чин присваивался после голосования офицеров полка, в котором служил кандидат в офицеры⁵⁸.

Практически во всех европейских странах флотский офицерский корпус был более закрытой корпорацией по сравнению с сухопутным. В тех странах, где для поступления в военно-морские учебные заведения не существовало формальных сословно-профессиональных ограничений, присутствовали ограничения неформальные. Так, в Великобритании взималась высокая плата за обучение в военно-морских училищах, которая делала чин флотского офицера недоступным для выходцев из низов⁵⁹.

Неверно представлять себе офицерский корпус русской армии и флота состоящим из одних придворных аристократов, в то же время нельзя и делать далеко идущие выводы о серьезной демократизации русского офицерства на том основании, что процент потомственных дворян в его среде к началу XX в. сократился. На наш взгляд, определяющим в складывании мировоззрения кадрового офицера было длительное обучение в военно-учебном заведении, а затем — сравнительно замкнутая жизнь в «полковой семье» или в рамках кают-компаний. Происхождение офицера, как правило, не только не имело определяющего значения, но и могло

⁵⁷ *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве: 1650—1945. М., 2007. С. 225.

⁵⁸ *Seaton A., Youens M.* The Army of the German Empire. 1870—1888. Oxford, 1973. P. 24.

⁵⁹ См., например: *Лихарев Д. В.* Морская политика Великобритании в 1900—1930 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994.

оказать воздействие на его убеждения, обратное тому, которое предполагается, когда речь идет о «выходце из народа». Сам по себе факт приобщения к привилегированной корпорации мог сделать сына крестьянина или рабочего более лояльным членом «офицерской семьи», чем выходца из дворянства, для которого военная служба была естественным.

Благодаря тому, что в свое время были сделаны обстоятельные подсчеты, представляется возможным оценить поведение русских морских офицеров различных категорий в годы Гражданской войны. В РГА ВМФ хранятся справки о численности бывших офицеров разных чинов и корпусов, состоящих на службе в Красном Флоте на 1 января 1918 г.⁶⁰ и на март 1921 г.⁶¹ К сожалению, эти справки составлены не по единому формуляру, поэтому возникают некоторые вопросы при интерпретации содержащихся в них сведений. Вместе с тем представляется, что приведенные в справках цифры ни в коем случае не являются вымышленными. Во-первых, указанные справки составлены весьма тщательно, о чем свидетельствует то обстоятельство, что бывшие офицеры в них разбиты на группы в соответствии с их чинами и специальностями. Во-вторых, как будет показано ниже, советское руководство весьма внимательно относилось к использованию и учету бывших офицеров, а принадлежность к офицерскому корпусу в целом и к одной из его категорий в частности выступала критерием профессиональной пригодности специалиста. Справка за 1 января 1918 г. позволяет оценить максимальное число офицеров русского флота с некоторыми уточнениями относительно окончивших военно-морские учебные заведения в 1918 году.

Численность офицеров флота, оказавшихся на стороне белых, можно оценить благодаря двум изданиям, в которых собраны многочисленные сведения о судьбе офицеров-эмигрантов. Это изданный под редакцией В. В. Лобыцына «Мартиролог русской военно-морской эмиграции»⁶² и составленный С. В. Волковым «опыт мартиролога» «Офицеры флота и морского ведомства»⁶³ (далее — «Опыт...»).

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4–5; Ф. р–5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об.

⁶¹ Там же. Ф. р–5. Оп. 5. Д. 4. Л. 106. См. Приложение 1.

⁶² Мартиролог..

⁶³ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства.

В «Мартирологе...» В. В. Лобыцына насчитывается 1909 фамилий, хотя составитель заявляет о 1890⁶⁴. 378 человек (19,8 %) (кадеты, юнкера флота и гардемарины, члены семей офицеров, чиновники, священники, отставные и сухопутные офицеры, нижние чины и охотники флота, штатские лица, офицеры созданного бароном Врангелем Корпуса корабельных офицеров (ККО)) вовсе не являлись офицерами морского ведомства. Около 115 человек (6%) были произведены в офицеры белыми властями не ранее осени 1918 г. Не более 1416 (74,1%) являлись офицерами действительной службы к 1 января 1918 г. В предисловии к своему «Мартирологу...» В. В. Лобыцын заявляет, что все сведения о смерти в эмиграции лиц, статьи о которых вошли в сборник, фигурировали в периодических и непериодических изданиях, вышедших за границу. Эти издания подробно перечислены в предисловии. Кроме того, эти лица имели какое-то отношение к флоту⁶⁵. Принцип отбора персоналий для «Мартиролога...» представляется совершенно логичным. Оправдано включение в издание статей о женах и вдовах морских офицеров, гардемаринах, кадетях, охотниках и юнкерах флота, матросах и т. п. В «Мартирологе...» В. В. Лобыцына имеются ссылки на источники сведений о кончине каждого лица, включенного в издание.

С. В. Волков, составитель «Опыта мартиролога», собрал сведения о 5711 лицах, включая большинство упомянутых В. В. Лобыцыным. Исключены С. В. Волковым по большей части лица, не получившие офицерского чина, хотя иногда причины игнорирования того или иного лица представляются загадочными. Весьма спорным является принцип отбора сведений составителем. С. В. Волков заявляет о том, что у него «собраны имена офицеров, расстрелянных большевиками в ходе красного террора, во время Гражданской войны, погибших в Белом движении в 1917–1922 гг., умерших в эмиграции, а также оставшихся в России (в том числе мобилизованных большевиками) и репрессированных в 1920–1930-х годах. В порядке исключения упомянуты и погибшие в Гельсингфорсе, Кронштадте, Петрограде, Севастополе и других местах от рук революционных матросов в марте–октябре 1917 г. То есть мартиролог включает имена практически всех морских офицеров, о чьей судьбе после 1917 г.

⁶⁴ Мартиролог... С. 7.

⁶⁵ Мартиролог... С. 6–14.

составителям удалось найти хоть какие-то сведения. Не вошли в него только лица (их сравнительно немного), которые добровольно поступили на службу к большевикам или ревностно им служили»⁶⁶. Критерий добровольности поступления на службу во время Гражданской войны крайне расплывчат, не говоря уже об оценке степени ревностности службы. Так, не вошли в «Опыт...» статьи о репрессированных офицерах — лейтенанте и флагмане флота 1 ранга М. В. Викторове, мичмане и флагмане флота 1 ранга В. М. Орлове, лейтенанте и флагмане флота 2 ранга И. К. Кожанове, лейтенантах и флагманах 1 ранга Э. С. Панцержанском, Г. В. Васильеве, Г. Г. Виноградском, мичмане и флагмане 1 ранга И. М. Кадацком-Рудневе, мичмане и флагмане 2 ранга В. П. Калачеве, капитане 2 ранга и адмирале советского флота Л. М. фон Галлере, капитане 2 ранга и вице-адмирале советского флота А. К. Векмане, мичмане и контр-адмирале советского флота И. К. Самойлове и др. Даже если С. В. Волков принимал за признак ревностной службы партийность, то И. М. Кадацкий-Руднев вступил в ВКП(б) только в 1931 г., М. В. Викторов и Л. М. Галлер — в 1932 г., а А. К. Векман и Э. С. Панцержанский вовсе остались беспартийными. В то же время в сборнике помещены сведения о Н. Н. Зубове, капитане 2 ранга царского флота, командовавшем запасным батальоном в колчаковских войсках. Он попал в плен к красным и служил в СССР, став директором Океанографического института и инженер-контр-адмиралом советского ВМФ⁶⁷. Вполне очевидно, что Н. Н. Зубов «ревностно служил большевикам», не был репрессирован, его именем были названы залив в Антарктиде и два научно-исследовательских судна⁶⁸. Кроме Н. Н. Зубова в «Опыт...» были включены сведения о более чем ста лицах, оставшихся в СССР, о чьей судьбе С. В. Волкову не удалось собрать сведения, и которых явно неверно было бы относить к категории «репрессированных в 1920–1930-х годах». Составитель посчитал возможным включить в состав сборника под названием «Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога» гардемарин, кадетов, юнкеров флота, не только произведенных в офицеры белыми властями, но и тех, о которых ему известно, что

⁶⁶ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. С. 5.

⁶⁷ Там же. С. 184.

⁶⁸ Морской энциклопедический словарь: В 3 т. Л., 1991. Т. 1. С. 472.

они никогда не получили офицерского чина (таких насчитывается более 600). В «Опыте...» приводятся сведения о женщинах, священниках и чиновниках, к числу офицеров никак не относившихся. Из сказанного следует вывод о субъективизме, проявленном С. В. Волковым при составлении мартиролога. Кроме того, у С. В. Волкова, в отличие от В. В. Лобыцына, полностью отсутствуют ссылки на источники информации, поэтому читателю приходится полагаться лишь на его научную добросовестность. Вместе с тем можно надеяться на то, что состав чинов морского ведомства, умерших в эмиграции, отражен достаточно полно и их численность завышена, а не занижена. Несмотря на указанные выше недостатки, сведения, приводимые как В. В. Лобыцыным, так и С. В. Волковым, позволяют дополнить картину политического выбора офицерского корпуса морского ведомства в годы Гражданской войны.

Переходя к анализу сведений, содержащихся в справках 1918 и 1921 гг., а также в мартирологах, необходимо оговориться: в справках и в мартирологах остается возможность двойного счета одного лица в составе РККФ в марте 1921 г. Особенно это относится к мартирологу С. В. Волкова, который и не ставил задачей включать в свой сборник лишь данные тех, кто умер в эмиграции. Теоретически бывший офицер мог состоять в списках РККФ, а после марта 1921 г. покинуть страну. Видимо, именно так и произошло, например, с И. К. Григоровичем. Усложняет картину и то обстоятельство, что в ходе Гражданской войны часть офицеров переходила из одного лагеря в другой. К марту 1921 г. в составе РККФ оставались бывшие офицеры, которые могли спустя годы умереть в эмиграции. Понятно, что такие офицеры, оказавшись за границей, не стремились подчеркивать факт своей службы в РККФ. В сообщениях об их смерти в эмигрантской печати этот факт, очевидно, опускался, а ведь такие сообщения служили основным источником для составителей мартирологов.

Исходя из сказанного выше, для упрощения расчетов мы будем считать, что все офицеры, упомянутые в «Мартирологе...» и «Опыте...» не состояли на службе в РККФ в марте 1921 г., за исключением тех, о которых прямо сказано, что они остались в СССР. При подсчетах мы, в основном, будем опираться на данные С. В. Волкова, так как в «Опыт...» вошли данные практически на всех лиц, упомянутых в «Мартирологе...».

Если суммировать количество офицеров соответствующих чинов и корпусов, находившихся в составе РККФ в марте 1921 г., и количество умерших в эмиграции (попавших в «Мартиролог...» и в «Опыт...»), то получившаяся сумма значительно превысит численность офицеров этих категорий на 1 января 1918 г.⁶⁹

Рассмотрим сначала численность высшего командного состава флота. Учитывая, что в справке 1921 г. нет сведений о бывших чинах Военно-морского судебного ведомства, Морской строительной части и Морской крепости императора Петра Великого, мы опустим сведения об этих чинах и в тех случаях, если они доступны. Кроме того, следует иметь в виду, что данные о многих персоналиях, вошедших в «Опыт...» С. В. Волкова, неполны. Сведения о произведенных в следующий чин белыми властями, а также вышедших в отставку или погибших очень лаконичны.

На 11 апреля 1916 г. на службе в морском ведомстве числилось 225 адмиралов и генералов (если не включать указанные выше корпуса), к 1 января 1918 г. их число сократилось до 174 (у С. В. Волкова упомянуты 22 человека, вышедшие в отставку, и еще 22 погибших в 1917 г.) При этом Временным правительством не менее 37 человек были произведены в контр-адмиралы, а еще 18 — в генерал-майоры⁷⁰. В марте 1921 г. в РККФ, однако, оказалось 128 бывших адмиралов и генералов морского ведомства, тогда как в «Опыте...» упомянуты 236. Правда, следует учесть, что из числа упомянутых С. В. Волковым адмиралов и генералов 32 вышло в отставку до 1917 г., так что «действующих» адмиралов и генералов морского ведомства на 1 января 1918 г. (с учетом погибших и вышедших в отставку в 1917 г.) было всего 119. Кроме того, 12 (?) генералов и адмиралов вернулись из отставки для службы в белых формированиях, 41 был произведен в генеральские чины белыми властями, 22 погибли или умерли во время Гражданской войны.

Опираясь на то же издание, можно выяснить, что белыми властями только 14 капитанов 1 ранга было произведено в контр-адмиралы и один — в генерал-майоры флота. Таким образом,

⁶⁹ См. Приложение 1.

⁷⁰ Учтены только лица, упомянутые в справочнике: Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. — «Изменения» в этом издании доведены до 24 октября 1917 г. (ст. ст.), так что можно считать его данные практически исчерпывающими.

111 «их превосходительств», оказавшихся в белом лагере, получили свои чины до начала Гражданской войны. Совокупное число получивших свой чин до начала 1918 г. адмиралов и генералов флота в эмиграции и в РККФ в 1921 г. равняется 287 и превышает численность этой категории в 1916 г. на 62 человека! Даже если учесть, что в апреле 1916 г. насчитывалось 177 адмиралов и генералов флота, что многие из них были уволены в отставку в марте—октябре 1917 г., а затем вернулись на службу, что белыми властями были произведены в генералы и адмиралы более 16 человек, все равно остается значительное количество лиц (около 60), неизвестно когда и от кого получивших адмиральские и генеральские чины, либо посчитанных дважды. Действительно, вполне логично предположить, что именно адмиралы и генералы морского ведомства в наибольшей степени стремились покинуть Советскую Россию после окончания Гражданской войны. Естественно, что благодаря сохранившимся связям им было это сделать легче, чем другим категориям бывших офицеров. Пример И. К. Григоровича здесь очень показателен.

Строевых штаб-офицеров флота насчитывалось на 1 января 1918 г. 603, в РККФ в марте 1921 г. их числилось 649, в эмиграции умерло не менее 617 (в том числе 143 лейтенанта и старших лейтенанта, произведенных белыми властями в штаб-офицеры). Получается, что примерно 520 офицеров оказываются «лишними» на 1 января 1918 г. Приблизительно те же результаты можно получить, анализируя другие категории офицеров морского ведомства.

Как же можно объяснить превышение числа офицеров в составе РККФ и в эмиграции над их численностью в последние недели существования «старого» флота?

Производство в чины в морском ведомстве продолжалось как минимум до 16 (29) декабря 1917 г., когда вышел декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах»⁷¹, а возможно и до 29 января (11 февраля) 1918 г., то есть до издания декрета о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота, где упоминалось о введении единого звания «красного военного моряка». В декрете 10 (23) ноября 1917 г. «Об отмене сословий и гражданских чинов» об отмене военных чинов ничего не говорилось⁷², и на канцелярском делопроизводстве

⁷¹ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах. 16 (29) декабря. С. 242–243.

⁷² Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. 11 (24). С. 72.

он не отразился: чины продолжали давать по-прежнему. Правда, 28 ноября (11 декабря) 1917 г. вышел приказ о приостановке производства и награждений до выработки положения о прохождении службы офицерами⁷³, однако, насколько можно судить, этот приказ исполнялся не слишком пунктуально. О том, как исполнялись в то время приказы о порядке прохождения службы, свидетельствует такой факт: 4 (18) декабря 1917 г. особым приказом был прекращен перевод офицеров военного ведомства в морское⁷⁴, но, тем не менее, 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) прапорщик Вышемирский 1-й такой перевод получил⁷⁵. В тот же день вышел приказ о прекращении переименования офицеров по Адмиралтейству в морские чины военного времени⁷⁶.

С 1 января 1918 г. в приказах встречается звание «военный моряк», но параллельно с ним употребляются прежние чины и звания⁷⁷. 29 января 1918 г. был издан приказ Военно-морской коллегии об упразднении званий военно-морских чиновников и об именовании всех служащих по должности⁷⁸. Еще во второй половине мая 1918 г. в советских документах продолжали обозначаться чины. Так, в документах РГА ВМФ имеется сообщение о том, что «заведующий Архангельским грузовым районом лейтенант Маврокордато» был смертельно ранен при неясных обстоятельствах в Архангельске 16 мая 1918 г. и умер на следующий день⁷⁹. Кстати, в справочнике С. В. Волкова указано, что Н. Д. Маврокордато был «убит большевиками» в Архангельске 3 мая 1918 г.⁸⁰ Вероятно, в документе РГА ВМФ дата приведена по новому стилю, а у С. В. Волкова — по старому. Так как С. В. Волков не приводит ссылок на источники (в отличие

⁷³ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 81 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 41 от 28 ноября 1917 г.

⁷⁴ Там же. Л. 84 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 82 от 4 декабря 1917 г.

⁷⁵ Там же. Л. 90. Приказ по флоту и морскому ведомству № 158 от 21 декабря 1917 г.

⁷⁶ Там же. Л. 84 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 84 от 4 декабря 1917 г.

⁷⁷ Там же. Л. 95, 96 об.

⁷⁸ Там же. Л. 102 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 105 от 29 января 1918 г.

⁷⁹ Там же. Д. 194. Л. 87.

⁸⁰ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. С. 288.

от В. В. Лобыцына), выяснить происхождение сведений о том, что Н. Д. Маврокордато был убит именно «большевиками», а не представителями других партий или просто уголовниками, не представляется возможным.

Поздней осенью 1917 г. чины получали представители нового руководства флота. Между 18 и 26 ноября 1917 г. известный большевик, председатель Военно-морского революционного комитета машинный унтер-офицер И. И. Вахрамеев был произведен в мичманы военного времени, а через несколько дней он получил чин лейтенанта. В этот же промежуток времени издается приказ о производстве в лейтенанты другого старого большевика, комиссара Морского Генерального штаба мичмана Ф. Ф. Ильина (Раскольников). Очевидно, это были типичные производства «по должности»: с точки зрения бюрократической логики, лица, занимавшие столь ответственные посты, должны были быть офицерами. Не исключено, что, если бы «старый» флот просуществовал дольше, И. И. Вахрамеев и Ф. Ф. Раскольников вскоре стали бы по меньшей мере капитанами 2 ранга. Правда, отлаженный механизм делопроизводства уже начал постепенно расстраиваться, так как приказ о производстве И. И. Вахрамеева в мичманы был датирован 22 ноября (№ 27)⁸¹, а о производстве его в лейтенанты — 21 ноября (№ 35)⁸². Приказы №№ 21 и 22 датированы 18 ноября (суббота), затем начинается путаница, а приказ № 40 — 26 ноября (воскресенье). После этой даты неделя путаницы заканчивается. Вероятно, приказы датировались задним числом. Не исключено, что нумерованные, но по какой-то причине не датированные приказы складывались в стопку, а затем в спешке на них были проставлены даты в том порядке, в каком они лежали на столе, то есть порядке, обратном относительно нумерации. Декрет СНК от 23 ноября об упразднении Адмиралтейств-совета позволяет уточнить дату производства Ф. Ф. Раскольникова в лейтенанты: под декретом есть его подпись с обозначением нового чина⁸³. Дни путаницы

⁸¹ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 27 от 22 ноября 1917 г. 22 ноября в 1917 г. — среда.

⁸² Там же. Л. 81 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 35 от 21 ноября 1917 г. — 21 ноября в 1917 г. — вторник.

⁸³ Декрет об упразднении Адмиралтейств-Совета. 23 ноября (6 декабря) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 130—131.

повторились 19–22 декабря, когда приказы №№ 145 и 161 датированы 19 декабря, а №№ 151–156 — 21 и 22 декабря⁸⁴. Есть сведения, что И. И. Вахрамеев, Ф. Ф. Раскольников и М. В. Иванов произведены в следующий чин по решению Первого всероссийского флотского съезда. Если съезд действительно принял такое постановление, это лишний раз свидетельствует о том, что далеко не все институты «старого режима» вызывали однозначное неприятие лидеров революционных моряков. В ноябре 1917 г. появились первые советские адмиралы. В этот чин были произведены капитаны 1 ранга И. Н. Дмитриев, А. А. Ружек и М. В. Иванов⁸⁵. Правда, в январе 1918 г. М. В. Иванов, занимавший пост управляющего Морским министерством, еще подписывается капитаном 1 ранга⁸⁶. В адресованной М. В. Иванову 2 декабря 1917 г. телеграмме об увольнении в отставку контр-адмирала А. В. Развозова П. Е. Дыбенко уже называет А. А. Ружека контр-адмиралом⁸⁷.

Очевидно, кто-то мог получить адмиральский или офицерский чин в конце 1917 — начале 1918 г. и не быть учтенным как адмирал или офицер в справке от 1 января 1918 г., но при этом фигурировать в числе бывших адмиралов или офицеров в справке от марта 1921 г. Нельзя исключать и того, что в «Мартирологе...» и у С. В. Волкова некоторые адмиралы и офицеры упомянуты без указания на факт их производства в чин белыми властями во время Гражданской войны.

Офицерский корпус русского флота продолжал пополняться вплоть до мая 1918 г., поскольку именно до этого срока учащиеся различных военно-морских учебных заведений имели право сдавать выпускные экзамены. 18 (5) февраля 1918 г. Верховная морская коллегия (ВМК) издала приказы об упразднении Морского корпуса и Школы мичманов военного времени⁸⁸. В тот же день специальная комиссия, занимавшаяся планированием вооружения армии и флота, выработала новые предложения, согласно которым подлежали расформированию школы мичманов и курсы гардемарин флота⁸⁹.

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 89 об. — 90 об.

⁸⁵ Там же. Л. 81, 81 об. Приказы по флоту и морскому ведомству № 33 от 23 ноября 1917 г. и №35 от 21 ноября 1917 г.

⁸⁶ Там же. Д. 30. Л. 1–44.

⁸⁷ Там же. Д. 32. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Д. 157. Л. 104 об.

⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 133; Там же. Д. 457. Л. 91

Учащиеся последнего курса получили право сдавать выпускные экзамены. А. И. Деникин производил выпускников Морского корпуса в мичманы со старшинством с 24 февраля или 9 марта (один случай — старшинство с 9 июля 1918 г.), выпускников ОГК с 1 марта 1918 г., а выпускников КГФ с 1 января 1918 г.⁹⁰ Именно в эти дни гардемарины сдавали последний выпускной экзамен. Фактически они выполнили необходимые условия для производства в офицеры и могли впоследствии именовать себя бывшими мичманами, даже не получив формального утверждения в чине. В «Мартирологе...» имеется упоминание об окончании Морского корпуса кадетом 7 марта 1918 г.⁹¹ Следовательно, это учебное заведение функционировало по меньшей мере до начала марта. Кстати, Л. С. Соболев также указывает на март как на последний месяц существования МК: «... Морское училище без лишнего шума развалилось. В один мартовский день те из гардемарин, которые за это время не смыслись к Каледину на юг или к Миллеру на север, вышли на набережную с буханкой хлеба и фунтом масла, отпущенными комитетом на первое время...»⁹² Автор рассказа и сам был в числе «вышедших на набережную».

Авиационные учебные заведения вообще не были расформированы и продолжали свою деятельность. Так, Морская школа воздушного боя была просто переименована в Морскую школу высшего пилотажа 22 марта 1918 г. Тогда же был утвержден ее штат (6 инструкторов-летчиков, 25 учеников-летчиков) и определены денежные надбавки выпускникам и инструкторам⁹³.

Сколько именно гардемарин и юнкеров сдали экзамены на чин мичмана или прапорщика в начале 1918 г. сказать трудно, их могло быть до нескольких сот. Осенью 1917 г. ожидалось, что в течение 1918 г. офицерский корпус флота пополнится 150 выпускниками Морского училища, 90 выпускниками Отдельных гардемаринских классов, еще 200 человек должно было быть произведено в мичманы из гардемарин флота, ожидался также выпуск 300 прапорщиков по морской части, 250 офицеров планировалось произвести из кондукторов, матросов

⁹⁰ См. Мартиролог...

⁹¹ Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. С. 154.

⁹² Соболев Л. С. Перстни // Морская душа. Зеленый луч. Дорогами побед. М., 1958. С. 68.

⁹³ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 243. Л. 6.

и гражданских судоводителей. Еще ставилась задача подготовить 250 прапорщиков по авиационной части. Всего в течение 1918 г. предполагалось пополнить флот 1240 офицерами. В условиях ввода в строй новых кораблей это пополнение не покрывало некомплекта, который должен был составить к концу года около 300 человек, то есть около 3 % штатной численности офицеров, и оценивался как незначительный⁹⁴.

Фактическая численность бывших морских офицеров к началу Гражданской войны превышала цифру 8060. К тому же бывшие зауряд-прапорщики вполне могли именовать себя просто прапорщиками: это было не только более престижным, но и более понятным. Нельзя не учитывать и того, что с лета 1917 г. наметилась тенденция к упразднению чинов прапорщиков, подпоручиков, поручиков по Адмиралтейству с переименованием их в мичманы военного времени или мичманы военного времени берегового состава. Лица, окончившие Школу прапорщиков флота или произведенные в офицеры из нижних чинов в 1917 г., получили уже чины мичманов военного времени. Вполне естественно, что и другие прапорщики и подпоручики морского ведомства могли впоследствии именовать себя мичманами или лейтенантами. Нужно учитывать возможность пополнения престижных категорий офицеров морского ведомства во время Гражданской войны явочным порядком. О том, как далеко могло зайти смешение различных категорий офицеров и чиновников после революции, свидетельствует, например, фигурирующий в «Опыте...» лейтенант по Адмиралтейству В. Белетченко, который, вероятно, был мичманом военного времени берегового состава, позднее произведенным уже белыми властями в штабс-капитаны по Адмиралтейству, сам себя переименовавший в нелепый чин лейтенанта по Адмиралтейству⁹⁵. В Красном флоте летом 1919 г. М. Н. Варфоломеев, бывший младший чиновник Архива Морского министерства, именуется «военным моряком», хотя до революции был гражданским чиновником морского ведомства⁹⁶. Так действовал и герой рассказа Л. С. Соболева, недоучившийся гардемарин распущенного Морского корпуса Юрий Шалавин: он идет «наниматься в бывшие офицеры». «Впервые попав на настоящий корабль...

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4–5. — См. Приложение 2.

⁹⁵ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. С. 41.

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 894. Л. 11.

подавая командиру рапорт... (он. — *К. Н.*) с гордостью подписал: “б. мичман Ю. Шалавин”, видя в этой явной лжи необходимый пароль и пропуск в тесный круг “благородного общества офицеров”, как именовалась в морском уставе кают-компания⁹⁷.

Максимальное число лиц, имевших достаточные основания относить себя к офицерам морского ведомства, составляло около 9700 человек. Эта цифра не оставалась неизменной, так как морской офицерский корпус продолжал пополняться и во время Гражданской войны, прежде всего, за счет производства в офицеры белыми властями. Оценить численность произведенных сложнее, поскольку полные комплексы документов по личному составу белых флотов и флотилий не сохранились.

Расчеты на основе «Опыта...» и «Мартиролога» позволяют выявить свыше 120 человек, произведенных в первый офицерский чин по морскому ведомству белыми генералами. Также следует учесть, что 163 человека были причислены П. Н. Врангелем к флоту в составе Корпуса корабельных офицеров (ККО)⁹⁸. Еще около 500 офицеров, упомянутых в «Опыте...», были произведены белыми в следующий чин. Корпус строевых офицеров и инженеров-механиков мог «пополняться» за счет офицеров по Адмиралтейству, задним числом переименовывавших себя в морские чины. Служба по Адмиралтейству была значительно менее престижна, чем служба строевым офицером или инженером-механиком, а еще летом 1917 г. наметилась тенденция перевода офицеров по Адмиралтейству, принадлежавших к плавающему составу, в строевые офицеры или инженеры-механики. Исходя из этих фактов можно допустить, что некоторая часть прапорщиков, подпоручиков и поручиков по Адмиралтейству именовала себя в 1921 г. бывшими мичманами или лейтенантами. Это косвенно подтверждается тем фактом, что корпус офицеров по Адмиралтейству — единственный, в котором сумма офицеров в РККФ в марте 1921 г. (1224) и умерших в эмиграции (100) меньше их численности на 1 января 1918 г. (1459).

Некоторая часть офицеров морского ведомства могла вернуться на флот из отставки и принять участие в Гражданской войне. Сколько именно гардемарин и юнкеров сдали экзамены на чин мичмана

⁹⁷ *Соболев Л. С.* Перстни. С. 69.

⁹⁸ О Корпусе корабельных офицеров см. с. 80.

или прапорщика в начале 1918 г., сказать трудно, их могло быть до нескольких сот. Очевидно, что значительная часть выпускников весны 1918 г. оказались в РККФ. В «Опыте...» учтено 283 выпускника 1918 г., о 75 из которых сказано, что они остались в СССР, а еще о 48 отмечено, что их судьба неизвестна. Можно с большой долей вероятности предположить, что по меньшей мере половина выпускников 1918 г. служила в РККФ. Кстати, 9 апреля 1918 г. Коллегия Наркомата по морским делам вошла в Малый СНК с предложением ввести нагрудный знак для окончивших Морское Инженерное училище⁹⁹, значит, количество выпускников училища было не таким уж незначительным. Всего в «Опыте...» С. В. Волкова, по нашим подсчетам, содержатся сведения о 1352 лицах, обучавшихся в различных военно-морских учебных заведениях в 1918–1920 гг. и способных при определенных обстоятельствах заявить о себе как о бывших офицерах.

Оценить удельный вес категории офицеров в дореволюционном и красном флотах можно, обратившись к анализу численности матросского состава. В «старом» флоте числились на 1 января 1917 г. 154 004 нижних чина, в том числе 19 000 ратников морского ополчения (призыва 1900–1904 гг.), которые были уволены со службы летом 1917 г.¹⁰⁰ Учитывая ликвидацию категории кондукторов, о чем говорилось выше, и потерю убитыми, ранеными, умершими от ран и болезней и пропавшими без вести в 1917 г. 285 матросов¹⁰¹, к концу года на службе должны были остаться 135 771 матрос и солдат, 8371 офицер (вместе с зауряд-прапорщиками) и около 1630 чиновников (в том числе 122 неклассных). Численность чиновников дана на 11 апреля 1916 г.¹⁰² с учетом 303 бывших кондукторов, произведенных летом 1917 г. в классные фельдшеры. Использовать эти данные применительно к концу 1917 г. можно, так как военно-морское чиновничество в военное время заметно не пополнялось, в отличие от офицерства. Следовательно, на одного офицера или чиновника приходилось 13–14 матросов и солдат. Учитывая, что штатное число офицеров

⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 196. Л. 129.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 5. Д. 4. Л. 105.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Рассчитано по: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. Исправлено по 11 апреля. СПб., 1916.

должно было равняться 8500¹⁰³, на одного офицера или чиновника по штату должно было приходиться около 13 матросов и солдат. Это соотношение следует считать оптимальным для условий России того времени.

В марте 1921 г. в РККФ числилось 89 430 лиц «некомандного» состава, то есть бывших матросов и унтер-офицеров, при штатной их численности 107 108 (см. таблицу 2). Во флотах и флотилиях наблюдался некомплект, причем наибольший (48 %) имел место в бездействовавшем Балтийском флоте, тогда как в Каспийском флоте, Аму-Дарьинской флотилии и Морских силах Белого моря он был наименьшим (6,2–8,8 %). В тыловых и центральных частях и учреждениях, не входивших в состав флотов, наблюдался излишек личного состава, достигавший 24,6 %. В составе флотов при штатной численности командного состава 7809 человек фактически насчитывалось 6378 командиров. Таким образом, в конце Гражданской войны в РККФ приходилось в действительности 8–9 матросов на одного командира (по штату — 10–11 матросов на одного командира). Очевидно, что в рядах командного состава в марте 1921 г. были не только бывшие офицеры, но также бывшие чиновники морского ведомства, «красные офицеры» (то есть люди, получившие военно-морское образование уже после Октябрьской революции) и выдвиненцы из матросов. Как указывалось в одном из докладов по Строевому управлению Морского Штаба Республики, в категорию комсостава слились все бывшие морские офицеры разных специальностей, чиновники, сухопутные офицеры, «военморы некомпостава, бросившие службу по специальности и получившие назначения в административные учреждения до наивысших должностей включительно»¹⁰⁴.

Оценить численность командного состава в тыловых учреждениях очень трудно, в силу того что коэффициент соотношения командного и рядового состава в боевых частях в этом случае вряд ли применим. Конкретных указаний на численность комсостава в тыловых частях найти не удалось, однако оценить его помогает заявление начальника штаба командующего Морскими силами Республики Б. С. Радзиевского, бывшего председателем на совещании по вопросу о сокращении армии 14 декабря 1920 г.¹⁰⁵ «Конкретно имеется факт

¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

¹⁰⁴ Там же. Д. 346. Л. 1.

¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 213–219.

такой, — говорил Б. С. Радзиевский, — у Раскольников (командующий Балтийским флотом. — *К. Н.*) штаб в 350 человек, в то же время жалобы на некомплект на судах флота. Я бы сказал, что это ненормально, не должно быть ситуации, когда на берегу комсостава в два раза больше, чем на кораблях»¹⁰⁶. В данном случае речь идет об офицерах, которые служат в составе флота, но на береговых должностях, а не в тыловых частях, не входящих в состав действующих флотов. Если рассчитать общую численность командного состава на основе численности рядовых, перенеся на тыловые части то же соотношение командного и некомандного состава, которое было характерно для флотов, то мы получим, что общая численность комсостава РККФ составляла на 1 марта 1921 г. около 9900 человек, в том числе 6559 бывших офицеров¹⁰⁷. Полагаем, что процент командного состава в тыловых частях в действительности был несколько выше и общую численность комсостава РККФ можно оценить в 10–10,5 тысяч человек. Таким образом, около 2/3 комсостава РККФ к концу Гражданской войны составляли бывшие офицеры, и это не считая бывших чиновников морского ведомства, которых в 1917 г. насчитывалось свыше полутора тысяч. Очевидно, что значительная их часть оказалась в РККФ и попала в категорию комсостава. Таким образом, количество «бывших» в командном составе РККФ должно превысить 2/3.

Напрашивается вывод о том, что РККФ в годы Гражданской войны не испытывал дефицита в квалифицированных морских командных кадрах. Это подтверждают мемуаристы, участвовавшие в Гражданской войне на стороне белых. Капитан 1 ранга К. К. Шуберт, командовавший в 1919 г. отрядом судов белой Каспийской флотилии, позднее писал с вполне понятным раздражением: «С другой стороны, выяснилось, что Москва была очень недовольна местными военно-морскими действиями большевиков, которыми управлял какой-то товарищ [С. Е.] Сакс. На смену ему должен был прибыть “сам” знаменитый [Ф. Ф.] Раскольников в сопровождении бывшего кадрового офицера — изменника и негодяя капитана 2-го ранга [В. М.] Альфатера. Узнал я также и некоторые фамилии наших возможных будущих противников. Стыдно писать, но нельзя

¹⁰⁶ Там же. Л. 215.

¹⁰⁷ См. Приложение 3.

замолчать того факта, что среди них встречалось немало старых честных морских имен, недостойные носители которых мне были лично знакомы. Тут был и капитан 2-го ранга [В. А.] Унковский, Георгиевский кавалер и преподаватель артиллерийского класса в Кронштадте, и бывший флагманский артиллерист Черноморской минной бригады, старший лейтенант [В. Б.] Ловенецкий, и гвардейского экипажа [старший лейтенант Г. П.] фон Рейер. Все это я мог узнать из приказов, тоже доставленных мне из Астрахани. Там же прочел я и о моем двоюродном брате Александре, сыне полного адмирала Сиденснера — еще совсем юном мичмане, командовавшем у большевиков отрядом быстроходных катеров. Я не подозревал, что нравственное разложение так глубоко проникло в среду наших русских “сливок”, и сознание это угнетало и оскорбляло. Я видел, что борьба предстоит ожесточенная, и мне казалось необходимым напрячь все силы и всю волю, чтобы остановить этот процесс разложения»¹⁰⁸.

В Вооруженных силах юга России А. И. Деникина и в Русской армии П. Н. Врангеля, напротив, наблюдалась острая нужда во флотских офицерах¹⁰⁹. В самом начале белого движения в Добровольческой армии из 3683 участников Ледяного похода числилось всего 12 морских офицеров, 2 гардемарина и 2 матроса¹¹⁰. В распоряжении А. И. Деникина и П. Н. Врангеля оказались остатки Черноморского флота, военно-морская группировка, самая сильная из всех белых формирований. Для заполнения офицерских вакансий пришлось прибегнуть к созданию Корпуса корабельных офицеров из офицеров по Адмиралтейству, направленных на флот офицеров сухопутной армии или произведенных из флотских унтер-офицеров без сдачи ими каких-либо экзаменов. В мартирологе С. В. Волкова, в частности, упоминается штабс-ротмистр Туземного конного полка А. Никитенко, «и. д. боцмана на миноносце “Беспокойный”»¹¹¹. Очевидно, что профессиональная подготовка красных командиров из числа старых матросов ничем не уступала, если не превосходила подготовку белых офицеров ККО. Кроме того, еще 5 сухопутных офицеров,

¹⁰⁸ Шуберт К. К. Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 359–360.

¹⁰⁹ См. Приложение 4.

¹¹⁰ Кадесников Н. З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом... С. 15. Примечание.

¹¹¹ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. С. 335.

упомянутых в «Мартирологе...» В. В. Лобыцына, служили в белом флоте без формального зачисления в ККО, из них четверо — в белом Черноморском флоте. Именно А. И. Деникин и П. Н. Врангель шире всего практиковали производство морских офицеров в следующий чин: в общей сложности они произвели в офицеры около 80 % всех упомянутых в сборниках В. В. Лобыцына и С. В. Волкова¹¹². Необходимость таких «героических» мер косвенно подтверждает тот факт, что у белых оказалось сравнительно небольшое количество флотских офицеров. К. К. Шуберт, вспоминая о создании белой Каспийской флотилии, отмечал: «Вскоре начался набор сохранившихся в распоряжении командования морских кадров для ее укомплектования, и, так как таковых набралось немного, набор в значительной степени пополнялся всякими добровольцами»¹¹³. Ситуация усугублялась еще и характерной для белого движения перегруженностью штабов и тылов личным составом, что отмечают исследователи¹¹⁴.

В Боевой речной флотилии колчаковских войск в августе–сентябре 1919 г. числилось 25 офицеров¹¹⁵, однако только 18 из них несомненно являются офицерами морского ведомства, остальные же 7 — скорее всего, офицеры сухопутной артиллерии. Из числа офицеров боевой речной флотилии лишь трое упомянуты в «Мартирологе...».

В целом, учитывая значительное превышение суммарного числа офицеров, умерших в эмиграции и находившихся на службе в РККФ в марте 1921 г. над числом офицеров, находившихся на службе на 1 января 1918 г., не приходится говорить о больших потерях офицеров морского ведомства в годы Гражданской войны. Полагаем, что потери морского офицерства с той и другой стороны за годы Гражданской войны могут составлять максимум несколько сот человек «по обе стороны баррикады». Эти соображения можно подкрепить еще и тем фактом, что численность бывших офицеров флота, принимавших серьезное участие в боевых действиях

¹¹² В это число включены также офицеры, произведенные в следующий чин М. В. Алексеевым (1 случай) и в Добровольческой армии (3 случая).

¹¹³ Шуберт К. К. Русский отряд парусных судов... С. 317.

¹¹⁴ Шувалов А. А. Офицерский корпус белого движения: Проблемы консолидации // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 98–104.

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. р-1722. Оп. 5. Д. 89. Л. 41. Поименный список. См. Приложение 4.

на фронтах Гражданской войны, была не слишком велика. Бывшие офицеры в составе РККФ концентрируются в штабах, управлениях и на бездействующем Балтийском флоте, а на боевых кораблях их сравнительно немного. Это объясняется тем, что большая часть кадровых офицеров приняла Советскую власть чисто внешне, постольку поскольку и отнюдь не рвалась проливать свою кровь в борьбе с белыми формированиями, которые возглавляли их же товарищи. В то же время пребывание на Балтике позволяло сохранить реноме защитников отечества от внешнего врага, сначала немцев, а потом и англичан, довольно активно действовавших здесь в 1919 г.

Даже если предположить, что средний профессиональный уровень командного состава РККФ за годы Гражданской войны несколько понизился прежде всего за счет выдвижения в его ряды бывших матросов, то этот недостаток вполне компенсировался увеличением удельного веса командного состава в Красном флоте по сравнению с дореволюционным. Это подтверждал и один из историографов белогвардейского Черноморского флота П. А. Варнек¹¹⁶.

Представляется важным вопрос о месте, которое занимали бывшие офицеры в Красном флоте. С одной стороны, после Февральской революции наступила значительная демократизация флотских порядков, которую в современной литературе чаще всего приравнивают к росту анархии и развалу флота. Например, уже в августе 1917 г. судовые комитеты Черноморского флота накладывали дисциплинарные взыскания на офицеров и священников, стремились занять кают-компании и адмиральские помещения на судах¹¹⁷. Формы, в которые облекались субординация и дисциплина царских армии и флота, были унаследованы в значительной степени от крепостнических времен и воспринимались солдатами и, особенно, матросами как унижительные. Особенно развилось ощущение ненормальности старых дисциплинарных форм на флоте после русско-японской войны и первой российской революции.

Никто из современных исследователей, наверное, не будет отрицать наличие достаточной дисциплины и субординации, например, во французской армии начала XX в., однако внешние формы дисциплины во Франции в то время разительно отличались от тако-

¹¹⁶ Варнек П. Действия флота в Северо-Западном районе Черного моря в 1920 году // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 248.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 333. Л. 80—90.

вых в Германии или России. А. А. Игнатъев описывал характерную сцену на маневрах французской армии в 1906 г.: «Возвращаясь в толпе военных агентов верхом, я услышал доносившийся с пехотного бивака незнакомый мне тогда мотив “Интернационала”. Его громко и не очень складно пели изнеможенные от тяжелых переходов французские запасные.

— Что это они поют? — спросил какой-то любопытный иностранец.

— Да это революционная песня! — объяснил несколько сконфуженно сопровождавший нас французский генштабист.

Военные представители малых европейских держав и южноамериканских республик продолжали, однако, возмущаться недостатком дисциплины во французской армии»¹¹⁸.

Военный инженер-судостроитель В. П. Костенко во время похода Второй тихоокеанской эскадры на Дальний Восток заметил, что во французской колонии Дакар «в ресторане собирались преимущественно солдаты местного гарнизона. Их веселые и непринужденные шутки показывали, что здесь они чувствуют себя как дома. Тут же сидел французский офицер-артиллерист и запросто беседовал с сержантом. Видимо, во французской армии вне строя грань, отделяющая офицера от “нижних чинов” не проведена столь резко, как в русской и германской армиях»¹¹⁹.

О барьере между офицерами и нижними чинами в России вспоминал «синий кирасир» В. С. Трубецкой: «Ведь мы были только солдатами — нижними чинами, и с момента как мы одели солдатскую форму, между нами и господами офицерами сразу же выросла огромная пропасть. Теперь с человеком, одетым в офицерскую форму, мы, одетые только по-солдатски, уже никогда не могли говорить просто и держать себя свободно, и это несмотря на то, что мы принадлежали к высшему дворянскому кругу»¹²⁰. Тот же автор, имея в виду ограничения для вольноопределяющихся, писал: «По железной дороге ездить мы могли только в 3-м или 4-м классе. На собственных экипажах вовсе ехать не могли, в трамваях могли путешествовать только стоя на площадке без права взойти в вагон, курить на улице вовсе не имели права, точно так же, как не имели права

¹¹⁸ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 386.

¹¹⁹ *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. С. 227.

¹²⁰ *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 27.

зайти не только ни в один ресторан, но даже и в вокзальный буфет I-го и II-го классов. В театре не имели права сидеть ни в ложе, ни даже в партере, руководствуясь узаконенной поговоркой “Всяк сверчок знай свой шесток”. <...> Сам я лично получил два наряда не в очередь за то, что, провожая свою тетку в Москву, на минуту зашел в вокзальный буфет I-го и II-го класса. Словом, строгости были невероятные...»¹²¹

Встает вопрос: почему до конца XIX в. «резко проведенная грань», отделявшая офицеров от нижних чинов, не воспринималась солдатами и матросами как нечто ненормальное, а в начале XX в. начала вызывать острое неприятие, перерастающее в активный протест с их стороны?

Вот что думал об этом капитан 2 ранга царского флота и контр-адмирал советского флота В. А. Белли: «Два крупнейших фактора определяли состояние флота в то время: революция 1905 г. и русско-японская война 1904—1905 гг.» По его мнению, во второй половине XIX в., на парусно-паровых кораблях с «ничтожной техникой... взаимоотношения офицеров-дворян и матросов-крестьян были сходны со взаимоотношениями помещиков с крестьянами и отражали картину, общую для всей Российской империи. Хотя в конце XIX и в начале XX столетия команды броненосного флота комплектовались уже в значительной степени из промышленных рабочих, все же взаимоотношения между офицерами и матросами оставались прежними. Совершенно очевидно, что в новых условиях на кораблях с обширной и разнообразной техникой это явление было полным анахронизмом, но никто из руководства морского ведомства не обращал на это внимания, и все шло по старинке, как, впрочем, и во всей жизни Российской империи»¹²². В. А. Белли пишет: «Имевшие место революционные выступления на кораблях были тесно связаны с постепенно обостряющимся антагонизмом между офицерами и матросами. До русско-японской войны офицеры имели несомненный авторитет во всех областях военно-морского дела. После тяжелых поражений в эту войну авторитет офицеров как непревзойденных специалистов, упал, оказавшись подлинным мыльным пузырем в глазах подчиненных им команд. То, что я сейчас сказал, не отно-

¹²¹ Трубецкой В. С. Записки кирасира. М., 1991. С. 51.

¹²² Белли В. А. В российском императорском флоте. С. 147—148.

сится, разумеется, ко всем офицерам вообще. Такое мнение было бы совершенно неправильно, глубоко несправедливо... Однако флот был разбит, этого факта снять со счетов было нельзя, и это как нельзя больше дискредитировало корпус морских офицеров вообще. <...> Патриархальность взаимоотношений на кораблях... заменилась взаимной настороженностью, переходившей иногда в явную ненависть. Особенно ясно это можно было заметить со стороны матросов-специалистов из бывших рабочих и по отношению офицеров к этой категории матросов»¹²³. «До [русско-японской] войны матросы называли кадет или гардемарин просто “барин” или “барчук”... После 1905 г. такое обращение полностью перестало существовать, уступив место официально установленному обращению “господин гардемарин”. По отношению к кадетам, а иногда и к гардемаринам, просто употреблялось обращение “вы”»¹²⁴.

После отмены крепостного права начинается рост чувства собственного достоинства среди крестьян и, в особенности, рабочих. До отмены крепостного права дворяне искренне воспринимались массовым сознанием непривилегированных сословий как особая, высшая порода людей. Выслужить офицерский чин, а с ним и дворянство было заветной мечтой солдата и матроса. Особое положение дворян резко подчеркивалось освобождением их от телесных наказаний, от рекрутской повинности, «благородным» обращением между собой и, самое главное, правом владеть крепостными. В результате отмены крепостного права, рекрутчины, телесных наказаний, развития системы образования, а главное, развития капиталистических отношений, дворянство стало терять ореол избранности и притягательность в глазах выходцев из низших сословий. Представление о том, что барин сделан из другого теста, уходит в прошлое.

В армии и на флоте этот процесс был скрыт за внешними формами субординации. Не слишком наблюдательные офицеры продолжали снисходительно-покровительственно смотреть на матроса как на низшее, но, по сути, доброе существо. В то же время для достаточно развитого чувства собственного достоинства матросов становились все более нестерпимыми уставное обращение на ты,

¹²³ Там же. С. 148–149.

¹²⁴ Там же. С. 148–149.

унизительные запреты, наподобие запрета посещения Летнего сада, запрета ездить на извозчике, запрета находиться в салоне трамвая, запрета курить на улице, запрета на посещение императорских театров, необходимость есть из общего бачка, становиться во фронт перед генералами и адмиралами и т. д. Осознание полной невозможности самому стать полноправным строевым офицером делало это чувство у матросов еще более сильным.

Проблема изменения отношений между офицерами и матросами не была тайной для проницательных руководителей ведомства. А. А. Ливен, занимавший в 1911–1914 гг. пост начальника Морского Генерального штаба, выпустил книгу, посвященную вопросам обучения и воспитания личного состава. Редко от высокопоставленного офицера того времени можно было услышать столь резкую оценку политического состояния флота: «Наши нижние чины вовсе не в наших руках, и настроение их вполне зависит от политических течений в народных массах. Они тесно связаны с толпой и резко отделены от своих начальников»¹²⁵.

Некоторые офицеры пытались проводить воздействие на матросов в форме произнесения речей перед строем. По словам В. А. Белли, имел к этому склонность, например, контр-адмирал И. Ф. Бострем. Однако адмиралу, «да, пожалуй, и не ему одному, не приходило в голову, что на шканцах находится далеко не вся команда, что революционно настроенные матросы вместо шканец давно ушли во внутренние помещения, а в первых рядах на шканцах стоят боцмана, фельдфебеля, старшины... Бодрые ответы на приветствия и пожелания командующего отрядом исходили от этой категории людей, а отнюдь не от всей массы матросов»¹²⁶. Можно добавить, что традиционные формы воздействия офицеров на команду складывались во времена парусного флота, когда все обитаемые внутренние помещения корабля (батареинные палубы и кубрик) были практически лишены переборок и сравнительно легко обозримы, верхняя палуба, без надстроек, хорошо просматривалась. При этом вся жизнь парусного корабля сосредоточивалась именно на верхней палубе. Поэтому командир корабля и офицеры могли легко увидеть перед собой всю массу матросов, почувствовать их настроения, а значит,

¹²⁵ Ливен А. А. Дух и дисциплина нашего флота. Б. м., 1908. С. 123.

¹²⁶ Белли В. А. В российском императорском флоте. С. 121.

и повлиять на них. Когда же матросы начали «растекаться» по закоулкам стального корабля рубежа XIX–XX вв., они выпали из поля зрения офицеров и даже унтер-офицеров. Сложившаяся в парусные времена ротная организация команды стала мешать эффективному контролю над матросами со стороны командного состава. В начале XX в. в отечественном флоте матросы крупного корабля делились на несколько строевых рот, которыми командовали строевые офицеры. Так как роты должны были быть примерно одинаковыми по численности, в одну роту неизбежно попадали матросы разных специальностей, несшие службу в разных местах корабля. Вместе рота собиралась только при построениях и при весьма маловероятной операции — высадке десанта. Естественно, что строевые офицеры хорошо знали только тех матросов своей роты, с которыми они находились на боевых постах. Инженеры-механики не имели строевых обязанностей, не командовали подразделениями рот и представляли как бы группу консультантов при основном командном составе.

Ненормальность положения инженер-механиков вызывала недоумение сухопутного начальства. По воспоминаниям М. Ю. Горденева, когда сухопутный генерал-майор Ласский в начале 1907 г. инспектировал флотскую роту, которой командовал будущий мемуарист, его особенно поразило то, что мичман командовал ротой, а штабс-капитан инженер-механик стоял в строю. Удивление Ласского вызвало и то обстоятельство, что отделенными командирами флотской роты были строевые матросы 1-й статьи, тогда как унтер-офицеры-специалисты стояли в строю рядовыми¹²⁷.

Только в 1932 г. команда в зависимости от специальности была разделена на боевые части, которыми командовали офицеры-специалисты и старшины-специалисты, так что и на боевом посту, и в строю матрос стал подчиняться одним и тем же командирам.

Словом, в дореволюционном флоте «внешне дисциплина еще существовала, но корни ее постепенно подгнивали»¹²⁸. Живые, яркие и исторически достоверные картины жизни офицеров и матросов русского флота предреволюционных лет даны в автобиографической повести Л. С. Соболева «Капитальный ремонт»¹²⁹.

¹²⁷ Горденев М. Ю. Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии русского императорского флота. М., 2007. С. 231.

¹²⁸ Там же. С. 149.

¹²⁹ Соболев Л. С. Капитальный ремонт. М., 1989.

Ее автор сам был гардемаринем Морского училища и неоднократно бывал на кораблях флота у своего старшего брата, лейтенанта А. С. Соболева.

Необходимость некоторой модернизации взаимоотношений между офицерами и матросами была очевидна и для руководства флота после Февральской революции. Так, в середине сентября 1917 г. в Главном Морском штабе (ГМШ) был поднят вопрос об образовании «преимущественно из строевых офицерских чинов флота» комиссии для рассмотрения вопроса о дисциплинарных взысканиях¹³⁰. Характерно, что инициатором отмены офицерских погон на флоте выступил не штатский морской министр либерал А. И. Гучков, а профессиональный военный контр-адмирал М. А. Кедров. Уже в эмиграции А. И. Гучков рассказывал: «Я расходился только с [вторым помощником морского министра] Кедровым: он стоял за уступки, я за большой отпор. У нас было раз резкое столкновение по вопросу о погонах. Что касается моряков, там резче была оппозиция против погон, и были случаи, когда команды целых судов сами сняли погоны. Кедров говорил, что нужно это узаконить, чтобы не было борьбы. Было решено упразднить погоны во флоте, причем Кедров ссылался на то, что в заграничных флотах допускается отсутствие (видимо, ошибка в стенограмме. Правильнее — «допускается наличие». — К. Н.) погон во флоте только в особых случаях¹³¹. Разошлись мы с ним в том, что он настаивал, чтобы это была общая мера, которая распространялась бы не только во флоте, но и на армию. Это была ошибка, потому что если мы на флоте не брались сохранить [погоны] (если бы пытались сохранить, вызвали бы целую систему столкновений), то в армии этот вопрос не был такой острый, во всяком случае, такие требования были [только?] в тылу. Мы могли сохранить [погоны в армии], и мы сохранили [их]»¹³².

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 333. Л. 96.

¹³¹ В подавляющем большинстве флотов в то время знаки различия представляли собой нарукавные нашивки из золотого или серебряного галуна, а погоны с аналогичными галунами носили на кожаных или прорезиненных плащах, белых кителях и другом обмундировании, на рукава которого было затруднительно нашить галуны.

¹³² Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 204.

Накопившееся в душах матросов чувство унижения выплеснулось на поверхность во время революции. Этот всплеск антиофицерских настроений во многих случаях вылился в стихийные расправы, жертвами которых стали как вызывавшие персональную ненависть офицеры, так и случайные лица. Однако неправомерно видеть в стихийных расправах над офицерами плоды «большевистской агитации», как это делали сторонники Белого дела во время Гражданской войны, и как делают это некоторые современные историки. Эти расправы не были инспирированы какой бы то ни было партией, но все политические силы, поддерживавшие Февральскую революцию, одобрили их как следствие справедливого гнева масс. В 1917 г. существовала тенденция сильно преувеличивать степень разумности действий толпы матросов в первых числах марта 1917 г. «Достоинно удивления, что это никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары. От стихийного гнева толпы пострадали только те офицеры, которые прославились наиболее зверским и несправедливым обращением с подчиненными им матросско-солдатскими массами»¹³³, — писал лидер кронштадтских большевиков Ф. Ф. Раскольников. У современников подобные отзывы порождали желание приписать стихийным расправам руководство какой-то политической организации.

Период сомнений в том, можно ли и нужно ли использовать бывших офицеров, прошел у высшего руководства Советской России достаточно быстро. Момент поворота официальной Советской власти от борьбы с офицерством к его использованию может быть датирован февралем—апрелем 1918 г. 3 декабря 1917 г. вышел приказ Верховной морской коллегии об упразднении категории строевых офицеров¹³⁴, что свидетельствовало об «антиофицерской» направленности политики нового руководства флота. 7 января 1918 г. видим новый приказ с несколько курьезным названием «О непроведении в жизнь приказа № 79 об уничтожении [категории] строевых офицеров»¹³⁵. Полагаем, что отказ от ликвидации категории строевых

¹³³ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 38.

¹³⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 84. Приказ по флоту и морскому ведомству № 79.

¹³⁵ Там же. Приказ по флоту и морскому ведомству № 19 от 7 января 1918 г.

офицеров означал поворот в сторону использования старых специалистов. Напомним, что именно строевое флотское офицерство, в подавляющем большинстве своем вышедшее из стен Морского корпуса, сохраняло наиболее замкнутый кастовый характер, по сравнению с другими «корпусами» морского ведомства.

Попытки проведения демобилизации позволяют дополнить картину отношения революционного руководства флота к офицерам. В январе 1918 г. П. Е. Дыбенко, который тогда считал себя наркомом по морским делам, хотя его статус не был точно определен, издал приказ об увольнении всего личного состава флота с 1 февраля 1918 г.¹³⁶ Этот приказ был издан в развитие декрета СНК о демобилизации от 29 января 1918 г. Однако демобилизация в условиях поспешного перехода части кораблей Балтийского флота из Ревеля в Гельсингфорс, а затем из Гельсингфорса в Кронштадт вряд ли была возможна. Уже в условиях начавшегося Ледового похода, 21 марта 1918 г. командующий морскими силами Балтийского моря А. М. Щастный и главный комиссар флота Е. С. Блохин издали приказ по флоту об увольнении всех офицеров военного времени и задержании кадровых¹³⁷. Этот приказ укладывался в рамки дореволюционных представлений о более высоком месте кадровых военных в негласной иерархии различных категорий офицеров. Очевидно, что приказ отражал именно представление А. М. Щастного о кадровой политике, не случайно Е. С. Блохина впоследствии обвиняли в политической близорукости по отношению к командующему. Совет комиссаров БФ опротестовал этот приказ, не согласившись с «выбрасыванием с флота... черной кости»¹³⁸. Протест против демобилизации офицеров военного времени вылился в пересмотр политики в отношении демобилизации офицеров вообще. Члены Центробалта И. П. Флеровский и С. Е. Сакс написали письмо наркомвоенмору Л. Д. Троцкому с просьбой прекратить демобилизацию офицеров по декрету 29 января 1918 г. хотя бы на шесть месяцев¹³⁹. Реакцией на письмо был декрет СНК о «задержании офицеров», подписанный не позднее 28 мая 1918 г.¹⁴⁰

¹³⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

¹³⁷ Там же. Л. 58.

¹³⁸ Там же. Л. 56–57. Телеграмма за подписью С. Е. Сакса.

¹³⁹ Там же. Л. 77.

¹⁴⁰ Там же. Л. 68.

Это было ясным свидетельством изменения политики в отношении строительства армии и флота.

29 января 1918 г. был отдан приказ по флоту и морскому ведомству «Об упразднении звания военно-морских чиновников, об именовании всех служащих по должности и о считании прикомандированных [служащими] по вольному найму»¹⁴¹. Под этим путаным заголовком скрывался приказ о ликвидации чиновничества морского ведомства как особой категории, приравнивании бывших чиновников к обычным гражданским служащим и о том, что все военнослужащие, не числящиеся в штате учреждения, а прикомандированные к нему, переводятся в разряд вольнонаемных.

Позднее никакого пренебрежения бывшими офицерами официальные советские органы себе не позволяли. Например, 6 апреля 1919 г. Н. И. Подвойский, занимавший тогда должность наркомвоенмора Украины, обратился в МГШ с просьбой указать кандидатуру для замещения должности комфлота Украины и командира флотского экипажа. Морское управление Украины выдвинуло на пост комфлота бывшего капитана 1 ранга А. И. Шейковского (в документе назван «Швейковским»), комиссаром при нем матроса А. В. Полупанова. В качестве командира экипажа был предложен С. В. Максимов, охарактеризованный как «прапорщик производства октябрь 1916 из второго балтийского [флотского экипажа]»¹⁴². На должность начальника Морского управления Украины был выдвинут «прапорщик по механической части»¹⁴³ А. Т. Дарморос (иногда встречается написание «Дармороз»). Через два дня Н. И. Подвойский в телеграмме на имя Л. Д. Троцкого просил откомандировать на Украину из Орла «бывшего капитана 2 ранга [Г. И.] Бутакова 4-го»¹⁴⁴. Таким образом, главным критерием профессиональной пригодности моряка в этой переписке выступает его принадлежность к бывшему офицерскому корпусу, а конкретно — последний чин, полученный до революции с указанием на время производства для офицеров военного времени. Это заставляет предположить, что прапорщики, произведенные до февраля 1917 г., считались лучше

¹⁴¹ Там же. Л. 102 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 103 от 29 января 1918 г.

¹⁴² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 816.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. Л. 814.

подготовленными или более опытными, чем выпущенные при Временном правительстве.

Конечно, положение бывших офицеров в Красном флоте, особенно в 1918 г. могло быть очень тяжелым. Будущий адмирал советского флота И. С. Исаков вспоминал о своих раздумьях весной 1920 г.: «А потом, в каюте, я думал: почему мне должны верить больше, чем [Р.] Семченко (мичман, пытавшийся перебежать к белым. — К. Н.)? Что я не из дворян? Что участник Ледового похода и боев с англичанами на Балтике? Этого мало. Это не гарантия политической лояльности на всю жизнь. И еще, — значит, я расплачиваюсь не только за себя, но и за семченков. А сколько их? И где они маскируются? Получается, бывшее офицерство — вроде каиновой печати»¹⁴⁵. Р. Семченко принадлежал ко второму выпуску ОГК, он учился вместе с Ф. Ф. Раскольниковым и И. С. Исаковым¹⁴⁶. Некоторые бывшие офицеры прибегали к самоубийству. Так, 9 ноября 1918 г. в Москве бывший капитан 2 ранга Б. В. Муромцев явился для регистрации в Наркомат по морским делам и прямо в помещении наркомата застрелился¹⁴⁷. Некоторые видные большевики высказывали мысли о том, что при строительстве новых вооруженных сил офицеры принесут не пользу, а вред. Так, при обсуждении «Декларации прав солдата», тех ее пунктов, где шла речь о выборности командного состава, «И. Л. Дзевялтовский предупредил “о возможности безработников”. На что Н. И. Подвойский, в частности, заметил: “пусть разбегутся офицеры”»¹⁴⁸.

Впрочем, и в те дни раздавались иные голоса. Так, большевик-подпольщик, солдат царской армии Н. И. Муралов, назначенный 3 ноября 1917 г. комиссаром Московского военного округа с правами командования, издал приказ № 3 о выборах командного состава во всех воинских частях. «В приказе содержалось обращение к солдатам при выборах не забывать “о тех офицерах, которые всегда были

¹⁴⁵ Исаков И. С. Каспий, 1920. М., 1973. С. 14–15.

¹⁴⁶ Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 78.

¹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 194. Л. 790. — О Б. В. Муромцеве много пишет В. А. Белли в своих воспоминаниях (*Белли В. А. В российском императорском флоте*).

¹⁴⁸ Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. 1917–1920. М., 1997. С. 37.

с вами и за вас”, а также о тех, кто не шел вместе с солдатами, но и не был “в стане... врагов” — они могут быть полезными “своими военно-техническими знаниями”¹⁴⁹.

Впрочем, быт офицеров был довольно тяжелым, особенно по сравнению с привычными для них жизненными стандартами. Особая комиссия обследовала состояние Балтийского флота в начале осени 1918 г. и обнаружила очень плохую связь начальника морских сил моря с МГШ. Комиссия «конфиденциально» докладывала начальнику Уставного отделения МГШ В. В. Яковлеву: «Морской Генеральный штаб не имел и не имеет яркого представления о жизни Балтийского флота... Комиссия констатирует со стороны командного состава боязнь открыто заявлять о существующих обвинениях, предъявляемых ему на каждом шагу... Пример хотя бы в большом числе случаев наряда командного состава на черные работы и ни об одном из этих случаев не было доведено до сведения ни МГШ, ни — поэтому — высшей власти»¹⁵⁰. При разборе дела всплыли жалобы, которые подавались ранее на явные нарушения прав комсостава, но при этом указывалось на невозможность сообщить о них «по причинам именно формального характера»¹⁵¹. Таким образом, уже в конце 1918 г. наряд командного состава (то есть бывших офицеров) на грязные работы считался в центре чем-то ненормальным, хотя на местах и практиковался.

Сами офицеры могли провоцировать недоверие к себе со стороны матросов тем, что не стремились принимать участие в боевых действиях против своих товарищей, выбравших белую сторону гражданского конфликта. Наиболее естественной формой избегания участия в боях было стремление занять посты в штабах. Об этом с возмущением писал, например, старший писарь Астрахано-Каспийской военной флотилии коммунист М. К. Журавлев в июле 1919 г. (орфография и пунктуация подлинника сохранены): «Наблюдаю у себя в штабе флотилии, которому подчинены все силы оперирующие на водах, как реки Волги так и берегов Каспийского моря следующее: начиная с Начальника штаба и кончая последним Помощни-

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 31–35.

¹⁵¹ Там же.

ком Начальника Распорядительной Части Штаба все офицеры бывшей старой армии при том Полит[ический]ком[иссар] Штаба Армейский кажется офицер, скажите Товарищи есть ли здесь хотя один человек рабочего класса? — нет. Знает ли хотя один человек коммунист их политику, их намерения и чем они дышат? — нет. Да, ведь у них над дверями красуется надпись без доклада не входить. Контролирует ли их действия Тов. пролетариат, согласно заявления Тов. Ленина? — не знаю, но кажется что нет. Зачем это офицерство засело в Штаб и на те должности которые могли бы выполнять наши Тов. коммунисты, наши кровные моряки? Неужели не найдется у нас Тов. матроса который мог бы занять должность Комиссара Штаба и который контролировал бы их? Неужели не найдется опытных канцеляристов, которые все как говорится зубы проели на канцелярии и могли бы свободно дать сто очков вперед любому крокодилу, занять должность Начальника Распорядительной Части, его Помощника и флаг-секретарей? — сколько угодно. Даже приведу факт. Был Помощником Начальника Распорядительной части тов. Ярославцев, он смнен и удален со Штаба, а на его месте дали офицера, между тем как Тов. Ярославцев безусловно мог бы исполнять должность не только Помощника но даже самого Начальника Распорядительной Части, а тот же офицер если он сторонник трудового народа пусть управляет боевым судном, а не сидит в тылу, а также и остальных можно я думаю разместить на соответствующий должности. Но, к сожалению если оставить одного двух трех бывших офицеров при Штабе то им будет скучно, и по всему видно, видно не хотиться им иметь дело с тружениками рабочими, им, так и снится своя семья, свой кружок, который они теперь уже организовали в Штабе, и, теперь смело могут делиться своими убеждениями не имея помехи со стороны нашего брата»¹⁵². Справедливости ради надо заметить, что все же на мостиках боевых кораблей, особенно специальной постройки, стояли, в основном, офицеры, хотя бы и военного времени¹⁵³. Впрочем, желание отсидеться в штабах было характерно не только для Красной армии и флота, но и для белых. Об этом писали в своих мемуарах почти все видные деяте-

¹⁵² РГАВМФ. Ф. р.—917. Оп. 1. Д. 102. Л. 29—30.

¹⁵³ См., например: *Исаков И. С.* Каспий, 1920. С. 18—19.

ли контрреволюционных сил, не исключая и самого А. И. Деникина¹⁵⁴.

Существенными были бытовые трудности во время Гражданской войны. Осенью—зимой 1919–1920 гг. в памятной записке МГШ отмечалось, что служащие Морского Генерального штаба желают идти в строевые учреждения комиссариата, потому что в строю выше продовольственный паек и лучше вещевое довольствие, выше жалованье. Отмечалось, что в Москве служащие большую часть своей энергии тратят на поддержание своего существования, так как в помещении штаба полностью отсутствуют дрова, температура ниже нуля. В составе служащих МГШ «едва 30 % моряков». Даже в штабе коморси (командующего всеми морскими, озерными и речными силами Республики) выплачивается усиленный оклад, а в МГШ — «основной», значительно меньший. Авторы записки считали необходимым срочно уравнивать паек, вещевое довольствие и жалованье служащих МГШ, строевых частей флота и штаба командующего морскими силами (коморси), а также обеспечить штаб дровами¹⁵⁵. По мнению комиссара МГШ, «работают все сотрудники штаба, как низшие, так и высшие, вяло из-за плохого питания, холодного помещения и плохого поведения “высших инстанций”», например, начальников штаба командующего морскими силами (Б. С. Радзиевский. — *К. Н.*) и канцелярии Морского комиссариата (А. П. Яблонский. — *К. Н.*), привилегированного положения начальников отделов, «с которых не всегда требуют в полной мере трудовой дисциплины... Все служащие, как командного, так и некомандного состава живут в ужасных антигигиенических жилищных условиях, скученность, холод и болезни — это одна из главных причин вялости в работе»¹⁵⁶. Копии этого письма были направлены члену РВС Д. И. Курскому, наркому внутренних дел Ф. Э. Дзержинскому и председателю ОО ВЧК.

¹⁵⁴ См., например: *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь—декабрь 1918 г.) // Архив русской революции. Т. 2. С. 62; *А. В.* Дневник обывателя // Архив русской революции. Т. 4. С. 275–276; *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 58; *Петров П. П.* Роковые годы. Франкфурт, 1965. С. 141; *Голеевский М. М.* Материалы для истории гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну с 1917 г. по 1922 г. Белград, 1922. Кн. 2. С. 58.

¹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 454. Л. 54–55.

¹⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 4. Д. 5. Л. 57–57 об.

Органы самоуправления, возникшие в армии и на флоте в 1917 г., были несовместимы со строительством регулярных вооруженных сил и крайне раздражали бывших офицеров, претендуя на контроль над ними. Постепенно начинается их упразднение. Так, 18 января 1919 г. РВСР принял решение о ликвидации судовых комитетов и назначении комиссаров на все суда флота. Одновременно при РВСР учреждался революционный трибунал¹⁵⁷. То, что оба эти решения были приняты на одном заседании РВСР, явно свидетельствует о взятии курса на упрочение дисциплины.

Несмотря на бытовые трудности, статус морских офицеров повышался, постепенно приближаясь к дореволюционному. К январю 1920 г. в штабе Балтийского флота были разработаны «Временные правила о вестовых на судах флота», которые затем подверглись переработке в МГШ¹⁵⁸. В штабе Балтийского флота предполагали использовать в качестве вестовых вольнонаемных из числа лиц не моложе 16 лет, не подлежавших призыву на военную службу. Согласно проекту, на кораблях, в экипаже которых насчитывалось 5 командиров и менее, полагался один вестовой, от 6 до 15 — двое, от 15 (так в документе. — *К. Н.*) до 25 — трое, свыше 25 — четверо. Отдельный вестовой полагался флагманам и командирам кораблей 1 ранга, а также тем из командиров кораблей 2 ранга, которые могут обедать за отдельным столом (что обуславливалось особенностями конструкции корабля). Основной функцией вестовых была подача пищи на стол, уборка, исполнение обязанностей буфетчиков.

Постепенно оказались восстановлены и атрибуты офицерского достоинства. 29 января 1920 г. Реввоенсовет Балтийского флота просил разрешить командному составу флота хранить и носить холодное и огнестрельное оружие, которое было дано комсоставу Красной Армии еще 29 июля 1918 г. Напомним, что оружие было изъято у офицеров по настоянию матросских комитетов еще в июне 1917 г. 1 февраля 1920 г. РВСР принял положительное решение по вопросу об оружии, а спустя пять дней оно было опубликовано в соответствующем приказе¹⁵⁹. Любопытно, что строевым командирам

¹⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 90.

¹⁵⁸ Там же. Д. 604. Л. 1-7.

¹⁵⁹ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920-1923: Сборник документов. М., 2000. С. 35-37.

вернули не только револьверы, но и кортики, тогда как комиссарам кортики не полагались. Об этом говорится, например, в табели вооружения ручным холодным и огнестрельным оружием частей артиллерии Кронштадтской крепости применительно к штатам мирного времени, объявленной в приказе по артиллерии крепости от 26 июля 1921 г.¹⁶⁰

Кстати, разработанное в январе 1920 г. описание подвигов, за которые моряки могли быть награждены орденом Красного Знамени, практически буквально повторяет соответствующие места статута ордена св. Георгия (пункты 1–43) и Георгиевского креста (пункты 44–54), включая даже такие архаические формулировки, как попадание в амбразуру корабельной пушки, захват флага при абордаже и т. д.¹⁶¹

Фактически имело место восстановление определенных материальных и моральных привилегий, а также традиционного положения офицеров. Еще осенью 1921 г. вопрос о восстановлении положения командного состава стоял весьма остро, что видно из «Записки о флоте», которую бывший старший лейтенант Э. С. Панцержанский, тогда начальник Морских сил Черного моря и помощник командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма, направил 18 ноября 1921 г. Л. Д. Троцкому. В ней отмечалось, что тяжелое положение флота усугублялось «до мифической абсурдности полнейшей материальной необеспеченностью командного состава и старых моряков (сверхсрочнослужащих)»¹⁶². Автор полагал, что создание «незыблемого» положения для командного состава возможно только в случае практически полной замены матросов и подготовки «новых кадров личного состава, долженствовавших сменить непосредственных участников государственного переворота», обновления комис-

¹⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. р–423. Оп. 1. Д. 70. Л. 34–36 об. Приказ №13/стр.

¹⁶¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 603. Л. 9–11. Ср.: Статут Императорского Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и о принадлежащем к сему ордену знаку отличия для нижних воинских чинов // Учреждение орденов и других знаков отличия: Изд. 1892. П. 41–62, 346.

¹⁶² *Панцержанский Э. С.* Председателю Революционного военного совета Республики т. Троцкому. Записка о флоте // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 53.

сарского состава и политической фильтрации самих бывших офицеров¹⁶³.

Ускоренная демобилизация армии и флота в 1921–1922 гг., по видимому, и привела к тем результатам, на которые рассчитывал Э. С. Панцержанский. По свидетельству Ю. А. Пантелеева, уже летом 1922 г. положение командного состава было вполне традиционным, кают-компания вновь стала местом проведения досуга исключительно командиров, а обеденный ритуал на линкоре «Марат» выглядел практически как дореволюционный: «Более 25 командиров размещались за двумя длинными, параллельно стоявшими столами. За одним столом сидели помощник командира корабля, старшие специалисты (теперь их зовут командирами боевых частей) и строевые, за другим — все остальные. На белоснежных скатертях красовались старые линкоровские сервизы, подставки для вилок и ножей, мельхиоровые кольца для салфеток, разные кувшины и вазочки»¹⁶⁴. Обращает на себя внимание то, что возродилась даже неформальная иерархия командного состава, когда строевые офицеры имели преимущество перед инженерами-механиками и врачами, что выражалось в рассаживании за столами. Судя по фразе Ю. А. Пантелеева, к «остальным» относились также и комиссары, то есть их неформальный статус не был слишком высоким. Вместе со вновь появившимися знаками различия по должностям, вновь начали действовать особые «ванны начсостава», появился и «краснофлотец — уборщик... каюты» и т. д.¹⁶⁵

В то же время, восстановление привилегий командного состава вызывало резкую критику «снизу» и со стороны старых партийных работников. Так, В. М. Смирнов в своих «Тезисах о военной политике», обсуждавшихся на заседании военной секции VIII Съезда партии во второй половине марта 1919 г., писал о том, что происходит «кастовое обособление командного состава (резкая разница в окладах, право иметь вестовых на роли денщиков, льготные условия освобождения от службы по болезни и при содержании под арестом, выделение в особо привилегированную группу генштабистов и т. д.)»¹⁶⁶

¹⁶³ Панцержанский Э. С. Председателю... С. 52–57.

¹⁶⁴ Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. С. 34–36.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Смирнов В. М. Тезисы о военной политике // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 182.

Хорошей иллюстрацией особенностей политики верховной власти в отношении строительства регулярной армии, отношения к бывшим офицерам, развития взглядов на взаимоотношения внутри вооруженных сил представляются изменения в военной форме. Очевидно, что военная форма — необходимый атрибут регулярной армии и флота. Изменения политического режима в любой стране всегда находят свое отражение в переменах военной формы. Во время революции 1917 г. и Гражданской войны каждый политический режим, пытавшийся утвердиться во всей России или на части ее территории, заявлял о себе в тех или иных изменениях во внешнем виде военнослужащих. Признаком радикальной революционности был протест против военной формы вообще и, в особенности, против знаков различия. Вместе с тем особая форма и знаки различия являются одним из важнейших атрибутов офицерского достоинства. В сухопутной армии во время Первой мировой войны наметилась тенденция к ношению офицерами солдатского обмундирования с офицерскими погонами и ременным снаряжением, то есть облик офицеров и солдат постепенно сближался, однако на флоте этого не наблюдалось.

16 апреля 1917 г., «по примеру всех свободных стран» в российском военно-морском флоте были отменены «все виды наплечных погон», а цвет кокарды изменен на красный. Вводились офицерские нарукавные знаки различия из золотого или серебряного галуна. Существенные изменения претерпела фуражка. Она приобрела «американский» (как тогда говорили) покрой — с большим прямоугольным козырьком, мягкой тульей без выпушек и черной шелковой лентой вокруг околыша. Подбородный ремешок заменялся на золотой шнурок, а кокарда — на «краб», эмблему в виде кружка с якорем, окруженную пышным венком из вышитых листьев и увенчанную золотой пятиконечной звездой. Появился новый предмет форменной одежды — двубортная черная тужурка пиджачного покроя¹⁶⁷. 21 апреля для отличия военных моряков от торговых появился якорь

¹⁶⁷ Харитонов О. В., Горшков В. В. Русская армия. 1917–1920. СПб., 1991. С. 28; Доценко В. Д. Русский морской мундир. СПб., 1994. С. 142–147; Третьяков А. А. Морская форма русской смуты. 1917 год // Цитадель. 1998. № 1 (6). С. 64–67.

красного цвета, вышивавшийся на левом рукаве, а описание новой формы было конкретизировано¹⁶⁸. Временное правительство утверждало свое существование изменением морской формы.

Творчество в области внешнего вида моряков продолжалось до падения Временного правительства. Так, 24 октября 1917 г. был введен специальный нарукавный знак для бежавших из плена¹⁶⁹. Надо полагать, что он копировал аналогичный знак, введенный 25 сентября в сухопутной армии, и представлял собой сложную конструкцию из бело-сине-красной, черно-желтой (или черно-белой) и георгиевской лент¹⁷⁰.

После свержения царя не только правительство изменяло форму моряков. По свидетельству Ф. Ф. Раскольникова, в марте 1917 г. «решением кронштадтских масс... уже были аннулированы погоны, и сухопутные офицеры отличались от солдат только лучшим качеством сукна своих гимнастеров. Более заметно выделялись морские офицеры синими кителями с шеренгой золотых пуговиц посередине»¹⁷¹. Следовательно, в Кронштадте не только морские, но и сухопутные офицеры не носили погон уже ранней весной 1917 г.

После Октября последовал декрет советского правительства об упразднении военной формы и знаков различия старой армии и флота. Декреты в те дни далеко не всегда исполнялись строго и быстро, поэтому затруднительно точно определить время, когда на флоте действительно перестали носить знаки различия, введенные Временным правительством. Формальная отмена знаков различия и каких-либо внешних признаков занимаемой должности, конечно, не означала отсутствие тех или иных неформальных признаков высокого статуса, ведь такие неформальные признаки всегда существовали и существуют в любом человеческом обществе. Однако сам факт отсутствия погон, галунов, петлиц, нашивок и тому подобного воспринимался солдатами, матросами и населением как важный символ равенства всех военнослужащих новых вооруженных сил. Отсутствие знаков различия в Красной армии и флоте причиняло существенные неудобства, но неприятие каких-либо форменных

¹⁶⁸ Харитонов О. В., Горшков В. В. Русская армия. С. 29.

¹⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 74 об.

¹⁷⁰ Харитонов О. В., Горшков В. В. Русская армия. С. 37; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855–1918. М., 1998. С. 205.

¹⁷¹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 52.

отличий среди матросской и солдатской массы было столь сильно, что вплоть до окончания Гражданской войны провести их в жизнь так и не удалось.

В январе 1919 г. советское правительство впервые ввело знаки различия в сухопутной армии в виде геометрических фигур (треугольников, квадратов, прямоугольников и ромбов), нашиваемых на рукав¹⁷². При всей скромности новых знаков различия и их разительном несхождении с дореволюционными, добиться их обязательного ношения не удалось, вероятно, по психологическим причинам. Неприятие любых знаков различия было столь сильным, что введение нарукавных знаков различия в Народно-революционной армии Дальневосточной республики в ноябре 1920 г. вызвало среди красноармейцев панические слухи о готовящемся возврате к погонам¹⁷³, что воспринималось как символ краха революции. В итоге действительно общеобязательные знаки различия по должностям и родам войск появились в РККА только в январе 1922 г.¹⁷⁴

В морском ведомстве еще в начале 1919 г. был разработан проект новых знаков различия. В основу были положены «штаты» — круглые нарукавные нашивки с обозначением специальностей моряков, которые дополнялись шевронами и звездочками, обозначавшими должностную категорию. В отличие от армии, данный проект не был даже опубликован. Можно предположить, что отказ от введения на флоте знаков различия был связан, с одной стороны, с особенно резким неприятием внешних отличий революционно настроенной матросской массой, а с другой стороны — нежеланием командного состава флота носить слишком «демократичные» и резко отличающиеся от зарубежных аналогов знаки различия.

В итоге флот пришел к созданию знаков различия на основе нарукавных нашивок (декабрь 1921 г.), что вполне укладывалось в русло мировых тенденций развития военно-морской формы, тогда как Красная Армия получила уникальную систему знаков различия (на основе геометрических фигур), не имевшую и не имеющую

¹⁷² Форма одежды и знаки различия Красной и Советской армии. 1918–1945 гг. Л., 1960. С. 6.

¹⁷³ Степанов А. Народно-революционная армия Дальневосточной республики. 1920–1922. // Цейхгауз. 1993. № 3. С. 40.

¹⁷⁴ Форма одежды и знаки различия Красной и Советской армии. 1918–1945. С. 10.

аналогов в мире. Таким образом, в отношении морского командного состава Советская власть пошла на определенную уступку, сохранив более традиционные знаки различия, чем для сухопутной армии.

* *
*
*

В современной литературе распространен тезис о том, что многие бывшие морские офицеры стали жертвами красного террора. Так, Ю. Н. Березовский приводит цитаты о казнях офицеров в январе 1918 г. на транспорте «Трувор» и гидрокрейсере¹⁷⁵ «Румыния» в Севастополе из известной книги С. П. Мельгунова «Красный террор», считая, что С. П. Мельгунов имеет в виду казни морских офицеров¹⁷⁶. При внимательном чтении текста «Красного террора» мы нигде не обнаружили прямого указания автора на казни именно морских офицеров, тем более нет возможности на основе текстов С. П. Мельгунова оценить количество казненных моряков. Исходя из расчетов, приведенных нами выше, массовые казни морских офицеров в годы Гражданской войны представляются совершенно невероятными.

Остается еще один немаловажный вопрос: как морские офицеры, оказавшиеся в рядах РККФ, относились к Советской власти, из каких побуждений они ей служили? Н. Ю. Березовский считает, что «большинство российских офицеров»¹⁷⁷, оставшихся на службе в Красном флоте к весне 1921 г., были совершенно лояльны по отношению к новой власти, и приводит в подтверждение своего мнения цитату из резолюции VIII Съезда РКП(б) по военному вопросу. По его мнению, офицеры «либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей»¹⁷⁸. Автор приводит цитату в урезанном виде. Полностью она выглядит так: «Даже если бы наша армия получила возможность в течение нескольких лет планомерно формироваться и подготавливать для себя одновременно новый командный состав, — и в этом случае у нас не было бы никаких принципиальных

¹⁷⁵ Пассажирский пароход, приспособленный для базирования гидросамолетов.

¹⁷⁶ *Березовский Н. Ю.* Военспецы на службе в красном флоте... С. 57; *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918–1923. Берлин, 1924. С. 141.

¹⁷⁷ *Березовский Н. Ю.* Военспецы на службе в красном флоте... С. 57.

¹⁷⁸ Там же.

оснований отказать от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей»¹⁷⁹. (Кстати, эта фраза внесена в резолюцию съезда точно в том виде, в котором она была предложена в тезисах доклада Л. Д. Троцкого «Наша политика в деле создания армии»¹⁸⁰.) Очевидно, что в резолюции не констатировался факт перехода большинства офицерского корпуса на «точку зрения Советской власти», как показалось Н. Ю. Березовскому, это было бы абсурдно в марте 1919 г., а говорилось о возможности использования части офицеров, причем те, кто «внутренне стали на точку зрения Советской власти» противопоставлялись тем, которые «силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить» новой власти. Надо учитывать, что данная резолюция была направлена против сторонников партизанщины («Проповедовать партизанство, как военную программу, то же самое, что рекомендовать возвращение от крупной промышленности к кустарному ремеслу»¹⁸¹) и противников всякого использования бывших офицеров, поэтому в ней требовалось подчеркнуть именно возможность их привлечения в Красную Армию и Флот. И все же выражение «силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить», имеет довольно осторожный характер. Под «силой вещей» может подразумеваться все, что угодно, прежде всего, необходимость добыть себе и своей семье пропитание. Очевидно, что такой офицер при смене политической обстановки «силой вещей» оказался бы на службе у любой другой власти. А. В. Колчак говорил об офицерах, пошедших на службу Советской власти: «Я считал, что они поступают неправильно, они не должны были оставаться на службе. Я не мог, конечно, рассматривать их всех, как людей бесчестных: ведь большинство из них было поставлено в безвыходное положение, — надо было что-нибудь есть»¹⁸². Г. К. Граф замечал:

¹⁷⁹ Восьмой съезд РКП(б). Резолюции и постановления съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 99.

¹⁸⁰ Троцкий Л. Д. Наша политика в деле создания армии. С. 179.

¹⁸¹ Восьмой съезд РКП(б). Резолюции и постановления съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 95.

¹⁸² Допрос Колчака. Л., 1925. С. 100–101. Допрос 27 января 1920 г.

«Вряд ли, однако, большевистское правительство имеет в них (офицерах. — *К. Н.*) надежных слуг. С той же легкостью, с которой они в первый раз изменили своим старым взглядам, они изменят и во второй и в третий разы, едва почувствуют первое колебание власти»¹⁸³.

Еще в 50-е годы генерал М. Д. Бонч-Бруевич писал в своих мемуарах: «Существует ошибочное представление, что подавляющее большинство прежних офицеров с оружием в руках боролось против Советов. Но история говорит о другом. В пресловутом “ледяном” походе Лавра Корнилова участвовало вряд ли больше двух тысяч офицеров. И Колчак, и Деникин, и другие “вожди” белого движения вынуждены были проводить принудительные мобилизации офицеров, иначе белые армии остались бы без командного состава. На службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в разгар гражданской войны находились десятки тысяч прежних офицеров и военных чиновников»¹⁸⁴.

Правильность такой оценки событий рубежа 1917–1918 гг. подтверждает Г. К. Граф: «В результате было решено ультимативно предупредить Центробалт, что если должность командующего флотом будет уничтожена, то все офицеры сложат с себя свои обязанности... Центробалт был сильно обеспокоен неожиданным протестом офицеров и старался как-нибудь уладить дело. Для этого он пригласил их на общее собрание в Мариинский дворец. Офицеров собралось опять очень много, но уже в другом составе и настроении. Одни из них боялись последствий энергичного шага; другие — принадлежали к числу тех, кто не брезговал заискивать даже у большевиков. Только сравнительно немногие остались тверды в принятом накануне решении... Как и следовало ожидать, из этого первого и последнего открытого протеста офицеров Балтийского флота ничего не вышло. Они были и слабы, и нерешительны для таких серьезных выступлений. Они подчинились, да и не могли не подчиниться, так как были очень мало сплочены и материально зависели от службы. Может быть, это житейски и понятно, но грустно»¹⁸⁵. Представитель другого политического лагеря, комиссар МГШ в конце января 1920 г. давал даже более высокую оценку бывшим офицерам, работавшим в штабе: «беспартийные, но многие из них лояльны и сочувствуют

¹⁸³ *Граф Г. К.* На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. С. 349.

¹⁸⁴ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам! С. 5.

¹⁸⁵ *Граф Г. К.* На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. С. 338–340.

Советской Власти», и противопоставлял им лиц некомандного состава, которые «преданы Советской Власти постольку, поскольку им нужна служба и заработок»¹⁸⁶.

В конце марта 1919 г. Г. Е. Зиновьев (кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), председатель Петросовета) разъяснял решение VIII Съезда: «Партийный съезд, попросту говоря, указал партии: военного специалиста приглашай, но пальца в рот не клади. Вот, коротко, смысл резолюции партийного съезда... Обсуждая эту резолюцию уже после съезда, решили смотреть на голосование съезда как на серьезное предостережение и указание Троцкому, что надо дать возможность коммунистам развернуться возможно больше в армии не в том смысле, чтобы иметь больше привилегий, а чтобы опираться на них, смотреть как на главную опору, привлекать и использовать специалистов, но иметь в виду, что это чуждый элемент и надеяться в общем надо только на себя. Надо работать не покладая рук, чтобы скорее создать собственный кадр надежных руководителей Красной Армии из рабочих и крестьян»¹⁸⁷. То есть Г. Е. Зиновьев вел речь о том, что главной опорой в армии должны быть коммунисты, а не бывшие офицеры, причем намекал на то, что Л. Д. Троцкий не давал возможности коммунистам «развернуться возможно больше» в войсках, а уповал исключительно на офицеров.

Следует отметить трудность применения такого традиционного в советской историографии критерия, как социальное происхождение для выяснения политических симпатий офицеров (весьма специфической профессиональной группы) в условиях революции и гражданской войны.

Видимо, подавляющее большинство кадровых офицеров русской армии и флота эпохи 1917 г. было политически безграмотно и неспособно сделать осознанный политический выбор в бурную революционную эпоху. Это состояние психологически точно описал в своих знаменитых мемуарах А. А. Игнатъев: «Но беда моя была в том, что мыслить приходилось не о войсках, не о снарядах, а о чем-то отвлеченном, что я долго опасался именовать политикой. Офицерам

¹⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 4. Д. 5. Л. 57–57 об.

¹⁸⁷ *Зиновьев Г. Е.* Об итогах VIII Съезда РКП(б): Доклад кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б), председателя Петроградского Совета Г. Е. Зиновьева на собрании актива Петроградской партийной организации: (Стенографическая запись): 29 марта 1919 г. // Известия ЦК КП СС. 1989. № 8. С. 193–194.

подобным делом заниматься не полагалось. Сперва мысли продолжали лезть друг на друга, а когда я, потеряв лоб, стал искать причину этой неразберихи, то с ужасом убедился в своей почти абсолютной политической безграмотности. Поступая в академию, я основательно изучил французскую буржуазную революцию. В первую русскую революцию узнал о существовании эсеров, вооруженных браунингами, и эсдеков, невооруженных, но более опасных для существовавшего режима, опиравшихся не на разрозненное крестьянство, а на организованные рабочие массы. Читал я как-то в Париже о Плеханове, но о других вождях “левых” партий даже не слышал. В разнице между кадетами и октябристами разбирался плохо, так как не мог понять, чем отличается бородач-гастроном Миша Стахович — видный кадет (в действительности М. А. Стахович был октябристом. — *К. Н.*) — от моего корпусного товарища Энгельгардта — октябриста. С Пуришкевичем знаком не был, и речи его представлялись мне только не лишенной таланта болтовней. А Марков 2-й казался просто грубым хамом¹⁸⁸. И это писал многолетний военный атташе во Франции, генштабист, гвардеец, вращавшийся в «высших сферах», внук председателя Государственного совета, сын командующего военными округами и генерал-губернатора, племянник министра внутренних дел¹⁸⁹, а что же было спрашивать с рядового офицера?

Г. К. Граф красочно рисует состояние растерянности офицеров, вынужденных определяться со своими политическими взглядами. Весной 1917 г. в Гельсингфорсе офицеры попытались организовать нечто вроде профессионального союза, «но без всякой политической окраски». Местный Совет потребовал от офицеров определиться с политической платформой. «Как ни старались офицеры доказать, что они стоят вне политики и беспрекословно исполняют распоряжения Временного правительства, члены совета упорно стояли на своем и стали угрожать, что не допустят образования союза.

¹⁸⁸ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 2. С. 283–284.

¹⁸⁹ Дед А. А. Игнатъева П. Н. Игнатъев был Петербургским генерал-губернатором в 1855–1861 гг.; затем председателем Государственного совета в 1872–1879 гг., его отец А. П. Игнатъев был командующим Сибирским военным округом и Сибирским генерал-губернатором в 1885–1889 гг., а затем командовал Киевским военным округом и был Киевским генерал-губернатором с 1889 по 1896 г., его дядя Н. П. Игнатъев с мая 1881 по май 1882 г. занимал пост министра внутренних дел, затем был членом Государственного совета.

Пришлось изобретать “платформу”. Какой же могла быть платформа офицеров? Воспитанные в понятиях старых традиций и старого духа, они, тем не менее, не могли не считаться с обстановкой момента. Поэтому им оставалось только принять платформу законности, права и порядка. Платформа вышла несложной. В ней не говорилось ни про “завоевания революции”, ни о всемирном пролетариате и власти советов, но только о подчинении Временному правительству. Местным демагогам она не понравилась: они остались при убеждении, что офицерство — ненадежно и что за ним надо посматривать»¹⁹⁰.

С монархистом Г. К. Графом солидарен во взгляде на офицеров большевик Ф. Ф. Раскольников. Рассказывая о событиях Февральской революции, он пишет: «здесь мне впервые бросилась в глаза та легкость, с которой многие заядлые царисты отрешились и открестились от своих старых монархических воззрений тотчас после первой неудачи; здесь ход идей в одно мгновение ока определился ходом вещей»¹⁹¹. Описывая свою поездку к Красному Селу для организации отпора войскам Краснова—Керенского 27 октября 1917 г., Ф. Ф. Раскольников замечает: «Странное впечатление производил мой спутник (офицер гвардейского запасного Измайловского полка. — К. Н.): по внешности, по кругозору он был типичный гвардейский поручик старорежимных времен, что, однако, не помешало ему с головой окунуться в революцию в жажде кипучей работы. Неизвестно чем именно и с какой стороны захватило его движение. Вероятнее всего, дело решил простой случай. С таким же увлечением он мог бы работать и на стороне белогвардейцев. Но было что-то детски наивное в этом служении пролетарской революции молодого изящного офицера, который, едва сознавая смысл происходящих событий, до самозабвения работал против своего собственного класса»¹⁹². Правда, затем Ф. Ф. Раскольников утверждает, что «такие славные оригиналы ... встречались тогда редкими одиночками»¹⁹³.

Исключение в смысле политической сознательности составляли те немногие, кто примкнул к Корниловскому движению в августе

¹⁹⁰ Граф Г. К. На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. С. 319–320.

¹⁹¹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 24.

¹⁹² Там же. С. 239.

¹⁹³ Там же. С. 239.

1917 г. или участвовал в «добровольческом движении» в послеоктябрьские дни; а также те, кто вступил в РСДРП(б) и другие левые партии до Октября (как В. А. Антонов-Овсенко) или сразу после него (как М. Н. Тухачевский). Для остальных было практически безразлично — оказаться в рядах красных или белых. Политические убеждения большинства профессиональных офицеров ограничивались идеей воссоздания сильного в военном отношении государства в границах бывшей Российской империи. Эту цель заявляли белые, об этом свидетельствовала политика красных. Кто из них первым успевал мобилизовать офицера, на сторону той силы он и становился, причем, насколько можно судить, социальное происхождение в большинстве случаев не играло существенной роли. Естественно, что впоследствии, во время службы конкретного офицера в Красной Армии или на Флоте, у него возникали различные отношения с представителями политического руководства, с рядовыми красноармейцами и краснофлотцами. Далеко не всегда бывшего офицера, или тем более генерала, в РККА и РККФ окружала атмосфера доверия, создавались условия для его плодотворной работы. Зачастую необоснованные придирки и прямые оскорбления могли толкнуть офицера к изменению его политического выбора и попытке перейти на сторону белых, однако большинство мобилизованных Советской властью кадровых офицеров лояльно несло свою службу. В Красной Армии и Флоте расстояние между высоким служебным постом и арестом могло быть небольшим, правда и вчерашний арестант мог завтра занять руководящую должность. Например, 25 декабря 1918 г. начальник МГШ Е. А. Беренс и комиссар штаба Л. М. Рейснер в телеграмме, направленной в РВС БФ, просили освободить из—под ареста А. В. Домбровского (бывшего командира линкора «Полтава») «необходимого для разработки правил внутренней службы на судах»¹⁹⁴. Уже 3 февраля 1919 г. А. В. Домбровский не просто был освобожден и назначен членом уставной комиссии, а занимал пост начальника штаба БФ¹⁹⁵.

После того как руководство РСДРП(б) окончательно взяло курс на строительство регулярной Красной Армии (март—апрель 1918 г.), большевики стали выглядеть значительно привлекательнее для

¹⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 455. Л. 167.

¹⁹⁵ Там же. Л. 168.

кадрового офицерства, чем их тогдашние союзники — левые эсеры и анархисты. 21 марта издается приказ Высшего военного совета об отмене выборного начала в Красной Армии¹⁹⁶. В то время как Л. Д. Троцкий в публичных выступлениях призывал к использованию опыта военных специалистов и насаждению дисциплины, лидер левых эсеров М. А. Спиридонова продолжала твердить о том, что «пора отбросить мечты о возможности воссоздания старой регулярной армии... Защитить революцию может только сам восставший народ»¹⁹⁷. После разрыва с левыми эсерами и анархистами в июле 1918 г. образ большевиков в глазах кадрового офицерства становился еще привлекательнее.

В противоположность кадровым офицерам, офицеры военного времени воспринимали себя не как профессиональных военных, а как инженеров, учителей, служащих, студентов. У офицеров военного времени либо была гражданская профессия, либо существовали возможность и желание ее получить. На их политический выбор влияло, прежде всего, самоощущение представителя той или иной «гражданской» социальной группы, а кроме того, и возросшая самооценка после получения офицерского чина. Во взаимоотношениях кадровых офицеров огромную роль играли корпоративные связи, притяжение которых было значительно сильнее размытых политических взглядов. Конформизм кадровых офицеров по отношению к любой существующей власти усиливало то обстоятельство, что подавляющее большинство из них не имело других средств к существованию; кроме получаемых на военной службе. На политический выбор морских офицеров повлияло и то обстоятельство, что большинство их было сосредоточено в районах, где Советская власть утвердилась быстро и прочно.

О серьезном различии в механизме формирования политических симпатий и антипатий кадрового офицерства и офицеров военного времени пишет И. Н. Гребенкин: «Фигура Корнилова, как известно, была особенно привлекательна для армейской молодежи, тогда как говорить о его безоговорочной популярности в офицерской среде в целом не приходится. Своим участием в событиях Февральской революции (в первую очередь арестом членов царской

¹⁹⁶ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов. С. 79.

¹⁹⁷ *Голос трудового крестьянства.* 1918. 2 июля. (№ 162).

семьи) Корнилов совершенно определенно позиционировал себя как революционный генерал, что делало его в глазах значительной части офицеров старой армии слишком левым и даже “красным”. Это обстоятельство серьезно повлияло на состав Добровольческой армии: не менее трети добровольцев составляла необстрелянная учащаяся молодежь, юнкера, кадеты, а также свежеиспеченные прапорщики, для которых верхом боевого опыта было участие в октябрьских уличных боях в Москве»¹⁹⁸. И далее: «Своеобразная обстановка первых месяцев существования Добровольческой армии объективно формировала новый тип офицера, для которого “добровольческие” ценности уже приходили на смену традициям и ценностям старой императорской армии. Весьма интересное и важное наблюдение принадлежит полковнику И. Ф. Патронову, возглавлявшему в штабе Добровольческой армии отдел комплектования. Его внимание привлек образ действий и высказываний одного из молодых офицеров отдела — прапорщика Пеленкина, который являл собою тип добровольца-фанатика и был корниловцем, вероятно, более, чем сам Корнилов. Сущность этого явления Патронов пояснил на простом примере: если старые кадровые офицеры исполнили бы любой приказ командующего вне зависимости от собственного к нему отношения, то для добровольца-фанатика именно идея борьбы с большевизмом будет превыше воинской дисциплины и даже превыше обожания Корнилова»¹⁹⁹.

Различие в подходах к решению политических вопросов между кадровыми офицерами и офицерами военного времени подтверждает в воспоминаниях о Первом всероссийский съезде офицеров армии и флота Г. К. Граф: «Кадровые офицеры фронта и морские просто понимали задачу, а именно — что они должны выяснить общее состояние армии и флота, свое положение после переворота и выработать то направление, которого следует держаться. Другие же офицеры, главным образом, из недоучившихся студентов, еще с университетской скамьи зараженных социализмом и политиканством, требовали прежде всего выяснить отношение офицерства к революции. Полились нескончаемые прения. Каждый старался блеснуть красноречием и преданностью “завоеваниям революции”. Заседания тянулись по десять—двенадцать часов в сутки и привели только к тому,

¹⁹⁸ Гребенкин И. Н. Генерал Л. Г. Корнилов: Штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 117.

¹⁹⁹ Там же. С. 118.

что все разделились на три группы: первая стояла на платформе Временного правительства, вторая — на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов и третья — вне политики, то есть “дикие”²⁰⁰.

Большевик Ф. Ф. Раскольников вспоминал позднее, что в умах гардемарин ОГК, где он учился во время Февральской революции, существовал весь спектр политических взглядов: от монархических до социал-демократических. Некоторые гардемаринины в конце февраля 1917 г. были настроены «контрреволюционно», тогда как с ними «вступили в резкий спор» другая часть гардемарин, «настроенных революционно и отдававших все свои симпатии наступавшим рабочим»²⁰¹. Это подтверждает наше предположение о том, что вчерашние студенты, надевшие погоны «черных гардемарин», в большей степени интересовались «политикой» и имели более выраженные политические взгляды, чем учащиеся Морского корпуса.

Необходимость поднять авторитет командного состава и восстановить дисциплину была вполне очевидна руководству Красного Флота. Летом 1921 г. на совещании комсостава флота и ответственных работников-коммунистов при Политотделе Балтийского флота был поставлен вопрос не только о материальном, но и о моральном стимулировании специалистов из числа бывших офицеров²⁰². В совещании приняли участие заместитель коморси бывший контр-адмирал П. Н. Лесков, начальник морских сил Балтийского моря бывший лейтенант М. В. Викторов, член РВС Петроградского военного округа И. К. Наумов, заместитель начальника Политотдела Балтфлота Посуныко, комиссар МГШ и заместитель комиссара при Коморси В. Автухов, представитель МГШ, начальник Оперативного управления этого штаба М. А. Петров, командир линкора «Марат» бывший лейтенант Н. А. Бологов²⁰³, инженер-механик эсминца «Орфей» бывший мичман военного времени Е. Д. Довжиков. Все участники, кроме М. А. Петрова, М. В. Викторова и П. Н. Лескова, были членами РКП(б).

Заседание открыл В. Автухов, заявивший, что происходит переход от разрушительной работы к созидательной и что в новых условиях

²⁰⁰ Граф Г. К. На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. С. 319–320.

²⁰¹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 23–28.

²⁰² РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 20.

²⁰³ Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-ое мая 1928 г. Л., 1928. С. 42.

необходима дружная работа командного и некомандного состава флота, а также «гражданственность». В качестве примера проявления последней он рассказал о том, съезд специалистов службы тяги железных дорог принял технические решения, которые предполагается утвердить на уровне руководства НКПС. В то же время докладчик отметил, что комсостав флота пассивно относится к работе. Им было замечено, что те командиры, которые не отличаются требовательностью, пользуются авторитетом «среди массы», а требовательные начальники — нет.

Е. Д. Довжиков выступил с докладом, суть которого сводилась к следующему: после революции «вся страна, состоявшая в прежнее время из тихого болота верноподданных, превратилась в клокочущую бездну... В эту эпоху каждый разрушитель был во много раз полезнее культурного человека, так как он обладал большей способностью к ломке...» Затем «на бурные волны революции льется успокаивающее их масло политического воспитания масс...» Однако «У спецов нет широкого взгляда на вещи, нет связи, нет сознания общего положения страны. В таких условиях работа спеца не может быть продуктивна». Ошибочен взгляд на спеца, «как он проявляется в настоящее время. Спец не просто машина, долженствующая выполнять ту или иную работу. Мало того, что он получит необходимые материальные условия для работы. Спец, кроме того, должен быть гражданином, в нем должна быть воля к работе... Ни голодный, ни сытый “раб-чиновник” реальной ценности нам не создаст... <...> Сейчас наблюдается в среде комсостава какая-то апатия, пагубное безразличие к кораблям, к команде и даже к самому себе»²⁰⁴.

Практически те же вопросы ставились в докладных записках, направляемых с мест. В частности, в октябре 1921 г. в центр поступила записка А. К. Петрова. Лист с подписью автора в деле не сохранился, однако установить его личность можно по упоминанию о его службе в качестве начальника штаба Морских сил Северного моря, затем командующего Аральской военной флотилией и начальника минной дивизии Балтийского моря. Алексей Константинович Петров (1877–1931) был участником русско-японской войны на крейсере «Громобой», военно-морским агентом в Скандинавии в 1907–1911 гг.

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 21–25.

Там он служил вместе с занимавшим пост военного агента А. А. Игнатьевым, который тепло вспоминал об А. К. Петрове²⁰⁵. К 1917 г. А. К. Петров был капитаном 1 ранга, вступил в Красный флот, после окончания Гражданской войны занимал посты морского атташе в Финляндии и Эстонии (1924–1925)²⁰⁶.

А. К. Петров писал о том, что «в настоящее время та форма развала в которой находится флот, если разумно использовать все сложившиеся обстоятельства, может дать как разрыхленная почва основание для всходов и нового строительства флота»²⁰⁷. По мнению автора, прежде всего следовало ответить на ряд вопросов: нужен ли комсостав на флоте, какой комсостав имеется, как он до сих пор работает, какие необходимо предъявлять к нему требования, какие необходимы мероприятия для обеспечения планомерной деятельности комсостава? Первый вопрос очевидно риторический: «ответ на первый вопрос совершенно ясен и я его ставлю здесь только для систематизации»²⁰⁸.

Автор записки делил комсостав на три большие группы: кадровых, офицеров, призванных из запаса и произведенных из кондукторов и унтер-офицеров. Первую группу он подразделял на подготовленных для занятия высших должностей, имеющих опыт (но, очевидно, по мнению А. К. Петрова, не готовых занимать ответственные посты) и молодежь. Офицеров, призванных из запаса, автор записки делил на опытных моряков-капитанов торговых судов, помощников капитанов и малоопытных штурманов, которые были в свое время «проташены... через какую-нибудь временную школу прапорщиков». Наконец, относительно третьей группы комсостава А. К. Петров замечал, что их быстро списывали на берег, а их опыт в должной мере не использовался.

Далее автор предлагал разделить комсостав на несколько групп по служебному положению:

1. личный состав штабов и управлений — высококвалифицированный;
2. педагогический персонал. Эти бывшие офицеры «несут свою ответственную работу вполне добросовестно» и представляют собой

²⁰⁵ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 458–460.

²⁰⁶ *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: Дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 282.

²⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 28–34.

²⁰⁸ Там же.

«очень ценный элемент, но по большей части непригодный по ряду причин к строевой службе»²⁰⁹;

3. служащие в составе центральных технических и портовых учреждений. Они обособлены от флота и не могут вернуться на корабли;

4. немногочисленная администрация береговых учреждений;

5. комсостав кораблей, который в бытовом отношении обставлен хуже всего, как до революции, так и после нее.

Утверждение А. К. Петрова о том, что корабельные офицеры были до революции «обставлены хуже всего», нуждается в комментарии. Как будет показано далее, офицеры «плавающего флота» были материально обеспечены лучше офицеров береговой службы, однако А. К. Петров мог иметь в виду бытовые условия, которые на небольших кораблях могли быть очень тяжелыми, а также то обстоятельство, что офицеры, служившие на берегу, имели возможность дополнительного заработка (преподавательской или литературной работы).

«На долю нынешнего правительства России, и в частности, на долю высших начальников может выпасть ныне высокая честь поставив правильно вопрос об урегулировании положения судового состава, решить его на будущее по примеру многих постановлений Конвента Франции, сохранившихся доселе, внести новый принцип в дело строительства флота... Надо поднять корабельный личный состав из апатии и стремления обратить службу на чиновничью ногу... Если будет признано желательным такое положение, представляется возможным представить совещанию в самый короткий срок основные минимальные условия, которыми определится возможность приступить к работам по воссозданию флота»²¹⁰, — указывал А. К. Петров.

К необходимым для воссоздания флота мероприятиям автор относил:

1. скорейшее издание Устава флота;

2. создание постоянной аттестационной комиссии (для аттестации комсостава выше командира корабля);

3. создание постоянных аттестационных комиссий «на всех высших соединениях, дивизионах, отрядах, бригадах и т. п.»;

²⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 28–34.

²¹⁰ Там же.

4. установление «удобного постоянного способа» разрешения трений между командирами и комиссарами;

5. повышение служебного положения начальников всех степеней (в том числе «хорошо обставить» их быт);

6. выделение материальными поощрениями службы на кораблях.

«Если Правительство желает иметь флот, надлежит правильно [материально] обставить его, профильтровав личный состав, все же остальное, побочное решение, ничего существенного не дает и Флот будет разлагаться и дальше»²¹¹.

По мнению Э. С. Панцержанского, высказанному в ноябре 1921 г. в докладной записке на имя Л. Д. Троцкого, «с момента первого политического переворота — Февральской революции — и до настоящих дней, как бы доблестны и значительны ни были отдельные эпизоды на водных и морских фронтах в период гражданской войны, флот неизменно продолжал катиться вниз»²¹². При этом «Идеи порядка и дисциплины тонули в революционной фразеологии, а дух неповиновения, возникший и подогретый по вполне понятным причинам в начале революции, не был окончательно потушен на протяжении всей гражданской войны решительными и твердыми мероприятиями»²¹³. К таким мерам автор записки относил как вполне традиционные для того времени меры (издание Морских уставов, политическую фильтрацию командного состава), так и несколько непривычные. Так, Э. С. Панцержанский ставил вопрос о «фильтрации» комиссаров, не объясняя ее целей. Смысл этого мероприятия, по нашему мнению, раскрывает следующий пункт его записки: «беспощадное искоренение демагогии в отношении оставшегося комсостава и создание ему незыблемого положения», а также «подготовку новых кадров личного состава, долженствовавших сменить непосредственных участников государственного переворота»²¹⁴. Командующий Черноморским флотом предлагал полностью заменить рядовой состав флота и обновить комиссарский состав, чтобы

²¹¹ Там же.

²¹² *Панцержанский Э. С.* Председателю Революционного военного совета Республики т.Троцкому. Записка о флоте // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 52.

²¹³ Там же. С. 53.

²¹⁴ Там же.

положение командиров было «незыблемым». Сами же эти командиры представляли собой в подавляющем большинстве бывших офицеров дореволюционного флота, как было показано выше. Другими словами, Э. С. Панцержанский предлагал властям рассматривать Красный флот как часть «традиционных», а не «революционных» вооруженных сил. Совершенно очевидно, что реализация такого проекта была немыслима, ведь переход к вооруженным силам «традиционного» типа в рамках новой политической системы требовал длительного времени и разнообразных мер по чисткам командного состава, его политическому перевоспитанию. Практически предложения Э. С. Панцержанского были реализованы спустя примерно двадцать лет, после полной смены командного и рядового состава флота.

Не вдаваясь в обсуждение целесообразности этих предложений, отметим, что под этим проектом восстановления флота вполне мог подписаться любой кадровый морской офицер, независимо от политической ориентации. Напомним, что сам Э. С. Панцержанский, вплоть до своей гибели в 1937 г., так и не вступил в партию. Очевидны отличия предложений бывшего капитана 1 ранга А. К. Петрова и бывшего старшего лейтенанта Э. С. Панцержанского. Несмотря на меньший чин до революции и меньший стаж службы в царском флоте, Э. С. Панцержанский в своих предложениях идет гораздо дальше А. К. Петрова. Тот факт, что подобный проект мог быть выдвинут командующим флотом и появиться у председателя РВСР, свидетельствует о том, что в Красном Флоте к осени 1921 г. создалась атмосфера, далекая от революционного радикализма.

Летом 1921 г. был поставлен вопрос о подготовке нового командного состава. В конце августа помглавкомор А. В. Немитц и комиссар при нем И. Д. Сладков дали директиву помощнику начальника МШР по учебным делам и начальнику Морской академии М. А. Петрову о том, что следует иметь: Училище комсостава («приблизительно прежние обер-офицеры»); Высшую военно-морскую школу при Академии («приблизительно прежние штаб-офицеры») и Академию («творит военно-морскую науку»)²¹⁵.

Предусматривалось принимать в Училище лиц, окончивших школу второй ступени, то есть получивших среднее образование,

²¹⁵ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 54–55.

в Высшую школу — окончивших Училище и проплававших три кампании на боевом корабле. Временно разрешить принимать в Училище окончивших школу первой ступени, а в Высшую школу — окончивших школу второй ступени из числа молодых командиров РККА и военных моряков, сдавших экзамен за школу второй ступени. В этом случае, как считалось, флот получит неполноценные кадры, но впоследствии будет осуществлен отбор лучших из них. В Училище предполагалось с первого курса ввести специализацию по артиллерийской или минной специальностям для будущих строевых командиров. Предполагалось учредить специальную общеобразовательную подготовительную школу для желающих поступить в Училище из числа моряков, не имеющих среднего образования.

В сентябре 1921 г. было созвано «Особое совещание об организации военно-морского образования»²¹⁶ «для суждения о директиве помглавкомора». Первое заседание состоялось 14 сентября. В нем участвовали М. А. Петров, С. И. Фролов, А. В. Шталь, Е. В. Самойлов, Р. А. Холодецкий, Ф. А. Брикс, Л. Г. Гончаров, Ю. А. Шиманский, Л. М. Беспятов, А. Д. Сапсай, Ю. Н. Шокальский, В. Е. Егорьев и Д. И. Удимов.

Были высказаны предложения ввести в систему образовательных учреждений курсы усовершенствования (подобие бывших Офицерских классов), сохранить Академию не только в качестве научного учреждения, но и для подготовки высшего состава (оперативного и конструкторского). Было высказано предположение, что Военно-морская Академия сольется с Военной Академией, если будет создана особая Высшей военно-морской школы. Это предположение не нашло понимания у участников заседания. Большинство высказалось против ранней специализации учащихся Училища состава, за то, чтобы ограничиться лишь их делением на строевое и техническое отделения (в составе технического отделения — кораблестроители, механики и электротехники). Прозвучало мнение об устарелости деления на кораблестроительную и механическую специальность, но большинство высказалось за это деление.

Второе заседание собралось 15 октября 1921 г. Основным вопросом было «понижение уровня [подготовки] учащихся», окончивших школу второй ступени. Указывалось на недопустимость понижения

²¹⁶ Там же. Л. 56.

требований к выпускникам Училища, так как Военное ведомство вернулось к дореволюционным стандартам подготовки командиров и увеличило срок обучения в военных училищах для тех, кто не получил полноценного среднего образования²¹⁷.

Результатом стал проект новой директивы помощнику начальника МШР по учебным делам и начальнику Морской академии М. А. Петрову. В нем говорилось о том, что следует признать нормой трехлетнее обучение в Училище комсостава (для окончивших школу второй ступени). В Училище должно быть два отдела: военноморской (строевой) и технический. Вторая ступень обучения включала Курсы усовершенствования (продолжительностью 20 месяцев — две зимы и одно лето), куда следовало принимать командиров, окончивших Училище и проплававших две кампании. Для будущих командиров и помощников командиров кораблей предусматривалось иметь курсы при Морской академии (восьмимесячные). Третья ступень образования — Морская академия (с трехлетним курсом)²¹⁸.

Из изложенного видно, что система подготовки морского командного состава вернулась к дореволюционным стандартам. Причем это было не замаскированное, а открытое возвращение к прошлому, когда дореволюционные стандарты подготовки выступали в качестве эталона.

Постепенно начинают выработать правила прохождения службы. 26 апреля 1922 г. Э. М. Склянский утвердил «Правила о порядке аттестования комсостава НКМД». Предполагалось что раз в год, в сентябре, непосредственный начальник и комиссар будут аттестовать командиров при условии не менее чем трехмесячной совместной службы с аттестуемым в мирное время и двухмесячной — в военное²¹⁹. Характеристика должна была представлять «общий, полный, краткий, выпуклый, законченный очерк, не уклоняющийся от прямой цели аттестования». Затем аттестацию должна была рассмотреть аттестационная комиссия. Не позднее 25 октября аттестация, вне зависимости от решения комиссии, утверждалась начальником и комиссаром. Заключение сообщали аттестуемому, остальное содержание аттестации оставалось совершенно секретным. Заключение могло иметь пять вариантов: соответствует должности,

²¹⁷ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 59–61.

²¹⁸ Там же. Л. 62–63 об.

²¹⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 6. Д. 3. Л. 98.

достоин повышения (очередного или внеочередного), требует перемещения на другую должность, необходимо увольнение со службы, достоин направления на учебу. Аттестуемый мог подать мотивированную жалобу, «по возможности основанную на документах». За недобросовестную аттестацию начальник и комиссар несли ответственность в дисциплинарном или судебном порядке. После аттестации составлялись кандидатские списки из достойных повышения, отдельно «в очередь» и «не в очередь»²²⁰. «Правила» определяли, кем и кому должны даваться аттестации²²¹. Таким образом, в определенной степени возрождалась дореволюционная система продвижения по службе, хотя понятие «старшинства» во всем его дореволюционном объеме восстановлено не было. В данном случае можно рассматривать новую систему аттестаций как реализацию идеи, сформулированной летом 1911 г. помощником начальника МГШ контр-адмиралом А. Д. Сапсаем²²². Кстати, сама эта система имела немецкие корни, на что прямо указывал А. Д. Сапсай в своей записке («В Германском флоте офицер, давший неверную или небрежную аттестацию, увольняется»²²³).

В современной литературе широко распространено представление о том, что в ходе демобилизации после окончания Гражданской войны с флота в угоду красным командирам, оставленным на службе исключительно по идеологическим мотивам, были в первую очередь уволены отличавшиеся высоким профессионализмом «старые» офицеры. Особенно ярким выразителем этих взглядов является С. В. Волков²²⁴. Рассмотрим этот вопрос, опираясь на источники.

В марте 1921 г., как уже говорилось выше, на флоте насчитывалось около 10 000 человек комсостава, включая 6559 бывших офицеров. В таком случае не более 3500 человек комсостава флота будут составлять лица, не получившие до революции офицерского чина, то есть либо бывшие чиновники, либо бывшие сухопутные офицеры,

²²⁰ Там же. Л. 99.

²²¹ Там же. Л. 100.

²²² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1241. Л. 223. Доклад по МГШ морскому министру И.К. Григоровичу. — Эксперименты с аттестационной системой проводились в тот период и в Военном ведомстве.

²²³ Там же.

²²⁴ Волков С. В. Трагедия русского офицерства.

либо выдвиженцы послереволюционного времени из матросов или ранее не служивших.

На 8 сентября 1924 г. из 2696 человек командного состава, находившихся в рядах флота, красных командиров имелось всего 194 человека²²⁵, то есть чуть больше 7 %. Другими словами, из 6559 бывших офицеров, остававшихся на флоте в марте 1921 г., было уволено при демобилизации около 4 тысяч человек (около 60 %), тогда как «красные командиры», выдвинувшиеся во время Гражданской войны, подверглись увольнению почти поголовно. Надо учитывать, что почти все 194 красных командира, служивших в сентябре 1924 г., были выпускниками военно-морских учебных заведений 1922–1924 гг. Если они и принимали участие в Гражданской войне, то на должностях рядовых краснофлотцев или красноармейцев. Так, только «в 1922 г. командное училище выпустило 82 командира из 518 курсантов, принятых в 1918 г.»²²⁶.

Это подтверждается и расчетами других исследователей. С. А. Федюкин полагал, что на флоте в 1924 г. из потомственных дворян происходило 26 %, а из рабочих — 13 % командного состава, на Балтийском флоте высший комсостав состоял в начале 1927 г. из дворян на 71 %, а среди командиров кораблей дворян было 90 %²²⁷.

На 1 мая 1928 г. бывших офицеров оставалось на флоте всего около 25 % (среди командного состава)²²⁸. Следовательно, обновление комсостава флота пришлось не на окончание Гражданской войны и демобилизацию флота, а на период реформирования РККА в середине 20-х годов, возможно, что пик этого процесса пришелся на 1926 г.²²⁹

В сухопутной армии наблюдалась похожая картина, с поправкой на то, что сухопутный командный состав был более многочисленным,

²²⁵ Протокол заседания комиссии по установлению численности морского флота и рассмотрению сметы морского ведомства на 1924/25 год // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы. 1923–1928 гг. М., 2006. С. 238–241.

²²⁶ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Сост. В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. М., 1988. С. 129–130.

²²⁷ Федюкин С. А. 1) Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; 2) Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.

²²⁸ Рассчитано по: Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-ое мая 1928 г. Л., 1928.

²²⁹ РГА ВМФ. Ф. р–1483. Оп. 1. Д. 69. Л. 14.

а его текучесть была значительно больше, так как боевые потери сухопутного офицерства были несравнимы с потерями офицерства морского²³⁰. По мнению С. И. Гусева, который докладывал на Пленуме ЦК РКП(б) в феврале 1924 г. как представитель Комиссии по обследованию текучести и состояния снабжения армии, «во всех наших главных управлениях имеется засилье старых спецов, генералов, имеющих очень солидный возраст... РВСом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас вырабатывались в годы гражданской войны, которые после гражданской войны обучились и которые способны были бы теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы... Первый выпуск Академии Генерального штаба, состоявший из тех рабочих и крестьян, которые в течение гражданской войны командовали нашими частями в Красной Армии, которые потом, по окончании войны, пошли учиться, — этот выпуск в подавляющем своем большинстве демобилизован из Красной Армии. Они заявили мне (я беседовал с двумя—тремя товарищами), что положение их в Красной Армии невыносимо. Их заедают старые спецы. На этот счет я бы мог привести немало цифр...»²³¹ Заместитель председателя РВС СССР Э. М. Склянский, полемизируя с С. И. Гусевым по ряду вопросов, тем не менее признал, что «у нас в армии положение в смысле заработка невыносимо... красные командиры-рабочие получают на заводе гораздо больше, чем в армии и, естественно, из армии бегут, пытаясь всякими правдами и неправдами демобилизоваться»²³².

²³⁰ Отяжелом положении с укомплектованием сухопутного офицерства в годы Первой мировой войны из-за значительных потерь и связанными с этим изменениями в составе офицерского корпуса см., например: *Коровин В. М., Свиридов В. А.* «Народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне получали статус “ваше благородие”»: Особенности восполнения офицерского состава в России в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 34–39.

²³¹ Стенографический отчет Пленума ЦК РКП с обсуждением результатов работы комиссии Пленума по обследованию состояния Красной Армии. 3 февраля 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 81.

²³² Стенографический отчет Пленума ЦК РКП с обсуждением результатов работы комиссии Пленума по обследованию состояния Красной Армии. 3 февраля 1924 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 97.

Ситуация с оплатой командного состава приводила к тому, что в вооруженных силах оставались те, кому «некуда было пойти», то есть профессиональные офицеры, не имевшие гражданской специальности. Это как раз и были офицеры дореволюционной формации, как окончившие военные училища мирного времени, так и попавшие в школы прапорщиков военного времени прямо с гимназической или семинарской скамьи. Кроме того, среди них продолжали жить корпоративные традиции, усвоенные в дореволюционной армии и приводившие к обвинениям со стороны «красных командиров» в особой сплоченности, групповщине, в «заедании» молодых кадров и т. п. Не следует думать, что для усвоения корпоративных традиций «старой» армии обязательно требовалось быть кадровым офицером, прошедшим военное училище до мировой войны. Напротив, среди офицеров военного времени жило сильное стремление быстро адаптироваться к новой среде, стать «настоящими» офицерами, что приводило к быстрому и прочному усвоению таких традиций, особенно если жизненный опыт этих молодых офицеров до службы был невелик. Другими словами, положение «старых специалистов» в Красной Армии 20-х годов было не таким уж беспроблемным, как пытаются это показать некоторые современные авторы²³³. На стороне бывших офицеров, кроме их профессиональных знаний и навыков, были корпоративные традиции. «Давление» же красных командиров на бывших офицеров в 20-е годы значительно ослаблялось стремлением первых уйти из армии. Особенности отношений «старого» офицерства с выдвиженцами на командные должности из матросов после Гражданской войны были тонко подмечены писателем Л. С. Соболевым²³⁴.

Кроме политических причин увольнения бывших офицеров с флота были и другие. Так, состояние здоровья людей, прошедших Первую мировую и Гражданскую войны оставляло желать лучшего. В июне 1924 г. было обнаружено, что среди 156 командиров Смоленского гарнизона полностью здоровых было всего 8 человек (5 %), из 94 освидетельствованных командиров Каспийского флота было признано нуждающимися в лечении 47. Среди членов ВКП(б) —

²³³ См., например: *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР.

²³⁴ См., например: *Соболев Л. С.* 1) Первый слушатель // Морская душа. Зеленый луч. Дорогами побед. М., 1958. С. 96–116; 2) Экзамен // Там же. С. 117–134.

средних и старших командиров Украинского военного округа, по результатам анонимного анкетирования, заявили о себе как о больных более 40 %. В ходе сплошного медицинского освидетельствования комсостава Кавказской армии оказалось больных командиров — 44,8 %, политработников — 56,8 %, административного состава — 53,6 %, медиков и ветеринаров — 63,7 %. Подавляющее большинство больных страдало от таких болезней, как «истощение, малокровие, неврастения, туберкулез»²³⁵. Нет сомнения, что такая же картина наблюдалась на всех флотах. Можно вспомнить о жалобах на состояние здоровья русского морского офицерства еще после русско-японской войны, что вызывалось слабым отбором кандидатов для обучения в Морском корпусе. Очевидно, что возраст «старого офицерства» был выше, а состояние здоровья — хуже, чем у выдвинутых — краскомов. Представление о том, что бывшие офицеры представляют опасность для Красного флота усиливалось в течение 20-х годов. На флоте продолжали существовать офицерские традиции, ОГПУ считало это опасным. В 1930 г. среди прочих «отрицательных проявлений» отмечалось «возрождение старых офицерских традиций» в виде выпускного вечера Минного класса²³⁶, распространения неуставных нагрудных знаков об окончании учебных заведений, а также попыток считать «старшинство в чине» относительно других командиров.

В феврале 1929 г. ОО ОГПУ начал бить тревогу по поводу большого процента «бывших дворян и прочих» среди комсостава флота²³⁷. 3-й отдел ОО ОГПУ насчитал таковых 60,8 % (1018 чел.) командного состава, тогда как рабочих и крестьян — всего 39,2 %. Сотрудники ОО ОГПУ отмечали, что «небезынтересно и то обстоятельство, что наиболее важные штабы морей имеют наибольший процент дворян»: в штабе Балтийского флота — 85 %, Черноморского — 61 %, Дальневосточной флотилии — 50 %, при том, что коммунистов в штабе Балтийского флота было всего 36 %, а в штабе Дальневосточной флотилии — 67 %. «Совершенно ясна тенденция — красный комсостав

²³⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 602. Л. 1–7. Материал для доклада РВС СССР в СНК СССР о тяжелом материальном положении комполитсостава РККА.

²³⁶ РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 1. Д. 35. Л. 73.

²³⁷ РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 1. Д. 69. Л. 11. Письмо Муклевичу за подписью начальника ОО ОГПУ Лепина и начальника 3-го отдела ОО ОГПУ Пинтяля.

и членов партии направляют на второстепенные флоты. Против тех же, которые попадают в научные учреждения и центральные управления — ведется кампания и они изолируются по мотивам “малой квалификации” от работы, исполняя чисто канцелярскую работу»²³⁸. В штабе Балтийского флота ОО ОГПУ обнаружило «13 бывших офицеров» — 4 бывших лейтенанта, подпоручик, мичман и 9 гардемарин, также записанных в бывшие офицеры. Любопытно, что если сложить перечисленные категории, получится 15 бывших офицеров и гардемарин, а не 13. На линкорах — 24 бывших офицера, в том числе 5 «бывших лейтенантов и выше». В этом месте на полях начальник Морских сил СССР Р. А. Муклевич написал: «Проверить. Рабочие и крестьяне растут снизу, неудивительно, что на высших должностях их нет. Адмиралы уже умерли или постарились»²³⁹. В ответном письме заместителю начальника ОО ОГПУ Я. К. Ольскому (Куликовскому) Р. А. Муклевич указывал на неверность цифр ОО ОГПУ и убеждал его руководителей в том, что с политической лояльностью командного состава флота все обстоит благополучно. Для нас важно заявление Р. А. Муклевича, поскольку в нем отражено понимание естественного процесса смены «старого» командного состава «новым».

Итак, можно констатировать, что отношение высшего руководства Советской России к «старым» офицерам сложилось достаточно быстро (к весне 1918 г.) и было вполне определенным: генеральный курс был взят на строительство регулярной армии с обязательным использованием офицерских кадров и созданием для них необходимого минимума условий для деятельности. Тормозом в этом процессе служили не колебания верхов, а позиция низов — рядовых солдат и матросов, которые подозрительно относились к любым акциям властей, направленных, как им казалось, на восстановление позиций старого офицерства. Эту позицию разделяла и часть старых большевиков. Главным логическим аргументом в пользу антиофицерских настроений было утверждение о нелояльности к Советской власти «старого» офицерства в основной массе. В действительности, на наш взгляд, имело место распространенное чувство недоверия масс к бывшим офицерам, сочетавшееся с желанием занять командные высоты в армии.

²³⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 1. Д. 69. Л. 11.

²³⁹ Там же.

Противоположная установка существовала у старых большевиков по отношению к матросам. К Октябрю 1917 г. моряки завоевали репутацию «красы и гордости революции», которая и закрепилась за ними позднее в публицистической и научно-исторической литературе. В то же время, дискуссия о причинах и ходе Кронштадтского восстания 1921 г. поставила вопрос о выступлении матросов против большевиков. Такой поворот традиционно пытались объяснить сменой состава матросов Балтийского флота за годы Гражданской войны, появлением среди них политически незрелых новобранцев, «иван-моров», однако последние исследования вполне убедительно показывают, что «главными действующими лицами [Кронштадтского мятежа] были военморы л[инейных] к[ораблей] “Петропавловска” и “Севастополя”, и военморы безусловно не молодые, ибо таковых там было меньшинство...»²⁴⁰ «В результате на линкорах “Петропавловск” и “Севастополь” — главной политической и боевой силе восстания — старослужащие составили $\frac{4}{5}$ их команды»²⁴¹.

Процент членов РКП(б) среди моряков Балтфлота был очень высоким. По данным М. А. Молодцыгина, в 1920 г. «коммунистами являлись 9 тыс. военных моряков Балтфлота из 18,9 тыс. чел. — 47,9 % (март)»²⁴². Через год, в марте 1921 г. численность Балтийского флота составляла 20 350 чел., то есть выросла незначительно. Вряд ли в несколько раз сократилась за это время партийная прослойка среди моряков. Процент коммунистов в сухопутных войсках был значительно меньше. Так, в июне 1920 г. в 4-й армии Западного фронта партпрослойка составляла 12,6 %, в 1-й конной армии в апреле — того же года — 10,7 %, в частях непосредственно подчиненных штабу Западного фронта — 8,1 % (июнь). В 12-й армии Юго-Западного фронта членов партии в феврале 1920 г. было 17,6 %, в 5-й отдельной армии — 10,7 %. По родам войск члены партии распределялись в апреле 1920 г. в 9-й армии (действовавшей на Северном Кавказе) следующим образом: максимальная партийная прослойка —

²⁴⁰ Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы / Сост. И. И. Кудрявцев. М., 1999. Кн. 2. С. 30.

²⁴¹ *Елизаров М. А.* Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 года // Отечественная история. 2004. № 1. С. 167–168.

²⁴² *Молодцыгин М. А.* Красная Армия: Рождение и становление. С. 195.

в авиачастях — 25,8 %, затем — в автоброневых частях — 14,3 %, кавалерийских — 13,5 %, железнодорожных — 13,3 %, связи — 12,4 %, инженерных — 11,7 %, артиллерийских — 11,1 % стрелковых — 9,2 %, а в тыловых — 6,2 %. Даже в таком технически сложном роде войск, как авиация процент коммунистов был ниже, чем на Балтийском флоте. В авиачастях действующей армии в начале 1920 г. среди летчиков и летчиков-наблюдателей было 24,1 % коммунистов, а на 15 ноября того же года — 37,8 %²⁴³. Другими словами, процент коммунистов на Балтике был очень высок, выше чем где бы то ни было в сухопутной армии. Несмотря на это, Кронштадтский мятеж состоялся.

Примечательно, что именно экипажи линкоров были главной движущей силой революционного движения на флоте в 1917 г., они же оказались в центре событий в марте 1921 г. Вместе с тем команды кораблей Минной дивизии Балтийского флота были наименее революционны, о чем свидетельствуют монархист Г. К. Граф и большевик Ф. Ф. Раскольников. После Октября экипажи эсминцев относились к Советской власти критически, а летом 1918 г. петроградские власти вынуждены были и вовсе разоружить корабли Минной дивизии²⁴³. В то же время на малых кораблях флота религиозные настроения были, по-видимому, сильнее, чем на больших. Вот один пример. 28 июня 1918 г. наркому Л. Д. Троцкому С. Е. Саксом была направлена телеграмма: «По военному ведомству [вышел] приказ, разрешающий полку или какой-либо части пользоваться услугами духовенства за счет государства. На основании этого дивизия подводных лодок Балтийского моря вышла с ходатайством о предоставлении им права найма Священника (с прописной буквы в оригинале. — К. Н.) с отнесением расхода на счет государства. [Прошу] указаний, не встречается ли с Вашей стороны препятствий для удовлетворения ходатайства. Сакс»²⁴⁴.

Единственным непротиворечивым объяснением такой смены политических симпатий представляется следующее. Матросы во время Первой мировой войны, а особенно матросы крупных надводных кораблей, находились в совершенно других условиях, по сравнению с солдатами на фронте. Служба матросов крупных кораблей

²⁴³ Подробнее см. *Елизаров М. А.* Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.

²⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 118. Л. 81.

практически не отличалась от службы в мирное время. Участие этих кораблей в боевых действиях было эпизодическим, а потери экипажей — ничтожными по сравнению не только с сухопутной армией, но и с экипажами подводных лодок, тральщиков или эсминцев. Вообще, на малых кораблях, особенно на подводных лодках, служба была, во-первых, значительно напряженнее и опаснее, во-вторых, роль каждого матроса малого корабля в обеспечении его боеспособности была значительно выше, а в-третьих, на тральщике, подводной лодке или миноносце у матросов было гораздо меньше возможностей укрыться от глаз начальства, чтобы обсудить волновавшие их проблемы, поделиться собственными взглядами на происходящее. Служба на малом корабле значительно сильнее сплачивала командный состав и матросов. Наконец, аудитория у нелегального агитатора на крупном корабле всегда шире, чем на небольшом, поэтому даже один—два члена революционной группы способны создать там ячейку сторонников и организовать выступление, пример чему — восстание на броненосце «Потемкин».

На крупных кораблях для матросов прибавлялось еще несколько важных раздражителей. Это полное отсутствие возможности выделиться, совершить подвиг, получить медаль, крест или, как высшую награду, производство в офицеры, так как в «полноценные» строевые офицеры невозможно было попасть из-за существовавшего сословно-образовательного барьера, который после Февральской революции сменился образовательным. В сухопутной же армии даже в царское время было законным производство нижнего чина в офицеры за боевые заслуги, при отсутствии образовательного ценза (предъявлялось только требование самой элементарной грамотности).

Многолетняя монотонная служба была, пожалуй, основным источником недовольства моряков. Ведь подавляющее большинство экипажей линкоров прослужило к 1917 г. от 4 до 8 лет, и нетрудно посчитать, насколько увеличились их сроки службы к 1921 г. В конце 1917 г. демобилизационные настроения на флоте были практически так же сильны, как и в сухопутной армии. 16 ноября 1917 г. приказом ВМК № 12 были уволены со службы матросы срока призыва на действительную службу 1905 г. с 1 декабря 1917 г., а 1906 г. — с 15 декабря²⁴⁵. Таких насчитывалось примерно 8,5 тысяч человек. Однако

²⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 82. Л. 27.

к середине января 1918 г. увольнение этих категорий было еще «не вполне закончено»²⁴⁶. 30 декабря 1917 г. матросы призыва 1908–1910 гг. потребовали уволить их не позднее 15 февраля 1918 г.²⁴⁷

Кстати, в сухопутной армии в период позиционных боев также усиливалось недовольство солдат войной, в период маневренных боевых действий (даже отступлений) недовольство проявлялось меньше. «В сводках военной цензуры неоднократно подчеркивалось, что “плохое настроение вызвано бездействием”, что все за мир, так как “осатанело стоять”, что “бездействие увеличило количество толков о мире”, что “опротивели окопы”»²⁴⁸. Легко себе представить, что на бездействовавших линкорах и изредка выходивших в море крейсерах ощущение томительного бездействия было еще более угнетающим, чем в окопах.

Революционной пропаганде способствовало то, что в Петрограде, Гельсингфорсе или Ревеле было легко достать нелегальную литературу. Специфика рядового состава парового флота такова, что конфликт матросской массы с офицерством становится почти неизбежным и более острым, чем аналогичный конфликт в армии. Восстания моряков в России (в 1905–1906 и 1917 и 1921 гг.), в Австро-Венгрии (в феврале 1918 г.), в Германии (в ноябре 1918 г.), во французском флоте в Черном море (в апреле 1919 г.), в британско-индийском флоте в Бомбее (в феврале 1946 г.) подтверждают эту тенденцию. Вероятно, причинами такого поведения матросов являются не только принадлежность многих из них к рабочему классу и сравнительно высокий уровень общего образования и специальной подготовки, но и особенности повседневной жизни на кораблях, превратившихся в огромные, сложные, но часто бездействующие механизмы.

Тенденция к обострению отношений матросской массы и офицеров наблюдалась в русском флоте задолго до 1917 г. Протопресвитер армии и флота (в 1911–1917 гг.) Г. И. Шавельский писал: «Детальнее говорить о флоте мне трудно: я сравнительно мало наблюдал внутреннюю жизнь флота, меньше был знаком с его личным составом и с его распорядками и укладом всей его жизни. При моих

²⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 82. Л. 27.

²⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

²⁴⁸ *Астахов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 77.

сравнительно не частых соприкосновениях с флотом у меня получалось впечатление, что в отношениях между офицерами и матросами есть какая-то трещина. Мне тогда казалось, что установить добросердечные отношения между офицерским составом и нижними чинами во флоте гораздо труднее, чем в армии. Это зависело и от состава нижних чинов и от условий жизни во флоте. Армейские нижние чины были проще, доверчивее, менее требовательны, чем такие же чины флота. И разлагающей пропаганде они подвергались несравненно меньше, чем матросы, бродившие по разным странам и портам. Совместная жизнь матросов с офицерами бок о бок на кораблях, при совершенно различных условиях в отношении и помещения, и пищи, и разных удовольствий, и даже труда — больше разделяла, чем объединяла тех и других. До революции флот наш блестяще выполнял свою задачу. Но матросская масса представляла котел с горючим веществом, куда стоило попасть мятежной искре, чтобы последовал страшный взрыв. И этот взрыв в самом начале революции последовал и унес он множество жертв»²⁴⁹.

Это взгляд со стороны. А вот что писал о взаимоотношениях офицеров и матросов В. А. Белли: «Первой особенностью обстановки во флоте, когда я в него пришел совсем молодым офицером, было ослабление авторитета офицеров в глазах матросов, взаимное недоверие, а отсюда — понижение уровня дисциплины. Точнее сказать, внешне дисциплина существовала, но корни ее постепенно подгнивали»²⁵⁰. Он же отмечал, что во время войны «становилось томительно скучно от бездеятельности. Наряду с этим с фронтов шли невеселые сведения, внутри страны постепенно нарастало недовольство правительством, войной и начавшимися продовольственными затруднениями. Да и на кораблях росло революционное движение»²⁵¹.

Протестные настроения были присущи матросам, особенно из экипажей крупных кораблей. Они, в общем, были обращены против любой существующей власти. В 1917 г. они обратились против самодержавия, а затем и против Временного правительства. В 1921 г. эти настроения оказались обращены против большевиков. Не случайно,

²⁴⁹ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера... Т. 1. С. 105, 109.

²⁵⁰ Белли В. А. В российском императорском флоте... СПб., 2005. С. 149.

²⁵¹ Там же. С. 295.

что в 1905 г. центрами революционного движения стали броненосец «Потемкин», крейсера «Очаков» и «Память Азова», в 1915 г. революционное выступление произошло на линкоре «Гангут». Точно так же во время Кронштадтского мятежа экипаж линкора «Петропавловск» оказался в центре событий. В то же время команды малых судов (миноносцев или подводных лодок) в основном сохраняли лояльность существующему режиму, во всяком случае, не они являлись инициаторами выступления.

В современной историографии есть тенденция преувеличивать степень политической самостоятельности матросов, тенденция превращать их стихийные и слабо оформленные протестные настроения в сложившуюся систему политических взглядов. Например, в своей докторской диссертации А. М. Елизаров пишет: «При этом матросы действовали как самостоятельная политическая сила, независимая от своих союзников по Октябрьскому восстанию — большевиков»²⁵². На наш взгляд, он неправомерно ставит на одну доску «матросов» и «большевиков» и рисует военных моряков как оформившуюся политическую группировку. С другой стороны, А. М. Елизаров верно уловил тенденцию к выходу флота на политическую арену и превращению его, по нашей терминологии, из «традиционного» в «политический».

Отдельно следует рассмотреть вопрос о причинах убийств офицеров матросами с марта 1917 г. и до начала 1918 г. Характерно, что именно убийства в Кронштадте и Гельсингфорсе произвели сильное впечатление на общественное мнение. Эти расправы нашли отражение в литературе того времени, в частности в «Оде революции» В. В. Маяковского:

А после!

Пьяной толпой орала.

Ус залихватский закручен в форсе.

Прикладами гонишь седых адмиралов

вниз головой

с моста в Гельсингфорсе!

²⁵² Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С.30.

До сих пор сила того непосредственного впечатления чувствуется в научной и популярной литературе, когда расправа над несколькими десятками флотских офицеров привлекает иногда большее внимание исследователей и публицистов, чем жертвы Гражданской войны, число которых исчисляется сотнями тысяч, если не миллионами. В то же время убийства офицеров солдатами сухопутной армии имели единичный характер (во всяком случае, относительно численности офицерского корпуса и потерь, которые он понес к этому времени в боях) и прошли почти незамеченными, как для современников, так и для историков. Единственным исключением, быть может, является часто упоминаемое мемуаристами и историками убийство генерала Н. Н. Духонина в Ставке 20 ноября 1917 г.

Причины возмущения матросов в Кронштадте в марте 1917 г. и позднее имели сложный характер. Вне всякого сомнения, в основе протестных настроений моряков лежали причины социального характера. При этом рабочая прослойка среди матросов, хотя и была в меньшинстве в процентном отношении, но, безусловно, задавала тон в кубриках. Почва для выступления матросов под социалистическими лозунгами к 1917 г. была подготовлена социально-экономическими и политическими условиями русской жизни. Однако на флоте общий фон протестных настроений дополнялся другим важнейшим фактором психологического, а не политического свойства. Все то же накипевшее возмущение, складывавшееся из двух основных составляющих — томительного бездействия и ощущения непроходимого барьера и отчужденности между офицерами и нижними чинами — толкало матросов на выступление против самодержавия, а потом и против Временного правительства.

После победы Октябрьской революции настроения матросов начали меняться. С одной стороны, нарастание экономических трудностей и Брестский мир с его последствиями (вроде потопления половины Черноморского флота), с другой — возникшая политическая борьба между большевиками, анархистами и левыми эсерами, дезориентировали матросов. Начавшаяся Гражданская война породила у многих из них желание уклониться от борьбы. Желание «отсидеться» от Гражданской войны в составе бездействующих флотов, было свойственно не только офицерам, но и матросам. Как правило, оно облекалось в форму желания защищать страну от внешнего врага,

а не участвовать в «братоубийстве». Так, 4 августа 1918 г. в Калуге состоялся съезд бывших военных моряков, на котором присутствовало 120 или 122 человека (последняя цифра в документе написана неразборчиво). На съезде, по предложению Л. Д. Троцкого, был командирован представитель морского ведомства — помощник комиссара Упрузамора, недавний член ВМРК А. В. Баранов. Он предложил всем участникам съезда записаться в Волжскую флотилию. «Мой доклад критиковали со всех сторон, например, указывали, — почему разоружили минную дивизию, почему расстреляли Щастного и т. п., на что я давал ответы». Никто из моряков не хотел идти на Волгу, но изъявляли желание служить в Кронштадте и Петрограде. «Из состава съезда было видно, что большинство собралось сынков кулаков и мешочников-спекулянтов»²⁵³. Несколько участников съезда комиссару все же удалось уговорить ехать на Волгу. 10 августа Э. М. Склянский наложил на доклад А. В. Баранова резолюцию: «Пользуясь законами войны и революции, нужно в подобных случаях с особенно яркими противниками советского режима поступать со всей беспощадностью»²⁵⁴.

Демобилизация и переход комплектования флота на вольный найм позволила вернуться к мирной жизни морякам старшего возраста, а также тем, кто устал от войны и службы. Тяготы «Ледового похода» порождали желание отплатить немцам за пережитое. Вместе с тем разочарование некоторых матросов в политике большевиков толкало их в объятия левых эсеров и анархистов, выступавших за «революционную войну». Видимо, этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в апреле—мае 1918 г. на Балтийском флоте среди матросов появляется довольно много сторонников возобновления военных действий против Германии. После Октября в умах большинства населения России прочно укоренился образ матроса-революционера, и даже если конкретные моряки исповедовали политические взгляды, далекие от революционных, стереотипный образ определял отношение к ним. Мемуарист Г. К. Граф писал: «Правильно учитывая значение матросов, высшее командование Добровольческих армий, однако, никак не могло отрешиться от предубеждения против них даже в тех случаях, где было бы выгодно

²⁵³ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 194. Л. 242.

²⁵⁴ Там же.

с военной точки зрения думать и действовать иначе. Морские офицеры, находившиеся тогда в армии, предложили испытать матросов, как боевой элемент, но получили ответ, что это — невысказано, так как слишком велика общая ненависть к “синим воротникам”. Эту ненависть можно объяснить только тем, что многие отождествляют всех матросов, отказываются верить, что среди них есть хорошие люди»²⁵⁵.

В годы Гражданской войны Балтийский флот был зажат в районе Кронштадта—Петрограда и находился на голодном пайке, как продовольственном, так и топливном. Эти обстоятельства значительно усиливали фактор усталости от томительного бездействия. Расшатанная за 1917 г. дисциплина не могла быть восстановлена без смены матросского состава. Действительно, практически все командные посты в РККФ продолжали занимать бывшие офицеры или гардемарины, недоверие к которым сформировалось у матросов за предреволюционный период и прочно закрепилось в их сознании в феврале—октябре 1917 г. Нельзя и думать о том, что подъем красного флага на корабле и появление на нем комиссара могло загладить глубокую пропасть между бывшими офицерами и матросами. Утомление моряков не было секретом для наблюдательных современников: «Лейтмотивом является жажда отдыха, надежда на демобилизацию в связи с окончанием войны и на улучшение материального и морального состояния, с достижением этих желаний по линии наименьшего сопротивления. Все, что мешает достижению этих желаний масс или удлиняет путь к ним, вызывает недовольство»²⁵⁶, — писал в декабре 1920 г. начальник 1-го специального отдела ВЧК Фельдман в Особый отдел ВЧК о настроениях матросов Балтийского флота.

Выводы, к которым мы пришли в результате изучения вопроса о политическом выборе моряков в 1917–1921 гг., неоднозначны. У матросов и офицеров в то время было много материальных, бытовых и психологических проблем. Старые накопившиеся обиды не могли быть забыты сразу после победы революции и способствовали росту взаимной подозрительности и недоверия. Советская

²⁵⁵ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 374.

²⁵⁶ Доклад начальника 1-го специального отдела ВЧК Фельдмана в Особый Отдел ВЧК: 10 декабря 1920 г. // Кронштадт 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост., введ. и прим. В. П. Наумова, А. А. Косаковского. М., 1997. С. 20.

власть уже через полгода своего существования взяла твердый курс на строительство регулярной армии и флота, сопровождавшееся возрождением организационных форм регулярных вооруженных сил, что воспринималось некоторыми чуть ли не как полный крах революции. Возрождение «офицерщины» вызывало острую реакцию не только рядовых красноармейцев и краснофлотцев, но и старых революционеров-подпольщиков. Не следует поэтому недооценивать трудности возрождения регулярных вооруженных сил и сводить этот многоплановый процесс к изданию серии нормативных актов.

Глава III

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ

Одним из важных факторов обеспечения лояльности военнослужащих правящему режиму является их достойное материальное обеспечение. К сожалению, этот вопрос остается в тени, когда заходит речь об офицерском корпусе русской армии и флота начала XX в. Попытаемся восполнить этот пробел и проследить динамику изменения материального положения военнослужащих во время Первой мировой и Гражданской войн. Представляется правильным дать оценку материального положения матросского и офицерского состава одновременно, что позволит определить степень привилегированности положения офицеров по сравнению с матросами.

В дореволюционное время уровень материального обеспечения морских офицеров был весьма высоким и превышал уровень окладов в сухопутной армии. Денежные выплаты состояли из жалованья (по чину), столовых (по должности), квартирных (в зависимости от чина и местности, где проходила служба) и «морского довольствия» (по должности). Жалованье выдавалось за прошедший месяц, а столовые — на месяц вперед. Обычное соотношение жалованья, столовых и квартирных (при соответствии чина занимаемой должности) составляло 2:2:1, хотя на практике случались и отклонения от этого правила.

Существовала система доплат за различные командировки, караулы, исполнение поручений. Например, за сутки в карауле оберофицерам полагалось 30 коп., а штаб-офицерам — 60 коп. Высшим чинам морского ведомства жалованье определялось каждый раз персонально, особым «высочайшим повелением». Существовал особый вид денежных наград, так называемая «аренда», оставшаяся от тех

времен, когда адмиралу могли пожаловать поместье с крепостными. В начале XIX в. пожалованье поместий прекратилось и было заменено денежной суммой, представлявшей собой эквивалент дохода с подобного поместья, которое как бы сдавалось в аренду — отсюда и название этой выплаты. За долговременное командование кораблями полагалась определенная доплата¹.

Сумма, получаемая высшими должностными лицами морского ведомства, значительно превышала денежное содержание, которое получали «рядовые» адмиралы. Например, в 1904 г. некоторые адмиралы получали такие годовые оклады: А. А. Бирилев (главный командир флота и портов, начальник морской обороны Балтийского моря и военный губернатор Кронштадта) — 14 тыс. руб., Н. И. Скрыдлов (главный командир флота и портов Черного моря) — 15 тыс. руб., Н. М. Чихачев (состоявший в Департаменте промышленности, наук и торговли Государственного Совета) — 22 тыс. руб., Ф. К. Авелан (управляющий Морским министерством) — 28 тыс. руб. и Е. И. Алексеев (наместник на Дальнем Востоке) — 55 тыс. руб. Если эти адмиралы выходили в море (что случалось не особенно часто) они получали еще морское довольствие. Некоторые адмиралы, прежде всего начальники министерских управлений, получали деньги из остатков сумм от «завершения ежегодной сметы», примерно по 1,5–2,5 тыс., хотя и не каждый год. Адмиралы и штаб-офицеры, состоявшие в царской свите, получали особые суммы «на представительство» сверх всех прочих выплат². Для сравнения: вице-адмирал в должности старшего флагмана на Балтийском или Черном море получал 7734 руб. в год (жалованье, столовые и квартирные), а в плавании — еще по 798–984 руб. в месяц³. Учитывая, что в плавании корабли находились, как правило, по 4–5 месяцев в году, «рядовой» адмирал получал в год 10–12 тыс. руб.

Жалованье и столовые облагались вычетом в размере 1 % «на госпиталь» и 1,5 % на медикаменты, а 6 % доходов вычитали в пенсионный «эмеритальный» капитал, так что общая сумма вычетов

¹ Официально она называлась доплатой «за сбережение и продолжительную, определенную сроком, без значительных исправлений, службу вверенных им судов».

² В частности, генерал-адъютанты — 1332 руб. в год, флигель-адъютанты в чине капитана 1 ранга — 792 руб. (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 9098. Л. 169.)

³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1453. Л. 27.

составляла 8,5 %. Казенная пенсия была крайне невелика, она составляла от 15 до 30 % выплат, получаемых офицером, служащим на берегу на Балтийском или Черном море. Для тех, кто служил в отдаленных местностях или много плавал, пенсия составляла еще меньший процент доходов, получаемых на службе. Чтобы обеспечить своим служащим большую пенсию, в военном и морском ведомствах были учреждены «эмеритальные кассы», представлявшие собой систему накопительной пенсии. Дополнительным плюсом такой пенсии было то, что офицер, попавший под суд и уволенный «без мундира и пенсии», либо прослуживший недостаточный срок для получения казенной пенсии, сохранял право на эмеритальную пенсию.

Кроме регулярных вычетов, при любом увеличении жалованья, столовых или квартирных, при производстве в следующий чин или назначении на новую должность удерживалась сумма прибавки за первые три месяца службы, а при награждении орденами взыскивался особый сбор. Правда, сборы при награждении много лет не увеличивались, поэтому к началу XX в. они были сравнительно невелики: от 15 руб. за орден Св. Станислава 3-й степени до 500 руб. за орден Андрея Первозванного. При награждении орденом Св. Георгия любой степени, георгиевским оружием, орденом Св. Владимира 4-й степени за выслугу лет сбор не взимался. Если офицер находился под арестом, у него вычиталась половина жалованья, столовые не выплачивались вовсе⁴.

Таблица 1 дает представление о денежном содержании офицеров флота перед Первой мировой войной. Суммы указаны с учетом 8,5 % вычетов из офицерского жалованья, отсюда такие некруглые цифры⁵.

Надо учитывать, что сумму, рассчитанную по мирному времени в плавании, офицеры в действительности никогда не получали, так как практически не было случаев, чтобы корабль находился в плавании круглый год. Реальные выплаты находились в интервале между теоретическим максимумом (в плавании) и минимумом — на берегу. Кроме того, холостым офицерам, находившимся в плавании,

⁴ Подробнее см. *Малинко В. И., Голосов В. П.* Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. I.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1453. Л. 27.

Должность	Чин	Основное жалование, в год	Жалование на Каспийской флотилии, в год	Жалование на Дальнем Востоке, в год	Столовые, в год	Морское довольствие, в мес.	Квартирные (по Ревелю), в месяц	Сумма по мирному времени в плавании на Балтике	Сумма по мирному времени на берегу на Балтике
Вахтенный офицер	мичман	504,00 р.	648,00 р.	828,00 р.	183,00 р.	102,00 р.	17,00 р.	2115,00 р.	891,00 р.
Вахтенный начальник	лейтенант	576,00 р.	756,00 р.	900,00 р.	366,00 р.	113,00 р.	26,00 р.	2610,00 р.	1254,00 р.
Специалист 2 разряда	лейтенант	576,00 р.	756,00 р.	900,00 р.	420,00 р.	118,80 р.	26,00 р.	2733,60 р.	1308,00 р.
Специалист 1 разряда	лейтенант	576,00 р.	756,00 р.	900,00 р.	540,00 р.	129,00 р.	26,00 р.	2976,00 р.	1428,00 р.
Специалист 1 разряда; старший офицер корабля 2 ранга	старший лейтенант	684,00 р.	900,00 р.	1080,00 р.	500,00 р.	129,00 р.	26,00 р.	3044,00 р.	1496,00 р.
командир корабля 3 ранга	старший лейтенант	684,00 р.	900,00 р.	1080,00 р.	729,00 р.	141,00 р.	26,00 р.	3417,00 р.	1725,00 р.
Командир корабля 3 ранга; старший офицер корабля 1 ранга	капитан 2 ранга	900,00 р.	1116,00 р.	1440,00 р.	729,00 р.	141,00 р.	40,50 р.	3807,00 р.	2115,00 р.
Командир корабля 2 ранга	капитан 2 ранга	900,00 р.	1116,00 р.	1440,00 р.	1395,00 р.	270,00 р.	61,00 р.	6267,00 р.	3027,00 р.
Командир корабля 1 ранга	капитан 1 ранга	1080,00 р.	1404,00 р.	1800,00 р.	1995,00 р.	366,00 р.	61,00 р.	8199,00 р.	3807,00 р.
Младший флагман	контр-адмирал	1980,00 р.	2448,00 р.	2916,00 р.	3300,00 р.	504,00 р.	86,00 р.	12 360,00 р.	6312,00 р.
Старший флагман Высшие должности	вице-адмирал	2628,00 р.	3276,00 р.	3816,00 р.	3900,00 р.	798,00 р.	100,50 р.	17 310,00 р.	7734,00 р.
	адмирал	3528,00 р.	4356,00 р.	4932,00 р.	По высочайшему повелению			-----	-----

не полагались квартирные деньги, но в заграничном плавании жалование как матросам, так и офицерам выдавалось золотом, что было выгодно военнотружущим, так как с учетом разницы курсов превышало обычное жалование в полтора раза⁶. В. А. Белли вспоминал, что жалование «платили нам за границей либо английскими, либо французскими деньгами, в зависимости от того, в какой валютной зоне мы находились. Да и русские кредитные билеты, а тем более золотые монеты, охотно обменивались на местные деньги и по хорошему курсу в любом банке или меняльной конторе»⁷.

Как видно, система выплат была направлена на стимулирование желаний плавать на кораблях вне территориальных вод России. С одной стороны, это нужно оценить положительно, ведь по распространенному мнению, настоящие моряки вырабатываются в дальних плаваниях. С другой стороны, назначение на корабли, идущие в заграничное плавание, было привилегией, и начальство могло по своему усмотрению поощрить того или иного офицера, отправив его в дальнейшее плавание.

Таблица 2 иллюстрирует оклады офицеров и чиновников, занимавших должности на берегу (без учета 8,5 % вычета)⁸:

Таблица 2

Класс	Чин		Жалование (включая столовые и квартирные), руб. в год
1	2	3	4
	Контр-адмирал или вице-адмирал	Начальник ГМШ	10 000
	Капитан 1 ранга или контр-адмирал	Начальник отдела ГМШ	8000
IV	Действительный статский советник	Начальник Канцелярии морского министра	5200 и квартира натурой (условной стоимостью 1300 руб. в год)

⁶ Белли В. А. В российском императорском флоте. С. 133.

⁷ Там же.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 147. Л. 26.

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
V	Капитан 1 ранга	Штаб-офицер для особых поручений ГМШ	6500
V	Капитан 1 ранга	Начальник отделения высшего оклада или старший адъютант ГМШ	5000
V	Капитан 1 ранга	Редактор журнала «Морской сборник»	5000
V	Капитан 1 ранга	Начальник отделения ГМШ низшего оклада	4500
V	Статский советник	Делопроизводитель	3750
VI	Капитан 1 ранга	Штаб-офицер ГМШ высшего оклада или младший адъютант ГМШ	4200
VI	Капитан 1 ранга	Штаб-офицер ГМШ низшего оклада	3600
VI	Коллежский советник	Делопроизводитель	3000
VII	Капитан 2 ранга	Секретарь редакции журнала «Морской сборник»	2400
VII	Надворный советник	Делопроизводитель	1800
VIII	Коллежский ассессор	Младший чиновник ГМШ высшего оклада	2000
VIII	Коллежский ассессор	Младший чиновник ГМШ низшего оклада	1500
VIII	Коллежский ассессор	Делопроизводитель	1500
IX	Титулярный советник	Делопроизводитель	1000

Можно сделать заключение, что офицеры центрального аппарата морского ведомства получали несколько больше, чем строевые на берегу, но меньше, чем строевые офицеры в плавании. Например, жалование начальника отдела ГМШ соответствовало жалованию контр-адмирала, служившего на берегу (если учесть, что квартирные в Санкт-Петербурге были в два раза выше, чем в Ревеле). Штаб-офицер низшего оклада получал даже меньше, чем строевой капитан 1 ранга на берегу, но тут надо учитывать, что, как правило, эта должность замещалась офицерами в чине капитана 2 ранга. В общем,

нельзя сказать, что штабные офицеры получали несправедливо высокое жалованье по сравнению с корабельными. Единственным материальным преимуществом офицеров, служивших «под шпием»⁹, было то, что они жили в столице, со всеми ее удобствами и удовольствиями. Кроме того, они имели возможность дополнительно зарабатывать преподаванием в школах нижних чинов-специалистов, что приносило неплохой доход. Корабельным офицерам были доступны заграничные плавания, очень ценившиеся одними за повышенные оклады, а другими — за возможность посмотреть мир.

Расходы офицеров оценить довольно сложно. Им полагалось шить обмундирование и питаться за свой счет, в том числе и на корабле. Для организации питания в кают-компаниях существовал определенный вычет из жалованья, например, в 1906 г. около 30 руб. в месяц¹⁰. В 1912 г. в Кронштадте холостой офицер мог снять комнату за 25 руб., тратить на питание 55–60 руб. (в том числе один завтрак в столовой Минного офицерского класса стоил 50 коп.), на стирку белья 5–10 руб. в месяц¹¹. Учитывая покупательную способность тогдашнего рубля, расходы на питание в 55–60 руб. в месяц, очевидно, позволяли офицеру питаться просто роскошно.

Правда, в мемуарах и публицистике встречаются сетования на тяжелое материальное положение русского офицерства. Вот что пишет А. А. Игнатъев о жизни офицеров 1-й гренадерской дивизии в 1898 г. «Компания рассказывала мне до рассвета про жите-бытье московского гарнизона, о том, как было трудно, особенно женатым, прожить на офицерское жалованье, в девяносто рублей в месяц подпоручику и в сто двадцать — капитану. Да к тому же из этих денег шли вычеты на букеты великой княгине и обязательные обеды, а мундир с дорогим гренадерским шитьем обходился не менее ста рублей. Комнату дешевле чем за двадцать рублей в месяц в Москве найти трудно. Вот холостые и спят в собрании, на письменных столах, там в глубине: диванов-то, кроме одного для дежурного, у нас и нет. Мне тем тяжелее было слушать все эти откровения, что жизнь офицеров

⁹ Морской жаргонизм того времени. Слово сочетанием «под шпием» (под шпилем) обозначали служивших в здании Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, шире — вообще все руководство морского ведомства.

¹⁰ Белли В. А. В российском императорском флоте. С. 133.

¹¹ Там же. С. 249.

первых гвардейских полков не имела с этим ничего общего»¹². Следует отметить, что под указанными А. А. Игнатьевым размерами жалования поручика и капитана он понимал все денежные выплаты, получаемые офицерами (жалованье, столовые и квартирные). Действительно, штабс-капитан (командир армейской роты) в Москве получал в месяц около 120 руб., а подпоручик — 75–85 руб. (с учетом денег за караулы, суточных за лагерные сборы и т. д. — до 90 руб.). Что касается цен на комнаты в Москве, то обер-офицеру как раз и причиталось 250 руб. квартирных в год, то есть около 21 руб. в месяц, что позволяло снимать одну комнату, которая ему и полагалась по правилам. Было принято, что площадь этой комнаты, вместе с внутренним коридором составит 7,5 квадратных саженей (34 квадратных метра)¹³. Как правило, такую комнату делили дощатой перегородкой или ширмой на «спальню» и «кабинет». Офицерам в более солидных чинах полагались многокомнатные квартиры. Например, штаб-офицеру полагались три комнаты для себя (119 квадратных метров), а также комната для прислуги и кухни; полковому командиру — пять комнат для семьи (192 квадратных метра), комната для прислуги и отдельная кухня; а полному генералу — девять «барских» комнат (366 квадратных метров) и еще две для слуг и приготовления пищи¹⁴. Фактически квартирные выплаты отставали от роста арендной платы за жилье, особенно в крупных городах, но нормы жилой площади были велики и даже если офицер не мог снять квартиру, полагающуюся ему по нормативам, то все равно ему была обеспечена возможность обзавестись приличным жильем. Служебных квартир было немного, но они были роскошными, так как в большинстве своем располагались в зданиях правительственных учреждений, построенных еще в первой половине XIX в. Так, служебная квартира морского министра занимала весь второй этаж бокового фасада здания Главного Адмиралтейства (всего 23 комнаты и 8 «людских покоев», не считая дополнительных помещений).

Стандарты потребления гвардейского офицерства были недоступны даже многим выходцам из богатых семейств. Один из них рассуждал в 1911 г. так: «Одно дело быть холостым кавалергардом.

¹² *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 112.

¹³ Подробнее см. *Малинко В. И., Голосов В. П.* Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. I.

¹⁴ Там же. С. 152–153.

Для этого не нужно было иметь особых средств, ибо кавалергардцы вели себя скромно (без показного шика). Другое дело быть женатому, семейному кавалергарду. Холостой мог бы жить у какой-нибудь тетушки или же на холостяцкой квартире. Он мог довольствоваться одним лакеем или денщиком. Женатый же должен был иметь не угол, а приличную хорошую квартиру в столице и иметь такие средства, чтобы не отставать от требований общепринятого в полковой среде светского образа жизни, да еще в добавок в условиях столицы»¹⁵.

Жалобы на сложное материальное положение военнослужащих русской армии и флота начала XX в. были вызваны, по нашему мнению, не тем, что русские офицеры получали маленькое жалованье, а тем, что их стандарты потребления были весьма высокими. А. А. Игнатьев в своих знаменитых воспоминаниях передает удивление русского гвардейского офицера бытом его заграничных коллег. Рассказывая о своей первой поездке во Францию в 1906 г., он писал: «К вечеру я очутился в небольшой квартире моего чичероне (капитана кавалерии Фелина. — *К. Н.*) В изящно убранном и блиставшем чистотой крохотном салоне Фелин представил меня своей жене, красавице-блондинке в воздушном белом платье. На маленьком столике был сервирован чай, торт, печенье, сэндвичи. Как мне ни хотелось есть, воспитание не позволило наброситься на эти яства. Хозяйка, видимо, заметив мое смущение, попросила не церемониться.

— У нас прислуги нет! Все, что вы видите, я ведь сама приготовила!

Так вот каковы француженки! Как они не похожи на наших полковых дам. Умеют и кастрюлю, и метлу в руках держать, умеют и предстать перед мужем и гостем во всем обаянии женской красоты. Быт офицера устроен иначе. Денщик Фелина детей в колясочке не возит и обязан только ухаживать за конем и чистить сапоги офицера; но он их только чистит, а не снимает и в морду не получает. После русской армии все это казалось странным, даже непонятным»¹⁶. Действительно, в начале XX в. представить себе семью русского офицера без кухарки совершенно невозможно, а более-менее благополучной могла считать себя семья с детьми, нанимающая кухарку, горничную и няню, не считая казенного денщика главы семейства.

¹⁵ *Трубецкой В. С.* Записки кирасира. С. 15–16.

¹⁶ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 376.

А вот другой пример: «Назавтра мой “billet de logement” (направление на постой. — *К. Н.*) привел меня в небольшой потемневший от времени каменный домишко пехотного капитана в отставке. Одетый по случаю появления войск в опрятный пиджак с тоненькой красной ленточкой Почетного легиона в петлице, мой хозяин начал прием с показа мне своих владений, состоявших из обширного фруктового сада и крохотного, но идеально возделанного огорода, без единого сорняка, без единой ямки. Он снимает ежегодно два—три урожая разных овощей, их ему с женой хватает на целый год. Ценные груши «дюшес» он посылает на продажу в Нанси, и это вместе с пенсией составляет его скромный годовой бюджет. Рабочего с лошадью ему приходится нанимать только на два дня весной для пропашки. Корову он доит сам. История этого капитана проста. Четверть века назад, выслуживши чин унтер-офицера, он окончил офицерскую школу Сен-Максанс, что ставило его ниже офицеров, окончивших Сен-Сирскую школу, куда попадали сыновья богатых родителей. Это же явилось причиной его медленного продвижения по службе, и, прокомандовав ротой свыше десяти лет, он достиг предельного возраста. Вернувшись в родную деревню, он вполне освоился со своим положением, почитывает, как всякий интеллигент, местную газету радикал-социалистов, а по воскресеньям — журнал “Меркюр де Франс” в лиловой обложке; на следующий год он рассчитывает стать мэром, а под старость дней — даже “conseiller général” (член департаментского совета, выборщик в многочисленных выборах), и как бы ни была мелочна и лишена интереса жизнь этого скромного человека, а все же по сравнению с бытом и с притязаниями русских офицеров она тогда мне представлялась симпатичной. Человек с капитанскими галунами не стыдится своего скромного происхождения, любит свое родное гнездо, своих односельчан, не гнушается черной работы, не опускается на дно, умеет жить на скромные средства не только без долгов, но даже со сбережениями на старость дней»¹⁷.

Сравнение этих отрывков воспоминаний прекрасно иллюстрирует разницу в запросах офицерства в России и во Франции. В России и в ряде других стран Европы, например, в Германии, Швеции или Великобритании, где в начале XX в. сохранялись значительные

¹⁷ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 392–393.

пережитки феодальных порядков и были живы аристократические традиции, производительный труд для офицера был чем-то недопустимым, а необходимость прибегнуть к нему в отставке воспринималась как жизненная катастрофа. Не случайно появление в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» образа подполковника Тетькина, занявшегося в начале 1918 г. варкой гуталина и «записавшегося» на бирже труда безработным, — символ «разофицеривания»¹⁸.

В то же время офицер должен был, как выражаются некоторые историки, заниматься «демонстративным потреблением», о чем свидетельствует, например, описание А. А. Игнатьевым жизни офицеров гренадерского корпуса и, в частности, гвардии. В то же время во Франции, где к началу XX в. установилось образцовое буржуазное общество, с офицера было снято бремя «демонстративного потребления» и общественное мнение, наоборот, требовало от него демонстрации «республиканской скромности» своего быта.

Словом, в сравнении с основной массой населения России, уровень жизни офицеров армии и флота был весьма высоким. Например, народные учителя начальных школ Санкт-Петербургского учебного округа получали в 1911 г. (в среднем!) от 301 до 433 руб. в год, разумеется, без казенного обмундирования, питания и квартиры¹⁹. Для учителей 1000 руб. в год, полагавшиеся низшей категории военно-морских чиновников, были недостижимым богатством.

С началом Первой мировой войны для морских офицеров была введена 50 % надбавка к жалованью и столовым. При этом части флота, базировавшиеся в Финляндии, получали все выплаты в иностранной валюте, то есть выигрывали на курсе еще 50 % полученной суммы.

Надо иметь в виду, что в столбцах, относящихся к Финляндии, не учитываются квартирные деньги, ибо в Финляндском военном округе квартиры русским военнослужащим по традиции отводились натурой, за счет местных средств. Данные о том, как выросли оклады после начала войны, приведены в таблице 3²⁰. Суммы указаны в рублях.

¹⁸ Толстой А. Н. Хождение по мукам: Трилогия. Кн. 1–2 // Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 5. С. 347.

¹⁹ Ленин В. И. Нищета народных учителей // ПСС. Т. 24. С. 195–197.

²⁰ Рассчитано нами по материалам: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1453. Л. 27.

Должность	Чин	Сумма по мирному времени в плавании на Балтийском и Черном море (руб.)	Сумма по мирному времени на берегу на Балтийском и Черном море (руб.).	Сумма по военному времени в плавании на Балтийском и Черном море (руб.)	Сумма по военному времени на берегу на Балтийском и Черном море (руб.)	Фактическая сумма по военному времени в плавании при базировании в Финляндии, (руб.)	Фактическая сумма по военному времени на берегу при базировании в Финляндии, (руб.)
Вахтенный офицер	Мичман	2115,00	891,00	2458,50	1234,50	3381,75	1545,75
Вахтенный начальник	Лейтенант	2610,00.	1254,00.	3081,00.	1725,00.	4153,50.	2119,50.
Специалист 2 р-да	Лейтенант	2733,60	1308,00	3231,60	1806,00	4379,40	2241,00
Специалист 1 р-да	Лейтенант	2976,00	1428,00	3534,00	1986,00	4833,00	2511,00
Специалист 1 р-да; старший офицер кор 2 р	Старший лейтенант	3044,00	1496,00	3636,00	2088,00	4986,00	2664,00
Командир кор 3 р	Старший лейтенант	3417,00	1725,00	4123,50	2431,50	5717,25	3179,25
Командир кор 3 р; старший офицер кор 1 р	Капитан 2 ранга	3807,00	2115,00	4621,50	2929,50	6203,25.	3665,25.
Командир кор 2 р	Капитан 2 ранга	6267,00	3027,00	7414,50	4174,50	10 023,75.	5163,75.
Командир кор 1 р	Капитан 1 ранга	8199,00	3807,00	9736,50	5344,50	13 506,75.	6918,75.
Младший флагман	Контр-адмирал	12 360,00	6312,00	15 000,00	8952,00	20 952,00	11 880,00
Старший флагман	Вице-адмирал	17 310,00	7734,00	20 574,00	10 998,00	29 052,00	14 688,00

Жалование нижних чинов флота в дореволюционное время значительно отличалось от офицерского. Самый высокооплачиваемый из специалистов-унтер-офицеров, авиационный старшина, получал в год 360 руб.²¹, а мичман даже на берегу, без надбавок военного времени — 891 руб. в год²².

Вычеты из жалования нижних чинов были меньше, чем из офицерского. Так, из жалования рядовых вычитался 1% на медикаменты, а из жалования унтер-офицеров — 2% «на медикаменты и госпиталь». На берегу матросы получали основное жалование. В отдаленных местностях (во Владивостоке и в Баку) нижние чины получали усиленное жалование (в 1,5 раза больше основного), в ближнем плавании (Балтийское и Черное моря) выплачивалось жалование в 2,4 раза больше основного, на Дальнем Востоке и Каспии — в 3,6 раза больше, а в дальнем плавании (вне прилегающих к России морей) — в 4,8 раза больше основного²³. Следует учитывать, что при нахождении в плавании высчитывался каждый день и матросы получали повышенное жалование только за время, фактически проведенное в плавании — здесь действовал тот же принцип, что и при вычислении морского довольствия для офицеров. В заграничном плавании жалование матросам, также как и офицерам, выдавалось золотом, что было выгодно военнослужащим — с учетом разницы курсов сумма денег в золоте была в 1,5 раза больше по покупательной способности, чем та же сумма бумажными деньгами.

Конкретное представление о выплатах нижним чинам срочной службы дает таблица 4, в которой для сравнения приведены также суммы жалования в дальнем плавании и оклады сухопутных солдат. Практически не было случаев, чтобы круглый год матрос пробыл в дальнем заграничном плавании, реальный оклад матроса колебался от основного жалования до жалования в дальнем плавании. Жалование авиационных старшин в дальнем плавании не указано, в силу того что авианесущие корабли в дореволюционное время ни одного дальнего плавания в заграничных водах не совершили²⁴.

²¹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 795.

²² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1453. Л. 27.

²³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1155. Л. 1-39.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 7. Д. 8. Л. 50.

Таблица 4

Должности и звания нижних чинов флота	Звания нижних чинов сухо- путной армии	Основное жалованье, в год	Жалованье в даль- нем плавании (увеличено в 4,8 раза по сравнению с основным), в год
1	2	3	4
Авиационный старшина (унтер-офицер)		360,00 р.	
Старшины (унтер-офицеры): машинный, моторный, минно- машинный, трюмный, кочегарный, минный, электрик, артиллерист, гальванер		225,00 р.	1080 р.
Боцман, фельдшер, старшины (унтер-офицеры): писарь, музыкант, сигнальщик, даль- номерщик, рулевой, водолаз, содержатель, горнист		108,00 р.	518,40 р.
	Фельдфебель гвардии	78,00 р.	
Строевой боцманмат, унтер- офицер, старшие: стрелковый инструктор, стрелковый ору- жейник, барабанщик; специалисты: машинные, теле- графные, моторные, минно- машинный, минный, электрик, гальванер, авиатор, загражда- тель, кочегар, трюмный, марсо- вый, сигнальщик, дальномер- щик, рулевой, водолаз, маляр, плотник, парусник, ложник	Фельдфебель армии	72,00 р.	345,60 р.
	Старший унтер-офицер гвардии	54,00 р.	
	Старший унтер-офицер армии	48,00 р.	
Вице-унтер-офицер, писарь, музыкант, горнист, стрелковый инструктор, стрелковый ору- жейник, матрос 1 и 2 статьи, хлебопек, барабанщик	Младший унтер-офицер гвардии	18,00 р.	86,40 р.

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
	Ефрейтор гвардии	13,20 р.	
	Рядовой гвардии, младший унтер-офицер армии	12,00 р.	
Молодой матрос		9,00 р.	43,20 р.
	Ефрейтор армии	7,20 р.	
	Рядовой армии	6,00 р.	

Разрыв в оплате самих нижних чинов был значительно большим, чем разрыв между жалованьем мичмана и адмирала. Молодому матросу полагалось 9 руб. в год, а авиационному старшине — 360 руб. С другой стороны, по сравнению с жалованьем в сухопутной армии матросы получали гораздо больше. Если рядовой армейской пехоты получал в год крошечную сумму в 6 руб., то только что призванному молодому матросу полагалось уже 9 руб. Максимальный оклад в сухопутной армии составлял 78 руб. в год (фельдфебели и вахмистры гвардии срочной службы)²⁵, тогда как на флоте он доходил до 360 руб., не считая повышенных окладов в плавании и дополнительных выплат сверхсрочнослужащим. Жалованье выдавалось раз в два месяца за прошедший срок.

В отличие от офицеров, матросы получали питание и обмундирование натурой. О стоимости вещей и продуктов, которые выдавались натурой, в сравнении с армейской пехотой, дает представление таблица 5²⁶.

По сравнению с солдатами сухопутной армии, нижние чины флота; особенно те из них, кто овладел той или иной специальностью, получали весьма солидное жалованье. Сверхсрочнослужащие получали дополнительные выплаты. Однако по сравнению с зарплатой квалифицированных рабочих, жалованье матросов-специалистов

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 7. Д. 8. Л. 50.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2814. Л. 9. Ф. 410. Оп. 3. Д. 883. Л. 15.

Таблица 5

	Обмундирование и питание (руб.)	В том числе обмундирование (руб.)	В том числе питание (руб.)
Гвардейский экипаж	176, 09	71, 29	104, 80
Негвардейские экипажи Балтийского моря	156, 72	51, 92	104, 80
Черное море	169, 20	51, 92	117, 28
Тихий океан	186, 75	51, 92	134, 83
Армейская пехота	136, 11	33, 85	102, 26

было не столь уж высоким. Учитывая сложные условия службы на корабле, отрицательное отношение матросов срочной службы к сверхсрочникам и непроходимый социальный барьер между сверхсрочниками и офицерами, охотников оставаться на сверхсрочную службу было не так много. К 1 января 1917 г. в русском флоте числилось всего 3604 сверхсрочнослужащих унтер-офицера и 2211 кондукторов при общей численности матросов в 135 004 человека, не считая 20 000 ратников морского ополчения²⁷. Сверхсрочнослужащих и кондукторов в русском флоте насчитывалось всего около 4 % личного состава, почти в два раза меньше, чем офицеров.

Во время Первой мировой войны по карману военнослужащих больно ударила инфляция. По официальным данным, к 1 мая 1917 г. рубль обесценился до 27 коп. в довоенных ценах. При этом жалование и другие выплаты военнослужащим долгое время не увеличивались. Борьба рабочих за увеличение зарплаты и улучшение условий труда не могла не послужить примером матросам.

Видимо, этим повышением жалования наиболее квалифицированная часть матросов осталась недовольна. Вот что об этом писал капитан 2 ранга Г. К. Граф: «Так, с соответствующими угрозами Временному правительству было предъявлено требование об увеличении жалования. Этот вопрос стал оживленно обсуждаться во всех советах, на кораблях и в береговых командах. Никогда, кажется, прения не были так бесконечны и жарки, как при обсуждении этого вопроса. Никакие доказательства, что государство не в состоянии платить такие огромные оклады, не принимались в расчет. Даже самые умеренные матросы, когда заходила речь о деньгах, прямо теряли голову, и ничто их не могло убедить. Матросы высказывали удивление, и им

²⁷ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об.

очень не нравилось, что офицеры считают для себя недопустимым тоже требовать увеличения жалования. По их понятию, это было в порядке вещей и так естественно, что поведение офицеров им казалось подозрительным: вот, мол, ничего не хотят принимать от революции»²⁸. Действительно, жалование офицеров после Февральской революции не пересматривалось и в результате инфляции сократилось в 3,7 раза по сравнению с довоенным временем, однако следует учитывать, что денежное довольствие морского офицера сильно зависело от того, находится он в плавании или нет, а также то, что морские офицеры, находясь в плавании, получали существенно большее жалование, чем в армии.

Вопрос об увеличении жалования матросам начал рассматриваться в мае 1917 г. специально созданной Комиссией для выработки положений, касающихся военно-морского быта. Председателем этого органа был октябрист Н. В. Савич до тех пор, пока военным и морским министром был А. И. Гучков. Когда пост министра занял А. Ф. Керенский, Н. В. Савича сменил В. И. Лебедев, который был совершенно случайным человеком в морском ведомстве. В заметке в журнале «Еженедельник Морского сборника» В. И. Лебедев был охарактеризован как «один из близких знакомых ему (Керенскому. — К. Н.) лиц... эмигрант, революционный политический деятель, участник японской войны и лейтенант французской службы»²⁹.

Комиссия В. И. Лебедева рассмотрела несколько проектов повышения матросского жалования. Один из них предусматривал механическое увеличение выплат при сохранении прежней их структуры (см. табл. 6).

Приказ 6 июня 1917 г. о новых окладах матросам (введенных задним числом с 1 мая 1917 г.) предусматривал серьезные изменения порядка начисления им денежных выплат. Теперь матросское жалование определялось помесечно, а не погодно. Оно должно было состоять из четырех частей: берегового жалования, добавочного содержания за исполнение специальных обязанностей, морского довольствия и особых выплат. Береговое жалование зависело от строевого звания, добавочное содержание — от специальности и квалификации, морское довольствие было для всех одинаковым

²⁸ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 366–367.

²⁹ *Соколов А.* Комиссия для выработки положений, касающихся военно-морского быта // Еженедельник Морского сборника. 1917. 3 июня. (№ 2). С. 11.

Таблица 6

Звание, должность	Основное жалова- ние до повыше- ния, в год (руб.)	В ценах 1914 г. до повы- шения, в год (руб.)	С 1 мая 1917, в год (руб.)	В ценах 1914 г. после по- вышения (руб.)
Авиационный старшина (унтер-офицер)	360,00	97,20	450,00	121,50
Старшины (унтер-офицеры): машинный, моторный, минно- машинный, трюмный, кочегарный, минный, электрик, артиллерист, гальванер	225,00	60,75	315,00	85,05
Боцман, фельдшер, старшины (унтер-офицеры): писарь, музыкант, сигнальщик, дальномер- щик, рулевой, водолаз, содержа- тель, горнист	108,00	29,16	204,00	55,08
Строевой боцманмат, унтер-офицер, старшие: стрелковый инструктор, стрелковый оружейник, барабан- щик; специалисты: машинный, теле- графный, моторный, минно-машин- ный, минный, электрик, гальванер, авиатор, заграждатель, кочегар, трюмный, марсовый, сигнальщик, дальномерщик, рулевой, водолаз, маляр, плотник, парусник, ложник	72,00	19,44	168,00	45,36
Вице-унтер-офицер, писарь, музы- кант, горнист, стрелковый инструп- тор, стрелковый оружейник, матрос 1 и 2 статьи, хлебопек, барабанщик	18,00	4,86	132,00	35,64
Молодой матрос	9,00	2,43	90,00	24,30

(«т. к. «в плавании все одинаково подвержены трудностям и опасностям морской жизни», — говорилось в разъяснениях к приказу³⁰). Командам кораблей, находившихся в резерве или «на паровом отоплении»³¹ полагалось выплачивать морское довольствие в половинном размере (см. табл. 7). Дополнительные выплаты полагались водолазам за спуски под воду, летчикам за полеты, за плавание в Белом

³⁰ Объяснительная записка к «табели окладов жалования для морских команд» // Ежедневник Морского сборника. 1917. 10 июня. (№3). С.10.

³¹ Так называлась одна из форм консервации корабля для хранения в порту.

море и Северном Ледовитом океане, за службу в Архангельске и на северных побережьях, за обучение новобранцев и т. д. Кроме того, в окончательном варианте приказа фигурирует более полный список специальностей, которые распределены по группам оплаты не так, как это было до революции или в первоначальном проекте.

Таблица 7

Должность	Береговое жалование, руб. в мес.	Добавочное содержание за исполнение специальных обязанностей, руб. в мес.	Морское довольствие, руб. в мес.	Всего, руб. в мес.	Всего, руб. в год	Всего в год в пересчете на цены 1914 г., руб.
Боцман	12,00	23,00	15,00	50,00	600,00	162,00
Старшины						
• машинные, кочегарные, трюмные, моторные, авиационные, минно-машинные	12,00	23,00	15,00	50,00	600,00	162,00
• артиллерийские, гальванерные, электрики, минеры, телеграфисты, фельдшера, содержатели	12,00	18,00	15,00	45,00	540,00	145,80
Писари	12,00	15,00	15,00	42,00	504,00	136,08
Фельдфебели	12,00	14,00	15,00	41,00	492,00	132,84
Рулевые, сигнальщики, дальномерщики	12,00	12,00	15,00	39,00	468,00	126,36
Строевые, водолазные, музыканты	12,00	9,00	15,00	36,00	432,00	116,64
Санитарные, стрелковые инструкторы, стрелковые оружейники, марсовые	12,00	6,00	15,00	33,00	396,00	106,92
Горнисты, барабанщики	12,00	3,00	15,00	30,00	360,00	97,20

Продолжение таблицы 7

Специалисты						
Кочегары	9,00	18,00	15,00	42,00	504,00	136,08
Машинисты, трюмные, мотористы, минные машинисты, авиаторы	9,00	15,00	15,00	39,00	468,00	126,36
Комендоры, гальванеры, электрики, минеры, заграждатели, телеграфисты	9,00	12,00	15,00	36,00	432,00	116,64
Рулевые, сигнальщики, дальномерщики	9,00	9,00	15,00	33,00	396,00	106,92
Коки, хлебопеки	7,50	9,00	15,00	31,50	378,00	102,06
Водолазы, музыканты, писаря	9,00	6,00	15,00	30,00	360,00	97,20
Маляры	7,50	6,00	15,00	28,50	342,00	92,34
Марсовые, плотники, ложники	7,50	4,50	15,00	27,00	324,00	87,48
Стрелковые инструкторы, стрелковые оружейники, санитары	9,00	3,00	15,00	27,00	324,00	87,48
Горнисты, барабанщики, парусники	7,50	3,00	15,00	25,50	306,00	82,62
Матросы	7,50	0,00	15,00	22,50	270,00	72,90
Юнги	5,00	0,00	15,00	20,00	240,00	64,80
Молодые матросы (только на берегу, на время строевого обучения)	5,00	0,00	0,00	5,00	60,00	16,20

В результате инфляции и повышения выплат в 1917 г. происходит выравнивание окладов. До 1 мая 1917 г. соотношение оклада молодого матроса и авиационного старшины составляло 1:40 (9 и 360 руб. в год соответственно), а с этого времени соотношение составило 1:5 (90 и 450 руб. в год соответственно)³². Если учесть обесценивание

³² РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 795.

денег, то окажется, что оклад авиационных старшин даже после майского повышения составлял всего около 162 руб. в довоенных ценах, тогда как оклад молодого матроса значительно увеличился, превысив 16 руб. в довоенных ценах. В результате оклады молодых матросов по сравнению с довоенным временем выросли в 1,8 раза, оклады рядовых специалистов — в 4,7–5,6 раза. В то же время фактические выплаты старшинам сократились в 1,4–1,5 раза, а авиационным старшинам — даже в 2,2 раза.

Следует помнить, что о сокращении жалованья отдельным категориям матросов можно говорить только в сравнении с 1914 г., в начале 1917 г. моряки получали довоенное жалованье, покупательная способность которого была снижена инфляцией, так что все моряки получили с 1 мая 1917 г. весомую прибавку к тому жалованью, которое они получали еще в апреле.

Приказ о повышении жалованья от 6 июня 1917 г. имел и обратную сторону. Он отменял «существовавшие ранее виды довольствия, как-то: жалованье, морское довольствие для внутреннего и заграничного плавания, добавочное содержание за специальные звания и действительное исполнение обязанностей, за окончание курса машинистов самостоятельного управления, за непитое вино, табак и проч.»³³ Существенной, конечно, была отмена повышенного жалованья за заграничное плавание. Правда, в военное время в заграничном плавании находились лишь несколько кораблей.

Введение новых окладов Временное правительство попыталось использовать в пропагандистских целях. В приказе от 6 июня говорилось: «Обращаю внимание всех чинов флота, что новые оклады содержания вызывают дополнительные расходы народной казны сверх прежних ассигнований в три миллиона рублей ежемесячно, и несмотря на исключительно тяжелое состояние таковой, приняты полностью Временным Правительством в том виде, как это было выработано вышеназванной комиссией»³⁴

Не довольствуясь казенным жалованьем, матросы пытались изыскать дополнительные источники доходов. Вспомнили о таком старинном обычае, как выплата призовых денег команде корабля,

³³ Объяснительная записка к «табели окладов жалованья для морских команд» // Еженедельник Морского сборника. 1917. 10 июня. (№3). С.11.

³⁴ Там же. С.10.

захватившего приз, то есть вражеское торговое судно с грузом. В июне 1917 г. по инициативе командующего Балтийским флотом, весьма популярного среди матросов, адмирала А. С. Максимова возникла переписка о восстановлении призового вознаграждения для команд подводных лодок и надводных кораблей за потопление или захват вражеских судов. Образцом для А. С. Максимова послужило наличие такого вознаграждения в английском флоте, подводные лодки которого действовали в Балтийском море. Кстати, зависть у русских моряков вызывали не только призовые премии, но и выдача рома на английских подводных лодках, тогда как в России с 1914 г. действовал «сухой закон»³⁵. В прессе того времени появлялась информация о денежном вознаграждении экипажей германских подводных лодок за захват или потопление торговых судов³⁶.

Вопрос о призовом вознаграждении обострился после того, как на Черном море вспомогательный крейсер «Король Карл» захватил судно с грузом в 800 пудов табака, причем офицеры корабля пообещали команде вознаграждение, впоследствии не выданное. Дисциплина ослабела, команда требовала табака. 3 июля 1917 г. состоялось заседание межведомственного совещания для обсуждения вопроса о призовом вознаграждении³⁷. Председателем этого совещания был член Адмиралтейств-совета бывший командующий Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард. Во время заседания большинство участников совещания сослалось на то, что еще в 1909 г. работала специальная комиссия, пришедшая к выводу о необходимости отменить призовое вознаграждение, поскольку, исходя из Гагской конвенции, был разрешен захват только военных грузов и продовольствия, призовое вознаграждение считалось пережитком каперства, в сухопутных войсках ничего подобного не было, а такие авторитеты, как адмиралы Н. О. фон Эссен и С. О. Макаров выступали против такого вознаграждения³⁸. Здесь шла речь об 11-й Гагской конвенции 1907 г. «О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне».

³⁵ Гребенщикова Г. А. Британские подводные лодки типа «Е» на Балтике. 1914–1918 годы // Гангут. 2001. Вып. 29. С. 41, 42, 44.

³⁶ В. Э. Содержание экипажей германских подводных лодок // Еженедельник Морского сборника. 1917. 3 июня. (№ 2). С. 16.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1472. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 7.

На всякий случай комиссия решила начать сбор сведений о положении по части призового вознаграждения в иностранных флотах. Морской агент в Японии А. Н. Воскресенский сообщил, что в японском флоте призового вознаграждения нет, а моряки могут награждаться орденами за захват и потопление вражеских транспортов. Во флоте США призовое вознаграждение было отменено³⁹ еще в 1899 г. В итальянском флоте призового вознаграждения также не было, но команда могла получить премию от морского министра, которая, правда, «в течение настоящей войны пока не выдавалась»⁴⁰. Только в Англии оно продолжало существовать, но вызывало большое недовольство среди матросов системой распределения призовых денег: они распределялись в соответствии с традицией, по которой, например, адмирал получал примерно в 1500 раз большую сумму, чем рядовой матрос. Поэтому там обсуждался вопрос о том, чтобы сделать распределение премии строго пропорциональным жалованью. В этом случае адмирал получал бы в 100 раз больше матроса⁴¹.

После выяснения положения с призовым вознаграждением в иностранных государствах стало ясно, что такие выплаты давно ушли в прошлое и их восстановление было бы явным шагом назад. Правда, надо отметить, что и в случае возрождения подобных выплат их могли бы получить лишь единицы из матросов русского флота, так как с захватом неприятельских судов во второй половине 1917 г. дело обстояло явно неблагополучно.

Попытки улучшить материальное положение офицеров начали предпринимать еще в 1915 г., когда выпускники военных училищ и школ прапорщиков при выпуске стали получать дополнительно по 100 руб. к тем 300 руб. на обмундирование, которые полагались им до войны⁴². В 1917 г. пособие на обмундирование для произведенных в офицеры было повышено до 550 руб., а 5 октября 1917 г. Адмиралтейств-совет установил доплату в 250 руб., то есть сумма пособия для последних выпусков флотских офицеров составила 800 руб.⁴³ С учетом инфляции эти 800 руб. стоили около 200 довоенных

³⁹ Там же. Л. 34.

⁴⁰ Там же. Л. 33.

⁴¹ Там же. Л. 42.

⁴² *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 1. С. 17.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 82. Л. 20 об.

рублей⁴⁴ и не достигали размеров предвоенного пособия, правда и флотская форма после изменений, внесенных в нее Временным правительством, стала значительно скромнее.

* *
*

В первые месяцы после Октябрьской революции положение с жалованьем официально не менялось, но при переходе к выборности командного состава должность того или иного офицера теоретически могла значительно измениться, а вместе с ней менялись столовые и морское довольствие. Инфляция продолжала сокращать фактический размер жалованья. С 1 мая 1917 г. до конца года деньги обесценились в два раза. О темпах инфляции дают представление цифры, приведенные в таблице 8 (цены указаны в рублях, утверждены Междуведомственной хозяйственной комиссией по рассмотрению ходатайств о пересмотре контрактов, заключенных для нужд обороны не позднее 12 июня 1918 г.)⁴⁵.

Таблица 8

	Серое шинельное сукно (за аршин)	Верблюжье сукно (за аршин)	В %% к 1 января 1917 г.	В %% к до- военному периоду
До войны	1, 76	1, 79		100
1 января — 1 июня 1917 г.	4, 80	4, 95	100	276
1 июня — 1 сентября 1917 г.	6, 94	7, 16	145	400*
1 сентября — 1 декабря 1917 г.	7, 98	8, 22	166	458
1 декабря 1917 — 1 февраля 1918 г.	13, 95	14, 40	291	802

*Исходя из того, что при введении «регулятора дороговизны» считалось, что к июлю 1917 г. цены поднялись по сравнению с довоенными в 4 раза.

30 ноября (13 декабря) 1917 г. был принят Декрет СНК о временном увеличении окладов содержания вольнонаемных служащих

⁴⁴ Малинко В. И. Голосов В. П. Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. I. С. 24.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 93.

на судах, принадлежащих Морскому и Военному ведомствам⁴⁶. Он касался только личного состава судов, «привлеченных этими ведомствами для службы на время войны на Балтийском море», и предполагал увеличение жалованья с 1 июня 1918 г. Однако ведомость с указанием конкретных сумм не была найдена ни публикаторами декрета, ни нами.

19 декабря 1917 г. Верховная морская коллегия упразднила выдачу денежных наград⁴⁷. Сделано это было по этическим соображениям, поскольку выдача наград деньгами считалась тогда унижительной для сознательного революционера. В конце 1917 г. в матросской среде бытовало мнение, что любые поощрения должны быть сведены к словесной похвале и не иметь никакого материального воплощения. Впрочем, это настроение или увлечение прошло довольно быстро, и в дальнейшем моральное и материальное поощрение дополняли друг друга.

Многочисленные выборные органы, появившиеся на флоте к этому времени, не замедлили забить тревогу относительно резко сократившегося реального размера жалованья. В декабре 1917 г. состоялся съезд союза инженеров и техников Морской строительной части, который предложил ввести новые оклады содержания. Они были определены не на съезде, а позднее, в соответствии с рекомендациями, выработанными «Советом штатных и состоящих на правительственной службе лиц портов и учреждений Морского Ведомства»⁴⁸. В январе 1918 г. вместе с новыми штатами Архива Морского министерства новые оклады служащим предложил начальник архива А. И. Лебедев⁴⁹. Его предложения хорошо вписываются в проект, предложенный «Советом штатных и состоящих на правительственной службе лиц портов и учреждений Морского Ведомства», так что, надо полагать, А. И. Лебедев отталкивался именно от этого документа.

⁴⁶ Декрет о временном увеличении окладов содержания вольнонаемных служащих на судах, принадлежащих Военному и Морскому ведомствам. 30 ноября (13 декабря) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 547–548.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 89. Приказ по флоту и морскому ведомству № 145 от 19 декабря 1917 г.

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 210. Л. 6 об. — 7 об.

⁴⁹ Там же. Д. 213. Л. 10–10 об.

Начавшаяся демобилизация флота требовала определенных расходов. Демобилизованным в 1917–1918 гг. выдавали по 1,5 месячных оклада⁵⁰, но аппетиты демобилизуемых простирались дальше. 30 декабря 1917 г. матросы призыва 1908–1910 гг. потребовали уволить их не позднее 15 февраля 1918 г., снабдить оружием (винтовки и револьверы) и обмундированием по сроку 1918 г. (то есть на год вперед). Центробалт, «будучи не в силах удержать желающих уйти со службы (подчеркнуто в документе. — К. Н.)»⁵¹ матросов призыва 1908–1910 гг., постановил приступить к демобилизации призыва 1908 г. с 1 февраля 1918 г., а 1910 г. — с 1 марта 1918 г. «ЦК БФ видит единственную надежду спасти боеспособность флота в переводе на вольный найм»⁵². Действительно, еще 7 декабря 1917 г. было введено положение о добровольном укомплектовании флота, в котором одновременно говорилось и о возможности призыва, вероятно, в военное время⁵³. Очевидно, что говорить об укомплектовании флота добровольцами можно было только при условии серьезного увеличения окладов.

Согласно декрету СНК, с 1 (14) февраля 1918 г. система оплаты в вооруженных силах радикально изменялась. В постановлении имелась ссылка на декрет от 30 ноября (13 декабря) 1917 г., и говорилось, что введенные ранее оклады содержания были разработаны съездом делегатов штатных служащих и лиц, состоящих на правительственной службе портов и учреждений морского ведомства, но в самом декрете говорится лишь о вольнонаемных, а не о военнослужащих.

Деление на жалование, столовые и квартирные упразднилось. Была введена особая прибавка к окладу, называвшаяся «регулятор дороговизны». При ее назначении исходили из того, что к 1 июля 1917 г. цены поднялись на 400 % по сравнению с довоенным временем. Изменять его предполагалось только в случае изменения цен на 100 %. Устанавливалось, что вместо выплаты квартирных всем служащим будет предоставлена квартира или комната без вычета из оклада. Разъездные и представительские предполагалось оплачивать в размере действительных расходов.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 163. Л. 110–112.

⁵¹ Там же. Д. 17. Л. 7.

⁵² Там же. Д. 17. Л. 7.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–3 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 2567.

Приказом по флоту и морскому ведомству 31 января 1918 г. были объявлены новые оклады содержания согласно декрету СНК. При этом устанавливались оклады некомандного состава от 160 до 360 руб. в месяц, командного — от 360 до 955 руб. в месяц, плюс «регулятор дороговизны» в 160 руб. для всех категорий. Центральные комитеты морей получили право определять самостоятельно оклады для лиц, не перечисленных в распоряжениях ВМК⁵⁴. Тогда же были определены оклады служащим учреждений и портов Морского комиссариата по 32 категориям: от 300 р. в месяц (включая «регулятор дороговизны») до 1117 р. 33 коп. в месяц. В общем, оклады строевых моряков и сотрудников аппарата были примерно одинаковы, но структура оклада была разной. Если у строевых моряков изменялся только собственно оклад, а «регулятор дороговизны» оставался неизменным, то у служащих плавно повышались и оклад, и «регулятор». Возможно, это связано с декретом СНК о прекращении выдачи жалования военным и торговым морякам, портовым рабочим и служащим в иностранной валюте. Они продолжали получать в валюте только «регулятор дороговизны», а основное жалование — в русских деньгах⁵⁵. Таким образом, фактический размер выплат морякам, находящимся в Финляндии, сократился за счет ликвидации курсовой разницы, причем в наименьшей степени пострадали юнги, у которых «регулятор дороговизны» был равен окладу, а больше всего пострадали высокооплачиваемые категории, у которых «регулятор» составлял 28—30 % оклада. Так как Балтийский флот в январе 1918 г. все еще базировался в основном в Гельсингфорсе, установление одинакового для всех категорий небольшого «регулятора дороговизны» приводило к сокращению валютных расходов. Возможно, именно этим соображением и объясняется разная структура денежных выплат у строевых моряков и служащих.

Тем же приказом от 31 января 1918 г. было установлено, что жалование должно выплачиваться 1-го числа каждого месяца за предыдущий месяц. В приказе оговаривались два исключения, связанные

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 467. Л. 75. Приказ по флоту и морскому ведомству № 223.

⁵⁵ Декрет о выдаче портовым рабочим и служащим, а также морякам торгового и военного флотов иностранной валютой только регулятора дороговизны. 29 января (1 февраля) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 441—442.

с празднованием Рождества и Пасхи. За декабрь жалованье выдавалось 20 числа (из-за наступающего Рождества), и если Пасха приходится на вторую половину месяца, то жалованье выплачивалось за неделю до праздника. (Если же Пасха приходится на первую половину месяца, то жалованье выдавалось 1-го числа, как обычно).⁵⁶

Крайне интересно проанализировать тенденции, которые выявляются при сравнении окладов, введенных с 1 (14) февраля 1918 г., с довоенными. Больше всего выиграли матросы. По сравнению с довоенными, их оклады (в реальном исчислении) существенно возросли, причем чем ниже было служебное положение матроса, тем больше он выигрывал. Молодой матрос, получавший до войны 9 руб. в год, стал получать с февраля 1918 г. 340 руб. в месяц, что соответствовало (с учетом 800 % инфляции) 510 довоенным руб. в год. Его оклад вырос почти в 57 раз! При этом оклад молодого матроса стал существенно превышать размер зарплаты неквалифицированного рабочего, составляя (в довоенных ценах) 42,5 руб. в месяц. Оклад самой высокооплачиваемой категории матросов — старшин-мотористов авиации вырос с 360 руб. в год (до войны) до 480 руб. в месяц, что соответствовало 690 руб. в год в довоенных ценах (рост в 1,9 раза). При сохранении таких окладов действительно можно было решить вопрос о переводе флота на вольный найм, так как молодой матрос из рабочих, поступив на флот, серьезно выигрывал в материальном плане. Кстати, вопрос о переходе к комплектованию флота добровольцами (правда, уже после окончания войны) ставился летом 1917 г. некоторыми морскими генштабистами, в частности, капитаном 2 ранга М. В. Казимировым⁵⁷.

Оклады офицеров изменились не так однозначно. Если для вахтенных офицеров (мичманы и прапорщики) новые оклады немного превышали довоенное жалованье при службе на берегу, особенно если учесть, что квартиру теперь должны были предоставлять «натурой», а не выдавать за нее деньги (около 700 руб. без квартирных в год до войны и 735—885 руб. в год в пересчете на довоенные цены с февраля 1918 г.). Жалованье специалистов и вахтенных начальников осталось примерно одинаковым, а денежное содержание

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 420. Л. 4, 4 об., 6; Ф. р-5. Оп. 1. Д. 163. Л. 140. Приказ по ГГУ № 134 от 20/7 марта 1918 г. См. Приложение 5.

⁵⁷ Казимиров М. [В]. Как избежать после войны некомплекта во флоте матросов // Еженедельник Морского сборника. 1917. 15 июля. (№ 8). С.15—16.

штаб-офицеров и адмиралов значительно сократилось. Например, начальники центральных управлений получали до революции в год около 9300 руб. (10 тыс. руб. полного оклада, которые состояли из 4000 жалованья, 4000 столовых и 2000 квартирных, причем жалованье и столовые облагались вычетом в 8,5 %). Теперь же им полагалось 1117 руб. 33 коп. в месяц, что при пересчете в цены 1914 г. соответствует 1676 руб. в год. Даже если учесть, что квартира теперь предоставлялась натурой, оклад понизился в 4,3 раза. Плавающие флагманы потеряли в оплате еще больше, их жалованье сократилось примерно в 10 раз.

Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что сравнивать оклады 1918 г. с довоенными ценами напрямую нельзя, ведь к концу 1917 г. офицеры получали жалованье, значительно уменьшенное инфляцией. Так, с учетом всех надбавок военного времени, включая надбавку за плавание, вахтенный офицер (мичман) получал в конце 1917 г. (в пересчете на цены 1914 г.) всего 300–420 руб., вахтенный начальник (лейтенант) — 385–520 руб., специалист 1-го разряда (старший лейтенант) — 440–600 руб., а старший флагман (вице-адмирал) — 2570–3530 руб. После перехода к новой системе оплаты в феврале 1918 г. реальное жалованье мичманов увеличилось в 2–3 раза, старших лейтенантов в 1,5–2 раза, а вице-адмиралов — сократилось в 1,5–2 раза.

Новые оклады оценивались современниками как «огромные», что вполне подтверждает наши расчеты. Вот что писал об этом Г. К. Граф: «Так называемый “рабоче-крестьянский” флот должен быть вольнонаемным, то есть офицеры и матросы будут служить по контракту, причем получать огромные оклады жалования. По-видимому, большевистские мудрецы, составлявшие проект, взяли за основу организацию английского флота до войны и, несколько видоизменив, перенесли ее на отечественную почву. В результате, содержание, хотя бы и сильно урезанного флота, обойдется государству в колоссальные суммы, которые оно никогда не будет в состоянии выплатить. Ведь и теперь оно уже сплошь и рядом задерживает выдачи жалования и денег на кормление (очевидно, имеется в виду “регулятор дороговизны”. — *К. Н.*)»⁵⁸. Характерно, что, говоря об окладах, Г. К. Граф, который не упускал случая попрекнуть чем-либо Советскую власть, не высказывает недовольства уровнем

⁵⁸ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 342.

доходов офицерского состава. Очевидно, если бы новая система ущемляла офицеров, он, как убежденный противник большевиков, не преминул бы это подчеркнуть.

Причиной задержки жалования было не только его повышение, но и сокращение сметы Морского комиссариата. По свидетельству Ф. Ф. Раскольников, ему и П. Е. Дыбенко поручили сократить смету морского ведомства, причем сами руководители ведомства «считали, что бюджет раздут». В результате якобы «сокращение дало экономию в десятки миллионов рублей»⁵⁹.

Декрет 29 января 1918 г. «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота» оставлял открытым вопрос о снабжении обмундированием. Если относительно матросов можно предполагать сохранение прежнего порядка выдачи им казенной формы, то о порядке снабжения комсостава остается только догадываться. Видимо, в связи с тем, что никаких запасов офицерского обмундирования не существовало, сохранился старый порядок пошива офицерами формы за свой счет. Отсутствие системы снабжения командного состава формой подтверждает в своих воспоминаниях И. С. Исаков. Матросы же, по его словам, могли получить новое казенное обмундирование⁶⁰. То же касается и питания: комсостав продолжал питаться за свой счет. Как то, так и другое обстоятельство, конечно, ухудшало положение бывших офицеров, причем низшие категории комсостава оказывались обеспечены хуже высших категорий матросов. Быт бывших морских офицеров в начале Гражданской войны детально описан в рассказах С. А. Колбасьева и Л. С. Соболева⁶¹.

Изменение системы оплаты личного состава флота в феврале 1918 г. для подавляющего большинства военнослужащих означало увеличение окладов в реальном исчислении по сравнению с теми, которые они получали раньше. Однако оклады большинства офицеров после повышения остались далеки от довоенного уровня. Разрыв между минимальной и максимальной ставками значительно сокращался. До революции старший флагман на берегу получал в 850 раз

⁵⁹ *Раскольников Ф. Ф. Мои записки // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 519–521.*

⁶⁰ *Исаков И. С. Каспий, 1920. С. 21, 191–192.*

⁶¹ *Колбасьев С. А. Поворот все вдруг. М., 1978; Соболев Л. С. 1) Перстни. С. 62–95; 2) Первый слушатель // Морская душа. Зеленый луч. Дорогами побед. М., 1958. С. 96–116.*

больше молодого матроса (с учетом натуральных выдач — в 46 раз), в начале 1918 г. эта разница составила всего лишь 3,3 раза (а если пересчитать натуральные выдачи матросам в денежном выражении, то и того меньше — примерно 2,5 раза).

Такое сближение в оплате разных категорий военнослужащих представляло собой пример реализации идей В. И. Ленина о ликвидации чиновничьих окладов, которые являются сверхвысокими по сравнению с зарплатой квалифицированных рабочих⁶².

В декрете «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» от 15 января 1918 г. говорилось о введении единой выплаты воинам РККА 50 руб. в месяц сверх того, что они «состоят на полном государственном довольствии»⁶³. Учитывая коэффициент инфляции и натуральные выдачи (в объеме солдата армейской пехоты периода до Первой мировой войны), доходы красноармейца в ценах 1914 г. должны были составлять примерно 210 руб. в год, в том числе денежные выдачи — 75 руб. Следовательно, оклад красноармейца по декрету от 15 января примерно соответствовал жалованью фельдфебеля срочной службы старой армии, значительно превышая выплаты рядовому солдату, но в то же время был в три раза ниже оклада самой низкооплачиваемой категории красных моряков. Следовательно, личный состав флота оказался в явно привилегированном положении по сравнению с сухопутными военнослужащими. Такая система оплаты действительно позволяла надеяться на приток во флот достаточно квалифицированных рабочих—добровольцев, в то время как уровень оплаты красноармейцев был явно ориентирован на набор добровольцев среди крестьян. Единственным недостатком сетки окладов в начале 1918 г. было то, что в условиях разрухи правительство вряд ли смогло бы выплачивать их в реальности.

30 января 1918 г. было опубликовано «Временное положение о комиссарах Морского комиссариата»⁶⁴ за подписями комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко и членов Коллегии наркомата Ф. Ф. Раскольников и С. Е. Сакса. Жалованье комиссаров

⁶² Ленин В. И. Государство и революция. С. 50 и др.

⁶³ Декрет об организации Рабочее-Крестьянской Красной Армии 15 (28) января // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 356–357.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 467. Л. 61–62 об.; РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 157. Л. 103. Приказ по флоту и морскому ведомству № 114.

центральных управлений и их помощников определялось в 450 рублей в месяц. Надо думать, что в эту сумму не входил «регулятор до-роговизны». Если предположить обратное, то получится, что оклад комиссаров находился на уровне 9 разряда, то есть старшин не самых сложных специальностей. Следовательно, оклад комиссаров примерно соответствовал окладам старших делопроизводителей центральных управлений морского ведомства и был в 2,5 раза ниже начальников тех управлений, при которых они состояли. Если провести параллель с только что отмененными чинами, то ранг комиссаров центральных управлений примерно соответствовал положению бывших старших лейтенантов. В общем, им было определено довольно скромное жалование, так что ни о каком привилегированном положении комиссаров в смысле материального обеспечения говорить не приходится.

Декрет «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота» в недостаточной степени учитывал особые условия службы: им не предусматривалось никаких надбавок за службу в отдаленных районах, за повышенную квалификацию, за особый риск и т. д. Вскоре начали появляться приказы ВМК, вводившие дополнительные выплаты. Так, 22 марта 1918 г. были утверждены надбавки инструкторам-летчикам Морской школы высшего пилотажа (бывшая Морская школа воздушного боя) — 75 руб. в месяц, а летчикам, успешно окончившим эту школу, — 125 руб. в месяц. За час учебного полета была установлена выплата — 25 руб., за час боевого — 45 руб.⁶⁵ Даже с учетом обесценивания рубля, эти выплаты представляются достаточно солидными.

Сравнить выплаты, получаемые военными моряками и гражданскими чиновниками можно, если учесть, что 18 ноября 1917 г. и 2 января 1918 г. правительством обсуждался вопрос о жалованье высокопоставленных должностных лиц. СНК решил ограничить жалование народных комиссаров 500 руб. в месяц бездетным, «и прибавку в 100 рублей на каждого ребенка»⁶⁶. В постановлении 2 января подтверждалась эта норма, но указывалось, что оно «запрещения... платить специалистам больше не содержит»⁶⁷. Итак, в соответствии

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 243. Л. 6.

⁶⁶ Ленин В. И. Об окладах высшим служащим и чиновникам: Проект постановления СНК // ПСС. М., 1975. Т. 35. С. 105.

⁶⁷ Ленин В. И. Об окладах высшим служащим и чиновникам. С. 218.

с «Постановлением СНК об изменении окладов содержания штатных служащих и лиц, состоящих на правительственной службе портов и учреждений морского ведомства» (29 января/11 февраля 1918 г.)⁶⁸, холостой нарком получал меньше, чем шкиперский, артиллерийский, или машинный содержатели (кондукторы по прежнему званию). Согласно же декрету «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота» (29 января/11 февраля 1918 г.)⁶⁹, доходы холостого наркома приходились между достоинствами авиационного старшины-моториста (высшая по оплате категория матросов) и начальником плутонга (мичманом).

26 апреля 1918 г. СНК издал новое постановление о выплате жалованья, согласно которому отменялись деление на жалованье, столовые и квартирные; вычеты на пенсии, в пользу инвалидного капитала, а также сборы при увеличении содержания служащих, при назначении содержания лицам не служившим, либо служившим без жалованья, либо принятым из отставки; право начальников выдавать награды за счет остатков жалованья или остатков от средств на канцелярские расходы; все надбавки военного времени; надбавки за службу в отдаленных местностях; прекращалась выплата пенсий служащим⁷⁰. В общем, большая часть этих мер уже вытекала из январских декретов об установлении новых норм оплаты.

По не вполне понятным причинам 29 апреля СНК принял постановление: «новые оклады служащим во флоте и морском ведомстве отменить»⁷¹. Сетка окладов, введенная с 1 (14) февраля 1918 г., была ликвидирована, а спустя несколько дней, 18 мая 1918 г., ввели новые оклады по категориям служащих в морском ведомстве, выше прежних, только что отмененных. Теперь высшая, 32-я категория,

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 420. Л. 4, 4 об., 6. Постановление об изменении окладов штатных служащих и лиц, состоящих на правительственной службе портов и учреждений Морского ведомства 29 января (11 февраля) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 443.

⁶⁹ Постановление об изменении окладов штатных служащих и лиц, состоящих на правительственной службе портов и учреждений Морского ведомства 29 января (11 февраля) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 440–441

⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 196. Л. 211–211 об.

⁷¹ Там же. Л. 202. Постановление № 2012.

должна была получать 1500 руб. в месяц⁷². Приказ вводил новые оклады задним числом — с 1 февраля 1918 г. О «регуляторе дороговизны» в новом постановлении не упоминалось. Вероятно, он был отменен, так как новые оклады для низших категорий моряков (1–13-й категорий) точно соответствовали старым окладам служащих Морского комиссариата, сложенным с «регулятором дороговизны». Для высших категорий (бывшие чиновники и офицеры) новые оклады были выше прежних. Что касается введенных декретом 29 января 1918 г. особых окладов с единым «регулятором дороговизны» в 160 руб. для строевых моряков, то для 1–6-й категорий новые оклады были несколько ниже старых, а для 7–32-й категорий — выше.

Одновременно были введены новые ставки оплаты вольнонаемных служащих (введены в действие с 1 июля 1918 г.)⁷³. Сравнение окладов вольнонаемных и военнослужащих показывает, что оклады матросов-специалистов превышали зарплату вольнонаемных, то есть моряки военного флота находились в лучшем положении (см. таблицу 9).

В результате майского изменения окладов формально доходы матросов остались на прежнем уровне, а жалование офицеров выросло. Реальные доходы военнослужащих, скорее всего, сократились, поскольку инфляция увеличивалась. Важнее многозначительная тенденция, наметившаяся при введении майского оклада. Начал расти разрыв в окладах низко- и высокооплачиваемых категорий моряков. Если оклад самой низшей 1-й категории остался прежним (для служащих) или даже сократился на 13 % (для строевых юнг и учеников), то для 32-й категории он вырос на 34 %. Разрыв между 1-й и 32-й категориями, который составлял в феврале 1918 г. 3,3–3,7 раза (без учета натуральных выдач матросам), теперь увеличился до пятикратного. Это увеличение разрыва, само по себе не столь значительное, на наш взгляд свидетельствовало о переломе в политике строительства вооруженных сил, который наметился в марте–апреле 1918 г. Пик революционного «демократизма» в Красной Армии и Флоте был пройден, началось строительство регулярных вооруженных сил, что неизбежно несло с собой выраженную дифференциацию в оплате высших и низших категорий военнослужащих.

⁷² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 118. Л. 35.

⁷³ Там же. Л. 105.

	Названия должностей служащих и вольнонаемных*	Названия строевых должностей	Ставки, в руб.
1	2	3	4
1		Юнга (ученик)	300,00
2		Матрос	315,00
3		Старший матрос, плотник, помощник машиниста, кок, хлебопек, музыкант, санитар, рулевой, сигнальщик, дальномерщик, артельщик	330,00
4		Помощник кочегара	337,50
	Горничная		350,00
5		Писарь, гальванер, электрик, телеграфист, радиотелеграфист, старшина : сигнальный, рулевой дальномерный	352,50
	Швейцар, не убирающий помещения		375,00
6		Кочегар, трюмный и боцман	375,00
7		Повар и водолаз	403,00
8		Минный машинист	410,00
9		Капельмейстер, старшины : кочегарный, трюмный	445,00
	Вахтер, не заведующий имуществом, курьер, сторож и швейцар, убирающий помещения		450,00
	Вахтер, заведующий имуществом		500,00
10		Минно-машинный старшина	477,50
11		Комендор, машинист, моторист, старший писарь, мастер-оружейник, старшины: гальванерный, электрик, телеграфный, радиотелеграфный	495,00
12		Содержатели : шкиперский, артиллерийский, машинный	517,00

Продолжение таблицы 9

1	2	3	4
13		Старшины: машинный, водолаз- ный, артиллерийский	535,00
14	Младший чиновник	Фельдшер	550,00
15		Авиамоторный старшина	575,00
16	Младший делопроизво- дитель низшего разряда	Начальник plutonga	600,00
17	Младший делопроизво- дитель высшего оклада	Начальник центральной [радио] станции, начальник радиостанции	625,00
18	Младший делопроизво- дитель высшего оклада по технической и сани- тарной части, бухгалте- ры младшего оклада	3-й помощник капитана	650,00
19	Старший делопроизво- дитель низшего оклада, бухгалтер высшего оклада, делопроизводи- тель ГУЛИСО	Начальник района [службы связи?]	700,00
20		3-й артиллерист, минер и ме- ханик	715,00
21		2-й помощник капитана	730,00
22		2-й артиллерист, минер и ме- ханик	750,00
23	Старший делопроизво- дитель высшего оклада, старший делопроиз- водитель и секретарь ГУЛИСО	1-й помощник капитана	800,00
24		Начальник службы связи	850,00
25		1-й артиллерист, минер и меха- ник	900,00
26		Капитан [корабля]	950,00
27	Заведующий отделом ГУЛИСО, канцелярии НКМД	Флагманский отрядный спе- циалист	1000,00
28	Старший помощник на- чальника технического отдела ГУК	Флагманские специалисты при начальнике военного отдела [Центрального комитета флота] (бывшие флагманские специали- сты штаба флота. — К. Н.)	1050,00

29		Бригадный [начальник]	1100,00
30	Помощник начальника ГУК, ГУЛИСО	Помощник начальника военного отдела [ЦК флота] по оперативной и строевой части (бывший начальник штаба флота. — К. Н.)	1200,00
31	Начальник Канцелярии НКМД, Главный санитарный инспектор	Начальник военного отдела [ЦК флота] (бывший командующий флотом. — К. Н.)	1300,00
32	Начальник ГУЛИСО, ГУК, ГМХУ, ГГУ	Начальник МГШ, заведующий хозяйством Морского комиссариата	1500,00

* Там же. Л. 35.

Новые оклады комиссарам центральных учреждений морского ведомства были утверждены 31 мая 1918 г. Теперь комиссары получали по 650 руб. в месяц, их помощники — по 550 руб. в месяц⁷⁴. По уровню окладов комиссары оказались на одном уровне с младшими делопроизводителями, а их помощники — на уровне младших чиновников. При переводе этих должностей в отмененные чины получится, что комиссар центрального управления Морского комиссариата был поставлен на уровень бывшего лейтенанта, а его помощник — в лучшем случае, на уровень прапорщика. Обращает на себя внимание большой разрыв (примерно в два раза) в жаловании начальников учреждений (1300–1500 руб. в месяц) и их комиссаров. Если вспомнить, что в январе 1918 г. комиссары по окладам примерно соответствовали бывшим старшим лейтенантам, то можно говорить даже о снижении их статуса, выраженного в денежном исчислении. Возможно, это изменение отражало поворот к строительству регулярной армии, так как подчеркивало особую значимость командного, а не политического состава.

В первой половине мая 1918 г. были повышены оклады служащих всех гражданских центральных учреждений Советской России⁷⁵.

Наиболее распространенными выплатами сверх оклада в это время были суточные за командировки, составлявшие в 1918 г. от 5 до 11 руб. в сутки. Если учесть, что суточные до Октября колеба-

⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 194. Л. 87.

⁷⁵ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. С. 479.

лись от 1 руб. 50 коп. до 15 руб. (в зависимости от чина), то понижение их к 1918 г. стало заметным (в пересчете на деньги 1914 г. суточные в 1918 г. колебались от 50 коп. до 1 руб.).

О материальном обеспечении призываемых на военную службу в начале Гражданской войны дают представление предложения П. Е. Дыбенко на заседании Малого СНК 8 августа 1918 г.⁷⁶ На нем обсуждался вопрос о немедленной мобилизации минимум 60 тыс. матросов (призыва 1907–1915 гг.). Одновременно предполагалось не только укомплектовать флот, но и сформировать 24 матросских батальона для сухопутного фронта. Мобилизацию, по мнению П. Е. Дыбенко, следовало провести в 24 часа, назначив два центральных сборных пункта: в Москве и в Царском Селе или Кронштадте. Особенно интересны соображения докладчика о снабжении призванных продовольствием и обмундированием. Местные советы, по предложению П. Е. Дыбенко, должны были снабдить каждого мобилизованного продовольствием на два месяца, из расчета 2 пуда муки и 1 пуд крупы на каждого. Для обеспечения мобилизованных следовало обязать всех военнослужащих сдать излишнее обмундирование с уплатой за него, а всех штатских, имеющих более трех костюмов и трех пар сапог, сдать излишки. Понятно, что подобные предложения могли прозвучать только в ситуации резкого ухудшения снабжения и отсутствия в распоряжении властей запасов обмундирования и продовольствия. Правда, идея П. Е. Дыбенко не была реализована.

Повышение окладов продолжалось в течение всего 1918 и начала 1919 гг. Разрыв между высоко- и низкооплачиваемыми категориями моряков сохранялся на уровне 1:3 — 1:4. Деньги на деле все больше и больше теряли свое значение, а снабжение военнослужащих постепенно приобретало натуральный характер. 30 декабря 1918 г. были введены новые оклады содержания служащих центральных управлений и портов. Они были выше, чем оклады, утвержденные 1 ноября 1918 г. для плавсостава. Так, оклад старшего флагмана на берегу составлял 2200 руб. в месяц, в плавании — 2400 руб., а начальники главных управлений и командиры Кронштадтского и Петроградского портов должны были получать

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 194. Л. 505–506.

в месяц по 2700 руб.⁷⁷, милиционер же портовой охраны в это время получал 525 руб.⁷⁸ Для оценки этой суммы надо учесть, что заготовительная цена на бушлат была установлена в марте 1919 г. в пределах 800—900 руб. Этот же предмет стоил в 1906 г. 7 руб. 59 коп.⁷⁹, то есть деньги к этому времени обесценились примерно в 105—120 раз по сравнению с довоенными. С учетом коэффициента инфляции, старший флагман получал в год в ценах 1914 г. 260—290 руб., начальники главных управлений — примерно 320 руб. в год. Таким образом, их зарплата оказалась ниже довоенной в 25—30 раз и равнялась приблизительно довоенному жалованью авиационного старшины, то есть даже не офицера.

По сравнению с рабочими, военные продолжали оставаться в лучшем положении: на 5 сентября 1918 г. средняя цеховая плата рабочим составляла 350 руб. в месяц⁸⁰. К тому же с рабочих взыскивался взнос на страхование безработных: по 6 % от всех выплат и натуральных выдач с сезонных рабочих и по 4 % — с постоянных⁸¹. Уровень цен поможет оценить такой факт: во второй половине 1918 г. стоимость пуда муки колебалась от 25 р. 83 коп. до 140 руб.⁸²

Для сравнения окладов военнотружущих морского ведомства с окладами гражданских чиновников можно привести такой пример: В. И. Ленин по должности председателя Совнаркома, получил за 1918 г. 9683 руб. 33 коп.⁸³, то есть в среднем примерно по 807 руб. в месяц, тогда как жалованье высших чинов Морского комиссариата составляло в начале года 955—1117 руб., затем выросло до 1500 руб., а к концу года превысило 2000 руб. в месяц. Сравнение показывает, что зарплата главы советского правительства не превышала доходы командира корабля 1-го ранга. Вполне очевидно, оклады других гражданских чиновников были меньше, чем у председателя

⁷⁷ Приказы РВСР № 502 от 30 декабря 1918 г. и № 764 от 1 ноября 1918 г. Порядок нумерации приказов вызывает недоумение.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 830—830 об.

⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 915. Л. 2—2 об.

⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 423.

⁸¹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 163. Л. 125.

⁸² РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 155—158 об.

⁸³ Объяснение к заявлению о доходах в 1918 г. // В. И. Ленин: Неизвестные документы. 1891—1922. М., 2000. С. 301—302.

правительства. Можно смело утверждать, что военные моряки были поставлены в смысле оплаты в наилучшие условия из возможных.

С целью материально поддержать служащих центральных учреждений 18–19 февраля 1919 г. для обеспечения работы комиссии и подкомиссий по разработке уставов было решено распространить на морское ведомство приказ Наркомвоена № 560 от 19 июля 1918 г. о дополнительной оплате привлеченных специалистов из расчета 20–25 руб. за день работы. Однако плата в 20–25 руб. для весны 1919 г. была признана слишком скудной, полагали необходимым поднять ее до 40–50 руб. в сутки⁸⁴. Для сравнения, 30 апреля 1919 г. установлены расценки: перевод одного печатного листа с немецкого языка — 360 руб., редактирование одного печатного листа — 250 руб., перепечатка одной страницы на пишущей машинке с двумя копиями — 26 руб., с десятью копиями — 64 руб.⁸⁵

5 марта 1919 г. вышел декрет ВЦИК о повышении зарплаты в морском ведомстве⁸⁶, а 8 марта 1919 г. МО РСФСР принял решение о создании при МГШ особой комиссии для разработки новых ставок на основе тарифной сетки Наркомвоена⁸⁷.

При галопирующей инфляции и нарастании продовольственных затруднений, нагрузка, ложившаяся на командный состав не только действующих флот依лий, но и тыловых органов, была очень значительной. Когда из состава МГШ был выделен Штаб командующего всеми морскими, озерными и речными силами Республики (Штаб коморси), то обнаружилось, что через Оперативный отдел нового штаба проходят вопросы, по идее находящиеся в компетенции штаба коморси (а его еще нет) и вопросы из сферы Оперативного отдела МГШ «как она понималась раньше»⁸⁸. Состав отдела — всего 11 человек комсостава и 7 некомсостава. Сотрудники отдела были перегружены и вынуждены работать вечерами при недостаточном питании. По мнению руководства штаба, при таких маленьких штатах необходимы исключительные работники, особым образом оплачиваемые, тогда как на деле оплата у них была как у чиновников, рабо-

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 918–918 об.

⁸⁵ Там же. Л. 967.

⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 553. Декрет ВЦИК № 100 от 5 марта 1919 г.

⁸⁷ Там же. Журнал заседаний МО РСФСР № 17 от 8 марта 1919 г.

⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 456. Л. 16–17 об.

тающих с 10 до 16 часов «с чаепитием и чтением газет»⁸⁹. Другие учреждения, например, ВСНХ, платили больше под видом премий и т. п. «В результате — лучшие работники очень скоро потреплют нервы и выйдут из строя, а чиновники, равнодушные к “срочности” будут благоденствовать, что вряд ли можно признать особо полезным для дела»⁹⁰.

Насколько нам известно, последний раз во время Гражданской войны денежные оклады на флоте пересматривались в апреле 1919 года. 5 апреля приказом РВСР №1000 были установлены разряды, определявшие оклады содержания⁹¹. Разрядов было восемнадцать, они примерно соответствовали дореволюционным чинам⁹². 16 апреля 1919 г. МГШ представил специальный доклад о приведении жалованья комиссаров в морском ведомстве в соответствие с нормами, принятыми в военном ведомстве. Штатная подкомиссия при МГШ обсуждала данный вопрос 15 апреля и пришла к выводу, что жалованье комиссаров надо привести в соответствие с приказом РВСР от 8 марта 1919 г.⁹³, а именно установить, что комиссары получают на 20 % меньше начальников учреждений, при которых они состоят, их помощники получают на 15 % меньше самих комиссаров. Если при этом жалованье комиссаров должно было опуститься ниже 1500 руб. в месяц, а жалованье помощника — ниже 1275 руб., то тогда жалованье комиссаров и начальников соответствующих учреждений уравнивалось⁹⁴. Полторы тысячи рублей в месяц представляли собой более чем скромное жалованье, соответствующее 150–170 руб. довоенного годового жалованья. В тот же день вышел приказ о введении новых ставок на основании постановления ВЦИК, напечатанного в «Известиях ЦИК»⁹⁵. Таким образом, спустя полтора года после установления Советской власти, оклады комиссаров были приведены в соответствие с окладами начальников учреждений, тогда как до этого они получали примерно в два — два с половиной раза меньше строевых начальников соответствующего ранга.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 330. Л. 22.

⁹² РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 349. Л. 28.

⁹³ Приказ РВСР № 4512 от 8 марта 1919 г.

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 830–830 об.

⁹⁵ Там же. Л. 831; Известия ЦИК. 1919. 21 февр. (№ 40 (592)).

Некоторое представление о соотношении выплат разным категориям служащих морского ведомства дает таблица 10.

Таблица 10

Категории служащих	Средняя плата (в рублях)	
	С 30 сентября 1918 г.*	С 1 ноября 1918 г.
Рабочие	350,00 (с 5 сентября 1918 г.) **	—
Матросы	700,00	—
Помощники машинистов и кочегаров	745,00	—
Старшие специалисты	775,00	—
Содержатели и баталеры	800,00	—
Младшие боцманы и младшие фельдшеры	830,00	—
Старшие боцманы и старшие фельдшеры	855,00	—
Командир корабля 4 ранга***	1050,00	—
Командир корабля 1 ранга	1650,00	—
Старший флагман на берегу****	—	2200,00
Старший флагман в плавании	—	2400,00

*РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 118. Л. 112–113.

**РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 423.

***РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 118. Л. 105.

****РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 292–292 об.

Создание Красного флота, как ни странно, сопровождалось переводом снабжения военных моряков на рыночные рельсы. Еще в феврале 1918 г. в «Положении о службе военных моряков в социалистическом Рабоче-Крестьянском красном флоте» говорилось о том, что «снабжение личного состава флота и их семейств предметами первой необходимости, вещевыми и харчевыми, временно производится порядком до сего времени существующим. Впредь же, в связи с переходом флота на добровольные начала, личному составу флота надлежит приступить к организации кооператива в порту-базе флота центрального и по портам, где окажется необходимым отделение

его»⁹⁶. 8 сентября 1918 г. приказом № 637 по Главному морскому хозяйственному управлению на основании п. 2. «Положения о службе военных моряков в социалистическом Рабочее-Крестьянском Красном флоте» в Москве было образовано Центральное управление морскими кооперативами (Ценуморкооп), а вскоре после этого созданы Кронштадтский и Петроградский районные кооперативы моряков военного флота⁹⁷.

До тех пор пока в 1919 г. не произошел переход на натуральное снабжение всех категорий военнослужащих, служащим морского ведомства приходилось самим заниматься поисками продовольствия для себя и своих семей. В организации самостоятельного снабжения принимали участие местные комитеты, а затем коллективы служащих. Местные комитеты возникли в конце 1917 г. и пытались играть важную роль в руководстве подразделениями Морского комиссариата, примерно такую же, как матросские комитеты на кораблях. В ходе процесса перехода к регулярной армии и флоту местные комитеты служащих морского ведомства были ликвидированы приказом № 670 по флоту и морскому ведомству от 24 сентября 1918 г.⁹⁸ В соответствии с этим приказом местные комитеты служащих упразднились, а вместо них создавались коллективы служащих. 9 октября 1918 г. на общем собрании месткома служащих морского ведомства его председатель, А. В. Соколов, огласил этот приказ, который было решено принять без прений⁹⁹.

В соответствии с «Положением о Коллективе служащих МГШ», коллектив создавался «для наиболее успешного удовлетворения своих общекультурных потребностей» и «для обеспечения своих материальных, хозяйственных и продовольственных интересов»¹⁰⁰. Предполагалось вести какую-то коммерческую деятельность, собирать по 10 % жалованья, обращать его в капитал, получать прибыль и даже распределять ее в виде дивидендов между служащими. Положение предусматривало право Общего собрания избирать

⁹⁶ Братющенко Ю. В. Кооперативное обслуживание моряков в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. Интернет-приложение (www.mil.ru). Научные сообщения и информация

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 104–107.

⁹⁹ Там же. Л. 154–154 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 104–107.

Правление (12 членов, в том числе председатель, товарищ председателя и секретарь) и Ревизионную комиссию (не менее 3 человек). Правление предполагалось разделить на отделы: хозяйственно-производственный, культурно-просветительский и кассу взаимопомощи.

Вскоре после этого прошли выборы Правления и Ревизионной комиссии¹⁰¹. В состав Правления были избраны двенадцать членов и трое кандидатов. Председателем стал А. В. Соколов, товарищем председателя — Н. М. Попов. В Ревизионную комиссию избрали троих членами и двоих кандидатами. Надо полагать, что основным занятием коллектива был поиск продовольствия. Л. С. Соболев писал: «Сахара, впрочем, хватало: недавно с Украины вернулся продотряд, потеряв одного матроса убитым и двух ранеными, и общим собранием линкора было решено раздать на руки по пуду сахара и по две сотни яиц»¹⁰². 20 декабря 1918 г. на общем собрании служащих МГШ был заслушан отчет о торговых операциях по 1 ноября. Служащие постановили вынести благодарность комиссару МГШ С. П. Лукашевичу за заботу¹⁰³.

Вот несколько примеров хозяйственной деятельности центральных учреждений морского ведомства Советской России. 2 января 1919 г. служащим МГШ раздали по 12 фунтов квашеной капусты на человека (всего 35 пудов)¹⁰⁴. 7 мая того же года И. А. Мосолов просил освободить его от обязанностей члена и казначея правления коллектива ввиду протеста части служащих МГШ против выдачи керосина по нормам ГМХУ¹⁰⁵. Товарищ председателя правления коллектива Н. М. Попов в начале лета 1919 г. сложил с себя обязанности «ввиду недопустимого вмешательства некоторых служащих МГШ в распоряжения Правления Коллектива»¹⁰⁶. В данном случае речь шла о распределении 5 июня 1919 г. сладостей, закупленных в Харькове через Центральный закупочный орган морского ведомства. При сборе денег (на эти закупки деньги собирали дополнительно, сверх пайковых) подразумевалось, что дележка будет про-

¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 112.

¹⁰² Соболев Л. С. Перстни. С. 63.

¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 155–158 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 160.

¹⁰⁵ Там же. Л. 130.

¹⁰⁶ Там же. Л. 131.

изводиться с учетом сданной суммы, но поделили в соответствии с количеством едоков в семье¹⁰⁷.

Видимо, среди служащих ссоры на продовольственной почве усиливались. На общем собрании 27 августа 1919 г. правление сложило полномочия из-за вмешательства коллектива служащих в его деятельность¹⁰⁸. Поводом послужило заявление А. Хвастионек, жены швейцара МГШ, о недополучении ею 10 фунтов муки, а также конфликт между Продовольственным отделом правления, председателем которого был И. К. Йодловский, и правлением в целом. Собрание выразило полное доверие (и даже «аплодировало») Продовольственному отделу, решило муку выдать и действия правления считать правильными.

Очевидно усилившиеся к лету 1919 г. конфликты вокруг распределения продовольствия и керосина показывали, насколько пала роль денежного жалованья и в какой степени зависели теперь военнослужащие от натуральных выдач, невзирая на свое служебное положение. Вставал вопрос о полном переходе на натуральное снабжение. Вместе с тем денежные выдачи сохраняли некоторое (возможно, символическое) значение даже в начале 1920 г. В январе РВС Балтийского флота запросил специальные денежные средства для выдачи комсоставу добавочного содержания на том основании, что «многие лица командного состава занимают ответственные должности, имея большие семьи, не могут существовать ввиду дороговизны на получаемое ими содержание». 1 февраля 1920 г. РВСР выделил для помощи нуждающимся командирам всех флотов и флотилий один миллион рублей¹⁰⁹.

В это время деньги уже практически не имели значения. По мнению комиссара МГШ, в конце января 1920 г. наказания неэффективны, провинившегося можно наказать только вычетом из жалованья, потерявшего значение из-за инфляции, или списанием в боевые флотилии (а там выше жалованье и полагается более высокий «боевой» паек), поэтому наказание не может достигнуть своей цели¹¹⁰.

С конца января 1920 г. прекращалось снабжение военных моряков через кооперативные учреждения и морское ведомство возвра-

¹⁰⁷ Там же. Л. 136–137.

¹⁰⁸ Там же. Л. 152–153 об.

¹⁰⁹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923. С. 35–37.

¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 4. Д. 5. Л. 57–57 об.

шалось к государственному централизованному снабжению через Управление снабжения личного состава Кронштадтской и Петроградской базы¹¹¹. Все категории военных моряков были формально переведены на натуральное снабжение, хотя фактически части Красной Армии и Флота большей частью занимались неорганизованным «самоснабжением» за счет местного населения и трофеев.

Насколько можно судить, ситуация с обмундированием рядовых моряков во время Гражданской войны никогда не вызывала беспокойства. По свидетельству И. С. Исакова, матросы, в отличие от красноармейцев, были «одеты хорошо, даже с флотским шиком»¹¹², командный же состав настолько не имел возможности добыть традиционное обмундирование, что ходил даже в матросском. В дневнике И. С. Исаков писал: «с гардеробом еще хуже. Беда в том, что с утра тепло. Белых кителей нет и в помине, а в бушлате жарко. Синий китель уже давно не синий. Решил подогнуть матросскую робу»¹¹³. Что же касается продовольственного снабжения и денежного довольствия, то на протяжении практически всего периода Гражданской войны оно было таким же плохим на флоте, как и в армии¹¹⁴.

Вопрос об улучшении материального положения моряков встал сразу же после Гражданской войны. Летом 1921 г. в Петрограде Политотделом Балтийского флота (Побалт) собрано совещание комсостава флота и ответственных работников-коммунистов, которое отмечало недопустимо низкий уровень материального обеспечения командиров. Один из участников совещания, член РКП(б) инженер-механик эсминца «Орфей» бывший офицер или гардемарин Е. Д. Довжиков говорил: «Проработав до 4 часов на корабле, комсостав должен еще искать побочный заработок на стороне на берегу»¹¹⁵.

В октябре 1921 г. готовится проект приказа помглавкомора о создании постоянных инициативных совещаний при политотделах флотов для объединения усилий комсостава и коммунистов некомсостава¹¹⁶. Эти совещания должны также обратить внимание

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 22. Д. 84. Л. 235.

¹¹² Исаков И. С. Каспий, 1920. С. 173.

¹¹³ Там же. С. 165.

¹¹⁴ Там же. С. 173.

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 21-25.

¹¹⁶ Там же. Л. 26-27.

на военно-морскую производственную пропаганду, улучшение состояния Красного флота в смысле материальной части и дисциплины, и, главное, улучшения материального положения личного состава. В частности, был определен состав такого совещания для Балтийского флота: начальник морских сил Балтийского моря М. В. Викторов, член РВС флота Ф. С. Аверичкин, член РВС Петроградского военного округа И. К. Наумов, начальник Политотдела Балтфлота Жуковский, комиссар МГШ и заместитель комиссара при коморси В. Автухов, комиссар штаба Балтфлота Г. П. Галкин, старший морской начальник в Петрограде А. К. Векман, научпрод Балтфлота Сурков, главный интендант штаба БФ бывший кондуктор Н. Л. Полозов, помощник начальника Хозяйственно-технического управления по политической части Силин, начальник Политико-просветительного отдела Побалта Спешнев, представитель Побалта Лукьянов, представители МГШ — начальник Оперативного управления этого штаба М. А. Петров и Феодосьев, представители штаба Балтфлота Н. А. Бологов, Е. Д. Довжиков и И. С. Исаков.

По сравнению с июньским совещанием при Побалте в составе постоянного совещания отсутствуют только заместитель коморси П. Н. Лесков и заместитель начальника Политотдела Балтфлота Посунько, вместо которого фигурирует начальник Политотдела Жуковский. Видимо, совещание из октябрьского проекта приказа помглавкомора есть не что иное, как легализованное июньское совещание, а значит, инициатива снизу нашла полную поддержку в руководстве флота.

В 1922 г. работала «Особая правительственная комиссия, назначенная для выяснения и разработки мероприятий по улучшению состояния Балтийского флота и Кронштадтской крепости» в составе В. А. Антонова-Овсенко, С. А. Мессинга и В. Комарова. Ее предложения одобрены на заседании Правительства 22 октября 1922 г. Комиссия предлагала повысить жалованье служащих в Кронштадте на 10 %, и еще на 10% за счет «поясного повышения», ввести 25 % надбавку за плавание и для гарнизонов островных фортов, ввести 25 % надбавку за службу более 1 года, а также 10 % надбавку за службу на тральщиках и подводных лодках¹¹⁷. Таким образом, общая сумма надбавок могла дойти до 80 % основного оклада.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 95. Л. 1-12.

Исследование вопроса о материальном положении военнослужащих советского флота в 1917–1921 гг. на основе делопроизводственных документов и нормативных актов позволяет отметить, что материальное положение моряков всегда оставалось привилегированным, как в дореволюционное, так и в послереволюционное время. Вместе с тем материальное положение военнослужащих флота колебалось в соответствии с переменами экономического положения в стране. После Февральской революции наметилась тенденция к уменьшению разницы в оплате матросов и офицеров, большей частью, путем увеличения окладов низкооплачиваемых категорий моряков. Эта тенденция нашла крайнее выражение в тарифной сетке, введенной 29 января 1918 г. Относительное снижение окладов испытали на себе лишь самые высокооплачиваемые категории военнослужащих (адмиралы и генералы). Тогда же, в начале 1918 г., привилегированное положение моряков относительно солдат сухопутной армии и рабочих в промышленности оказалось подчеркнуто в наибольшей степени. В то же время комиссары никогда не пользовались никакими привилегиями в оплате, более того, до весны 1919 г. их положение можно даже назвать ущемленным с точки зрения размеров окладов. Безусловно, колебания в размерах материального обеспечения личного состава флота отражали государственную политику в отношении военно-морских сил. Изложенные факты доказывают, что нелепо было бы говорить о сознательном стремлении властей ущемить в материальном плане военнослужащих вообще и бывших офицеров царского флота в частности. Армия и флот получали все, что могло дать им советское государство, другое дело, что в разгар Гражданской войны и сразу после ее окончания власти не могли дать вооруженным силам слишком много.

Глава IV

МЕЖДУ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ» И РЕГУЛЯРНЫМ ФЛОТОМ (1917–1918 гг.)

Рассказ об организационных метаморфозах центральных органов управления Морского ведомства в годы революций и Гражданской войны следует начать с истории его реорганизации после русско-японской войны.

В 1905–1906 гг. под влиянием первой российской революции подвергаются серьезной перестройке высшие государственные учреждения, в том числе происходят и такие важные изменения в структуре центрального военно-морского управления, как создание Морского Генерального штаба (МГШ), восстановление поста морского министра и появление должности товарища морского министра¹. После окончания войны с Японией в центральный аппарат пришло несколько десятков сравнительно молодых честолюбивых офицеров, которые группировались вокруг МГШ. Они считали себя носителями передовых взглядов и полагали, что радикальное следование предлагаемым ими рецептам приведет к возрождению флота и возвращению России ранга великой морской державы. При этом они, как правило, не видели прямой связи между экономической базой и военной мощью страны, игнорировали объективные условия геополитического положения России и назревающую революцию. Эти «младотурки» МГШ обладали весьма высокой самооценкой, которая не всегда была беспочвенной. К «первому поколению» офицеров МГШ относились такие известные личности, как будущие

¹ Еще в начале 70-х гг. XIX в. была создана должность товарища управляющего Морским министерством, однако во время реформы центрального морского управления при И. И. Шестакове (в первой половине 80-х гг.) ее упразднили.

участники белого движения — А. В. Колчак (полный адмирал, «верховный правитель» России в 1919–1920 гг.), М. М. Римский-Корсаков (контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота в 1919 г.), М. И. Смирнов 3-й (контр-адмирал, управляющий Морским министерством колчаковского правительства), О. О. Рихтер (контр-адмирал, главноначальствующий санитарно-эвакуационной частью колчаковской армии); будущие высокопоставленные руководители РККФ — А. В. Шталь (вице-адмирал советского флота, профессор Военно-морской академии), Б. И. Доливо-Добровольский (капитан первого ранга, начальник Штаба командующего морскими силами Республики в 1922 г.), М. И. Дунин-Барковский (капитан первого ранга, начальник Иностранного отдела МГШ в 1918 г.); погибшие в 1917 г. М. И. Каськов (контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота в 1917 г.), П. П. Владиславлев (контр-адмирал, командир дивизии подводных лодок Балтийского флота в 1917 г.); а также офицеры, достигшие достаточно высоких постов, но не участвовавшие в Гражданской войне — Л. Б. Кербер (вице-адмирал, первый командующий флотилией Северного Ледовитого океана) и И. А. Черкасов (капитан 1 ранга, неудачливый командир крейсера «Жемчуг», потопленного немцами в Пенанге в 1914 г.).

Основным вопросом, дискутировавшимся внутри Морского министерства того периода, был выбор принципиальной схемы организации центральных органов управления. Этот вопрос был тесно связан с личными и групповыми интересами морских офицеров, занимавших высокие посты. Так, например, начальник морской походной канцелярии царя А. Ф. Гейден предложил полностью скопировать устройство высшего морского управления с Германии, что лично для него означало возможность занять пост фактического руководителя флота и морского ведомства в качестве начальника Морского штаба его императорского величества. Другим примером может служить столкновение начальника МГШ Л. А. Брусилова и морского министра И. М. Дикова. Оба отстаивали идею разделения ведомства на несколько независимых друг от друга частей, связанных лишь общим подчинением императору или генерал-адмиралу. Единственным существенным различием их проектов являлось то, что по И. М. Дикову руководящую роль в ведомстве должен был играть МГШ, а по Л. А. Брусилову — МГШ. Точно так же и спор между начальником МГШ А. А. Эбергардом и морским министром

И. К. Григоровичём шел о положении МГШ в системе центрального управления.

В результате была реализована схема, в которой МГШ занял место лишь одного из равноправных подразделений министерства. Такой исход можно было предвидеть заранее, так как слишком большой объем власти начальника МГШ, предоставление ему права личного всеподданнейшего доклада неизбежно умаляло влияние морского министра. В самом МГШ, по-видимому, вполне искренне увлекались германской организацией флота и морского ведомства, так что нельзя приписывать упорное отстаивание начальниками этого учреждения идеи разделения ведомства на три равноправные части лишь их своекорыстным расчетам. Восхищение молодых штабных офицеров немецким флотом подпитывалось еще и явной англофобией некоторых из них. Регулярные жалобы представителей МГШ на притеснения, «гонения» этого органа со стороны министров нельзя понимать слишком буквально: даже И. М. Диков, остро полемизировавший с Л. А. Брусиловым, относился к штабу вполне корректно. Более того, возможно, если бы министр меньше прислушивался к мнению МГШ, то реорганизация пошла бы энергичнее, но затянувшийся спор с Л. А. Брусиловым стал фактором, отсрочившим проведение преобразований в жизнь.

В 1905–1914 гг. своеобразным антиподом МГШ в Морском министерстве являлся ГМШ. Его руководителей отличало стремление сохранить в своих руках максимальное влияние на ход дел в ведомстве, тогда как офицеры МГШ вынашивали планы полного упразднения этого органа. Естественно, что по мере обострения конфликта с МГШ морские министры начинают опираться на Законодательную часть ГМШ, которая и разрабатывает в 1910–1911 гг. «Положение об управлении флотом и морским ведомством» и «Наказ Морскому министерству».

В 1911 г., было окончательно определено место морского ведомства в системе государственного управления, произошла реорганизация структуры самого Морского министерства. Были отвергнуты проекты разделения министерства на три автономные части и предложения усложнить структуру центрального аппарата за счет создания новых отделов и раздробления их функций. Надежды МГШ занять руководящее положение в министерстве не оправдались. За основу были взяты существовавшие «Положение» и

«Наказ», разработанные в предшествующий период. Недостаток финансирования сказался и здесь: введенные в октябре 1911 г. временные штаты министерства укладывались в старую сумму, отпускавшуюся на центральный аппарат до преобразования. В полном объеме новые штаты были введены только с 1 января 1917 г., всего за несколько недель до Февральской революции и за несколько месяцев до начала новой реорганизации морского ведомства летом 1917 года.²

Логическим завершением внутриведомственных преобразований после русско-японской войны должно было стать создание органа, координировавшего всю деятельность по обороне государства: не только военного и морского ведомств, но и МВД, МИД, Министерства финансов, Государственного контроля, Министерства торговли и промышленности и т. д. 8 июня 1905 г. создается Совет государственной обороны (СГО)³.

Подавляющее большинство членов этого органа представляли сухопутную армию (из восьми «непременных членов» моряками были только двое — управляющий Морским министерством и начальник ГМШ, из шести «постоянных членов» только один был моряком, и лишь в 1908 г. моряков было назначено двое)⁴, в итоге из четырнадцати членов СГО флот представляли только трое—четверо, что вполне соответствовало «удельному весу» флота в системе вооруженных сил, но не удовлетворяло амбиций флотского начальства. Фактически СГО так и не превратился в эффективный орган координации деятельности военного и морского ведомств и прекратил свою деятельность в июле 1908 г., когда его председатель, великий князь Николай Николаевич Младший, был освобожден от своей должности. Формально СГО был упразднен в августе 1909 г.⁵ Взаимоотношения морского и сухопутного ведомств вернулись к тому положению, в котором они были до войны с Японией.

Необходимость согласования усилий все же осознавалась, особенно в морском ведомстве, возможно, потому что моряки остро

² Штат Морского министерства см. Приложения 6 и 7.

³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. СПб., 1998. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 204.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 205.

чувствовали слабость флота по сравнению с армией, особенно до выполнения судостроительной программы. В результате довольно длительных переговоров, согласование операций армии и флота приобрело форму командирования морских офицеров в штабы сухопутных армий для связи⁶, а также совещаний представителей МГШ и ГУГШ. Следует отметить, что в деле организации взаимодействия названных ведомств Россия не отставала от ведущих мировых держав, ни в одной из которых в то время не существовало отработанной системы координации стратегического планирования армии и флота. Более того, если в России признавалась возможность подчинения части морских сил сухопутным войсковым объединениям, то в Великобритании, Германии, Франции ничего подобного не было, и действия флота мыслились только как абсолютно самостоятельные. Впрочем, в эту эпоху среди офицеров МГШ господствовали теоретические взгляды на флот как самостоятельную силу, которая должна действовать в открытом море. О координации усилий с сухопутной армией вопрос не ставился, а береговые крепости воспринимались лишь как «убежища» для флота, не имеющие самостоятельного значения. Эти взгляды позднее нашли яркое выражение в работах М. А. Петрова⁷, считавшего глубоко ошибочным и прямо пагубным использование флота для обороны Севастополя в Крымскую и Порт-Артура в русско-японскую войну. Этим взглядам была суждена долгая жизнь, борьба вокруг них велась еще на рубеже 20–30-х годов.

Во время Первой мировой войны органы координации управления морскими и сухопутными вооруженными силами были представлены прежде всего Военно-морским управлением (ВМУ) при штабе VI армии (ее задачей была оборона побережья Финского залива, прежде всего, Петрограда), сформированным при мобилизации во главе с капитаном 2 ранга В. М. Альфатером. На третий день войны началось формирование ВМУ при штабе верховного главнокомандующего во главе с контр-адмиралом А. В. Ненюковым⁸. Балтийский флот был подчинен командующему VI армией,

⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1529. Оп. 2. Д. 138. Л. 5; Д. 497. Л. 84–85.

⁷ *Петров М. А.* Морская оборона берегов в опыте последних войн России. М., 1927.

⁸ РГА ВМФ. Ф. р–1529. Оп. 2. Д. 413. Л. 9–11; Д. 309. Л. 15.

а Черноморский — непосредственно верховному главнокомандующему. МГШ, вчерашний «мозг» флота, оказался «вне игры» и сосредоточился на управлении невоюющими морскими силами. В конце лета 1915 г. Балтийский флот был переподчинен командующему армиями Северного фронта, в штаб которого перешло ВМУ из штаба VI армии. К октябрю 1915 г. созрела идея создания Морского штаба его императорского величества, который должен был объединить деятельность МГШ и ВМУ на высшем уровне⁹. В январе—феврале 1916 г. был сформирован Морской штаб Ставки (МШС), причем его начальник, адмирал А. И. Русин, приобрел большой вес. ВМУ Северного фронта и ВМУ при Штабе верховного главнокомандующего были расформированы. Балтийский, Черноморский флоты и только что созданная флотилия Северного Ледовитого океана стали непосредственно замыкаться на МШС. При этом речные и озерные флотилии не подчинялись МШС, а находились в заведывании контр-адмирала великого князя Кирилла Владимировича.

Каков же был итог деятельности Морского министерства и МГШ в дореволюционный период? Морское ведомство между Русско-японской и Первой мировой войнами развило весьма бурную деятельность. Что касается роли МГШ, то, по нашему мнению, она была, в целом, положительной. Однако, оценивая «органическую» деятельность штаба, нельзя забывать о той саморекламе, которой с успехом занимались сотрудники МГШ как во время существования своего подразделения, так и после его ликвидации, уже в советское время. В результате в историографии сложился приукрашенный образ штаба, представавшего как средоточие военной мудрости и образец целесообразной организации. Светлый образ МГШ создавался за счет других подразделений министерства, особенно ГМШ, которые представляли средоточием «доцусимских порядков», воплощением косности и отсталости. Одним из «фирменных методов» создания благоприятного впечатления от деятельности МГШ уже после революции стало представление объективных сдвигов в технике и тактике как заслуга сотрудников МГШ. Стратегическое руководство флотами во время войны зачастую подвергалось критике, однако ради объективности надо заметить, что неконкретность в постановке задач и общая стратегическая пассивность были характерны для

⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1—24 об.

высшего руководства не только русского, но и других флотов начала XX в. Ошибки и просчеты, которые, конечно, имели место, коренились не столько в деятельности самого ведомства, его отдельных руководителей, а в глубоком кризисе, поразившем Российскую империю. Выход из этого кризиса в одном отдельно взятом министерстве был, разумеется, невозможен. Когда в итоге многолетних споров, дискуссий, столкновений интересов, закулисных интриг, бесконечных совещаний и согласований, сотен записок в 1905–1914 гг. Морское министерство нашло свое место в изменившейся системе государственных учреждений Российской империи, дни существования самой империи были сочтены. Февральская, а затем Октябрьская революции открыли новую главу в истории страны и в истории «мозга» русского флота.

После Февральской революции произошло значительное обновление руководства морского ведомства. Многие адмиралы и генералы были уволены в отставку, среди них высшие руководители ведомства — морской министр И. К. Григорович, начальник Главного морского штаба К. В. Стеценко, начальник штаба Балтийского флота Н. М. Григоров, а командующий Балтийским флотом А. М. Непенин был убит. А. И. Русин лишился постов первого помощника морского министра и начальника МГШ, оставшись ненадолго начальником МШС¹⁰. Морским министром впервые в истории России стало гражданское лицо — лидер партии октябристов А. И. Гучков, вскоре смененный А. Ф. Керенским. Не обошлось без совсем удивительных назначений: 13 июня 1917 г. исполняющим обязанности управляющего Морским министерством был назначен лейтенант В. Лебедев¹¹. Он был членом партии эсеров, эмигрировал во Францию, в начале Первой мировой войны вступил во французскую службу и выслужил чин лейтенанта сухопутной армии. Вероятно, А. Ф. Керенский хотел приобрести в его лице хорошего оратора для выступления на митингах перед матросами, но, как свидетельствуют мемуаристы, успехи В. Лебедева были скромными¹². Следует отметить, в списках офицеров русского флота того периода значится лишь один человек, который может быть идентифицирован как «лейтенант

¹⁰ См., например: *Симоненко В. Г.* Морской Генеральный штаб русского флота (1906–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976. С. 195–198.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 37 об.

¹² *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм! С. 94.

В. Лебедев» — прапорщик по Адмиралтейству Всеволод Лебедев, произведенный 17 октября 1917 г. в подпоручики¹³.

Совершенно новым явлением в организации морского ведомства стали многочисленные представительные органы, появившиеся на флоте и в береговых базах весной 1917 г. В частности, 28–30 апреля по инициативе матросов-большевиков был создан Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт), высший выборный революционно-демократический орган Балтийского флота. Его председателем был избран большевик П. Е. Дыбенко. С 25 мая по 15 июня в Гельсингфорсе проходил Первый съезд Балтийского флота, который принял устав Центробалта. Ему поручалось контролировать «все приказания, постановления и распоряжения, касающиеся общественной, политической и внутренней жизни флота, откуда бы они ни исходили»¹⁴. Естественно, что немедленно после появления Центробалта начинается его противостояние командованию флота, а позднее и Временному правительству. Это противостояние завершилось только после Октября.

Авторитет новых представительных органов был велик. Например, 13 июня 1917 г. командующий флотом Балтийского моря контр-адмирал Д. Н. Вердеревский должен был разъяснять Первому съезду Балтийского флота, почему после русско-японской войны пришли к необходимости назначения самостоятельного и ответственного командующего флотом со штабом при нем¹⁵. Адмирал пытался убедить членов Центробалта не вмешиваться в решение оперативных вопросов и так избавиться от их опеки. Д. Н. Вердеревский предложил разбить Центробалт на секции применительно к отделам штаба флота. Эти секции, по мысли командующего, могли совместно с отделами штаба вырабатывать решения, а командующий флотом должен был их утверждать. Если командующий флотом принимает другое решение, то проводится в жизнь оно, а Центробалт может апеллировать в «Морской совет» (Центрофлот), решение которого является окончательным. Командующий единолично решает оперативные

¹³ Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 187. — Мичман Василий Лебедев, погибший в сентябре 1917 г., не подходит, так как он был произведен в свой чин еще в июле 1916 г. (Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 74; 185).

¹⁴ Аммон Г. А. Морские памятные даты. М., 1987. С. 192–193.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–4 об.

вопросы и вопросы боевой подготовки. Совместно решаются распорядительные, санитарные, интендантские, юридические и технические вопросы. Центробалт единолично решает бытовые вопросы, принимает жалобы и заявления, занимается научно-просветительской деятельностью, расследует злоупотребления¹⁶. Никакого решения по предложениям командующего тогда принято не было. Объем реальной власти Центробалта колебался в зависимости от общей политической обстановки.

Второй съезд Балтийского флота (25 сентября—5 октября 1917 г.) принял обращение к морякам других флотов, в котором выдвигались требования передачи земли крестьянам, демократического мира, рабочего контроля над производством и созыва Всероссийского съезда Советов. На этом же съезде был утвержден новый устав Центробалта и назначены его перевыборы, избраны делегаты на II Всероссийский съезд Советов. Делегаты съезда утвердили «Инструкцию для комиссаров», предусматривавшую контроль матросских комитетов над командованием, и потребовали от Временного правительства освобождения арестованных участников июльских событий¹⁷.

Центральные комитеты других флотов и флотилий и близко не приближались к Центробалту по своему политическому влиянию. Если на флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлот) и в Мурманском отряде судов (Центромур) этой флотилии комитеты были еще достаточно активны, то на Каспийской военной флотилии (Центрокаспий) или на Черноморском флоте (ЦКЧФ) они проявили себя в 1917 г. очень слабо, тем более что ЦКЧФ был создан значительно позднее своих собратьев — 30 августа.

На Черном море остро стоял национальный вопрос, практически не проявившийся на Балтике. Осенью 1917 г. начиналась постепенная «украинизация» кораблей флота. 12 октября 1917 г. «украинизировался», как сказано в справке, крейсер Черноморского флота «Светлана»: на нем были подняты украинские стеньговые флаги. Одновременно на миноносце «Завидный» команда подняла вместо Андреевского украинский флаг и постановила не спускать его до Учредительного собрания¹⁸. 17 октября в Севастополе появилась местная украинская рада, объявившая о том, что она подчиняется

¹⁶ Там же.

¹⁷ Аммон Г. А. Морские памятные даты. С. 193–194.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 333. Л. 101.

Центральной раде¹⁹. Капитан 2 ранга Акимов (вероятно, С. С. Акимов) был назначен Центральной радой уполномоченным при штабе Черноморского флота²⁰.

В июне 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов был создан другой представительный орган — Центральный исполнительный комитет военного флота (Центрофлот) — из делегатов — представителей флотов и флотилий. Большинство в Центрофлоте принадлежало эсерам и меньшевикам, председателем был правый эсер М. Н. Абрамов. Большевицкая фракция Центрофлота была немногочисленной. Вполне естественно, что Центрофлот попытался поддержать мероприятия Временного правительства, но 27 октября 1917 г. он был разогнан матросами-большевиками.

Изучение выборных революционно-демократических органов флота не является нашей темой, и мы касаемся его лишь для того, чтобы подчеркнуть, насколько изменились условия деятельности традиционных органов управления флотом после Февральской революции.

Пожалуй, основным организационным вопросом, продолжавшим беспокоить руководителей морского ведомства после проведения реформы 1911 г. была проблема полномочий и положения ГМШ. Некогда главный распорядительный орган, в свое время (при Николае I) даже подменивший собой Морское министерство, фактически занимался лишь кадровыми вопросами, и только по традиции сохранял тень былого престижа. К 1 февраля 1917 г. разработана новая организационная схема Главного Морского штаба (ГМШ). В нем предусматривалось иметь следующие отделения²¹: Офицерское; Матросское; Гражданских чиновников и специалистов; Мобилизационное; Организационное; Учебное (делопроизводство по морским учебным заведениям и по инспекциям, зачисление во флот вольноопределяющихся, прохождение ими службы, производство их в офицеры, распределение выпущенных офицеров); Распорядительно-строевое (церемониальные вопросы, дисциплина, внутренний порядок, форма одежды, дела о государственных и других тяжких преступлениях); Отделение общих дел.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 333. Л. 107.

²⁰ Там же. Л. 108.

²¹ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—8.

10 апреля 1917 г. исполняющим обязанности начальника ГМШ капитаном 1 ранга В. Е. Егорьевым была подписана записка, направленная в Адмиралтейств-совет²², в которой говорилось, что главным препятствием в работе ГМШ является то, что чины штаба всего лишь «делопроизводители», а не начальники в той или иной области. Предлагалось упразднить штат ГМШ, введенный 30 ноября 1916 г. и ввести новый, предлагаемый. Необходимо «создать новую конструкцию ГМШ, положив в ее основу:

1. полную самостоятельность каждого чина штаба в сфере своей деятельности и всяческую ответственность его за работу порученной ему части;

2. ясное соединение дел в отделы Штаба по ясным признакам соединения самих дел;

3. установление наименьшего количества самостоятельных отделов Штаба;

4. установление определенной подчиненности должностных лиц, причем каждое лицо должно иметь только одного своего начальника»²³.

Отсюда вытекала предлагаемая им структура штаба.

1-й отдел — учет прохождения службы офицерами, чиновниками и священниками

отделение офицерского личного состава

отделение денежных дел офицерских чинов

2-й отдел — учет прохождения службы матросами и кондукторами

отделение комплектования и мобилизации

отделение учета личного состава

отделение пенсий и наград

3-й отдел — дела распорядительные и общие

распорядительное отделение

канцелярия ГМШ.

Один из начальников отделов должен был стать помощником начальника штаба (по выбору самого начальника штаба). При начальнике штаба должен состоять штаб-офицер для особых поручений и «особый орган», который должен заниматься направлением общих

²² Там же. Л. 9–11.

²³ Там же.

вопросов, входящих в компетенцию всех отделов, организационными вопросами по штабу, сношением с флотами по профессиональным и политическим вопросам, внешними сношениями штаба со всеми организациями и учреждениями. По идее В. Е. Егорьева при ГМШ должна была состоять редакция журнала «Морской сборник» и книжный склад морского ведомства. Других центральных управлений (ГУК, ГМХУ, ГГУ) изменения пока не коснулись.

В центральном морском управлении продолжали создаваться новые подразделения. 29 июля 1917 г. были утверждены Штат и Положение об Управлении морской авиации и воздухоплавания²⁴. Одновременно рассматривался вопрос о замене мужского труда женским в учреждениях и частях морского ведомства. Оказалось, что практически нигде женщинами мужчин заменить было невозможно²⁵.

После Февральской революции Балтийский флот был вновь возвращен под руководство командующего Северным фронтом, а в штабе фронта было восстановлено ВМУ. Зато в подчинение МШС вошли речные и озерные флотилии — ранее пост заведующего ими был создан специально для великого князя Кирилла Владимировича, уволенного со службы вместе с остальными великими князьями. После корниловского мятежа А. Ф. Керенский как верховный главнокомандующий упраздняет МШС и восстанавливает ВМУ при Ставке, просуществовавшее до 13 ноября 1917 г.²⁶

В день победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде (26 октября 1917 г.) и принятия первых декретов Советской власти по инициативе В. И. Ленина на совещании моряков — делегатов II Всероссийского съезда Советов — в морском ведомстве был образован Военно-морской революционный комитет (ВМРК). В его состав вошли большевики: И. И. Вахрамеев, А. В. Баранов, В. П. Евдокимов, Д. Н. Марулин, В. С. Мясников, Н. М. Неверовский, Н. А. Ховрин, а также анархист А. Г. Железняков, беспартийные В. И. Пенкайтис, А. П. Попов и Т. М. Рыжков.

Член ВМРК Н. А. Ховрин в своих воспоминаниях рисует несколько другую картину. По его словам, инициатива исходила

²⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 51 об. — См. также: Герасимов В. Л. Подготовка кадров отечественной морской авиации. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 99–105.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2428. Л. 1–55.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1529. Оп. 2. Д. 413. Л. 9.

снизу. «Матросы — делегаты II Всероссийского съезда Советов собрались вместе, чтобы избрать новый полномочный орган взамен соглашательского Центрофлота. Назвать его решили Военно-морским революционным комитетом (ВМРК). Кто-то предложил на пост председателя кандидатуру Ивана Ивановича Вахрамеева. Предложение дружно поддержали»²⁷, — вспоминал Н. А. Ховрин. Из состава ВМРК Н. А. Ховрин назвал, кроме себя, И. И. Вахрамеева, В. С. Мясникова, Н. М. Неверовского, А. Г. Железнякова и В. И. Пенкайтиса.

Вновь созданный комитет принял решение о роспуске Центрофлота, представители которого вошли в состав «Комитета спасения родины и революции», пытавшегося организовать выступления против большевиков и левых эсеров в Петрограде²⁸. Одновременно создавался Комитет по военным и морским делам в составе П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко и В. А. Антонова-Овсеенко. В начале ноября 1917 г. Комитет был расширен и переименован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам. Прежние три члена Комитета по военным и морским делам получили ранг наркомов, а в качестве рядовых членов в Совет дополнительно вошли Н. И. Подвойский, В. Н. Васильевский, К. С. Еремеев, П. Е. Лазимир, К. А. Мехоношин, Э. М. Склянский, с 23 ноября М. С. Кедров и Б. В. Легран, а также, по утверждению современного исследователя М. А. Молодцыгина, И. Л. Дзевялтовский, А. Ф. Ильин-Женевский, В. А. Трифонов и К. К. Юренев²⁹. Совет народных комиссаров по военным и морским делам был высшим органом руководства вооруженными силами Советской России. Впоследствии он превратился в Коллегию наркомата по военным делам, а в состав учреждений морского ведомства не вошел.

Как известно, Временное правительство было арестовано в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 г. Среди других министров в Петропавловскую крепость попал и последний морской министр контр-адмирал Д. Н. Вердеревский. Товарищ морского министра капитана 1 ранга С. А. Кукель 1-й попытался взять власть в ведомстве

²⁷ Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! С. 156.

²⁸ Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 85.

²⁹ Там же. С. 481; Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 12.

в свои руки и в тот же день издал приказ о своем вступлении в управление министерством³⁰. Надо полагать, что С. А. Кукель пытался организовать сопротивление новой власти в центральном аппарате морского ведомства, но делал это не слишком активно. А. С. Демьянов, возглавивший нелегальный состав Временного правительства, действовавший некоторое время после революции, не вспомнил о посещении его заседаний каким-либо представителем Морского министерства, хотя довольно подробно перечислял участников собраний³¹. Следовательно, ни С. А. Кукель, ни Д. Н. Вердеревский не приходили на эти встречи.

В это время матрос Н. А. Ховрин, по его свидетельству, был назначен «комиссаром в Морское министерство» с подчинением ему караула и принял участие в разгоне Центрофлота утром 27 октября и во взятии под контроль здания Главного Адмиралтейства³². Термин «комиссар» в данном случае, судя по кругу обязанностей, как их описывает мемуарист, скорее означал должность коменданта здания Адмиралтейства.

27 октября Д. Н. Вердеревский был освобожден из Петропавловской крепости под честное слово. В тот же день В. И. Ленин «в беседе с председателем Военно-морского революционного комитета И. И. Вахрамеевым одобряет привлечение к работе в качестве управляющего Морским министерством контр-адмирал Д. Н. Вердеревского»³³.

Последний морской министр Временного правительства Дмитрий Николаевич Вердеревский (1873–1947) окончил Морской корпус и Артиллерийский офицерский класс, совершил кругосветное плавание, но в 1900 г. неожиданно вышел в запас и занялся садоводством в Туркестане. С началом русско-японской войны в 1904 г. вернулся на морскую службу, командовал миноносцем № 255 на Черноморском флоте. Затем служил на Балтике, в основном на кораблях Учебного артиллерийского отряда, сотрудничал в журнале «Морской сборник», читал лекции в Николаевской морской академии, коман-

³⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 74.

³¹ Демьянов А. Записки о подпольном Временном Правительстве // Архив Русской революции. М., 1991. Т. 7. С. 34–52.

³² Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! С. 158–162.

³³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. С. 11.

давал эсминцами и крейсером, в том числе, новейшими «Новиком» и «Адмиралом Макаровым». В начале 1914 г. Дмитрий Николаевич снова увольняется с флота, но с началом войны возвращается на службу. К 1916 г. он становится кавалером Георгиевского оружия и командующим дивизией подводных лодок Балтийского флота. После Февральской революции контр-адмирал сделал быструю карьеру, будучи сторонником компромиссов с матросскими организациями. В 1917 г. Д. Н. Вердеревский занимал посты начальника штаба Балтийского флота, начальника 1-й бригады линейных кораблей, в которую входили четыре новейших линкора типа «Севастополь». С 1 июня адмирал стал командующим Балтийским флотом. Во время июльских событий в Петрограде попытался сохранить нейтралитет (под лозунгом отказа от вовлечения флота в политическую борьбу), сообщив Центробалту о полученном приказе направить в столицу корабли на помощь Временному правительству. Вполне естественно, что за это он был снят с поста командующего, арестован и отдан под суд. Однако во время корниловского мятежа Д. Н. Вердеревский был не только освобожден, но и назначен морским министром — членом Директории, что было одним из проявлений политического маневра А. Ф. Керенского влево. Д. Н. Вердеревский понимал, что принуждать матросскую массу уже невозможно и выступал за «добровольную дисциплину» и выход России из войны. Чтобы оказать давление на правительство в этом направлении, Дмитрий Николаевич 24 октября написал прошение об отставке вместе с военным министром А. И. Верховским, однако в связи с началом вооруженного восстания в столице не подал его и остался в Зимнем дворце из солидарности со своими коллегами по правительству.

Мнение о Д. Н. Вердеревском в среде матросов-большевиков было скорее положительным. Н. А. Ховрин вспоминал, что он — «хитрый и умный человек... после свержения самодержавия Вердеревский повел себя весьма осмотрительно. Он никогда не позволял себе резких выпадов против революции и демократии, избегал конфликтов с матросскими массами. В то же время стремился показать, что верой и правдой служит новому правительству»³⁴. Когда же Н. В. Крыленко спросил у Н. А. Ховрина в первый день Всероссийского съезда военного флота, «как отнесутся матросы к тому, чтобы

³⁴ Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! С. 95.

привлечь к работе адмирала Вердеревского. Я ответил, что Вердеревский — человек знающий и очень опытный. Если он согласится сотрудничать с Советской властью, то лучшей кандидатуры, пожалуй, не сыскать. Тем более что с ним рядом будут работать наши товарищи, которые обеспечат правильную политическую линию. Если же он откажется, то можем выдвинуть кого-нибудь из своих. Дыбенко, например»³⁵.

Это предложение о сотрудничестве Д. Н. Вердеревскому было не последним. Между 16 и 25 марта 1918 г.³⁶ его посетил Ф. Ф. Раскольников, который «настаивал» на принятии адмиралом командования Балтийским флотом. Д. Н. Вердеревский отказался и на следующий день в письме Е. А. Беренсу объяснял свой поступок тем, что «военное значение Балтийского флота, даже при условии вывода его из Гельсингфорса, равно нулю», что флот находится в «отчаянном стратегическом положении» и что политические страсти слишком разбушевались. Несмотря на свой отказ, он советовал Е. А. Беренсу вывести из Гельсингфорса хотя бы боевые суда и привлечь для разработки плана спасения флота капитанов 1 ранга А. М. Щастного, П. В. Вилькена 1-го, К. В. Шевелева 1-го и старшего лейтенанта Б. А. Сокольникова 1-го³⁷.

Д. Н. Вердеревский отказался от заманчивых предложений большевиков, но и в белом движении не участвовал. В мае 1918 г. он эмигрировал, жил в Лондоне, занимаясь торгово-промышленной деятельностью. В 20—30-е гг. адмирал был видной фигурой в масонских кругах. Во время Второй мировой войны адмирал негативно относился к фашистской Германии. После войны Д. Н. Вердеревский принял советское гражданство, стал одним из организаторов Союза советских граждан во Франции, входил в состав Ассоциации друзей Движения Сопротивления. Умер в Париже и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Отношение к Д. Н. Вердеревскому позволяет сделать вывод о том, что даже бескомпромиссно настроенные матросы—большевики уже в первые дни после победы Октябрьской революции были готовы привлекать на свою сторону не просто военных специалистов, а даже

³⁵ Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! С. 156—157.

³⁶ Письмо Д. Н. Вердеревского Е. А. Беренсу не датировано. Датировка дается по соседним документам (РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 32. Л. 2—8).

³⁷ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 32. Л. 5—6 об.

лиц, прежде занимавших высшие посты. Что касается личности Д. Н. Вердеревского, то он мог бы оказать определенное влияние на смягчение трений между офицерством и матросами во время перестройки флота осенью 1917–1918 гг., способствовать сохранению остатков боеспособности военно-морских сил. Очевидно, что его фигура на посту главы ведомства не вызвала бы такого негативного отношения офицеров, как личность П. Е. Дыбенко. Видимо, отказ Д. Н. Вердеревского поступить на службу Советской власти был продиктован не принципиальным неприятием революции, а какими-то случайными соображениями, возможно, солидарностью с остальными членами последнего Временного правительства.

4 ноября 1917 г. выходит постановление СНК «О назначении М. Иванова товарищем морского министра с исполнением обязанностей председателя Верховной коллегии Морского министерства»³⁸. Имеется в виду капитан 1 ранга М. В. Иванов (1875–1942), вскоре произведенный в контр-адмиралы. Участник обороны Порт-Артура, начальник Партии траления, удостоенный золотого оружия с надписью «За храбрость». В Первую мировую войну был командиром крейсера «Диана» (1915–1917), начальником 2-й бригады крейсеров (1917). Кстати, 2-я бригада крейсеров считалась более пробольшеви́стски настроенной, чем 1-я³⁹. Впоследствии М. В. Иванов служил в РККФ, был инспектором морских сил ВЧК, после увольнения в отставку в 1924 г. служил в торговом флоте СССР капитаном ряда судов, консультантом в научно-исследовательских учреждениях. Согласно семейной легенде, отец М. В. Иванова был незаконным сыном знаменитого вождя декабристского движения П. И. Пестеля⁴⁰.

Постановлением СНК для того, чтобы взять Морское министерство под контроль, 7 ноября 1917 г. была создана Верховная морская коллегия (ВМК), которая равнялась по своим правам Главнокомандующему флотом. Во главе ВМК стоял П. Е. Дыбенко, в нее вошли

³⁸ Постановление о назначении М. Иванова товарищем морского министра с исполнением обязанностей председателя Верховной коллегии Морского министерства. 4 (17) ноября // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 581.

³⁹ *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм! С. 99.

⁴⁰ *Бережной А.* Легенда или семейное родство советского адмирала // Факел—1989. Историко-революционный альманах. М., 1989.

капитан 1 ранга М. В. Иванов (управляющий Морским министерством) и В. В. Ковальский (черноморский матрос, делегат II Съезда Советов)⁴¹. Название нового органа не сразу стало устойчивым — вплоть до января 1918 г. он именовался то «Верховной коллегией Морского министерства», то «Военной коллегией управления Морским министерством», то «Военно-морской коллегией».

Возможно, что смысл назначения М. В. Иванова управляющим министерством заключался в попытке взять под контроль Морское министерство «изнутри», без формального введения в высшее руководство ведомства большевиков из числа матросов или штатских. Существование такого плана подтверждается и сравнительно длительными переговорами с Д. Н. Вердеревским о принятии им поста руководителя морского ведомства — впервые его кандидатура возникает еще 26 октября, и она продолжает обсуждаться по меньшей мере до 18 ноября (разговор Н. А. Ховрина с Н. В. Крыленко в первый день работы Всероссийского съезда военного флота). Этапом борьбы вокруг фигуры главы ведомства стало издание специального приказа об уходе со своего поста Д. Н. Вердеревского и новый приказ о вступлении в управление С. А. Кукеля, вышедший 11 ноября⁴².

Если такой план и существовал, то он спустя некоторое время показал свою несостоятельность. Упорное неприятие предложений большевиков Д. Н. Вердеревским привело к необходимости принятия других мер по овладению аппаратом центральных флотских учреждений.

ВМК смогла подчинить себе центральный аппарат морского ведомства к 14 ноября 1917 г., что ознаменовалось началом нумерации приказов по флоту и морскому ведомству заново⁴³. В приказе о вступлении в управление флотом Коллегии ее состав не совпадает с первоначальным. Вместо В. В. Ковальского в составе ВМК фигурирует начальник Военно-политического отдела (с декабря 1917 г. — Управления политической частью Морского министерства) и председатель Военно-морского революционного комитета машинный унтер-офицер большевик И. И. Вахрамеев. В тот же день были утверждены комиссары и их помощники при отделах Морского

⁴¹ Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 78; РГА ВМФ. Ф. р-5. Предисловие к описи.

⁴² РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 76.

⁴³ Там же. Приказ по флоту и морскому ведомству № 1.

министерства⁴⁴, а при «Военной Коллегии управления Морским министерством» (как назвали в приказе Верховную морскую коллегию) был утвержден Военно-политический отдел в составе И. И. Вахрамеева (член РСДРП(б) с весны 1917 г.), К. Я. Зедина (член РСДРП с 1904 г., прапорщик по морской части), А. Г. Железнякова (матрос-анархист), а также Шерстобитова и Максимовича⁴⁵.

Последовал период калейдоскопических кадровых перетасовок, представление о которых дают первые приказы ВМК по флоту и морскому ведомству. Вполне естественным было увольнение в отставку прежних руководителей ведомства, которые оказывали сопротивление новым властям и назначение новых на их место. 14 ноября полковник В. П. Лебедев⁴⁶ стал начальником Главного управления кораблестроения⁴⁷. На следующий день, 15 ноября, был уволен «от службы контр-адмирал граф [А. П.] Капнист», последний до-октябрьский начальник МГШ. 16 ноября капитана 1 ранга Е. А. Беренса назначили временно исполняющим должность начальника штаба⁴⁸. 17 ноября сменился целый ряд руководителей морского ведомства: вместо В. П. Лебедева начальником ГУК стал генерал-майор С. О. Барановский, а В. П. Лебедева откомандировали в распоряжение ВМК (на следующий день он стал начальником грузовых перевозок Балтийского моря⁴⁹). Капитан 2 ранга Яковлев⁵⁰ был назначен начальником ГУЛИСО, главный инспектор морской строительной части статский советник Толмачев был заменен полковником А. Л. Дубовым⁵¹ (правда, 19 января 1918 г. издали еще один приказ

⁴⁴ Там же. Л. 79. Приказ по флоту и морскому ведомству № 2.

⁴⁵ Там же. Приказ по флоту и морскому ведомству № 3.

⁴⁶ Корабельного инженера полковника В. П. Лебедева не следует путать с исполнявшим обязанности управляющего Морским министерством летом 1917 г. эсером лейтенантом В. Лебедевым.

⁴⁷ Там же. Приказ по флоту и морскому ведомству № 3.

⁴⁸ Там же. Приказ по флоту и морскому ведомству № 6 от 15 ноября и № 7 от 16 ноября.

⁴⁹ Там же. Л. 80 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 6 от 15 ноября и № 21 от 18 ноября.

⁵⁰ Это мог быть В. Д. Яковлев 3-й, А. А. Яковлев 4-й или В. В. Яковлев 6-й (Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 18; 21). Последний служил в 1918–1919 гг. в МГШ РККФ начальником Организационного отдела и Уставного отделения.

⁵¹ Там же. Л. 79. Приказы по флоту и морскому ведомству №№ 14–19 от 17 ноября.

об отстранении Толмачева от руководства Управлением морской строительной части⁵², что может быть следствием вполне естественной неразберихи при смене власти). В тот же день, 17 ноября 1917 г., старшего лейтенанта С. Н. Унковского назначили генералом для поручений при морском министре⁵³, а уже через десять дней он стал временно исполняющим должность начальника походного штаба морского министра⁵⁴. Надо сказать, что А. Л. Дубов был избран депутатом Кронштадтского совета военных депутатов еще весной 1917 г. По свидетельству Ф. Ф. Раскольникова, он «пользовался большим авторитетом и довольно часто выступал» в совете⁵⁵.

18 ноября популярный среди матросов вице-адмирал А. С. Максимов стал вторым помощником морского министра⁵⁶. Андрей Семёнович Максимов (1866—1951) прошел стандартный служебный путь русского морского офицера начала XX в. Он участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае, в обороне Порт-Артура, причем после боя в Желтом море 28 июля 1904 г. проявил совершенно своевременную инициативу, и прорвался в Киао-Чао на своем миноносце «Бесшумный», тем самым спас корабль от гибели или сдачи японцам при капитуляции Порт-Артура. После войны он командовал эсминцем, дивизионами миноносцев, крейсером «Громобой», бригадой крейсеров, бригадами линейных кораблей. В 1915 г. был исполняющим обязанности начальника Минной обороны Балтийского моря. После убийства адмирала А. И. Непенина во время Февральской революции, А. С. Максимов вступил в командование Балтийским флотом, как старший по чину, а затем был избран матросами командующим флотом. В начале апреля 1917 г. А. С. Максимов вызвал подозрения у А. И. Гучкова (военного и морского министра первого Временного правительства) в том, что он «стал на сторону матросни... в то время если бы мы его уволили, тогда мы опасались, что он поведет Балтийский флот на борьбу с Временным правительством, а так как мы на петербургский гарнизон рассчитывать не могли, то появление эскадры могло кончиться тем, чем это кончилось

⁵² Там же. Л. 98 об. Приказы по флоту и морскому ведомству № 54 от 19 января.

⁵³ Там же. Л. 79. Приказ по флоту и морскому ведомству № 19 от 17 ноября.

⁵⁴ Там же. Л. 84. Приказы по флоту и морскому ведомству № 70 от 27 ноября.

⁵⁵ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 52.

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 22.

при большевиках»⁵⁷, то есть свержением Временного правительства. В конце концов, Временному правительству в начале июня 1917 г. удалось снять А. С. Максимова с поста командующего флотом. Действия части матросов после его смещения подтвердили подозрения Временного правительства. Матрос-большевик Н. А. Ховрин вспоминал, что А. С. Максимова «на кораблях уважали за человеческое обращение с нижними чинами»⁵⁸. «Иначе отнеслись к Вердеревскому матросы некоторых кораблей Гельсингфорсской базы. Так, когда на “Кречете” появился его контр-адмиральный флаг (Вердеревского. — К. Н.), команда линкора “Петропавловск” демонстративно подняла вице-адмиральный флаг Максимова. Матросы заявили, что Максимов избран всенародно и не может быть кем-либо сменен. Пришлось самому Максиму ехать на корабль, уговаривать моряков»⁵⁹. Спустя несколько месяцев, уже в сентябре, А. С. Максимов был назначен на самостоятельную должность начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего. После Октября он сразу стал на сторону Советской власти и после недолгого пребывания помощником морского министра служил старшим инспектором Реввоенсовета Республики (1918), командовал Черноморским флотом (1920–1921), находился в распоряжении Военно-морской инспекции, состоял для особых поручений при командующем Морскими силами Республики. В 1923 г. А. С. Максимов командовал посыльным судном «Воровский» во время его перехода из Белого моря на Тихий океан. Для делающего первые шаги Красного флота этот поход был серьезным достижением. По некоторым сведениям, после выхода в отставку (в 1924 г.) во времена НЭПа бывший адмирал содержал молочную ферму под Москвой на станции Лосиноостровская. Г. К. Граф в своих мемуарах с ненавистью пишет об А. С. Максимове и крайне низко оценивает его деловые качества⁶⁰. С другой стороны, советский адмирал Ю. А. Пантелеев, ходивший в молодости на «Воровском» под командой А. С. Максимова, высоко отзывался о его профессиональных

⁵⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 190.

⁵⁸ Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! С. 62.

⁵⁹ Там же. С. 96.

⁶⁰ Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. С. 261–262, и др.

качествах⁶¹. Все мемуаристы как любопытную черту А. С. Максимова отмечали его неожиданный для человека с русским именем и фамилией финский акцент — Андрей Семенович родился и провел детство в Финляндии. Этим же объясняется и прозвище А. С. Максимова — «Пойка»⁶².

В ноябре 1917 г. последовали увольнения в отставку: контр-адмиралов Д. Н. Вердеревского и Б. П. Дудорова, капитанов 1 ранга С. А. Кукеля и В. Е. Егорьева, капитана 2 ранга В. В. Романова, действительного статского советника Зверева⁶³. Они были уволены по причине отказа сотрудничать с Советской властью, однако само увольнение было оформлено по существовавшим правилам, «с мундиром и пенсией». Нами был обнаружен только один приказ ВМК об увольнении от службы в форме наказания — «О лишении чина и исключении навсегда из флота капитана 2 ранга Безкровного»⁶⁴. Б. С. Безкровный, будучи военно-морским агентом в Дании, выполнял там функции руководителя русской морской разведки⁶⁵.

Далеко не всегда новой власти сразу удавалось провести свои решения. Фактически речь шла о том, что лишь те решения центра реализовывались на местах, которые удовлетворяли местные власти и лишь в той степени, в которой они их удовлетворяли. Так, 2 декабря 1917 г. П. Е. Дыбенко пытался уволить контр-адмирала А. В. Развозова с поста командующего Балтийским флотом. П. Е. Дыбенко отдал соответствующее распоряжение в телеграмме, адресованной управляющему Морским министерством М. В. Иванову. Несмотря на распоряжение, А. В. Развозов не был уволен, а продолжал находиться на посту фактического командующего Балтийским флотом до своего ареста 23 марта 1918 г.

С октября 1917 г. дело шло к отмене чинов и орденов, но награждение ими офицеров некоторое время продолжалось. Так 22 ноября ВМК издала приказ «Об утверждении пожалованных орденов лейте-

⁶¹ Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. С. 54–55.

⁶² От финского «роика» — «сын». (Раскольников Ф. Ф. Мои записки // [Раскольников Ф. Ф.] Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 521.)

⁶³ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 24 от 22 ноября 1917 г.

⁶⁴ Там же. Л. 86. Приказ по флоту и морскому ведомству № 101 от 12 декабря 1917 г.

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 117. Л. 28–31.

нантам [Ф. Г.] Керну, [Б. В.] фон Брискорну и др.»⁶⁶, а спустя шесть дней вышел приказ «О приостановке производства и наград впредь до выработки положения о прохождении службы офицерами и чиновниками морского ведомства»⁶⁷.

После того как бразды правления ведомством перешли к ВМК, начинаются организационные преобразования. 29 ноября походный штаб морского министра был переименован в Канцелярию ВМК⁶⁸ с отделениями: Юридическое и общих дел; Законодательное и Кодификационное⁶⁹. Правда, 21 декабря вышел приказ о переименовании Штаба ВМК в управление делами ВМК⁷⁰. Следовательно, либо Канцелярия ВМК была переименована в Штаб ВМК между 29 ноября и 21 декабря, либо, что вероятнее, название Канцелярия ВМК не употреблялось, а это учреждение называлось Штабом ВМК, тем более, что слово «штаб» звучало явно весомее, чем слово «канцелярия».

ВМРК продолжал формально оставаться высшим чрезвычайным органом управления флотом. 5 ноября произошла реорганизация комитета, с расширением его состава. Десять человек, первоначально входившие в ВМРК, составили его Коллегию. Члены комитета отныне были разделены на секции — военную, контрольно-техническую, хозяйственную, следственную, редакционную и личного состава. Важнейшей задачей ВМРК было не управлять морским ведомством, а обеспечивать мобилизацию матросов для решения конкретных задач. Например, 15 ноября СНК предписал ВМРК выделить десять «энергичных товарищей» в распоряжение комиссара Государственного банка В. В. Оболенского (Осинского) для «исполнения весьма ответственных поручений»⁷¹.

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об. Приказ по флоту и морскому ведомству №27.

⁶⁷ Там же. Л. 81 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 41 от 28 ноября.

⁶⁸ Там же. Л. 83. Приказ по флоту и морскому ведомству № 62 от 29 ноября 1917 г.

⁶⁹ Систематический сборник постановлений по НКМД. Библиотека РГА ВМФ.

⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 89 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 151 от 21 декабря 1917 г.

⁷¹ Предписание Военно-морскому революционному комитету предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка 10 человек для выполнения ответственных поручений. 5 (28) ноября // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 541.

ВМРК организовывал подготовку и проведение I Всероссийского съезда военного флота (проходил в столице 18–25 ноября 1917 г.) На съезде присутствовало 190 делегатов, в том числе 82 от Балтийского флота, 65 — от Черноморского, 28 — от флотилии Северного Ледовитого океана, 7 — от Каспийской и Урмийско-Ванской флотилий, 4 — от Сибирской флотилии, 3 — от Амурской и 1 — от Чудской флотилий⁷². В числе делегатов преобладали большевики (116 человек), чем и было обусловлено избрание В. И. Ленина почетным председателем съезда. 22 ноября Владимир Ильич выступил перед моряками с речью, в которой обрисовал текущую политику СНК и ближайшие перспективы, выделив главные направления военной деятельности советского правительства — Финляндию и Украину. Его речь была опубликована через три дня в «Известиях ЦИК» в протокольной записи⁷³. Днем раньше была опубликована в «Правде» резолюция съезда, направленная на поддержку Советской власти⁷⁴.

26 ноября, на Всероссийском съезде военного флота, ВМРК сложил свои полномочия⁷⁵. Вместо него, в качестве высшей власти на флоте был образован Законодательный совет морского ведомства (ЗСМВ), он же — Морская секция ВЦИК из 20 членов. Председателем ЗСМВ стал большевик А. В. Баранов, позднее смененный В. Ф. Полухиным. На съезде реорганизовали ВМК — в ее состав избрали П. Е. Дыбенко, М. В. Иванова, контр-адмирала А. С. Максимова и только что произведенного в лейтенанты большевика Ф. Ф. Раскольникова. Именно в таком составе ВМК фигурирует в приказе по флоту и морскому ведомству, изданном 26 ноября (9 декабря)⁷⁶. В то же время, в некоторых справочниках приводится другой состав ВМК, избранный на съезде, — П. Е. Дыбенко, М. В. Иванов, Ф. Ф. Раскольников, И. И. Вахрамеев и В. В. Коваль-

⁷² Великая Октябрьская Социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 103. Аммон Г. А. Морские памятные даты. С. 202–203.

⁷³ Ленин В. И. Речь на Первом всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Протокольная запись // ПСС. Т. 35. С. 112–118.

⁷⁴ Правда. 1917. 24 ноября.

⁷⁵ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Сост. В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. М., 1988. С. 49.

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 81. Приказ по флоту и морскому ведомству № 37; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 91.

ский⁷⁷. Подпись В. В. Ковальского как члена ВМК была обнаружена нами под документом, датированным 2 декабря 1917 г.⁷⁸

Интересно, что ко времени своего избрания в ВМК И. И. Вахрамеев были произведены в мичманы военного времени, а через неделю — в лейтенанты, Ф. Ф. Раскольников — из мичманов в лейтенанты, а М. В. Иванов — в контр-адмиралы⁷⁹. Так что система чиновничьего производства продолжала действовать и высокопоставленные руководители морского ведомства быстро росли в чинах. Кроме того, съезд передал руководство всеми флотами и флотилиями соответствующим центральным комитетам (Центробалт и др.)⁸⁰ и образовал Верховную морскую следственную комиссию⁸¹.

Несколько слов следует сказать о людях, входивших в состав ВМК. Федор Федорович Ильин (Раскольников) (1892–1939) — один из ярких революционных деятелей, даже по меркам той эпохи, богатой на выдающиеся личности. Необычными были уже обстоятельства его рождения. Его отец, вдовый протодьякон Сергиевского собора всей артиллерии Ф. А. Петров вступил в гражданский брак с дочерью генерал-майора А. В. Ильиной (как священнослужитель, Ф. А. Петров не имел права венчаться вторично). Их сын, Ф. Ф. Ильин, числился внебрачным ребенком, также как и его младший брат Александр, известный как советский дипломат под фамилией Ильин-Женевский. Федор Федорович окончил училище принца Ольденбургского в Санкт-Петербурге, затем поступил на экономическое отделение Политехнического института. Там он установил связь с подпольной социал-демократической организацией большевистского направления, в декабре 1910 г. вступил в РСДРП, с 1911 г. стал печататься в большевистской газете «Звезда», с 1912 г. — в «Правде», секретарем которой вскоре стал. С этого времени его псевдоним постепенно закрепляется и вытесняет настоящую фамилию. В 1912 г. Ф. Ф. Раскольникова арестовали и выслали за границу.

⁷⁷ Аммон Г. А. Морские памятные даты. С. 200–206.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 210. Л. 14.

⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 27 от 22 ноября 1917 г.; Там же. Л. 81 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 35 от 21 ноября 1917 г.; Там же. Л. 81, 81 об. Приказы по флоту и морскому ведомству № 33 от 23 ноября 1917 г. и № 35 от 21 ноября 1917 г.

⁸⁰ Аммон Г. А. Морские памятные даты. С. 200–206.

⁸¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 258. Л. 13–15.

В начале 1913 г. он подпал под амнистию в связи с 300-летием дома Романовых и вернулся на родину⁸². В связи с болезнью летом 1913 г. получил годичную отсрочку от призыва на военную службу, продолжая работать в «Правде». Одновременно Федор Федорович поступил в Археологический институт⁸³ — как сказали бы сейчас, учреждение последиplomного образования. Ф. Ф. Раскольников отмечал в автобиографии, что он стоял на интернационалистических позициях, и с началом Первой мировой войны, чтобы по возможности уклониться от активной военной службы, поступил в Отдельные гардемаринские классы, на что имел право, числясь студентом Археологического института. Кстати, у Ф. Ф. Раскольникова был знаменитый предок-морьяк по материнской линии — лейтенант Д. С. Ильин, который после Чесменского сражения в ночь на 26 июня 1770 г., командуя брандером, успешно поджег турецкий корабль, огонь с которого перекинулся на весь неприятельский флот.

Ф. Ф. Раскольников прошел основательную теоретическую и практическую подготовку, совершил два учебных плавания в Тихом океане — в мае–сентябре 1915 и 1916 гг. По словам матери Федора Федоровича, успехи ее сына были таковы, что командование ОГК ходатайствовало о выпуске его мичманом, а не подпоручиком по Адмиралтейству, на чем, якобы, настаивал Департамент полиции ввиду явной неблагонадежности Ф. Ф. Раскольникова⁸⁴. Однако, Февральская революция превратила былую неблагонадежность в заслугу и 25 марта 1917 г. в составе второго выпуска ОГК Ф. Ф. Раскольников получил чин мичмана⁸⁵.

⁸² Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 618–620.

⁸³ Археологический институт (до 1917 — Императорский) являлся учебно-научным учреждением для подготовки археологов и архивистов. Он был основан в 1877 г. по инициативе историка Н. В. Калачова. Срок обучения составлял два года, принимались лица с высшим образованием, плата за обучение не взималась. Обучение велось по сравнительно узкой программе — археологические и вспомогательные исторические дисциплины. В 1922/23 учебном году институт был преобразован в Отделение археологии и истории искусств Факультета общественных наук Петроградского университета.

⁸⁴ *Поликарпов В.* Голос бойца ленинской гвардии революции // *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 19.

⁸⁵ Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 77.

После Февраля Ф. Ф. Раскольников отправился в Кронштадт по заданию Петроградского комитета РСДРП(б). Там он начал играть большую политическую роль, став фактическим лидером местной большевистской организации, заместителем председателя Кронштадтского совета и одним из руководителей «Военки» (Военной организации большевиков)⁸⁶. Формально Ф. Ф. Раскольников был выбран командой учебного судна «Освободитель» (бывший корвет «Рында») на должность вахтенного начальника. Учитывая громадное стратегическое и политическое значение острова-крепости и его гарнизона, политический вес Ф. Ф. Раскольникова значительно превышал его служебный статус. В начале июля 1917 г. Федор Федорович оказался в тюрьме по обвинению в участии в антиправительственных выступлениях в Петрограде. В начале октября он был освобожден и принял участие в Октябрьском вооруженном восстании. После его победы Ф. Ф. Раскольников возглавил отряд моряков, с которым участвовал в отражении наступления войск Краснова–Керенского на Петроград, в установлении Советской власти в Москве и вскоре стал комиссаром МГШ и членом ВМК.

Впоследствии вехами биографии Ф. Ф. Раскольникова станут мандат депутата Учредительного собрания (именно он зачитывал декларацию об уходе с собрания большевистской фракции), пост члена Верховной морской коллегии, участие в потоплении части Черноморского флота в Новороссийске летом 1918 г., командование Волжской флотилией до прекращения навигации 1918 г., назначение членом Морского отдела РВСР. В декабре 1918 г., возглавив набег на Ревель, Ф. Ф. Раскольников попал в плен к англичанам вместе с экипажами двух эсминцев. Продолав вынужденное путешествие в Англию, в мае 1919 г. он был обменен на два десятка пленных английских офицеров. После освобождения вновь назначается командовать красными речными силами на Волге. Так началась самая успешная военная кампания Раскольникова — летом 1919 г. Волжская (позднее Астраханская и Каспийская) флотилия активно боролась с войсками Деникина, а в мае 1920 г. совершила очень удачный рейд на иранский порт Энзели, заставив отступить английские войска и захватив значительные трофеи. Результаты этой операции

⁸⁶ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 163.

трудно переоценить, учитывая, что в Энзели были уведены белыми практически все нефтеналивные суда Каспийского моря, а их возвращение позволило наладить транспортировку нефти на Волгу и далее в центр европейской части страны. Ф. Ф. Раскольников стал кавалером ордена Красного Знамени⁸⁷.

Наряду с несомненными организаторскими, ораторскими, писательскими способностями, в характере Ф. Ф. Раскольникова присутствовала некоторая «хлестаковщина». В его мемуарах и литературных произведениях это качество проявилось в подчеркивании собственной значимости, в нарочитом выпячивании своей роли в исторических событиях, иногда в значительных отступлениях от истины.

Вместе с Федором Федоровичем в ОГК учился И. С. Исаков (1894—1967), позднее подчиненный Ф. Ф. Раскольникова по Каспийской флотилии и адмирал флота Советского Союза. Ведя речь о рейде на иранский порт Энзели, И. С. Исаков писал: «Его заслуг нельзя отрицать как в руководстве по проведению всей кампании 1920 г., так и при проведении заключительной операции. Но если оставить в стороне восторженные и немного экзальтированные донесения в Москву, то надо сказать, что позже в ответах и особенно в воспоминаниях он был очень нескромен и полностью извратил “авторство” Энзелийской операции. Серьезнейшее государственное решение, в принятии которого, как видно из документов, принимали участие тт. Склянский, Каменев, Чичерин и Немитц (то есть быть или не быть операции, высаживать ли десант на персидскую территорию или нет и т. д.), Раскольников приписал персонально только себе, скрыв от всех директивную телеграмму коморси Немитца, полученную в Баку еще 1 мая... Раскольников воспользовался тем обстоятельством, что, по предложению наркоминдела Чичерина, комфлоту было приказано заявить персидским властям, что он действует по своему личному усмотрению, помимо Москвы. Но Раскольников пошел дальше и приписал себе не только инициативу в замысле и проведении операции, но и все действия флагманов, штаба и даже управления огнем отдельных кораблей»⁸⁸.

⁸⁷ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 204.

⁸⁸ Исаков И. С. Каспий, 1920. С. 299.

Мнение И. С. Исакова подтверждается свидетельством Ф. Ф. Раскольников, который участвовал в потоплении части Черноморского флота летом 1918 г. Он даже намекал на трусость И. И. Вахрамеева, Н. П. Глебова-Авилова и С. С. Данилова, пытавшихся ранее уговорить матросов потопить корабли: «Куда вы едете? — взволнованно, обращаясь ко мне, спросил рыжеусый Вахрамеев. — Вас на вокзале ждут и обязательно расстреляют. Нас ловили по всему городу, мы едва убежали»⁸⁹. Автор приписал успех потопления флота исключительно самому себе. Однако, Ф. Ф. Раскольников «забыл» отметить, что его предшественникам пришлось иметь дело со всеми кораблями, пришедшими в Новороссийск, тогда как к моменту его приезда в город команды, категорически не желавшие топить корабли, уже увели их обратно в Севастополь, и на долю Ф. Ф. Раскольникова осталась значительно более легкая задача агитации среди сочувствовавших Советской власти или нейтральных моряков.

О наличии в характере Ф. Ф. Раскольникова черт безответственности свидетельствует такой факт: в апреле 1931 г., будучи советским полпредом в Эстонии, он выехал в Ленинград на постановку своей пьесы «Робеспьер», несмотря на то что в Таллине разразился правительственный кризис. Современные исследователи О. Н. Кен и А. И. Рупасов пишут: «“Аналитические” доклады полпреда Раскольникова отличались безудержной фантазией. “Ну нельзя же совсем без фактов”, — зывал к нему член Коллегии» Наркомата иностранных дел Б. С. Стомоняков⁹⁰.

После успешного решения каспийской проблемы наступил максимальный взлет военно-морской карьеры Ф. Ф. Раскольникова. Он был назначен командующим Балтийским флотом во время советско-польской войны, когда нападение английского флота на берега Советской России считалось весьма вероятным. Ф. Ф. Раскольников попытался ужесточить режим в Кронштадте. Понятно, что без ужесточения дисциплины говорить о возвращении флоту боеспособности было бы нелепо. Однако восстановить дисциплину на флоте при сохранении матросского состава, прошедшего революцию

⁸⁹ *Раскольников Ф. Ф. Гибель Черноморского флота // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 360.*

⁹⁰ *Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 — 1930-х гг.): Проблемы, документы, опыт комментария. СПб., 2000. Ч. 1. 1928–1934. С. 582.*

и в значительной степени морально разложившегося в тылу во время Гражданской войны, было невозможно. Ф. Ф. Раскольников позднее весьма легкомысленно писал: «В связи с нашим наступлением на Варшаву Красный Кронштадт во всеоружии готовился встретить английских гостей. Но к огромному разочарованию моряков-балтийцев (так! — *К. Н.*) Ллойд-Джордж не прислал в кронштадтские воды ни одного английского корабля»⁹¹. Видимо, история с несчастливым рейдом эсминцев «Спартак» и «Автроил» к Ревелю в декабре 1918 г. и собственный плен мало чему научили Ф. Ф. Раскольникова.

Сам он видел только одну свою ошибку — «бестактное» назначение тестя, М. А. Рейснера, начальником Политуправления Балтийского флота⁹². До сих пор остается дискуссионным вопрос о том, в какой степени Кронштадтское восстание было спровоцировано действиями Ф. Ф. Раскольникова. На свое счастье, он был снят с поста командующего флотом накануне мятежа (27 января 1921 г.) Следует отметить, что от руководства флотом его отвлекало активное участие в дискуссии о профсоюзах на стороне Л. Д. Троцкого. Позднее за ним закрепилась устойчивая репутация троцкиста⁹³, от которой Ф. Ф. Раскольников безуспешно открещивался⁹⁴.

После окончания Гражданской войны Ф. Ф. Раскольников оказался полпредом СССР в Афганистане (1921–1923). Вершиной его партийной карьеры стал пост заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна (1924–1928)⁹⁵. Впрочем, его деятельность на этом посту вызывала серьезную критику⁹⁶. Одновременно

⁹¹ Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 620.

⁹² *Раскольников Ф. Ф.* Кремль // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 517.

⁹³ И. К. Кожанов говорил летом 1937 г.: «флот в течение длительного времени, в течение десятков лет, находился в руках троцкистов и зиновьевцев. До 1921 г. там господствовал троцкист Раскольников» (Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы. М., 2008. С. 85).

⁹⁴ *Раскольников Ф. Ф.* Кремль. Г. Е. Зиновьев // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 517.

⁹⁵ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. М., 1994. Т. I. 1920–1925. С. 746.

⁹⁶ См., например: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. М., 1996. Т. II. 1926–1927. Ч. 2. С. 859.

Ф. Ф. Раскольников был редактором ряда журналов в Москве и председателем Главреперткома. В 30-е годы Ф. Ф. Раскольников снова оказался на дипломатической работе — полпредом в Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934) и Болгарии (1934–1937). Вероятно, причиной удаления Федора Федоровича из Москвы и назначения на сравнительно второстепенные дипломатические посты было связано с его репутацией троцкиста. Незадолго до смерти Ф. Ф. Раскольников вновь проявил свой нрав, став в 1938 г. невозвращенцем и написав письмо И. В. Сталину, в котором обвинял его в репрессиях. Федор Федорович сохранил тягу к оригинальности до последних месяцев жизни — в своем письме в знак презрения к адресату, он обращался к нему на Вы, но писал это местоимение со строчной буквы⁹⁷. Письмо было опубликовано уже после смерти автора 1 октября 1939 г. в Париже. В последние годы жизни Ф. Ф. Раскольников написал несколько желчных мемуарных рассказов о лидерах СССР, впервые опубликованных во время перестройки.

Другой крупной фигурой в ВМК был Иван Иванович Вахрамеев (1885–1965). Он родился в Ярославле в семье мелкого служащего, сумел получить среднее техническое образование. В 1908–1911 гг. проходил срочную службу на Балтийском флоте, с началом Первой мировой войны был мобилизован, служил машинным унтер-офицером на подводных лодках. В начале 1916 г. И. И. Вахрамеева арестовали вместе с группой матросов-большевиков, но вскоре освободили за отсутствием улик против него. Весной 1917 г. он формально вступил в РСДРП(б), стал продвигаться по линии выборных должностей в матросских комитетах, в частности заняв должность председателя судового комитета и председателя комитета дивизиона подлодок. И. И. Вахрамеев играл очень большую роль в первые дни после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и при обороне города от войск Краснова—Керенского. Иван Иванович был делегатом Второго съезда Советов, председателем Военно-морского революционного комитета, начальником Военно-политического отдела Верховной морской коллегии, а с 10 апреля 1918 г. назначен заместителем наркома по морским делам⁹⁸.

⁹⁷ *Раскольников Ф. Ф.* Открытое письмо Сталину // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 542–550.

⁹⁸ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. С. 371.

«Неторопливый, уверенный, взвешивающий свои слова и поступки, Вахрамеев понравился нам своей деловитостью, умением обстоятельно решать вопросы»⁹⁹, — писал о нем Н. А. Ховрин.

И. И. Вахрамеев участвовал в организации потопления части Черноморского флота в Новороссийске, был председателем Совета обороны Архангельского района и одним из руководителей борьбы с английскими интервентами на Севере. С осени 1918 г. он — уполномоченный РВСР по снабжению флота, помощник управляющего Морским комиссариатом, представитель ведомства на уральских заводах, начальник адмиралтейства Севастопольского порта. С 1925 г. он занимал пост начальника хозяйственного отдела Кронштадтского порта. На рубеже 20—30-х годов И. И. Вахрамеев состоял в 10-й должностной категории, что соответствовало командиру бригады сухопутной армии, и работал в военно-морских учебных заведениях. Он участвовал в Великой Отечественной войне, а в 1949 г. вышел в отставку в звании полковника.

Вернемся к вопросу о составе ВМК в 1918 г. Приказом ВМК от 24 января М. В. Иванов выводится из состава коллегии и назначается председателем комиссии по ликвидации заграничных заказов морского ведомства¹⁰⁰, а 30 января 1918 г. решение флотского съезда было полностью пересмотрено правительством. Совнарком утвердил ВМК в составе П. Е. Дыбенко, И. И. Вахрамеева, Ф. Ф. Раскольников и С. Е. Сакса¹⁰¹. При этом за день до включения в состав ВМК специальным постановлением Совнаркома И. И. Вахрамеев был назначен товарищем народного комиссара по морским делам «без права решающего голоса на заседании СНК»¹⁰². По другим данным в ночь с 29 на 30 января В. И. Ленин «делает пометки “Утверждено”... на предложении П. Е. Дыбенко о назначении Ф. Ф. Раскольников и И. И. Вахрамеева товарищами наркома

⁹⁹ Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! С. 156.

¹⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 101. Приказ по флоту и морскому ведомству № 86.

¹⁰¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 91; РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 103. Приказ по флоту и морскому ведомству № 113 от 30 января 1918 г.

¹⁰² Постановление о назначении И.И. Вахрамеева товарищем народного комиссара по морским делам без права решающего голоса на заседании СНК. 29 января (11 февраля) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 589.

по морским делам»¹⁰³. Большевик С. Е. Сакс с 19 декабря 1917 г. занимал пост комиссара при Канцелярии Морского министерства¹⁰⁴. Из коллегии были исключены два избранных съездом беспартийных специалиста в адмиральских чинах, но включены «политики», члены РСДРП(б) И. И. Вахрамеев и С. Е. Сакс. 15 февраля было издано особое постановление Совнаркома об утверждении последнего членом ВМК¹⁰⁵.

Сергей Евгеньевич Сакс (1889–1938(?) после 1954(?)) был призван на флот в 1910 г., в декабре 1915 г. произведен в прапорщики по морской части, с 1917 г. — член РСДРП(б). Во время Гражданской войны был особоуполномоченным РВСР в Астрахани, командующим Астраханско-Каспийской флотилией. Правда, в качестве самостоятельного начальника С. Е. Сакс себя не проявил, в командовании флотилией его сменил Ф. Ф. Раскольников, а С. Е. Сакс стал членом РВС ряда фронтов и армий, комиссаром для особых поручений при управлении Наркомата по морским делам. После окончания войны демобилизовался и работал в Главном управлении водного транспорта, во второй половине 30-х годов служил начальником сектора объединения Союзторгоборудование. В 1932 г. он был исключен из партии. По одним сведениям, он был расстрелян в 1938 г., а по другим — находился в заключении с 1938 по 1946 г. и на поселении в Красноярском крае с 1949 по 1954 год.¹⁰⁶

В первые месяцы Советской власти, на волне расцвета «демократических» органов управления государственным аппаратом постоянно проходили всевозможные съезды, совещания, создавались советы служащих различных учреждений. ВМК, в свою очередь, издает несколько приказов, направленных на демократизацию флотских порядков. 18 декабря публикуется «Положение о выборном начале во флоте и морском ведомстве»¹⁰⁷, четыре дня спустя ликви-

¹⁰³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. С. 241.

¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 89. Приказ по флоту и морскому ведомству № 145.

¹⁰⁵ Постановление об утверждении С. Е. Сакса членом Коллегии Морского комиссариата. 15 февраля // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 589.

¹⁰⁶ Жертвы политического террора в СССР (URL: <http://lists.memo.ru/> (22.05.2010))

¹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 89. Приказ по флоту и морскому ведомству № 140.

дируется институт «матросов-ординарцев» (так назывались после Февральской революции бывшие денщики). Теперь для личных услуг офицерам полагались не военнослужащие, а вольнонаемные¹⁰⁸. 8 января издается приказ «О демократизации флота»¹⁰⁹.

Кроме ВМК на Первом съезде избирается Законодательный совет морского ведомства, который до 7 декабря 1917 г. успел провести не менее 10 заседаний¹¹⁰, а ко 2 января следующего года — 28 заседаний¹¹¹. В какой-то степени Законодательный совет стал преемником упраздненного Адмиралтейств-совета, существовавшего в Морском министерстве с 1827 г. и, в свою очередь, унаследовавшего часть функций Адмиралтейств-коллегии, однако Законодательный совет претендовал на значительно большие полномочия. Дело в том, что Адмиралтейств-совет представлял собой, по словам видного кораблестроителя и крупного флотского деятеля А. Н. Крылова, «по идее весьма важное учреждение, призванное к руководству флотом, а на деле последовательно сведенное если не на—нет, то к решению мелких хозяйственных дел»¹¹², тогда как Законодательный совет претендовал примерно на то же положение по отношению к Всероссийскому флотскому съезду, которое занимал ВЦИК по отношению к Съезду Советов.

Заметим, что в конце 1917 г. вокруг Адмиралтейств-совета возник шум, непропорционально громкий реальному влиянию этого органа на дела в дореволюционное время. Можно предположить, что сам факт наличия совещательного органа в морском ведомстве, да еще и называвшегося «советом», породил у революционеров мысль о каком-нибудь «адмиральском парламенте», который следовало немедленно ликвидировать и поставить на его место революционный орган. Усиливало это чувство то обстоятельство, что формально до 1905 г. Адмиралтейств-совет был равен по своим полномочиям Государственному совету в делах, касавшихся флота. После реформы высших государственных учреждений в конце 1905 — начале 1906 гг. соответствующие коррективы долго не вносились в законодательство, поэтому у людей, мало знакомых с реальными механизмами

¹⁰⁸ Там же. Л. 90. Приказ по флоту и морскому ведомству № 156.

¹⁰⁹ Там же. Л. 95 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 11.

¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 159. Л. 72.

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 194. Л. 4—5.

¹¹² Крылов А. Н. Мои воспоминания. М., 1963. С. 135.

принятия решений в морском ведомстве и могло возникнуть превратное представление о роли Адмиралтейств-совета.

Что касается дальнейшей судьбы Адмиралтейств-совета, то 23 ноября был издан декрет СНК об его упразднении. В декрете говорилось о том, что все права Адмиралтейств-совета «как верховного органа по делам флота и Морского ведомства, переходят к Морской секции Центрального Исполнительного Комитета, избираемой Всероссийскими съездами военного флота»¹¹³. В декрете содержалось обещание издать особое положение о Морской секции ВЦИК. Документ был подписан В. И. Лениным, Ф. Ф. Раскольниковым (как комиссаром МГШ), В. Д. Бонч-Бруевичем (как управляющим делами СНК) и секретарем СНК Н. П. Горбуновым. 28 ноября вышел приказ «О несчитании действующими постановлений Адмиралтейств-совета, состоявшихся после 25 октября 1917 г.», а 29 ноября был издан приказ по флоту и морскому ведомству об упразднении данного органа¹¹⁴.

11 декабря 1917 г. ЗСМВ принял во втором чтении «Общее положение о выборном начале во флоте и морском ведомстве», с той поправкой, что кают-компания упраздняется и заменяется читальней «на началах общедоступности»¹¹⁵.

8 января 1918 г. Законодательный совет принимает «Положение о демократизации флота», которое отличалось очень решительными формулировками¹¹⁶. Фактически в нем речь шла об автономном положении флотов по отношению к высшему руководству страны. Так, в примечании к § 51 «Положения» говорилось, что «все распоряжения центральных органов, как морского ведомства, так и общегосударственных, а также постановления каких бы то ни было комитетов... подлежат исполнению во флоте или флотилии моря только в случае подтверждения их Центральным комитетом моря»¹¹⁷. Эта формулировка была признана В. И. Лениным «неточной или покоящейся

¹¹³ Декрет об упразднении Адмиралтейств-Совета. 23 ноября (6 декабря) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 130–131.

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 82–82 об. Приказы по флоту и морскому ведомству № 46 от 28 ноября и № 53 от 29 ноября.

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 159. Л. 76.

¹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 95 об. — Объявлено приказом по флоту и морскому ведомству № 11 от 8 января 1918 г.

¹¹⁷ Там же.

на недоразумении, так как по буквальному смыслу получается отрицание верховенства общегосударственной Советской власти», однако Совнарком не отменил нелепый параграф. Принять простое решение о корректировке «Положения о демократизации» было, казалось бы, тем легче, что в тот же день, когда В. И. Ленин написал цитируемый проект постановления об отмене примечания к § 51 «Положения», Совнарком принимает постановление «О порядке подчинения флотов Балтийского и Черного морей», которым вводилось непосредственное подчинение флотов и флотилий Верховной морской коллегии. Однако вместо этого, Совнарком поручил П. П. Прошьяну и А. В. Луначарскому «составить мотивированное обращение Совета Народных Комиссаров к законодательному органу флота с разъяснением точки зрения Совета Народных Комиссаров»¹¹⁸. Правительство не решилось отдать распоряжение руководству флота об изменении положения, хотя бы основанного на недоразумении и ошибочной формулировке. Этот случай свидетельствует о том, что выборные органы руководства флотом в конце 1917 — начале 1918 гг. не только претендовали на особое положение в государственной машине, но и добились его.

Как руководящие органы флота, так и рядовые моряки могли рассчитывать на очень предупредительное отношение со стороны правительства. В декабре 1917 г. моряки-украинцы, служившие на Балтике, потребовали перевода их на Черноморский флот. От их имени действовала Центральная украинская рада Балтийского флота (ЦУР БФ), представителем которой был Табуренский. 23 декабря СНК дал им ответ, что перевод может состояться без ущерба боеспособности Балтийского флота, с согласия моряков Черноморского флота и по решению специальной смешанной комиссии. На заседании Совнаркома первоначально было решено дать указание Морской коллегии ответить морякам-украинцам, так как именно к ней формально обращались моряки. Как выяснилось, во время заседания представители ЦУР БФ осаждали приемную СНК. К ним был выслан А. В. Луначарский, чтобы объяснить позицию правительства, однако моряки потребовали письменного ответа, который и был им вручен¹¹⁹.

¹¹⁸ Ленин В. И. Проект постановления СНК по вопросу о порядке подчинения флотов Балтийского и Черного морей // ПСС. Т. 54. С. 386–387; 693.

¹¹⁹ Ответ морякам-украинцам Балтийского флота. 23 декабря (5 января) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 289–290.

Естественно, что если даже правительство разговаривало с Законодательным советом настолько почтительно, то сам ЗСМВ пытался «не давать спуску» и высшим руководителям своего ведомства. Так, 12 января 1918 г. выяснилось, что П. Е. Дыбенко не согласен с рядом пунктов положения о Законодательном совете (которое было разработано самим Законодательным советом), хотя Законодательный совет был «фактически признан флотами, в частности Центробалтом»¹²⁰ и к тому же претендовал на то, чтобы быть «Морской секцией ВЦИК»¹²¹. На другой день Законодательный совет постановил «Затребовать от Товарища Дыбенко уже положенные резолюции СНК и Комиссариатов Юстиции и Военного, и предложить СНК утвердить без изменений своим протоколом “Положение о Законодательном Совете Морского Ведомства”, и опубликовать через декрет, в противном случае Законодательный Совет Морского Ведомства будет апеллировать ко всему Флоту Российской Республики на недопустимые и ни на чем не основанные промедления со стороны СНК в таких серьезных вопросах, и по утверждении “Положения о Законодательном Совете Морского Ведомства” Флотами считать его обязательным для себя, и не считаясь с мнением СНК продолжать начатую работу»¹²². Под этим ультиматумом стоят подписи председателя ЗСМВ большевика матроса-телеграфиста В. Ф. Полухина, секретарей С. Е. Сакса и Платонова.

Конфликт между П. Е. Дыбенко и ЗСМВ, видимо, быстро разрешился. Уже 17 января 1918 г. совет заслушал доклад П. Е. Дыбенко о необходимости реорганизации Верховной морской коллегии «вследствие ее нежизнеспособности и неправильной конструкции»¹²³, постановив:

1. Морское министерство впредь именовать Морским комиссариатом (приказ об этом был издан 22 февраля 1918 г.¹²⁴);

¹²⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 159. Л. 8.

¹²¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 134–135.

¹²² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 159. Л. 8–8 об.

¹²³ Там же. Л. 37.

¹²⁴ Там же. Л. 107. Приказ по флоту и морскому ведомству № 165 от 22/9 февраля 1918 г.

2. Верховную морскую коллегия переименовать в Коллегию Морского комиссариата «с функциями административно-исполнительными»;

3. В состав ВМК должен был войти комиссар по морским делам, очевидно назначенный Совнаркомом, и три «лица» избранных от ЗСМВ;

4. При ВМК должен был состоять заведующий хозяйственной частью Морского наркомата и заведующий оперативной и строевой частью, который совмещал свою должность с должностью начальника МГШ. Первый из них приравнивался по оплате к бывшему второму помощнику морского министра «впредь до выработки норм оплаты труда на финансовой комиссии»;

5. Нарком по морским делам «входит полноправным членом в Законодательный совет морского ведомства и служит лицом, информирующим о деятельности Законодательного совета в СНК»;

6. Делопроизводство ВМК должно было вести общее делопроизводство Канцелярии Морского комиссариата;

7. Должности управляющего Морским министерством и его помощника подлежали упразднению;

В состав ВМК были избраны Солтыков, Буданов и Рыбьяков¹²⁵.

Тогда же было принято решение распустить «Политический отдел» и назначить «строжайшее расследование над лицами, занимавшими посты в нем». Проведение в жизнь решений Законодательного совета возлагалось на членов ЗСМВ Волошина и Тихомирова¹²⁶. Еще с декабря 1917 г. Военно-политический отдел был переименован в Управление политической частью Морского министерства, однако, как часто бывало в то время, старые и новые названия употреблялись параллельно. При этом переименовании было установлено, что управление должно состоять непосредственно при Верховной морской коллегии. В состав политуправления должны были войти Первое отделение «являющееся руководящим и объединяющим органом всех политических организаций флота и морских команд»¹²⁷, начальник его являлся одновременно и начальником политуправления. Второе отделение должно было

¹²⁵ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 159. Л. 37.

¹²⁶ Там же. Л. 36.

¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.

«соответствовать иностранной части»¹²⁸. Из формулировки приказа неясно, иностранной части какого учреждения должно было соответствовать Второе отделение Управления политической частью Морского министерства. Возможно, речь шла о соответствии 2-му отделению МГШ, и в таком случае это подразделение должно было бы вести политическую разведку?

Недовольство ЗСМВ вызвало то, что Политотдел «далеко не соответствует (так в оригинале. — *К. Н.*) тому назначению, какое положено в основу его фундамента Первым Всероссийским общифлотским съездом»¹²⁹. Судя по всему, ЗСМВ не устраивало единоначалие в отделе, установленное И. И. Вахрамеевым. Вместо Политотдела предлагалось создать Политическую коллегия в составе семи человек «на платформе, принятой для Политической коллегии на первом всероссийском общифлотском съезде», при ней предполагалось создать Военный отдел из трех человек.

Политическая физиономия Военно-политического отдела была неоднозначной. На пасху 1918 г. (5 мая по новому стилю) комиссар Канцелярии Морского министерства большевик С. Е. Сакс получил поздравление от Московского отряда Военно-политического отдела за подписями пяти членов отдела: «Гражданин Сакс, поздравляем Вас с высоко-торжественным праздником Светлого Христова Воскресенья и желаем великих успехов в наших обще-демократических делах». С. Е. Сакс ответил: «Шлю товарищам Московского отряда Военного отдела привет и верю, что при непосредственном участии Российской демократии в деле нового строительства, наше сотрудничество на благо трудового народа завершится вечным миром всего мира и благополучием трудящихся»¹³⁰.

Деятельность Законодательного совета закончилась внезапно, 30 января 1918 г. после издания приказа по флоту и морскому ведомству о его роспуске¹³¹. Обычно это событие связывают с Декретом об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ). В декрете говорилось о создании флота на тех же организационных

¹²⁸ Там же. Л. 4–5 об.

¹²⁹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 159. Л. 36.

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 194. Л. 29.

¹³¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 102 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 103 от 30 января 1918 г.

принципах, что и РККА. Между тем в делопроизводственной переписке весны и даже лета 1918 г. время от времени упоминается Законодательный совет. Не исключено, что на местах не очень хорошо представляли изменения в центральном аппарате управления ведомством и считали упраздненный орган действующим.

На Первом всероссийском флотском съезде было принято решение о создании Верховной морской следственной комиссии (ВМСК), после чего П. Е. Дыбенко «сделал распоряжение» комиссии принять дела Главного военно-морского судного управления (ГВМСУ) и Главного военно-морского суда (ГВМСУД), а ВМК предоставила комиссии кредит бывшего ГВМСУ¹³². ГВМСУД был расформирован 2 декабря 1917 г.¹³³ В состав ВМСК входили матросы Н. Куценко (впоследствии председатель), С. Медведев, С. Настюшенко В. Захаров и Т. Рвачев¹³⁴, тринадцать следователей и «подсобный персонал». ВМСК стала преемницей «Особой морской следственной комиссии по расследованию злоупотреблений в морском ведомстве»¹³⁵, созданной еще после Февральской революции.

Морское ведомство превратилось в настоящее государство с законодательной (Законодательный совет), исполнительной (ВМК) и судебной властью (ВМСК). Разумеется, вопрос о границах полномочий этих органов, а также о степени их подчиненности высшим государственным учреждениям Советской России оставался в значительной мере открытым. Сам П. Е. Дыбенко, видимо, был склонен считать себя главой совершенно самостоятельного ведомства, мало чем связанного с центральной властью. Более того, Совнарком оказывался, по сути, должником военно-морского флота, сыгравшего такую важную роль в вооруженном восстании в Петрограде и в установлении Советской власти на местах.

Своеобразие момента заключалось в том, что уже сформированные органы создавали инструкции и положения сами для себя. Что касается Верховной морской следственной комиссии, то она выработала такое положение и в начале 1918 г. направила его на отзыв

¹³² РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 258. Л. 13–15.

¹³³ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 448.

¹³⁴ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 258. Л. 13–15. — Т. Рвачев выбыл из состава ВМСК до 5 апреля 1918 г. (РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 258. Л. 7).

¹³⁵ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 258. Л. 9.

наркому юстиции И. З. Штейнбергу (названному в сопроводительной записке «Штембергом»). Это положение делало ВМСК высшим чрезвычайным следственным органом в морском ведомстве: она могла начинать следствие и отстранять всех должностных лиц морского ведомства от исполнения обязанностей до суда¹³⁶.

Какие же полномочия предоставлялись ВМСК «Положением о Верховно-морской следственной комиссии», принятому СНК 4 марта 1918 г.¹³⁷? Согласно этому положению, ВМСК являлась высшим следственным органом морского ведомства, действующим «в пределах своей компетенции вполне самостоятельно». Члены ее избираются Всероссийским съездом военного флота и отвечают перед ним. Следователи ВМСК назначаются ВМК по представлению ВМСК и «по согласованию с комитетом служащих при комиссии». Смету ВМСК утверждает СНК. Комиссия получила право производить расследование не только по обращению, но и по собственной инициативе, отстранять всех должностных лиц морского ведомства от исполнения обязанностей до суда, требовать любые необходимые ей сведения, она могла привлекать к ответственности как чинов морского ведомства, так и гражданских лиц, причинивших ведомству ущерб, арестовывать всех подозреваемых. Она получила право законодательной инициативы в судебной области («впредь до организации судебных учреждений и установления органов, ведающих судебной частью по морскому ведомству»). Жалобы на своих следователей должна была рассматривать сама Комиссия, она же принимала и окончательное решение по жалобе. Жаловаться на Комиссию в целом можно было в Революционный трибунал ВЦИК. Руководствоваться Комиссия должна была декретами Советского правительства и неотмененными старыми законами (причем в Положении имеются прямые ссылки на статьи дореволюционного «Устава уголовного судопроизводства»)¹³⁸.

Вместе с В. И. Лениным Положение подписали наркомы: И. З. Штейнберг (юстиции), А. В. Луначарский (просвещения)

¹³⁶ Там же. Л. 13–15.

¹³⁷ Положение о Верховно-морской следственной комиссии. 4 марта // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 573–576.

¹³⁸ Там же.

и В. Е. Трутовский (местного самоуправления), а также председатель ВМСК Н. Куценко и за секретаря С. Настюшенко. Интересно, что среди трех подписавших Положение наркомов двое — И. З. Штейнберг и В. Е. Трутовский — были левыми эсерами. Перед эвакуацией комиссии из Петрограда в марте 1918 г. с остальными правительственными учреждениями, И. З. Штейнберг сообщил ее членам устно, что Совнарком утвердил положение о ВМСК, и оно вскоре будет опубликовано. Подробностей дела члены комиссии так и не узнали, а положение опубликовано не было — оно увидело свет только в 1957 г. в сборнике «Декреты Советской власти». Вместе с тем надо иметь в виду, что по меньшей мере два члена комиссии — Н. Куценко и С. Настюшенко видели это Положение, раз под ним стоят их подписи. Таким образом, ВМСК получила огромные права, став на бумаге полномочным и практически никому не подотчетным судебным органом. Несомненно, в широком объеме ее полномочий была заложена опасность конфликта с другими органами управления морским ведомством. Перед отъездом из Петрограда в Москву председатель ВМСК Н. Куценко и член комиссии С. Настюшенко побывали у наркома юстиции, поставив перед ним вопрос об упразднении комиссии, но И. З. Штейнберг предложил им продолжать работу¹³⁹. После переезда высших и центральных учреждений в Москву, в Петрограде остался В. Захаров с тремя следователями¹⁴⁰.

5 апреля 1918 г. ВМК отправила на отзыв в Наркомюст проект реорганизации Верховной морской следственной комиссии¹⁴¹, и в середине апреля было принято решение о ее ликвидации¹⁴², что явствует из резолюции Ф. Ф. Ракольникова на обращении членов комиссии к наркому по военным и морским делам Л. Д. Троцкому¹⁴³. Дела комиссии передавались в Юридический отдел канцелярии НКМД¹⁴⁴. Члены ВМСК полагали, что она может быть ликвидирована только «верховой властью», ответственность несет только перед

¹³⁹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 258. Л. 10 об. — 11 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 10 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 7.

¹⁴² Там же. Л. 8.

¹⁴³ Там же. Л. 9.

¹⁴⁴ Там же. Л. 16 об.

судом¹⁴⁵ и негодовали на решение Л. Д. Троцкого. Собственно говоря, члены комиссии были правы, их протест опирался на Положение, принятое 4 марта Совнаркомом, однако ситуация настолько изменилась, что голос членов Комиссии не был услышан. К 25 мая 1918 г. ВМСК была расформирована и началась сдача ее дел¹⁴⁶. Удивительно, как быстро канул в Лету этот судебный орган. Уже 7 мая 1918 г. на заседании ВМК был поднят вопрос о том, что это за орган — Верховная морская следственная комиссия¹⁴⁷? В связи с этим Канцелярии НКМД было поручено начать поиск дел ВМК. Впрочем, вопрос о следственной комиссии недолго занимал ВМК. Судя по всему, ее дела так и не были разысканы.

Новые люди, пришедшие в руководство флотом, довольно быстро перенимали традиции учреждений, в которые они пришли работать. Рядовым матросам, ставшим комиссарами, флотский патриотизм был присущ в не меньшей мере, чем бывшим офицерам. Одной из таких бюрократических традиций было соперничество с Министерством финансов и Государственным контролем из-за права распоряжаться материальными средствами и контролировать их движение. 26 марта 1918 г. Морской отдел Центрального контроля (бывший Департамент военной и морской отчетности Государственного контроля) обратился в Главное управление кораблестроения с извещением о назначении своего представителя в образованное при ГУК Совецание по ликвидации заводов морского ведомства. Помощник комиссара ГУК Рогов наложил резолюцию на извещение (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «По словесному заявлению Верховной Морской Коллегии никаких ревизоров и контролеров Департамента не признавать по ихнему действию как раньше, а особенно обращено внимание на Петровску верфь, а потому мы больше никаких контролеву как Департамент не признавать, кроме контроля на местах»¹⁴⁸. Тем не менее, 5 апреля в приказе по флоту и морскому ведомству было объявлено временное положение о Государственном контроле, принятое коллегией этого ведомства 8 марта¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Там же. Л. 11 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 21; Д. 184. Л. 869.

¹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 35.

¹⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 242. Л. 5.

¹⁴⁹ Там же. Л. 21.

ВМК издала приказ «Об организации правильной постановки архивного дела во флоте в целях всестороннего собирания материалов истекшей войны и современной революции, являющихся историческими материалами важнейшей исторической ценности» 14 января 1918 г.¹⁵⁰ Отталкиваясь от этого приказа, управляющий Архивом Морского министерства бывший капитан второго ранга А. И. Лебедев подал доклад с предложениями по расширению штата архива. Дело в том, что штат 1917 г. не соответствовал возросшим задачам, стоящим перед Архивом, несмотря на увеличение численности архивных работников в октябре 1916 г., поскольку объем работы вырос минимум в 10 раз по сравнению с довоенным временем. Архив получает «сотни пудов» неразобранных и неподшитых документов. «Великое историческое значение событий, переживаемых родиной в настоящее время, на изучении коих будут воспитываться все будущие поколения русского народа, заставляют Центральный Архив Флота и Морского ведомства принять немедленно меры к тому, чтобы ценнейшее достояние народа — исторические материалы для изучения его революционного творчества были собраны и сохранены с наивозможной полнотой»¹⁵¹. А. И. Лебедев предлагал новую структуру архива, который должен был подразделяться на отделы: Исторический, Текущий (принимает документы с флотов, от учреждений в Петрограде и от местных архивных отделений), Военно-морской для собирания материалов войны 1914—1917 гг. и революции, Управление архивной частью и местные отделения в портах¹⁵².

15 марта 1918 г. ВМК утвердила временное Положение и временные штаты Центрального архива в соответствии с предложениями А. И. Лебедева¹⁵³. 21 марта Канцелярия Морского министерства указала ВМК, что при утверждении временных штатов архива был нарушен принятый порядок. Следовало сначала направить новые штаты на рассмотрение Наркоматов финансов и государственного контроля, а затем — в Особый комитет по сокращению государственных расходов при ВСНХ, созданный Совнаркомом декретом

¹⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 213. Л. 1. Приказ по флоту и морскому ведомству № 35 от 14 января 1918 г.

¹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 213. Л. 1 об.

¹⁵² Там же. Л. 2.

¹⁵³ Там же. Л. 14.

от 16 февраля¹⁵⁴. Окончательно временное положение, временный штат и временное штатное расписание архива были утверждены только 28 апреля 1918 г.¹⁵⁵

* *
*

Существенным организационным новшеством, появившимся в революционную эпоху, стало введение института комиссаров. Появление комиссаров в учреждениях морского ведомства и в вооруженных силах вообще не было изобретением большевиков. Комиссары назначались еще Временным правительством, и если раньше преобладала функция информирования центральной власти о положении на местах или в учреждениях, то после Октября их роль существенно изменилась. «Главная цель создания нового института военных комиссаров в условиях революции была выражена в передовой статье “Бюллетеня Бюро военных комиссаров” № 1 за 23 декабря 1917 г., т.е. когда комиссары воинских частей и учреждений перешли в ведение Наркомвоена и Бюро изменило свое название. В статье, в частности, говорилось: Комиссары “должны были явиться на свои посты и вопреки желанию и воле командиров, начальников или руководителей тех или иных учреждений, опираясь на массы, действуя в контакте с солдатами, рабочими или служащими, препятствовать всяким контрреволюционным попыткам и проводить постановления революционной власти”»¹⁵⁶.

«Временное положение о комиссарах Морского комиссариата» было опубликовано 30 января 1918 г.¹⁵⁷ за подписями комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко и членов Коллегии Ф. Ф. Раскольникова и С. Е. Сакса. Согласно этому Положению, комиссары назначались Коллегией наркомата «из числа опытных и сведущих в морском деле лиц», они получали от Коллегии инструкции и отвечали перед ней. Все доклады начальнику управления должны были

¹⁵⁴ Декрет об учреждении Особого комитета по сокращению государственных расходов. 16 февраля // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 483–484.

¹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 213. Л. 27.

¹⁵⁶ Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 15.

¹⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 467. Л. 61–62 об.; РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 103. Приказ по флоту и морскому ведомству № 114.

делаться в присутствии комиссара, он просматривал и подписывал все исходящие бумаги, согласовывал командировки сотрудников. Пункт 5-й определял, что «Комиссар имеет право предотвращать контрреволюционные попытки, откуда бы они ни исходили, мерами по своему усмотрению». Комиссарам давалось право представлять служащих своего управления к увольнению, назначать ревизии, издавать циркуляры. В помощь комиссарам учреждений могли назначаться помощники. Комиссар по Управлению санитарной частью флота был членом Коллегии морского санитарного совета, которая входила в Совет врачебных коллегий¹⁵⁸, неточно названный в приказе «Врачебно-санитарной коллегией совета Российской республики». Комиссар по Управлению портов входил в число членов Портовой коллегии. Спустя три недели «Временное положение...» было дополнено пунктом 9, согласно которому все управления были обя-заны давать справки по запросу комиссаров¹⁵⁹.

В мемуарах офицеров-эмигрантов, как правило, содержится негативная характеристика комиссаров из числа матросов¹⁶⁰. В современной околоисторической публицистике распространен тезис о всевластии комиссаров и третировании ими бывших офицеров¹⁶¹. Делопроизводственные документы рисуют несколько иную картину взаимоотношений комиссаров с офицерами и чиновниками. Вот несколько примеров столкновений комиссаров с начальниками учреждений.

Комиссар канцелярии Наркомата по морским делам Волошин 3 июня 1918 г. подал рапорт об увольнении со службы. В рапорте Волошин писал, что он полагал первоначально, что работа комиссара будет вестись в соответствии с положением о комиссарах, объявленным в приказе по флоту и морскому ведомству № 114. Комиссар МГШ Ф. Ф. Раскольников, весной—летом 1918 г. фактически являвшийся главным комиссаром морского ведомства,

¹⁵⁸ Образован за 6 дней до этого декретом СНК (Декрет о Совете врачебных коллегий. 24 января (6 февраля) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 403—404.)

¹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 157. Л. 107 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 168 от 21/8 февраля 1918 г.

¹⁶⁰ См., например: *Вилькицкий Б. А.* Когда, как и кому я служил под большевиками.

¹⁶¹ См., например: *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства.

не только не встал на сторону Волошина, но наложил краткую резолюцию: «Уволить»¹⁶².

18 июня 1918 г. комиссар Управления морской авиации и воздухоплавания А. П. Онуфриев описывал в рапорте такую историю. 14 июня в МГШ был вызван по телефону начальник УМА Н. Ф. Чернов, но, поскольку он отсутствовал, поехали заместитель начальника УМА Н. А. Тучков, начальник хозяйственной части Н. Т. Федотов и сам А. П. Онуфриев. Начальник Организационно-тактического отдела МГШ Л. Е. Гончаров заявил прибывшим, что вопрос «чисто технический, а не политический — и присутствие комиссара не нужно. Сказано это было тоном враждебности и презрения, не как ко мне как к отдельной личности, а в целом к представителям Советской власти»¹⁶³. А. П. Онуфриев справился в Канцелярии, не было ли нового положения о комиссарах, так как он пробыл некоторое время в Петрограде и мог быть не в курсе последних новостей. Узнал, что нового положения о комиссарах не было, вернулся и потребовал объяснений. Л. Е. Гончаров вынес копию протокола заседания Морской коллегии от 2 мая 1918 г., «которая не может служить руководством ни для начальников отдельных управлений, ни для комиссаров при них»¹⁶⁴. А. П. Онуфриев писал: «Эта пощечина была нанесена павшим товарищам за освобождение трудящихся масс и всем, кто, невзирая на все невзгоды, защищает и укрепляет власть Советов. В этом ясно было видно, как враги народа, враги Советской власти и скрывающиеся под разными личинами контрреволюционеры, пользуясь затруднительностью положения Народной власти, подняли головы и с нескрываемым злорадством ждут момента падения существующего строя... Я пустил вслед уходящему Гончарову “Сволочи” и пригрозил всем арестом»¹⁶⁵.

В тот же день, 18 июня, было начато расследование инцидента. Н. А. Тучков сообщил, что они были вызваны на Коллегию НКМД в связи с обсуждением вопроса об авиабригаде особого назначения в Самаре. Л. Е. Гончаров в коридоре, действительно, попросил войти только Н. А. Тучкова. Бывшие офицеры ушли в один из кабинетов

¹⁶² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 277. Л. 1.

¹⁶³ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 194. Л. 299.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. Л. 299–299 об.

МГШ, а комиссар остался в коридоре¹⁶⁶. Таким образом, все описанное А. П. Онуфриевым оказалось правдой. Однако Л. Е. Гончаров, известный специалист по торпедному оружию, защитивший 28 января 1918 г. в Морской академии диссертацию на тему «Исследование вопроса о вероятности попадания при минных стрельбах по площадям»¹⁶⁷, спокойно продолжал службу в МГШ до 1919 г., после чего был переведен в Морскую академию, занимал там пост начальника факультета военно-морского оружия¹⁶⁸, в июне 1940 г. стал вице-адмиралом. Правда, тридцать лет спустя его репрессировали, и в 1948 г. адмирал попал в тюрьму, но по обвинению, никак не связанному с событиями Гражданской войны. Н. А. Тучков занимал пост начальника Организационного отдела УМА, вероятно, до января 1919 г. Несмотря на явную неправоту бывших офицеров по отношению к комиссару, с ними ничего трагического не случилось.

Упомянутый А. П. Онуфриевым протокол заседания Коллегии НКМД от 2 мая 1918 г. был связан с рассмотрением высшим руководством морского ведомства вопроса о стычке между начальником ГМХУ Седовым и комиссаром этого управления Бучинским¹⁶⁹. Коллегия пришла к выводу, что необходимо разработать подробное Положение, инструкцию и штат комиссаров центральных учреждений морского ведомства, в дополнение к приказу № 114 от 1917 г. В качестве основного содержания такого Положения было предложено следующее: комиссары контролируют работу начальников в политическом отношении, но не по специальности; начальники управлений являются ответственными руководителями; в случае несогласия с начальником учреждения комиссар докладывает коллегии, а в исключительных случаях приостанавливает исполнение распоряжения начальника, но под свою полную ответственность за возможные последствия.

Вслед за матросскими и солдатскими комитетами осенью 1917 г. в изобилии появились выборные организации чиновников. Поначалу новое руководство морского ведомства относилось к ним весьма положительно, а ЗСМВ тщательно наблюдал за соблюдением прав

¹⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 301–301 об.

¹⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 163. Л. 24.

¹⁶⁸ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-ое мая 1928 года. Л., 1928. С. 67–68.

¹⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 300.

различных выборных органов. Например, 7 декабря 1917 г. ЗСМВ опротестовал решение ВМК о назначении начальником Канцелярии Морского министерства А. Ю. Юрисона, тогда как, по мнению членов Совета, следовало назначить А. П. Яблонского, выбранного служащими канцелярии¹⁷⁰.

Комитет служащих Канцелярии Морского министерства отличался большой активностью. Его деятельностью руководил Исполнительный комитет во главе с председателем Н. И. Солтычевым и секретарем И. Н. Максимовым. Исполком канцелярии Морского министерства избирал на должности служащих, и в конце ноября 1917 г. помощником начальника канцелярии был избран А. П. Яблонский¹⁷¹. Вскоре он стал товарищем председателя Исполкома¹⁷². Исполком занимался вопросами распределения пайков, перевода должностей чиновников из одного класса в другой, заменой негодных пишущих машин¹⁷³, словом, выполнял функции руководителя подразделения. 19 февраля 1918 г. самим Исполкомом было утверждено «Положение об Исполнительном комитете Канцелярии Морского министерства». Согласно «Положению» выборы в Исполком проводились по куриям, в частности, существовала курия делопроизводителей (от нее полагалось избирать трех представителей), курия чинов регистратуры, курия переписчиц и курия сторожей (по два представителя от каждой). В Исполком не мог быть избран управляющий канцелярией и служащие, проработавшие в учреждении менее полугода. Исполком имел право накладывать взыскания — предостережение, порицание, представление к увольнению¹⁷⁴. Как можно видеть, даже в таком бюрократическом органе, как Канцелярия Морского министерства, революция создала весьма дееспособный выборный орган, активно влиявший на деятельность учреждения. Эвакуация учреждений Морского министерства в Москву в апреле 1918 г. нанесла деятельности выборных органов сильный удар, поскольку часть сотрудников была уволена по сокращению штатов¹⁷⁵.

¹⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 159. Л. 72.

¹⁷¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

¹⁷² Там же. Л. 9.

¹⁷³ Там же. Л. 18–19 об.; 20–23¹.

¹⁷⁴ Там же. Л. 31–35 об.

¹⁷⁵ Там же. Л. 40–40 об.

Последнее, 27-е заседание Исполкома служащих Канцелярии приходится на 20 августа 1918 г.¹⁷⁶

Не отставали от Канцелярии Морского министерства и служащие ГУЛИСО. 21 декабря 1917 г. на общем собрании служащих ГУЛИСО было принято Положение о местном комитете этого учреждения¹⁷⁷. Согласно Положению местный комитет имел право отзывать кандидатуры служащих, намеченных к перемещению на другое место службы, назначать отпуска и т. д. В комитет должны были избираться на 4 месяца с правом переизбрания по 2 представителя от каждой категории служащих.

Отдельные категории служащих морского ведомства проводили всероссийские съезды. Так, инженеры и техники морской строительной части к январю 1918 г. успели провести уже три съезда, причем на последнем вынесли предложение о преобразовании Морской строительной части в Главное управление портового строительства (ГУПС) и разработали проект Положения о нем, проект штатов и т. д.¹⁷⁸ В работе съездов принимали активное участие главный инспектор Морской строительной части инженер-полковник А. Л. Дубов, назначенный на эту должность ВМК еще 17 ноября 1917 г., председатель союза инженеров и техников МСЧ инженер Шаверовский и комиссар УМСЧ М. С. Заблоцкий. Штаты ГУПС, Положение о ГУПС и устав союза инженеров и техников морского ведомства были в целом одобрены Верховной морской коллегией, но в первых числах марта «в связи с предполагающейся эвакуацией Учреждений Морского Комиссариата и полной реорганизацией» было решено «временно приостановить» проведение в жизнь данных документов¹⁷⁹. Временная приостановка обернулась, как это часто бывает, тем, что положения разработанных документов вообще не были проведены в жизнь в связи с изменившимся отношением к выборным органам в вооруженных силах.

Летом 1918 г. отношение к комитетам служащих начинает меняться. К 23 августа 1918 г. относится протокол заседания комиссии о преобразовании исполнительных комитетов служащих при Центральном

¹⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 154. Л. 59 об.

¹⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 123-124 об.

¹⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 210. Л. 1-7 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 15, 23, 24.

управлениях НКМД под председательством В. М. Альтфатера¹⁸⁰. Еще в июне 1918 г. ГУК предложил Коллегии по морским делам пересмотреть положения об исполнительных комитетах служащих, существующих в некоторых из центральных учреждений комиссариата. Коллегия постановила образовать для этого особую комиссию. Комиссар ГМХУ Н. Ф. Измайлов обратился к заместителю наркома с предложением немедленно упразднить эти комитеты, поскольку они бесполезны, а защиту служащие могут найти у комиссара и профсоюза. В общем, позиция руководства ведомством, причем как специалистов, так и комиссаров, сводилась к следующему: «Комитеты служащих не предусмотрены никакими установлениями, роль их должна быть сведена к чисто хозяйственно-контрольной. Передать доклад с этим заключением в специальную комиссию»¹⁸¹.

На заседании созданной комиссии комиссар МГШ Рогов заявил, что упразднение исполкомов служащих повлечет за собой упразднение судовых комитетов, что недопустимо. Остальные члены комиссии пришли к выводу о необходимости преобразовать исполкомы служащих в хозяйственные комиссии. При голосовании все члены комиссии, кроме двоих, высказались за преобразование исполкомов служащих в хозяйственно-просветительские коллективы. Интересно отметить, что голосование в комиссии проходило по трем куриям: комиссары подразделений, начальники подразделений, представители исполкомов служащих. Решено было создать подкомиссию для разработки положения о коллективах, предложение разрабатывать такое положение по учреждениям не прошло. В подкомиссию вошли: комиссар МГШ С. П. Лукашевич и комиссар ГГУ Ф. С. Аверичкин, председатель центрального исполкома служащих морского ведомства А. П. Яблонский, начальник Организационного отдела ГУЛИСО А. А. Кондратьев и начальник Главного управления портостроительства А. Л. Дубов.

На своем заседании 26 августа 1918 г. подкомиссия не встретила никаких затруднений в реорганизации исполкомов служащих¹⁸². 24 сентября был издан приказ по флоту и морскому ведомству № 670¹⁸³. В соответствии с этим приказом местные комитеты служащих

¹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 108–110.

¹⁸¹ Там же. Л. 108–108 об.

¹⁸² Там же. Л. 111–111 об.

¹⁸³ Там же. Л. 104–107.

упразднялись, а вместо них создавались коллективы служащих. 9 октября того же года на общем собрании месткома служащих морского ведомства его председатель А. В. Соколов огласил приказ, который было решено принять без прений¹⁸⁴.

Вполне согласуется с тенденцией к сворачиванию деятельности выборных органов и прекращение регулярных съездов Балтийского флота. Последний из них, пятый, прошел в конце июля 1918 г.¹⁸⁵ Эпоха выборных учреждений постепенно уходила в прошлое. Этот процесс был характерен не только для морского ведомства или для вооруженных сил в целом, а вообще для всей системы власти в Советской России.

* *
*

Одной из важных проблем, стоявших перед новой властью, было привлечение на службу старых специалистов. В морском ведомстве, пожалуй, ключевой фигурой в этом смысле стал контр-адмирал В. М. Альтфатер (1883—1919). Он участвовал в русско-японской войне, с 1912 г. стал сотрудником МГШ, причем сразу же на важнейшем посту начальника 1-го оперативного отдела штаба, планировавшего операции на Балтийском море. В. М. Альтфатер сменил в этой должности другого известного моряка — А. В. Колчака. Во время Первой мировой войны Василий Михайлович побывал на нескольких высоких штабных постах и в итоге оказался начальником Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта. В октябре 1917 г., еще от Временного правительства, получил чин контр-адмирала¹⁸⁶. После расформирования ВМУ фронтов (в соответствии с декретом СНК 15 января 1918 г. «О подчинении Верховной морской коллегии флотов Балтийского и Черного морей...») он возвратился в МГШ на должность начальника Оперативного отдела, будучи одновременно заместителем начальника штаба Е. А. Беренса. В качестве

¹⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 455. Л. 154—154 об.

¹⁸⁵ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Сост. В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. М., 1988. С. 57.

¹⁸⁶ Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 188. — В. М. Альтфатер был произведен в контр-адмирал с 10 октября 1917 г., производство утверждено правительством 21 октября.

эксперта В. М. Альтфатер участвовал в мирных переговорах с немцами в Брест-Литовске¹⁸⁷. Там он написал, обращаясь к главе советской делегации А. А. Иоффе: «Я служил до сих пор только потому, что считал необходимым быть полезным России там, где могу, и так, как могу. Но я не знал вас и не верил вам. Я и теперь еще многого не понимаю в вашей политике, но я убедился... что вы любите Россию больше многих из наших. И теперь я пришел сказать вам, что я ваш»¹⁸⁸. После возобновления германского наступления, В. М. Альтфатер докладывал о военном положении на заседании СНК 20 февраля, причем его профессионально сделанный доклад, видимо, произвел хорошее впечатление на фоне сообщения Н. В. Крыленко¹⁸⁹. 9 марта 1918 г. СНК принимает решение о создании комиссии военных специалистов в составе Ю. Н. Данилова, А. И. Андогского и В. М. Альтфатера «для представления по возможности не позднее 15 марта... плана организации военного центра для реорганизации армии и для создания мощной вооруженной силы на началах социалистической милиции и всеобщего вооружения рабочих и крестьян»¹⁹⁰. Правда, по мнению М. А. Молодцыгина, план создания милиционной армии был дипломатическим камуфляжем с целью убедить руководство Германии в том, что Россия не сможет создать серьезные вооруженные силы в ближайшем будущем¹⁹¹. Однако это соображение не умаляет того факта, что Василий Михайлович — единственный представитель флота в этой тройке. Кроме того, только В. М. Альтфатер сохранил верность Советской власти, а оба его сотоварища по комиссии вскоре перешли на сторону белых. Это обстоятельство впоследствии должно было еще выше поднять авторитет Василия Михайловича в глазах руководителей Советской России.

¹⁸⁷ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов. С. 59; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. С. 153.

¹⁸⁸ *Дайнес В. О.* Альтфатер Василий Михайлович // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 118.

¹⁸⁹ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов. С. 66–67.

¹⁹⁰ Постановление о создании комиссии военных специалистов для выработки плана образования военного центра для реорганизации армии. 9 марта // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 577.

¹⁹¹ *Молодцыгин М. А.* Красная Армия: Рождение и становление. С. 82.

На заседании СНК 20 февраля 1918 г. был избран Временный исполнительный комитет СНК (иначе называвшийся Советом пяти народных комиссаров) для поддержания непрерывности работы правительства. В него вошли большевики В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, левые эсеры П. П. Прошьян и В. А. Карелин. В тот же день было решено отстранить от своих постов Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойского, причем из пяти членов Временного исполкома СНК на заседании присутствовали только трое: В. И. Ленин, И. В. Сталин и В. А. Карелин¹⁹². Через пять дней, как указывает М. А. Молодцыгин, «13 марта 1918 г. Совнарком (видимо, “Совет пяти”) принял решение, имевшее немалое значение в истории военного строительства. Оно было опубликовано в “Известиях ВЦИК” за 14 марта. Данным постановлением член Высшего военного совета К. И. Шутко по его просьбе освобождался от занимаемой должности, на которую назначался Л. Д. Троцкий (с одновременным исполнением обязанностей Председателя этого Совета). Н. И. Подвойский, “согласно его ходатайству” был освобожден от должности народного комиссара по военным делам — таковым назначался Троцкий, освобожденный с поста наркома по иностранным делам. Должность Верховного главнокомандующего “согласно предложению, сделанному товарищем Крыленко”, Совнаркомом была упразднена»¹⁹³. Другими словами, отставка Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойского потеряла вид наказания, превратившись в обычную перестановку руководящих кадров. Официально Л. Д. Троцкий сменил на посту наркома по морским делам П. Е. Дыбенко 6 апреля¹⁹⁴, однако фактически последний был отстранен от должности и отдан под суд за поражение под Нарвой еще 15 марта¹⁹⁵. Суд оправдал П. Е. Дыбенко, но он больше не вернулся к руководству морским ведомством. Видимо, знакомство В. М. Альтфатера с Л. Д. Троцким во время Брестских переговоров переросло в эффективное сотрудничество, когда Л. Д. Троцкий возглавил военное и морское ведомства.

Во время переезда Совнаркома в Москву туда же отправляется и В. М. Альтфатер. В новую столицу он приезжает до 20 марта 1918 г. Это свидетельствует о том, что В. М. Альтфатер входил в ближайшее

¹⁹² Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 82.

¹⁹³ Там же. С. 85.

¹⁹⁴ Васецкий Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992. С. 107.

¹⁹⁵ Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 89.

окружение Л. Д. Троцкого, ведь большинство центральных учреждений морского ведомства оставалось в Петрограде и выехало в Москву позже (в середине–второй половине мая). Не исключено, что В. М. Альтфатер участвовал в совещании «верховой военной коллегии» 18 марта, на котором было принято решение «“покончить с дилетантизмом”, внедрять в армию новейшие достижения военной техники и военного искусства, строжайшую дисциплину. Комплектование армии предполагалось “на добровольческих началах, но лицо, принятое на военную службу, должно подчиняться всем военным законам”». По версии М. А. Молодцыгина, в совещании принимали участие, кроме Л. Д. Троцкого, бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, Н. И. Подвойский, член Всероссийской коллегии по организации Красной Армии В. А. Трифонов, а также «не исключалось участие ряда старых военных специалистов из аппарата В[ысшего] В[оенного] С[овета], и представителей Московского военного округа»¹⁹⁶. 12 апреля по предложению Я. М. Свердлова СНК назначает В. М. Альтфатера членом коллегии Наркомата по морским делам¹⁹⁷. 14 мая 1918 г. представители флота В. М. Альтфатер и Е. А. Беренс были введены в состав Высшего военного совета.

Ф. Ф. Раскольников отмечал энергичность В. М. Альтфатера, который был старше его на 10 лет, и описывал его таким, каким увидел летом 1918 г.: «с крупными синими глазами и подстриженной, как у Николая II, бородой, прыгая через ступеньки, [В. М. Альтфатер] быстро и энергично взбежал по широкой лестнице генштаба, так что я, отставая и запыхаясь, едва поспевал за ним»¹⁹⁸.

Василий Михайлович обладал способностью устанавливать деловые контакты с самыми разными людьми. Кстати, уже в ноябре 1920 г. на одном из совещаний Ф. Ф. Раскольников, тогда командовавший Балтийским флотом, заявил, что наркомом по морским делам должен быть «политик гибкий, вроде Альтфатера»¹⁹⁹. 15 октября 1918 г. В. М. Альтфатер был назначен на пост командующего всеми морскими, озерными и речными силами Республики и члена Реввоенсовета, который и занимал до своей смерти. Высокий авторитет и прочное

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 377, 381.

¹⁹⁸ Раскольников Ф. Ф. Гибель Черноморского флота // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 350.

¹⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 152.

положение Василия Михайловича после Октябрьской революции особенно примечательно, если учесть его происхождение. Отец В. М. Альтфатера, Михаил Егорович, был генералом от артиллерии, членом Государственного совета, в 1899—1904 гг. занимал пост товарища генерал-фельдцейхмейстера. Генерал-фельдцейхмейстером был престарелый и неэнергичный великий князь Михаил Николаевич, поэтому М. Е. Альтфатер фактически возглавлял русскую артиллерию перед русско-японской войной²⁰⁰. Тесть Василия Михайловича, генерал-лейтенант К. Н. Дессино, был личным представителем императора Николая II, как верховного главнокомандующего, в Англии.

В. М. Альтфатер умер от инфаркта в пасхальную ночь 20 апреля 1919 г. Л. Д. Троцкий отправил в МГШ телеграмму: «Выражаю всем работникам МГШ и всем вообще военным морякам Красного флота искреннее соболезнование по поводу неожиданной кончины Альтфатера. Возрождающийся Красный флот имел неумолимого, компетентного, энергичного и честного работника. Его утрата для нас крайне тяжка. Память о нем будет жить в летописи флота. Предреввоенсовета Троцкий». На установку памятника на могиле В. М. Альтфатера Совнарком отпустил в сентябре 1920 г. 2,5 млн руб., а сам памятник был изготовлен известным скульптором С. Д. Меркуровым²⁰¹.

Не со всеми старыми специалистами новая власть наладила контакт так же успешно, как с В. М. Альтфатером. По-другому сложилась судьба А. М. Щастного (1881—1918). Как и В. М. Альтфатер, он участвовал в русско-японской войне, затем продолжал службу, став специалистом в области радиотелеграфного дела. Большею частью он служил в строю, только весной 1917 г. оказался в штабе Балтийского флота в должности флаг-капитана по распорядительной части. В январе 1918 г. он, будучи капитаном 1 ранга, возглавил Оперативную часть штаба, став в период коллегиального руководства флотом фактическим командующим. Когда 17 апреля 1918 г. было официально отменено коллективное руководство флотом и распущен Центро-

²⁰⁰ Военная энциклопедия. СПб.: Товарищество И. Д. Сыгина, 1911. Т. 2. С. 374—375.

²⁰¹ Краткие биографические справки: Альтфатер В. М. / Сост. Н. В. Манвелов // Российский императорский флот в Первой мировой войне (URL: <http://195.178.193.140/history/navy/biogra01htm#Altfather> (22.05.2010))

балт, А. М. Щастный стал командующим морскими силами Балтийского моря. Кстати говоря, «Временное положение об управлении Балтийским флотом», отменившее коллективное руководство, было подготовлено В. М. Альтфатером и принято Совнаркомом 8 апреля 1918 г.²⁰². Правда, существует несколько версий назначения А. М. Щастного командующим флотом. По одной из них, он был избран советом флагманов Балтийского моря, то есть органом, состоящим из высокопоставленных офицеров, 24 марта 1918 г. и лишь затем получил утверждение от центральной Советской власти²⁰³. Если стать на такую точку зрения, то А. М. Щастный не мог не выглядеть в глазах лидеров страны «адмиральским ставленником».

Алексей Михайлович возглавлял флот во время знаменитого Ледового перехода, но, приведя флот в Кронштадт и Петроград, Алексей Михайлович недолго остается во главе его. В конце мая его вызывают в Москву и уже 27 мая арестовывают там, чуть ли не в кабинете Л. Д. Троцкого. Комиссар флота Е. С. Блохин тогда же был отстранен от занимаемой должности, а А. М. Щастного предали суду и 22 июня расстреляли.

Исследователи отмечают неконкретность обвинения, сопряженную с крайне решительными требованиями осудить вчерашнего командующего флотом со стороны Л. Д. Троцкого, которые были поддержаны В. И. Лениным и Я. М. Свердловым²⁰⁴. Существует даже детективная версия, согласно которой А. М. Щастный был близок к разоблачению большевиков как германских агентов, собирающихся уничтожить Балтийский флот в угоду немцам, за что и был казнен²⁰⁵. Нам представляется ключевым обвинение А. М. Щастного в том, что он является фактическим лидером того движения, которое выразилось в вынесении резолюции матросов и офицеров Минной дивизии Балтийского флота 11 мая с требованием

²⁰² Дайнес В. О. Альтфатер Василий Михайлович // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 120.

²⁰³ Точкин Ф. В. К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 г. // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 439–440.

²⁰⁴ Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.

²⁰⁵ См., например: Звягинцев В. Е. Трибунал для флагманов. М., 2007.

распустить Петроградскую коммуну и вручить власть в городе «Морской Диктатуре Балтийского флота»²⁰⁶ и лично А. М. Щастному²⁰⁷. На следующий день на митинге в здании Морского корпуса лидеры Минной дивизии лейтенант Г. Н. Лисаневич и матрос Ф. У. Засимук смогли одержать верх над представителями властей Ф. Ф. Раскольниковым и А. В. Луначарским, добившись того, что матросы отказались выдавать своих вожаков суду. При этом А. М. Щастный отказался выполнить приказ Л. Д. Троцкого об аресте Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука, что стало ярким свидетельством неблагодарности командующего Балтийским флотом. Следует учитывать, что волнения в Минной дивизии были спровоцированы разглашением А. М. Щастным приказа МГШ о подготовке кораблей Балтийского флота к взрыву в случае захвата Петрограда немцами. Особенно настойчиво при этом муссировался тот факт, что правительство пообещало щедрое денежное вознаграждение матросам, которые должны будут подготовить корабли к взрыву²⁰⁸. Это обещание трактовалось как оскорбительное для моряков и свидетельствующее о наличии «немецкого золота» у большевиков. Однако такое обещание было более чем понятно в связи с требованием повысить жалование, которое выдвигали матросы весной—летом 1917 г., и на фоне острого интереса матросской массы к проблемам материального обеспечения в этот период. Примеры требований о повышении жалованья, о выдаче дополнительного обмундирования и т. п., выдвигавшихся в то время, многочисленны. Особых надежд на сознательность и организованность оставшихся на кораблях моряков правительство справедливо не питало. Правда, существовало противоположное настроение — 19 декабря 1917 г. Верховная морская коллегия упразднила выдачу денежных наград²⁰⁹. Сделано это было по этическим соображениям, поскольку выдача наград деньгами считалась тогда унижительной для сознательного революционера.

²⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 109. Л. 41.

²⁰⁷ Точкин Ф. В. К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 г. // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 442.

²⁰⁸ Там же. С. 439–443.

²⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 157. Л. 89. Приказ по флоту и морскому ведомству № 145 от 19 декабря 1917 г.

Л. Д. Троцкий в обвинительной речи на процессе А. М. Щастного говорил: «Авангард заговора — офицерство минной дивизии — открыто выдвинуло лозунг “диктатура флота”»²¹⁰. Это обвинение имело под собой серьезную почву. Не говоря уже о лозунге «морской диктатуры Балтийского флота», прозвучавшем в мае 1918 г. в Петрограде, 1 мая 1918 г. в Баку была установлена «диктатура Центрокаспия» («диктатура Центрального комитета Каспийской военной флотилии и Временного исполнительного комитета Совета»), которая послужила переходным этапом от Советской власти к английской оккупации. Так что политические претензии флота не были пустым звуком. Нашли свое место в обвинениях против командующего Балтфлотом и сведения о его контактах с английским морским атташе в России Ф.-Н.-А. Кроми, который погиб 31 августа 1918 г. при штурме английского посольства чекистами после раскрытия «Заговора послов» в Петрограде. Достоверность обвинению придавало еще и то, что 30 мая был вынесен протест совета флагманов Балтийского флота против ареста А. М. Щастного. Высшее профессиональное руководство флота высказало позицию, шедшую вразрез с действиями Советской власти, но при этом совпадавшую с позицией части рядовых матросов, что делало эту демонстрацию еще опаснее. Назначенные на место Е. С. Блохина комиссарами Балтфлота И. П. Флеровский и С. Е. Сакс 3 июня просили Л. Д. Троцкого не наказывать своего предшественника, находя его «политически безвредным»²¹¹.

Еще 25 апреля Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны заявил о необходимости «во что бы то ни стало удержать форт Ино», требование о сдаче которого предъявили белые финны, поддержанные немцами. А. М. Щастный полностью одобрил это решение. Американский историк А. Рабинович оценивал события так: «Если в Петрограде советское руководство (не говоря уже о Щастном и его коллегах из командования Балтийского флота) было решительно настроено защищать форт Ино, даже ценой разрыва Брестского договора, в Москве Ленин и Троцкий смотрели на ситуацию по-другому [...] Учитывая, что формирование Красной армии находилось пока на очень ранней стадии, Ленин и Троцкий, по-видимому, понимали, что для продления хрупкого мира с Германией без новых

²¹⁰ Звягинцев В. Е. Трибунал для флагманов. М., 2007. С. 42.

²¹¹ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 109, Л. 25, 27.

уступок не обойтись. И их, скорее всего, совершенно не устраивало, чтобы ситуация, сложившаяся вокруг форта Ино, привела к возобновлению полномасштабной войны. Эта разница во взглядах руководства в Петрограде и Москве остро проявилась во время напряженных переговоров, состоявшихся между Щастным, Троцким и Высшим военным советом в Москве 25 апреля»²¹². Выступая на заседании проходившего в эти дни Третьего съезда Балтийского флота, А. М. Щастный призвал к возобновлению войны с Германией, что встретило полную поддержку делегатов²¹³. Таким образом, А. М. Щастный выступил уже на поле внешней политики, что было явным вмешательством в дела высшей власти.

25 мая 1918 г., за два дня до ареста А. М. Щастного, разразился мятеж Чехословацкого корпуса, который показал, что предпочтительнее избыток подозрительности в отношении вооруженных формирований внутри страны, чем ее недостаток. Уже 11 июня для борьбы с чехословаками была объявлена частичная мобилизация в Поволжье и на Урале²¹⁴. Нельзя не отметить и того, что расстрел А. М. Щастного произошел всего за две недели до убийства левыми эсерами германского посла В. Мирбаха и событий, вошедших в историю как левоэсеровский мятеж. Осуждение А. М. Щастного вызвало протест со стороны левых эсеров Янушкевича и Вердникова и их выход из состава Верховного революционного трибунала, что не могло не наводить на мысли о сочувствии опальному флотоводцу со стороны левых эсеров. Кроме того, по мнению М. А. Елизарова, «главной военной силой» левоэсеровского мятежа в Москве 6 июля 1918 г. «был матросский чекистский отряд во главе с Д. И. Поповым (бежавшим потом к Н. И. Махно)»²¹⁵. Когда 10 июля командующий Восточным фронтом левый эсер М. А. Муравьев поднял мятеж, он заявил о заключении перемирия с чехословаками и объявлении войны

²¹² Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской власти в Петрограде. М., 2007. С. 356. — См. также: Рабинович А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61–81.

²¹³ РГА ВМФ. Ф. р–96. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

²¹⁴ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918. С. 428–429.

²¹⁵ Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 г. и гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С. 26.

Германии. При этом личная охрана М. А. Муравьева состояла из матросов²¹⁶. Совпадение позиций А. М. Щастного и значительной части моряков-балтийцев с позицией левых эсеров по вопросу о возобновлении войны с Германией давало еще один повод для беспокойства. Таким образом, постфактум мятеж Чехословацкого корпуса, оппозиция среди моряков Балтийского флота и левоэсеровский мятеж выстраивались в логичную цепь мер, направленных на свержение Советской власти, причем моряки оказывались главной ударной силой многих таких предприятий.

Рассматривая роль и место экипажей Минной дивизии Балтийского флота в событиях весны 1918 г., надо отметить, что они вообще отличались более правыми настроениями, нежели экипажи линейных кораблей и береговых команд. Вот несколько свидетельств офицера флота Г. К. Графа. На Первом съезде Балтийского флота (25 мая — 15 июня 1917 г.) представители Кронштадта «требовали введения мер демократизации, самочинно проведенных ими в Кронштадте: уничтожения кают-компаний и передачи их в пользование матросам, уничтожения чинов и, наконец, уничтожения должности командующего флотом. Только благодаря представителям Минной дивизии, бригады крейсеров и влиянию самого командующего флотом (контр-адмирала Д. Н. Вердеревского. — *К. Н.*), удалось отклонить эти пожелания»²¹⁷. В январе 1918 г. «по инициативе команд Минной дивизии стали собираться митинги, на которых открыто говорилось о необходимости возвращения адмирала Развозова на пост командующего флотом... Лучше всех держалась Минная дивизия. Благодаря ей было собрано общее собрание представителей всех судовых команд и членов Центробалта, которое постановило просить адмирала Развозова вернуться»²¹⁸. Кстати, большевик Ф. Ф. Раскольников полностью солидаризовался с монархистом Г. К. Графом в оценке политического состояния Минной дивизии: «Наиболее отсталой считалась минная дивизия, где политическая работа велась крайне слабо, а немногочисленный личный состав

²¹⁶ См., например: *Варейкис И. М.* Убийство Муравьева // *Гвардейцы Октября: Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. 1915–1938: Сб. документов и материалов / Сост. В. А. Гончаров, А. И. Кокурин. М., 2009. С. 367–369.*

²¹⁷ *Граф Г. К.* На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. С. 323.

²¹⁸ Там же. С. 342.

находился под сугубым, можно сказать, исключительным влиянием офицерства»²¹⁹. После Ледового похода, по словам Г. К. Графа, «флот оказался вблизи от центра власти, под непосредственным влиянием и неусыпным наблюдением Смольного. Тем не менее на нем далеко не все было спокойно, в особенности на Минной дивизии. На многолюдных митингах, на которых выступали и офицеры, там стали раздаваться речи против власти комиссаров и призывы к открытому восстанию. Наряду с этим, готовился и план овладения Петроградом после переворота на флоте»²²⁰. И после расстрела А. М. Щастного «брожение на флоте и, главным образом — на миноносцах, продолжалось еще до начала июля. После целого ряда арестов среди офицеров и команд, а также бегства от почти неминуемого расстрела одного из главных инициаторов возмущений лейтенанта Г. Н. Лисаневича, флот окончательно замер, то есть стал только сборищем кораблей, без руководителей и личного состава»²²¹.

Таким образом, можно утверждать, что арест и расстрел А. М. Щастного представлял собой превентивную меру, направленную против нескольких вероятных и опасных для большевиков событий. Среди этих вероятных опасностей — организованное восстание моряков Балтийского флота во главе с остатками офицеров под антибольшевистскими лозунгами, такое же восстание, но во главе с левыми эсерами, либо какая-то комбинация из двух предыдущих вариантов. Возможно, что одной из причин переезда СНК в Москву 10–11 марта 1918 г. была определенная зависимость правительства от моряков Балтийского флота, которые считали себя главной революционной силой и претендовали на то, чтобы иметь определенное влияние на СНК. Ультиматум ЗСМВ от 12 января 1918 г. свидетельствует о наличии таких претензий. Еще более определенно это подтверждает поведение личного состава Минной

²¹⁹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. // Федор Раскольников. О времени и о себе. С. 139.

²²⁰ Граф Г. К. На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. С. 347.

²²¹ Там же. С. 348. — Вопрос о политических симпатиях моряков во время революции и Гражданской войны достаточно подробно разобран в диссертационном исследовании М. А. Елизарова (*Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.)*: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007).

дивизии Балтийского флота. О том, что Совнарком принял решение о переезде в Москву «в значительной степени под влиянием матросской опасности», пишет современный исследователь А. М. Елизаров²²².

На наш взгляд, в событиях вокруг расстрела А. М. Щастного проявился процесс перехода от «традиционного» типа вооруженных сил к «революционному». Объективно в условиях начинающейся Гражданской войны флот представлял собой крупную политическую силу, которая могла в определенной степени диктовать свою волю правительству, прямо или косвенно угрожая мятежом. Что бы ни думали о своем месте и своих действиях «старые» офицеры, они оказались в непривычной для себя роли лидеров части личного состава флота «революционного» типа, и именно так их воспринимали политические деятели. Для вооруженных сил «революционного» типа вполне естественно, что, как только возникло подозрение в неполной лояльности по отношению к такому популярному начальнику, как А. М. Щастный, его дни были сочтены. Возможно, что гибель «красного адмирала» была ускорена назревающим столкновением большевиков и левых эсеров. Кстати, борьба вокруг фигуры А. С. Максимова в июне 1917 г. была проявлением той же тенденции: Временное правительство было кровно заинтересовано в том, чтобы не дать популярному командующему флотом укрепить свои позиции среди матросов, ведь это могло обернуться выступлением флота против правительства. Правда, летом 1917 г. дело обошлось переводом А. С. Максимова на должность, не имеющую отношения к действующему флоту, тогда как летом 1918 г. А. М. Щастный в подобной ситуации поплатился жизнью.

* *
*
*

Кроме новых органов, созданных в ходе революции, в морском ведомстве, как и в других ведомствах, продолжали действовать старые органы управления. Важнейшим из них был Морской Генеральный штаб (МГШ). Его деятельность была связана не с политическими, а с оперативными и административными вопросами. Так, в декабре 1917 г. появился доклад Морского Генерального штаба (МГШ)

²²² Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте... С. 30.

«морскому министру»(!), в котором говорилось, что комиссия по демобилизации флота почти не работает, а ее члены загружены другими обязанностями. Все работы по демобилизации фактически «ложатся на мобилизационно-экономическое отделение МГШ в лице, собственно, его начальника, так как оба помощника его в морском деле совершенно неопытные, как экономисты по страхованию, заняты работой по своей специальности»²²³. «Комиссия по демобилизации не имеет ни штатов, ни делопроизводства, ни средств в своем распоряжении»²²⁴, — говорилось в докладе. Позже сотрудник МГШ В. В. Случевский²²⁵ писал: «В связи с ликвидацией мировой войны и демобилизацией б[ывшим] Генмором был разработан переход флота на мирное положение, причем судовой состав был подразделен по трем категориям: а) действующий флот, б) вооруженный резерв и в) суда, состоящие на долговременном хранении, с определением численности команд для первой группы в 75 % табели комплектации 1915—1916 гг., для второй — 25 % и для последней — 10 %. Эти основания демобилизации явились руководящими; в сентябре—октябре 1918 г. б[ывший] Генмор начал и лишь в следующем году закончил весьма обширную работу по пересмотру

²²³ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 420. Л. 1—1 об.

²²⁴ Там же.

²²⁵ В. Г. Кикнадзе и С. С. Войтиков, публикуя записку В. В. Случевского, пишут: «Личность автора очерка, к сожалению, установить не удалось: вероятнее всего, он либо проходил службу в оперативном управлении Штаба морских сил Республики, либо участвовал в работе комиссий по ликвидации морского ведомства в 1921 году» (Кикнадзе В. Г., Войтиков С. С. Органы управления отечественного Военно-морского флота в 1917—1921 гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 66.) На наш взгляд, восполнить этот пробел не составляет труда. Случевский Владимир Владимирович (1874 — после 1921). Окончил МК и произведен в чин мичмана (1893). Произведен в капитаны 1 ранга за отличию-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны (30 июля 1915 г.) На 25 июня 1921 г. занимал должность помощника начальника Исторической части, заведующего Историческим журналом ШМС (Список офицерских чинов русского императорского флота: Царствование императора Александра Третьего / Сост. В. Ю. Грибовский // Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/publ/omsa3.shtml> (24.09.2009); Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. Исправлено по 11 апреля. СПб., 1916. С. 127; Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1. С. 11; РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 815. Л. 117.)

табелей комплектации судов параллельно с группировкой судов по категориям»²²⁶.

Вопрос координации действий морского и сухопутного командования был поднят еще после русско-японской войны и продолжал волновать Морской Генеральный штаб в начале 1918 г. В марте в СНК был представлен доклад по МГШ о необходимости создания особого органа по координации деятельности военного и морского ведомств после упразднения поста Верховного Главнокомандующего. Было предложено создать коллегия НКМД (скорее, комиссию по военным и морским делам, подобную будущему РВСР) со следующими задачами:

1. «преподавание военному и морскому ведомству основных заданий по обороне государства;
2. преподавание ведомствам обороны руководящих указаний по реорганизации и воссозданию вооруженных сил страны (армии и флота);
3. объединение и координация оперативной деятельности армии и флота по отношению к поставленным им боевым задачам;
4. разрешение всех общих для военного и морского ведомств вопросов;
5. наблюдение за выполнением ведомствами обороны возложенных на них задач»²²⁷.

Предусматривалось, что новый орган будет состоять из председателя СНК, наркомов по военным и морским делам, начальника сухопутного Генерального штаба (или «технического руководителя Высшего военного совета») и его помощника по оперативной части, начальника Морского Генерального штаба и его помощника по оперативной части, комиссаров обоих генеральных штабов или членов Коллегий военного и морского комиссариатов, а также «сведущих лиц» с правом совещательного голоса²²⁸. Однако весной 1918 г. Совнарком не смог заняться данным вопросом в силу «крайнего переобременения делами»²²⁹. Нельзя сказать, что создание Высшего

²²⁶ Случевский В. В. Бывший] Морской генеральный штаб (б. Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси) // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 68.

²²⁷ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. Л. 1.

военного совета (ВВС) 17 марта 1918 г. решило задачу, поставленную сотрудниками МГШ, ведь ВВС руководил сухопутным ведомством и его полномочия не распространялись на флот.

Одним из традиционных направлений деятельности морского ведомства (как и любого другого) было расширение своей сферы полномочий. 15 января 1918 г. был издан декрет СНК «О подчинении Верховной морской коллегии флотов Балтийского и Черного морей; о передаче из Военного ведомства в морское Приморского фронта Свеаборгской крепости, Кронштадтской крепости, тыловой морской позиции Финского залива, Севастопольской крепости и Приморских батарей Черноморского побережья; о передаче в Военное ведомство сухопутного фронта крепости Петра Великого и о расформировании военно-морских штабов Северного и Румынского фронтов»²³⁰.

Этот декрет был издан на основании проекта, созданного не позднее 8 января 1918 г. Отличие декрета от проекта состояло в том, что в последнем предлагалось оставить верховному главнокомандующему право отдавать оперативные распоряжения непосредственно флотам. Декрет же предписывал отдавать распоряжения только через МГШ (пункт II). В проекте предлагалось сохранить для связи морские управления при штабах фронтов и армий, декрет упразднял их полностью (пункт VII). Прочие положения декрета совпадали с проектом. Предписывалось передать в морское ведомство крепости на Балтике (приморскую оборону Финского залива, приморский фронт крепости Свеаборг, Або-Аландскую укрепленную позицию, тыловую морскую позицию Финского залива, Кронштадтскую крепость с районом Бьорке), на Черном море (Севастополь, приморские батареи Батума, Керчи, Очакова и Одессы, «а равно и других мест побережья»), подчинить морскому ведомству сухопутные части, обороняющие острова. Предполагалось передать Военному ведомству

²³⁰ Декрет о подчинении Верховной морской коллегии флотов Балтийского и Черного морей; о передаче из Военного ведомства в Морское ведомство Приморского фронта Свеаборгской крепости, Кронштадтской крепости, тыловой морской позиции Финского залива, Севастопольской крепости и Приморских батарей Черноморского побережья; о передаче в Военное ведомство сухопутного фронта крепости Петра Великого и о расформировании военно-морских штабов Северного и Румынского фронтов 15 (28) января // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 361–363.

сухопутный фронт крепости Петра Великого (Ревель) и Свеаборга. При МГШ планировалось создать соответствующую комиссию²³¹. Уже 17 февраля 1918 г. декретом Совнаркома Кронштадтская крепость была передана морскому ведомству²³². На этом завершился очередной этап борьбы морского ведомства за приморские крепости, истоки которой лежат еще в XIX в. Флоты переходили в подчинение ВМК с 0 часов 4/17 февраля 1918 г. Об этом была разослана телеграмма за подписью наркома по морским делам П. Е. Дыбенко²³³. Система взаимодействия между армией и флотом, установившаяся во время Первой мировой войны, оказалась разрушена. Правда, пункт VIII декрета предусматривал создание особых «должностных лиц Военно-морского ведомства для связи армии с флотом» на военное время. ВМК поручалось определиться с числом этих должностей и их денежным содержанием. Это отбрасывало механизм взаимодействия армии и флота на уровень предложений, формулировавшихся еще до войны. Не исключено, что в таком радикальном варианте изъятия флота из подчинения сухопутным силам сказывалось возросшее влияние рядовых моряков, среди которых антагонизм по отношению к армии был весьма силен.

* *
*

Другим важным направлением деятельности морского ведомства была разведка и контрразведка. После Октябрьской революции разведка МГШ была упразднена «по настоянию бывшего тогда комиссаром Генмора Раскольников и по постановлению Морской коллегии»²³⁴. Это произошло в феврале 1918 г. из-за недоверия комиссара и морской коллегии к заграничным агентам и из-за того, что «разведка при изменившемся политическом и социальном строе не может выполнять своего назначения», как гласило постановление Морской коллегии. Ф. Ф. Раскольников провел тщательное обследование деятельности контрразведки и пришел к выводу, что она может еще принести пользу²³⁵.

²³¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–8.

²³² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 37 об.

²³³ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

²³⁴ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 3. Д. 2. Л. 11.

²³⁵ Там же. Л. 11–11 об.

После упразднения морской разведки МГШ передал всю свою заграничную агентуру Англии²³⁶. А. А. Зданович видит основную причину, определившую «проантантовскую, а точнее проанглийскую ориентацию» сотрудников морской разведки, в том, что «антибольшевицкий накал у флотских офицеров был значительно сильнее, чем в сухопутных частях. В отличие от армейских частей, где офицерский корпус на третьем году войны представляли в большинстве своем вчерашние студенты, учителя, инженеры, государственные служащие, на флоте доминировали кадровые офицеры — выходцы из дворянских семей, потомственные военные»²³⁷. Оценку политической ориентации флотского офицерства мы уже дали выше. Напомним лишь, что во время Гражданской войны, на службе в Красном флоте оказались 82 % офицеров морского ведомства, из которых около 60 % были кадровыми²³⁸. По сравнению с кадровым офицерством сухопутной армии кадровое офицерство флота, как ни парадоксально, оказалось на поверку значительно более «пробольшевистским». Вместе с тем внешнеполитические симпатии офицеров МГШ, его начальника Е. А. Беренса, были значительно сложнее, чем просто «проанглийскими». В период между русско-японской и Первой мировой войнами они были, скорее, прогерманскими²³⁹, а затем претерпели неоднозначную эволюцию.

13 марта 1918 г. приказом по МГШ № 28 за подписью начальника этого учреждения Е. А. Беренса была назначена комиссия для уничтожения документов в составе бывшего начальника Разведывательного отделения М. И. Дунин-Барковского, и его сотрудников М. М. Поггенполя, И. И. Шестакова и С. А. Чабовского. 15 марта документы были сожжены. После упразднения Разведывательного отделения МГШ его бывший начальник М. И. Дунин-Барковский стал начальником Иностранного отдела того же штаба.

Дальнейшая история военной разведки проходила уже в рамках новых организационных структур, созданных в Красной Армии. Инте-

²³⁶ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 2. Д. 102. Л. 14.

²³⁷ Зданович А. А. Организация и становление спецслужб... С. 15.

²³⁸ Назаренко К. Б. К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт–Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. 2007. Вып. 4. С. 105–117.

²³⁹ Назаренко К. Б. «Мозг» флота России: От Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 116–119.

ресно отметить, что три крупнейших руководителя и организатора морской разведки и контрразведки (Е. А. Беренс, Б. И. Доливо-Добровольский и М. И. Дунин-Барковский) перешли на сторону Советской власти, тогда как их бывшие подчиненные (В. А. Виноградов, Р. А. Окерлунд, А. И. Левицкий, А. М. Сыроболярский) участвовали в антисоветских организациях. Из рядовых сотрудников центральных разведывательных органов в РККФ остался, например, И. И. Шестаков, вернувшийся на флот в 1925 г. из запаса и преподававший штурманское дело в Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе.

В годы Гражданской войны действовала морская радиоразведка. Весной 1918 г. в связи с утратой почти всего побережья были расформированы районы службы связи Балтийского моря. 5 ноября 1918 г. возникло Регистрационное управление Полевого штаба РВСР, а 13 ноября в его составе появилось первое подразделение армейской радиоразведки. Тогда же были созданы четыре района службы связи Балтийского флота, но радиоперехватом занималась только радиостанция Новой Голландии²⁴⁰.

В отличие от морской разведки, морская контрразведка не была упразднена в начале 1918 г. Более того, 15 января 1918 г. ЗСМВ постановил отпустить Центробалту на ведение контрразведки 100 тыс. руб. на январь–февраль 1918 г.²⁴¹ В июне 1918 г. морская контрразведка состояла из начальника с двумя помощниками, на плечи которых ложилась работа по заведованию центральным бюро, канцелярией и агентурой. Кроме них в МРС работали три делопроизводителя, занимавшиеся перепиской и переводами с распространенных иностранных языков (английского, французского, немецкого, итальянского, а также с финского и некоторых скандинавских) архивом и картотекой, составлением сводок, химическими и фотографическими работами²⁴². В это время уже существовал Военный контроль (ВК) — новый орган контрразведки, созданный 30 мая 1918 г. в составе Оперативного отдела Наркомата по военным делам²⁴³, но говорить о дублировании функций МРС и ВК нельзя, ибо ВК являлся контрразведкой сухопутного ведомства.

²⁴⁰ Кикнадзе В. Г. Советская радиоразведка на море в годы гражданской войны в России // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 159–165.

²⁴¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 159. Л. 25.

²⁴² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–2.

²⁴³ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 108.

По поручению Совнаркома, данному Всероссийскому Главному штабу, 1 июля 1918 г. должна была собраться комиссия для разграничения деятельности органов разведки и контрразведки. Помощник начальника МГШ В. М. Альтфатер просил прибыть в Москву для участия в работе данной комиссии начальника Иностранного отдела МГШ М. И. Дунин-Барковского и начальника Статистического отделения этого отдела А. И. Левицкого²⁴⁴. Из Петрограда пришел ответ, что из-за решения Военно-морской коллегии о ликвидации разведки МГШ приедет один А. И. Левицкий. Однако начальник МГШ Е. А. Беренс телеграфировал, что речь в комиссии будет идти о принципиальном разграничении функций, поэтому присутствие М. И. Дунин-Барковского необходимо²⁴⁵.

Вопрос об объединении контрразведки армии и флота встал осенью 1918 г. Довольно неожиданным было то, что инициатива исходила от МГШ — обычно моряки очень болезненно относились к идее слияния органов военно-морского и сухопутного управлений. Интересно и то, что мотивировалась такая реорганизация необходимостью для контрразведки вести «политическую борьбу» в условиях гражданской войны, к чему старые, «чисто технические» специалисты были не готовы.²⁴⁶ Весьма вероятно, что появление такой идеи было связано с арестом целой группы сотрудников МРС, которые организовали в апреле—октябре 1918 г. антисоветскую подпольную организацию, тесно связанную с английской разведкой. А. А. Зданович подробно описывает разгром этой организации силами ВЧК. Бывший многолетний руководитель русской морской разведки М. И. Дунин-Барковский попал под суд по этому делу и был приговорен к заключению до окончания Гражданской войны²⁴⁷.

26 октября 1918 г. проект слияния морской и сухопутной контрразведки был отослан на заключение члену РВСР комиссару Полевого штаба РВСР С. И. Аралову, однако вскоре выяснилось, что в тот же день наркомвоенмор Л. Д. Троцкий утвердил положение о Военном контроле, подготовленное в сухопутном ведомстве. Оно как раз и объединяло военную и морскую контрразведки²⁴⁸. Согласно

²⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 101. Л. 3.

²⁴⁵ Там же. Л. 7.

²⁴⁶ Там же. Ф. р-342. Оп. 3. Д. 2. Л. 11-11об.

²⁴⁷ Зданович А. А. Организация и становление спецслужб российского. С. 16-17.

²⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 3. Д. 2. Л. 4-5.

новому положению, МРС сохранялась, но переходила в подчинение Отдела военного контроля (ОВК) Управления РВСР. МРС сохраняла право действовать в интересах флота и морского ведомства как в России, так и за границей. Заведующим ОВК Управления РВСР назначался М. Г. Тракман, а военным руководителем — бывший капитан Генерального штаба И. Д. Чинтулов. Вскоре М. Г. Тракмана сменил М. С. Кедров — начальник Особого отдела (ОО) ВЧК²⁴⁹.

Особая военно-морская контрразведка была упразднена в феврале 1919 г., ее органы были переданы в состав ВЧК. 19 февраля 1919 г. МГШ разработал проект приказа об упразднении Военно-морского контроля Балтийского флота и о передаче его функций Особому отделу при Петроградской ЧК²⁵⁰, а на другой день отдел Военного контроля был упразднен, его дела переданы ОО Петроградской ЧК²⁵¹.

* *
*

Характеризуя развитие структуры морского ведомства после Октября, нельзя пройти мимо такого явления, как борьба с параллелизмом управленческих структур различных ведомств. Казалось, что в условиях государственного регулирования экономики удастся вывести строительные, судостроительные, телеграфные, медико-санитарные, авиационные и другие подразделения из состава «посторонних» ведомств и включить их в «профильные» ведомства. В мае 1918 г. было принято решение о передаче радиотелеграфного дела из морского и военного ведомств в Наркомат почт и телеграфов²⁵². В качестве примера стремления к «разумной организации» и ликвидации параллелизма органов различных ведомств можно привести обсуждение вопроса о создании Авиационного министерства (наркомата), Комитета государственных сооружений, Медико-санитарного отдела водного транспорта Наркомздрава, Центрального статистического управления и др. С осени 1917 г. носились

²⁴⁹ *Зданович А. А.* Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 75–82.

²⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 473.

²⁵¹ Там же. Ф. р–342. Оп. 3. Д. 2. Л. 25.

²⁵² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 158. Л. 95 об.

слухи о слиянии всего военного и морского ведомства в единый орган. Другой причиной стремления к централизации «обще-экономической деятельности» было желание спасти военное и вообще государственное имущество от захвата немцами и их союзниками, представив его собственностью частных лиц или частных организаций²⁵³. Сказывалось общее представление о гипертрофированности военно-экономического сектора дореволюционной России и о том, что социал-демократы, придя к власти, все экономические силы на непосредственное увеличение народного благосостояния.

Процесс слияния параллельных структур затянулся. Обсуждение перспектив такого слияния продолжалось даже осенью 1918 — весной 1919 гг., когда самостоятельное существование мощного военного ведомства было уже прочно закреплено ходом событий. На рубеже 1918—1919 гг. разговор о передаче части функций военного и морского ведомств в гражданские стал практически бессмысленным и вопрос об объединении тех или иных структур продолжал быть актуальным только в части слияния военного и морского наркоматов между собой. Однако по инерции планы объединения продолжали составляться и в этот период.

24 января 1918 г. СНК направил наркому по морским делам П. Е. Дыбенко распоряжение о том, что все организации, имеющие отношение к хозяйственным вопросам, должны немедленно «войти в контакт с ВСНХ», а их преобразование без санкции ВСНХ не допускается. Вместе с тем отмечалось, что и ВСНХ не имеет права

²⁵³ Положения о захвате собственности во время военных действий в то время регулировались 4-й Гаагской конвенцией «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 года. Конвенция гласит: «Частная собственность не подлежит конфискации» (Ст. 46). «Армия, занимающая область, может завладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность Государства, складами оружия, перевозочными средствами, магазинами и запасами провианта и вообще всей движимой собственностью Государства, могущей служить для военных действий» (Ст. 53). «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих Государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений... воспрещаются и должны подлежать преследованию» (Ст. 56). (Юридическая Россия. Федеральный правовой портал (v.3.2. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1278849> (24.09.2009))

изменить организацию учреждений без согласования с наркоматом, в состав которого они входят²⁵⁴.

6 апреля 1918 г. в СНК были затребованы сведения о структуре каждого наркомата в 50 экземплярах. Сведения эти были необходимы для выявления параллельных структур²⁵⁵. В апреле 1918 г. в рамках борьбы с параллелизмом обсуждался вопрос о создании Комитета государственных сооружений (Комгосор, КГС) в составе ВСНХ, причем в состав нового органа управления должны были войти строительные подразделения наркоматов. В составе КГС предусматривались главное управление государственных сооружений в качестве исполнительного органа, технический и финансово-экономический советы, временный совет общественных работ и центральное управление по снабжению и оборудованию. Была задумана передача из Морского комиссариата в новый орган УМСЧ (кроме подразделений, отвечающих за строительство крепостей) и ГУК («в части, касающейся государственных сооружений»). Из других комиссариатов предполагалось передать в состав Комгосора все строительные подразделения, особенно значительные в составе Наркомата путей сообщения²⁵⁶. В декрете о создании Комгосора говорилось и о передаче ему (п. 7, подп. 11 декрета) Морской строительной части за исключением крепостных сооружений²⁵⁷. Весной 1918 г. была упразднена Морская строительная часть, но в составе морского ведомства остались инженеры-строители и строительные техники, поэтому Строительно-крепостной отдел ГУК 1 марта 1919 г. ходатайствовал перед МО РСФСР об образовании «корпуса инженеров-строителей и строительных техников морского ведомства»²⁵⁸. Специалистов этой категории в морском ведомстве было не так много: 27 генералов и офицеров, 16 инженеров и 29 техников, имевших ранг гражданских чиновников, всего 72 человека (на 10 апреля 1916 г.)²⁵⁹.

²⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 163. Л. 26.

²⁵⁵ Там же. Л. 85.

²⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 158. Л. 21–21 об.

²⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 194. Л. 119.

²⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 158. Л. 784–784 об.

²⁵⁹ Рассчитано по: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. Исправлено по 11 апреля. СПб., 1916.

Летом 1919 г. была упразднена Морская строительная часть, встал вопрос об учреждении при морском ведомстве инженерно-инспекторских должностей²⁶⁰, была разработана схема взаимодействия Строительного отдела Главного управления кораблестроения с соответствующими подразделениями Комитета государственных сооружений²⁶¹. Задачами Строительного отдела должно были стать строительство морских крепостей, строительство и текущий ремонт портовых сооружений (при стоимости работ, не превышающей известной суммы) и инспектирование новых работ, исполняемых для морского ведомства Комитетом государственных сооружений, наблюдение за такими работами «в отношении правильности и целесообразности выполнения программ морского ведомства».

6 февраля 1919 г. в морском ведомстве был получен из Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) проект приказа о передаче санитарной части армии и флота в Наркомздрав. Подобные планы возникали и раньше. Еще в декабре 1918 г. моряки получили аналогичный документ, на который МГШ высказал свои возражения в докладе 20 декабря того же года. На новое предложение ответ был дан 25 февраля 1919 г. МГШ не был против такой реорганизации, но требовал сохранения самостоятельности Управления санитарной частью флота (УСЧФ) в рамках Наркомздрава, специального указания на право МО РВСР давать директивы планируемому Военно-морскому санитарному отделу (ВМСО) Наркомздрава, как это оговорено по отношению РВСР к ГВСУ, привнесения порядка в издание постановлений и распоряжений по санитарной части, в назначение медико-санитарного персонала, а также учреждения особой комиссии для разработки положения о ВМСО²⁶². 28 ноября 1918 г. в морском ведомстве было получено Положение о медико-санитарном отделе водного транспорта Наркомата здравоохранения, в который был преобразован Медико-санитарный отдел Главвода²⁶³. В общем, на время Гражданской войны удалось объединить медико-санитарную часть военного и морского ведомств, а также гражданские медицинские учреждения под руководством Наркомата

²⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 184–185.

²⁶¹ См. Приложение 8.

²⁶² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 498–498 об.

²⁶³ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 453. Л. 5.

здравоохранения. Это был единственный пример успешного объединения подобного рода.

Как уже отмечалось, проблема поглощения части органов морского ведомства гражданскими структурами к 1919 г. потеряла актуальность. Вопрос же о полном или частичном слиянии морского и военного ведомств оставался не только острым, но и крайне болезненным для моряков. Доказательством тому служит история попыток объединить морскую и сухопутную авиацию и даже выделить всю авиацию в подчинение особого центрального органа.

В сентябре 1917 г. 1-й Авиационный съезд проголосовал за слияние морской и сухопутной авиации и создание Авиационного министерства²⁶⁴ и создал постоянно действующий представительный орган — Всероссийский совет авиации²⁶⁵. В это же время в МГШ работала комиссия по вопросу о возможности координации снабжения морской и сухопутной авиации (под председательством товарища морского министра С. А. Кукеля)²⁶⁶. После Октября был создан новый орган: Петроградское бюро комиссаров авиации и воздухоплавания, разместившееся в Смольном. В конце концов, оба органа объединились и 15 ноября 1917 г. овладели аппаратом Управления военно-воздушного флота Военного министерства (УВВФ, Увофлот). Вскоре во главе авиации оказалась Всероссийская коллегия УВВФ (ВК УВВФ)²⁶⁷. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что взятие под контроль новых властей аппарата Морского министерства и УВВФ происходило примерно одинаково и даже почти в один и тот же день. В состав ВК УВВФ вошел А. П. Онуфриев, комиссар Управления морской авиации (УМА), что, по мнению исследователей М. А. Хайрулина и В. И. Кондратьева, «означало фактическое слияние руководства УМА и Увофлота»²⁶⁸. На практике до действительного объединения сухопутной и морской авиации было еще далеко.

20 декабря 1917 г. появился приказ по армии и флоту № 4 об объединении Управления воздушного флота и Управления морской

²⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 44.

²⁶⁵ Хайрулин М. А, Кондратьев В. И. Военлеты погибшей империи. С. 8.

²⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 59.

²⁶⁷ Там же. С. 10–11.

²⁶⁸ Там же. С. 11.

авиации²⁶⁹. Он был подписан наркомками по военным делам Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойским и наркомом по морским делам П. Е. Дыбенко. В приказе объявлялась структура нового органа управления авиацией. Во главе его должна была стоять коллегия из представителей: наркомата по военным делам, наркомата по морским делам, ВЦИК, Центрального совета фабрично-заводских комитетов, ВЦСПС, Всероссийского съезда работников авиации и воздухоплавания, а также двое рабочих авиационных заводов. Коллегия назначала начальника управления, в случае разногласий с коллегией, начальник мог жаловаться в «Совет народных комиссаров по военноморским делам»²⁷⁰. В Морском комиссариате об этом приказе, однако, ничего так и не узнали²⁷¹.

В октябре—декабре 1917 г.²⁷² разработали проект декрета о создании Министерства воздушного флота Российской республики и проект Положения о министерстве²⁷³ «с основной задачей — применение авиации и воздухоплавания для культурных нужд страны»²⁷⁴. Кроме того, между 20 декабря 1917 г. и 2 мая 1918 г. состоялись коллегия Всероссийского воздушного флота, Первый всероссийский авиасъезд, авиасъезды Балтийского и Черного морей, которые высказались за слияние сухопутной и морской авиации²⁷⁵.

Законодательный совет морского ведомства 2 января 1918 г. принял решение о выделении Автомобильного отдела из состава Управления морской авиации и воздухоплавания. Утверждался штат нового отдела и положение о нем, а также штаты и положение о центральном автоскладе морского ведомства²⁷⁶. Это решение было принято, возможно, в связи с предполагаемым уходом УМА в «Авиационное министерство».

В связи с переездом руководящих органов морского ведомства в Москву встал вопрос о судьбе УМА. 25 апреля 1918 г. в МГШ

²⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 460. Л. 6.

²⁷⁰ Там же. Л. 31—31 об.

²⁷¹ Там же. Л. 17—17 об.

²⁷² Датировка документа «1917 г.», месяцы — по упоминанию «правительства Народных комиссаров». (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1455. Л. 1).

²⁷³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1455. Л. 1—33.

²⁷⁴ Там же. Л. 1.

²⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 460. Л. 6.

²⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

состоялось совещание с участием Л. Г. Гончарова 1-го и представителя морской авиации²⁷⁷. Итогом этого совещания стал доклад по МГШ от 14/27 апреля 1918 г. об объединении морской и сухопутной авиации. Главный вывод сводился к тому, что так как задачи вооруженных сил пока не определились, период переходный, необходимо оставить все как есть, не объединяя морскую и сухопутную авиацию²⁷⁸. Начальник УМА Н. Ф. Чернов считал, что морскому ведомству принципиально «необходимо удержать авиацию в своих руках»²⁷⁹. По итогам совещания был составлен доклад на имя Л. Д. Троцкого.

В Высший военный совет 2 мая 1918 г. поступила жалоба из Всероссийского комитета воздушного флота (ВКВФ) на Управление морской авиации, которое тормозит слияние морской и сухопутной авиации. Особенно активно против слияния выступал комиссар УМА А. П. Онуфриев. По словам жалобщиков, комиссары по морским делам прекратили начавшееся было слияние и приступили к разделению. 14 апреля 1918 г. совещание в МГШ приняло решение об отказе от слияния морской и сухопутной авиации. По мнению ВКВФ, было необходимо создание мощного авиационного ведомства, допустимо было при этом создать морское отделение в Отделе применения Управления воздушного флота. Также приемлемым признавалось оперативное подчинение авиации флотам на тех же условиях, что и фронтам. Военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич предлагал объединить только разработку приборов и аппаратов для морской и сухопутной авиации. Он полагал, что необходимо образовать во флоте Управление инспектора морской авиации, передав ему подготовку, организацию, заведование в техническом, хозяйственном, строевом отношении, по назначению личного состава по морской авиации. При этом оперативное руководство следовало передать флотам²⁸⁰. Изложенные факты свидетельствуют о том, что даже высшие руководители военно-сухопутного ведомства не были готовы активно бороться за поглощение морской авиации.

В начале мая 1918 г. появился проект приказа Л. Д. Троцкого об отмене всех мероприятий по слиянию морской и сухопутной авиации.

²⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 17–17 об.

²⁷⁸ Там же. Л. 4 об. 34–34 об. Доклад № 41.

²⁷⁹ Там же. Л. 17–17 об.

²⁸⁰ Там же. Л. 6–12; 43.

7 мая 1918 г. Высшая авиационная коллегия (она же — Всероссийская коллегия рабоче-крестьянского красного воздушного флота, ВАУ) потребовала от морского ведомства объяснений относительно данного проекта. Коллегия не видела оснований отмены приказа № 4 о слиянии авиации²⁸¹. В качестве ответной меры ВАУ решило обратиться за поддержкой непосредственно к гидроавиачастям²⁸². Несмотря на сопротивление ВАУ, 25 мая 1918 г. появился приказ Л. Д. Троцкого по армии и флоту №3 во изменение приказа № 4 Совета народных комиссаров по военным и морским делам от 20 декабря 1917 г., который на основании доклада МГШ №41 от 14/27 апреля оставлял УМА в полном подчинении НКМД и одновременно создавал Постоянную междуведомственную комиссию морского и военного ведомства для координации деятельности авиации²⁸³.

Общественное мнение в 1918 г. было невозможно изменить приказом. 20 июня 1918 г. организационная секция 2-го Всероссийского авиасъезда предложила объединить всю авиацию под началом Управления воздушным флотом, подчиненным военному ведомству. Делегаты от морской авиации высказались против, но решение было принято голосами делегатов сухопутной авиации, которых, естественно, было больше, личный состав сухопутной авиации значительно превышал личный состав морской²⁸⁴. Мнение авиасъезда было проигнорировано Л. Д. Троцким. Это событие, само по себе не слишком значительное, показывает, как эволюционировал механизм принятия решений в военных структурах с ноября 1917 по май 1918 г. Если осенью 1917 г. мнение выборного органа, даже не слишком взвешенное, нельзя было игнорировать, то к началу лета 1918 г. решения съезда личного состава уже не имели особого значения.

Моряки отблагодарили наркома по военным и морским делам за внимание к их нуждам. 26 октября 1918 г. ВЦИК сообщил в НКМД: «Президиум ВЦИК не возражает против присвоения школой морских летчиков из матросов наименования “Л. Д. Троцкого”». Такое решение Президиум ВЦИК принял на заседании 16 октября²⁸⁵. Это сообщение вызвало запрос Канцелярии Морского комиссариата

²⁸¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 460. Л. 17–17 об., 19.

²⁸² Там же. Л. 16.

²⁸³ Там же. Л. 15, 35

²⁸⁴ Там же. Л. 44.

²⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 497.

в УМА: какой именно школе присвоено имя председателя РВСР²⁸⁶? Дело в том, что в морском ведомстве в это время существовали Морская школа воздушного боя (бывшая Офицерская) и Петроградская школа морской авиации²⁸⁷. Имя Л. Д. Троцкого было присвоено новой авиационной школе, размещенной на Гутуевском острове, на базе бывшей Петроградской школы морской авиации, ранее переведенной в Нижний Новгород, а оттуда в Самару²⁸⁸. Новое военное учебное заведение открылось 11 ноября 1918 г.

11 октября 1918 г. состоялся приказ по МГШ о назначении комиссии для разработки предположений об организации Межведомственной комиссии «для объединения деятельности тех отделов УМА и УВФ, совместная работа которых желательна для пользы дела, о составе такой комиссии, ее компетенции и порядке деятельности»²⁸⁹. Председателем комиссии был назначен В. С. Вечеслов, представителями от ГУ РККВВФ — начальник Строевого отдела Н. А. Яцук и помощник начальника Отдела снабжения Я. А. Вилк, от УМА — начальник этого управления Н. Ф. Чернов (заместитель — его старший помощник по хозяйственной части Н. А. Тучков) и его старший помощник по строевой части Н. Т. Федотов, от Всероглаштаба — начальник Отделения по инженерной обороне государства Оперативного отдела Б. А. Левицкий, от МГШ — С. Л. Брусилов (заместитель А. С. Фадеев), делопроизводителем С. Е. Карский. 17 и 24 октября 1918 г. прошли заседания этой комиссии в помещении МГШ.

На заседании 17 октября Н. А. Яцук заявил, что в ГУ РККВВФ существует аналогичная комиссия под председательством бывшего генерал-майора Н. А. Сулеймана. Единственное возможное решение, по его мнению, — это слияние сухопутной и морской авиации. В. С. Вечеслов возразил, что о слиянии не может быть и речи в свете приказа Л. Д. Троцкого от 25 мая 1918 г. Н. Т. Федотов предположил, что совместная работа возможна в области снабжения, так как склад морской авиации сторел, а часть имущества эвакуирована неизвестно куда²⁹⁰. То есть речь идет о том, чтобы сухопутная авиация

²⁸⁶ Там же. Л. 499–499 об.

²⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 44.

²⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 751.

²⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 46. Приказ по МГШ №189 от 11 октября 1918 г.

²⁹⁰ Там же. Л. 68–69.

помогла со снабжением морской, но при этом морская сохранила бы свою организационную самостоятельность.

На следующем заседании (24 октября) представители МГШ предложили создать постоянную комиссию морского и военного ведомств для координации деятельности авиации так, чтобы в нее вошли начальники УМА и ГУ РККВВФ, их помощники по строевой и хозяйственной частям, по одному представителю от строевых частей морской и сухопутной авиации. Эта комиссия и должна была разъяснить все вопросы. Федотов заявил, что желательно выделить в постоянной комиссии две секции — научных опытов и снабжения. Н. А. Яцук считал, что, поскольку морская авиация в десять раз меньше сухопутной, она должна подчиниться ГУ РККВВФ, а в постоянной комиссии необходим политический представитель. По его мнению, все эти вопросы уже обсуждались в комиссии С. А. Кукеля еще до октября 1917 года²⁹¹.

Заседание по вопросу о слиянии морской и сухопутной авиации под председательством В. М. Альфатера в МГШ состоялось 4 января 1919 г. На нем присутствовали: главный комиссар морской авиации А. П. Онуфриев, начальник организационного отдела УМА Н. А. Тучков, Н. Ф. Федотов, от МГШ — В. В. Яковлев и А. С. Фадеев. Совещание решило, что было бы рационально присоединить технический и хозяйственный отделы УМА к ГУК, организационные, тактические и строевые функции по морской авиации возложить на МГШ, но, учитывая сложную обстановку, лучше пока ничего не предпринимать и оставить все как есть²⁹².

17 февраля 1919 г. МГШ выступил с инициативой создания Авиационного отделения при Морском отделе Полевого штаба РВСР. Целью была координация действий морских авиаотрядов, действовавших на сухопутном фронте. В этом направлении уже работала комиссия из представителей МГШ, УМА, Полевого управления авиации при Штабе РВСР и Всероссийского совета воздушного флота. Эта комиссия высказалась за создание «авиационной ячейки» при Морском отделе. МГШ и УМА выработали «Временное положение о морском авиационном отделе при МО ПШ РВСР»²⁹³.

²⁹¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 460. Л. 71–73.

²⁹² Там же Л. 84–84 об.

²⁹³ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 455–457. — Имеется проект «Временного положения о морском авиационном отделе при МО ШРВСР» (Там же. Л. 456 об. — 457.)

8 марта 1920 г. РВСР рассматривал вопрос о работе (под председательством К. Х. Данишевского) комиссии, которая решала проблему объединения морской и сухопутной авиации. Судя по тексту протокола РВСР, представители морского ведомства затягивали посылку своего представителя в эту комиссию, поэтому представителем морского ведомства в ней был назначен «без права замены себя» командующий всеми морскими силами Республики А. В. Немитц. Комиссии был дан окончательный срок до 12 марта для выработки решения. РВСР решил, что если представителям военного и морского ведомств удастся договориться, то вопрос о слиянии авиации будет считаться решенным без внесения его в РВСР. Утвердили и название нового руководящего органа для всей авиации — «Главное управление Красного Рабочее-Крестьянского Воздушного Флота»²⁹⁴.

По вопросу об объединении морской и сухопутной авиации РВСР 15 марта 1920 г. вновь слушали докладчика К. Х. Данишевского. Видимо, представителям ведомств в комиссии договориться не удалось. РВСР окончательно решил объединить морскую и сухопутную авиацию, однако морское ведомство получило «право представить свои поправки в комиссию К. Х. Данишевского о большей связи Морведа с Главным управлением Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота по вопросам обучения, комплектования кадровых отрядов, а равно и подчиненности начальникам действующих флотов и флотилий и Коморси»²⁹⁵. Вследствие этого постановления был издан приказ РВСР № 447/78 от 25 марта 1920 г., который предписывал объединить «все авиационное, воздухоплавательное и гидроавиационное дело Республики» в ГУ РККВФ. Тем же приказом расформировывалось УМА²⁹⁶.

20 декабря 1920 г. приказом главкома С. С. Каменева вводятся должности начальников воздушного флота: одного — для Балтийского моря, второго — для Черного и Азовского морей²⁹⁷.

Осенью 1921 г. коморси А. В. Немитц вновь поднял вопрос о сохранении гидроавиации в составе флота. Ответом на это стал рапорт начальника штаба Главного управления воздухофлота главкому от 22 октября 1921 г. о том, что вопрос о слиянии сухопутной

²⁹⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923. С. 50.

²⁹⁵ Там же. С. 55; РГА ВМФ. Ф. р–55. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

²⁹⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923. С. 57.

²⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 212 об.

авиации и гидроавиации в «Единый Воздухофлот» обсуждался на всех съездах Воздушного флота и решался положительно. Начальник ГУ РККВФ указывал, что в Англии обсуждался этот же вопрос и было принято решение о слиянии RNAS (Royal Navy Aviation Service) — морской авиации и RFC (Royal Flying Corps) — сухопутной авиации в единые Королевские воздушные силы (RAF, Royal Air Force)²⁹⁸.

На этом рапорте С. С. Каменев наложил резолюцию: «Сообщить Коморси резолюцию: вопрос этот считать законченным и не подлежащим новому рассмотрению»²⁹⁹. 4 ноября 1921 г. начальник 4-го отделения 1-го отдела Организационного управления Штаба РККА сообщил об этой резолюции А. В. Немитцу.

Вопрос о слиянии морской и сухопутной авиации поднимался не только у красных, но и у белых. 14 мая 1919 г. вице-адмирал А. М. Герасимов подал А. И. Деникину записку с предложениями об организации морской авиации ВСЮР. Белая морская авиация ВСЮР состояла тогда из четырех отрядов — Черноморского, Каспийского и состоящего из двух авиаотрядов Донского гидроавиационного. По мысли А. М. Герасимова, следовало иметь по два отряда на Каспийском и Черном морях (из них один — действующий, а другой — учебный). В составе отряда предполагалось иметь по 6 самолетов, в учебном отряде Черного моря — 9 самолетов. Следовало упростить штаты морской авиации и образовать Отдел морской авиации при Морском управлении ВСЮР³⁰⁰.

Надо полагать, что доклад начальника авиации ВСЮР генерал-майора И.И. Кравцевича главнокомандующему А. И. Деникину от 17 ноября 1919 г. был ответом на записку А. М. Герасимова. И. И. Кравцевич писал, что еще с 1915 г. стала ясна несостоятельность разделения сухопутной и морской авиации, «но ввиду покровительства обособлению флота от армии со стороны высоких лиц, обособлялась и авиация»³⁰¹. Следствием этого было то, что во флотскую авиацию шло много армейских офицеров, так как флотские офицеры якобы не хотели служить в авиации. Кроме того, из донесения Управления воздушного флота великому князю Александру Михайловичу за 1916 г. видно, что, хотя морская авиация в три раза меньше

²⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 211.

²⁹⁹ Там же. Л. 210.

³⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. р-332. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–6 об.

³⁰¹ Там же. Л. 5–5 об., 9.

по числу самолетов, чем сухопутная, обходится она в два раза дороже, «несмотря на то что вообще создание морского аэроплана стоит дешевле, чем сухопутного». Сам автор, который в июне 1917 г. являлся инспектором авиации Северного фронта и получил в подчинение несколько гидроавиаотрядов, по его словам, поразился, как все в морской авиации неорганизованно и запущенно. Тогда же с состоянием гидроавиации Балтийского флота ознакомился английский капитан Витет, который заявил, что дело там обстоит «непоправимо плохо» и англичане прекратили поставки морских аэропланов. «По сведениям, имевшимся в Управлении Великого Князя, с гидроавиацией Черного моря обстояло еще хуже». И. И. Кравцевич писал о том, что во всем мире созданы министерства авиации и в России следует сделать то же самое. На Юге необходимо оставить три морских авиаотряда, но не называть их по морям. Эти отряды должны быть подчинены инспектору морской авиации (на правах инспектора авиации армии), который, в свою очередь, будет подчинен начальнику авиации (начальнику Воздушных сил Юга России). Морские авиаотряды при этом останутся в оперативном подчинении флота. «Полагаю, что это предложение не встретит сочувствия в морских кругах, стремившихся к обособлению, но это сопротивление необходимо преодолеть для пользы дела. Если этого не сделать теперь, в будущем жизнь неизбежно приведет к такой организации. Планы морских летчиков об отдельных для трех гидроотрядов мастерских, заводах, школах неосуществимы и ничем не оправданы»³⁰², — заканчивал свою записку авиационный генерал.

Следует обратить внимание на единство подходов красного и белого командования сухопутной и морской авиацией к проблеме их слияния. И в красном, и в белом лагере начальники сухопутной авиации боролись за подчинение морской авиации себе, а представители морской сопротивлялись этому как могли и боролись за организационную независимость. Впрочем, для решения вопроса об организационных формах строительства авиации у белых не было времени. В советских же вооруженных силах вопрос был первоначально решен в пользу вливания морской авиации в сухопутную, но против образования особого «авиационного министерства». Отечественная военная авиация начала развиваться по оригинальному

³⁰² Там же.

организационному пути, аналога которому среди крупных европейских стран не было.

Завершая тему слияния параллельных органов различных ведомств, следует обратить внимание на создание Центропрома. Весной 1918 г. по предложению ВСНХ был создан Центропром. Смысл предложений ВСНХ состоял в том, чтобы спасти имущество морского ведомства в Петрограде и Кронштадте в случае их захвата немцами путем передачи имущества специальной организации — Морскому отделу Центропрома, который носил «частно-общественный правовой характер»³⁰³, формально являясь кооперативной организацией. В начале лета 1918 г. Центропром начал учет имущества. После поражения Германии в войне угроза захвата Петрограда немцами отпала, поэтому в начале октября 1918 г. из ВСНХ в МГШ было направлено на отзыв «Положение о Бюро учета имущества в военных портах и базах при ВСНХ» и инструкция для этого бюро. 11 октября МГШ направил свои соображения по данному вопросу в Коллегию НКМД. Теперь Морской отдел Центропрома подлежал слиянию с ВСНХ, а учет имущества мог продолжить непосредственно НКМД. МГШ считал недопустимым передачу права учета имущества кому-либо вообще, и предлагал создать специальный орган учета при ГУК и передать Морской отдел Центропрома именно в ГУК. 26 октября эти предложения были одобрены Э.М. Склянским и отправлены в ВСНХ. 13 декабря было получено согласие на передачу дел упраздняемого Моротдела Центропрома в ГУК, так как этот орган подлежал расформированию до 15 декабря 1918 г. Для ликвидации дел в ВСНХ существовал Центральный комитет по ликвидации дел бывших общественных организаций³⁰⁴.

Наиболее радикальным организационным решением в деле ликвидации всякого параллелизма было бы слияние военного и морского ведомств. Действительно, слухи об этом носились с осени 1917 г., однако среди старых моряков, как офицеров, так и матросов, идея слияния с Военным наркоматом никакого понимания не находила.

20 марта 1918 г. была отправлена тревожная телеграмма начальника МГШ Е. А. Беренса (из Петрограда) В. М. Альтфатеру (в Москву): «Только что получили извещение о проекте слияния военного

³⁰³ РГА ВМФ. Ф. р.—5. Оп. 1. Д. 184. Л. 13.

³⁰⁴ Там же. Л. 13—15.

и морского комиссариата, причем объединение намечено проектом по вопросам финансовым, законодательным и экономическим. Не возражая против необходимости иметь общие решения по некоторым основным принципиальным вопросам экономического порядка, Генмор полагает, что слияние морских органов с органами военного ведомства создаст лишнюю инстанцию и затруднит осуществление мероприятий и ликвидацию нашего хозяйства, имеющего совершенно своеобразный и отличный от военного характер, как например, хотя бы заводское. Такое соединение нашего аппарата, действующего полным ходом, вызовет опасную ломку в работе всего морведа. Казалось бы, если по обстановке реорганизация необходима, то она допустима без ущерба для дела, лишь путем объединения обоих ведомств в лице коллегии Наркомата по военным и морским делам, не трогая внутренней организации морведа. Требуется срочное обсуждение на заседании в военном ведомстве завтра, 21-го в 4 часа дня. Очень прошу воздействовать в Москве на отсрочку этого решения и дать срочный ответ»³⁰⁵.

Ответ В. М. Альфатера гласил: «Наша коллегия по этому вопросу ничего не дает, запрошенный мной лично нарком по военным делам Троцкий сказал мне, что он также про это ничего не знает. К следующему письменному отзыву по существу в Военном Комиссариате о заседании сегодня, 21 марта, комиссии по объединению Военного и Морского Комиссариатов ничего не выяснено. Во всяком случае, вопрос этот переходит за пределы возможной компетенции означенной комиссии. В случае, если это[т орган] действительно ставит себе задачей, какие указаны [в] сообщении Нагенмора, [полномочия должен] подписать Троцкий. Коллегия в лице Вахрамеева просит руководствоваться этим ответом и сообщить нам, по чьей инициативе и на основании каких распоряжений этот вопрос поднят помимо Морской Коллегии и Троцкого»³⁰⁶.

Не исключено, что повод для паники в морском ведомстве дало заседание СНК 19 марта, на котором было принято решение о создании Высшего военного совета и назначении народного комиссара по военным делам³⁰⁷.

³⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 26.

³⁰⁶ Там же. Л. 27.

³⁰⁷ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918. С. 570.

В рамках поворота к строительству регулярной армии и ликвидации выборного начала в вооруженных силах, в апреле 1918 г. началась разработка реорганизации Наркомата по морским делам его центральных учреждений. Доклад об этом был утвержден Л. Д. Троцким 28 апреля 1918 г.³⁰⁸ Есть все основания приписать авторство этого документа лично В. М. Альтфатеру. 30 августа 1919 г. начальник Канцелярии НКМД В. Бокард писал, что реформа морского управления в 1918 г. была спроектирована В. М. Альтфатером, однако получившуюся систему якобы отличает параллелизм, «столь строго преследуемый Государственным Контролем»³⁰⁹.

Как обычно, доклад начинался с исторической справки. В ней указывалось, что после упразднения поста генерал-адмирала, управление флотом было централизованным, «эта организация отвечала лишь условиям мирного времени, а во время войны Балтийский и Черноморский флоты были подчинены Верховному главнокомандующему», тогда как за морским министром остались функции «главного снабжателя и техническо-хозяйственного заготовщика»³¹⁰. Новое «переустройство центрального аппарата ведомства» началось в ноябре 1917 г., «но, к сожалению, проводилось под влиянием данного момента, что имело вполне законные к тому причины»³¹¹. Надо отметить, что офицерам Морского Генерального штаба были свойственны увлечение отвлеченными теоретическими схемами, которые они считали образцами научного подхода к управлению, и пристрастие к проповедованию прописных истин. Некоторые фразы этого доклада казались списанными с аналогичного документа десятилетней давности. В 1918 г. В. М. Альтфатер писал: «...отсюда проистекает общее положение, что ведомство, т. е. центральные управления, существуют для флота, а не наоборот»³¹². 13 января 1908 г. первый начальник МГШ контр-адмирал Л. А. Брусилов излагал ту же очевидную идею еще красочнее: «Если будет принято, что Товарищ Морского Министра стоит в высшем положении, чем Начальник Генерального Штаба и чем командующие флотами, то, сравнивая это с человеческим организмом, получим, что внутренние органы как бы

³⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 4, 95–98 об.

³⁰⁹ Там же. Л. 86–88.

³¹⁰ Там же. Л. 100.

³¹¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; Д. 452. Л. 4.

³¹² Там же. Л. 2; Д. 452. Л. 5.

имеют большее значение, чем человеческий мозг и конечности, т. е. вся деятельность организма обращается не для достижения внешних целей, а на обслуживание его желудка»³¹³. В 1918 г. В. М. Альтфатер продолжал: «Между тем это, казалось бы бесспорное положение, не всегда и не во всех управлениях ведомства и организации его центрального аппарата проведено. Если, вообще говоря, надо признать, что после русско-японской войны центральные управления Морского ведомства и излечились в значительной мере от этой хронической для русской бюрократии болезни, то все же даже до сих пор время от времени такие болезненные явления происходят, причем причина этих явлений, помимо общерусской привычки, до некоторой степени кроются и в организации самого центрального аппарата ведомства»³¹⁴.

Основная идея доклада заключалась в увеличении прав и ответственности местных органов, то есть флотов. Центр должен снабжать флоты, но не командовать ими. Точно такую же схему предлагали офицеры МГШ после русско-японской войны.

«Политическая обстановка настоятельно требует в настоящее время, чтобы во главе ведомства стояло бы лицо, облеченное полным доверием правительства и **господствующей ныне в стране общественно-политической силы** (выделено в документе. — *К. Н.*)»³¹⁵. Следовательно, во главе морского ведомства должен стоять гражданский политический деятель, «при этом надо заметить, что такое положение уже существует в большинстве стран, имеющих у себя ту или иную форму народовластия (Англия, Франция, США)»³¹⁶. Далее отмечалось, что гражданскому руководителю морского ведомства потребуются советники из числа моряков. Организация таких советников мыслилась В. М. Альтфатером в двух формах: в виде группы помощников («предпочтительнее, но не безусловно») или в виде коллегии. Авторы доклада пришли к выводу, что глава коллегии — политический деятель — должен быть начальником для коллегии, а не только ее председателем, то есть коллегия должна была стать консультативным органом. «Никакого другого решения, сколь-либо отвечающего делу нет и быть не может, раз нельзя при создавшихся условиях перейти

³¹³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1213. Лл. 25 – 25 об.

³¹⁴ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

³¹⁵ Там же. Л. 3.

³¹⁶ Там же. Л. 4; Д. 452. Л. 7.

к первой системе единовластного главы ведомства с придачей ему ответственных специалистов-техников»³¹⁷.

В докладе предлагалось сохранить существующую коллегия НКМД, но дополнить «политиков» в ее составе «техниками», а также придать коллегии более определенные функции. В мирное время она должна была бы нести те обязанности, которые в военное будут распределены между Верховным Главнокомандующим и главой морского ведомства с коллегией³¹⁸. Другими словами, понимать эти предложения можно только как наделение коллегии НКМД полномочиями бывшего морского министра.

Коллегия НКМД должна была получить в мирное время права по статьям 85 (части 11, 30, 34, 35) книги I и 23, 26, 261 книги X «Свода морских постановлений», руководствоваться указаниями СНК и ВВС, а также особыми правилами. Она должна была получить право распространять на морское ведомство те постановления по военному ведомству, которые не вызывают новых расходов. Предполагалось, что решения в Коллегии будут приниматься большинством голосов, но в решении политических вопросов «техники» не должны были принимать участие. В случае несогласия наркома с коллегией предполагалось выносить спор на решение ВВС и СНК.

«Такое положение безусловно даст возможность, в случае возникновения военного времени, просто, быстро и безболезненно перейти от положения мирного времени, в течение же этого последнего приучить флоты к требуемой от них самостоятельности, а ведомство излечить от стремления командовать флотами до выдачи сапог и штанов отдельным людям и посылки отдельных кораблей включительно»³¹⁹.

К докладу прилагалось Временное положение о морском ведомстве³²⁰. Согласно положению коллегия должна была состоять из двух «политиков», двух «техников» и председателя (наркома по морским делам). Члены коллегии «техники» должны были именоваться «первым (или вторым) военно-морским членом», а «политики» могли бы называться «членами Коллегии НКМД». Как гражданские, так и военные члены Коллегии должны были назначаться СНК, но один из

³¹⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 8.

³¹⁸ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

³¹⁹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 11–12.

³²⁰ Там же. Л. 12–17.

гражданских — по выбору наркома по морским делам. «Первый военно-морской член» должен был отвечать за работу МГШ и личный состав (комплектование, обучение, прохождение службы). В его подчинение должны были войти военно-административные учреждения: МГШ, УЛиСо и УВМУЗ. «Второй военно-морской член» предназначался для руководства технико-хозяйственной частью, к которой отнесли: ГУК, ГМХУ, ГГУ (условно) и УСЧФ (условно). Канцелярия и архив должны были остаться в непосредственном ведении Коллегии.

В последних числах апреля 1918 г. был подготовлен проект временного Положения о морской коллегии, подписанный В. М. Альфатером³²¹. Совнарком утвердил Временное положение о Коллегии Наркомата по морским делам 30 апреля 1918 г.³²² Оно было объявлено 17 мая 1918 г.³²³

Существовал еще один вариант этого доклада, отличавшийся от утвержденного Совнаркомом более четко обозначенными параллелями с британским морским ведомством. Так, в этом варианте прямо указывалось, что «многовековой опыт Англии учтен и в мере возможности применен в настоящем новом положении о Коллегии Морского комиссариата»³²⁴. Здесь проводились прямые параллели между функциями членов Военно-морской коллегии с функциями членов британского Адмиралтейства. Например, предлагалось наделить наркома по морским делам полномочиями в «полном соответствии» с полномочиями 1-го лорда Адмиралтейства, в состав Коллегии ввести двух моряков и двух «политических деятелей». При этом «1-й военно-морской член» отвечает за оперативные вопросы, личный состав и военно-морские учебные заведения, то есть имеет круг обязанностей 1-го и 2-го морских лордов, «сведенных воедино вследствие значительно меньшего объема нашего флота сравнительно с Английским»³²⁵. «2-й военно-морской член» отвечает за хозяйственно-технические вопросы (соответствуя 3-му, младшему и гражданскому лордам). «Политические деятели» в составе Коллегии будут аналогичны парламентскому секретарю британского Адмиралтейства.

³²¹ Там же. Л. 18–18 об.; Д. 453. Л. 13–16 об.

³²² Там же. Л. 4, 19–22 об.

³²³ Там же. Л. 34.

³²⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 196. Л. 65 об. – 66.

³²⁵ Там же. Л. 67.

По отношению к флотам Коллегия должна пользоваться правами Главнокомандующего, то есть руководить путем директив, а не непосредственно. Заводы и учреждения, не входящие в состав флотов, должны быть под непосредственным руководством Коллегии³²⁶.

Видимо, этот вариант был забракован из-за излишнего подчеркивания факта копирования военно-морской организации одного из иностранных государств, однако по сути забракованный вариант доклада ничем существенно не отличался от того варианта, который был утвержден Совнаркомом.

Никакие съезды и законодательные советы уже не предусматривались. Высший орган управления флотом стал назначаться Совнаркомом. Так началось преодоление «демократической» стихии в Военно-морском флоте. Знаком смены эпохи в морском ведомстве может считаться приказ Л. Д. Троцкого от 30 мая 1918 г. по военному и морскому ведомству о необходимости быстрого и точного исполнения распоряжений начальства всеми служащими³²⁷.

Эти факты свидетельствуют о том, что в марте—апреле 1918 г. произошел поворот высшего руководства Советской России от экспериментов с добровольческими вооруженными формированиями к строительству регулярной армии и флота. Не следует преуменьшать трудности принятия решения о строительстве регулярных вооруженных сил с использованием «старых» специалистов. Сторонники партизанщины были весьма многочисленны, левые эсеры, например, вообще выдвигали идею партизанской армии. Еще в конце марта — начале апреля 1918 г. появлялись многочисленные записки, адресованные в СНК, в которых не просто отстаивался принцип добровольной службы, но проводилась утопическая мысль о формировании добровольческой армии на строго идейных началах, отвергались принудительный призыв на военную службу и привлечение добровольцев высокой оплатой. Генералов именовали «последышами» Николая II и резко протестовали против всякого их использования. Н. В. Крыленко так характеризовал работу центрального аппарата сухопутного ведомства: «Военный комиссариат как таковой совершенно оторвался от жизни и солдатской массы, и в настоящее время

³²⁶ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 196. Л. 67.

³²⁷ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 96. Л. 357.

представляет из себя замкнутую группу лиц, ведущих большую бумажную работу канцелярского делопроизводства...»³²⁸ Несмотря на такую оппозицию, В. И. Ленину удалось начать работу по созданию новых вооруженных сил Советской России на регулярной основе.

* *
*

Повседневные дела центрального аппарата морского ведомства постепенно входили в рутинную колею. Свидетельством этой тенденции стал приказ начальника МГШ Е. А. Беренса от 15 апреля 1918 г. о прекращении практики неупорядоченного делопроизводства (доклады по штабу неправильно нумеровались и не отправлялись в Канцелярию)³²⁹.

Основным направлением реорганизации весной—летом 1918 г. было сокращение штатов и (или) полная ликвидация некоторых второстепенных подразделений. Так, 19 марта 1918 г. вводится сокращенный практически до довоенных размеров штат МГШ³³⁰. В начале мая был упразднен Секретариат морской коллегии, его дела передавались в канцелярию Морского комиссариата³³¹, в связи с чем 14 мая 1918 г. Коллегия по морским делам утвердила новый штат канцелярии как раз в тот самый день, когда канцелярия переехала в Москву³³². По постановлению ВМК Канцелярия заведующего хозяйственной частью флота была расформирована с 1 июня 1918 г.³³³, а с 1 июля упразднялась канцелярия при заведующем хозяйственной частью НКМД.

В начале апреля 1918 г. в Коллегию Морского комиссариата поступил доклад по ГУЛИСО о том, что 1 и 2 отделы, ведающие личным составом (соответственно, офицеров и матросов), должны быть сокращены и реорганизованы по случаю эвакуации³³⁴. 1-й отдел (Отдел личного состава флота) должен был заниматься текущим

³²⁸ *Молодцыгин М. А.* Красная Армия: рождение и становление. С. 84.

³²⁹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 196. Л. 230.

³³⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 420. Л. 45.

³³¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 96. Л. 311.

³³² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 196. Л. 220. Д. 96. Л. 312.

³³³ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 158. Л. 95; Ф. р–342. Оп. 1. Д. 460. Л. 40 об.

³³⁴ РГА ВМФ. Ф. р–187. Оп. 1. Д. 42. Л. 18–18 об.

делопроизводством по демобилизации и по комплектованию нового флота, а 2-й отдел («ликвидируемое» делопроизводство) — ликвидационными делами по расформированию частей и демобилизации личного состава. Предполагалось 1-й отдел эвакуировать в Москву, а 2-й оставить в Петрограде. Всего в 1-м отделе должны были числиться, кроме начальника, 3 старших и 2 младших делопроизводителя, 1 регистратор, 3 конторщика и 6 писцов³³⁵, а во 2-м отделе должны были работать, кроме начальника, три старших и три младших делопроизводителя, один регистратор, четыре конторщика, шесть писцов. Учетная канцелярия должна была комплектоваться «по мере необходимости»³³⁶.

Несколько неожиданным для сотрудников ГУЛИСО результатом упомянутого проекта стало полное упразднение этого учреждения, о чем было объявлено 13 апреля 1918 г.³³⁷ Функции учета личного состава отныне переходили в МГШ, где создавался Отдел личного состава флота и учета. Пока это была ложная тревога. Фактически ликвидация ГУЛИСО произошла только в декабре 1918 г.

Несмотря на сокращение штатов, функции МГШ постепенно расширялись. После поглощения ГУЛИСО в мае 1918 г. был подготовлен проект приказа Коллегии НКМД с объявлением штата военно-морского юридического бюро (в дополнение к приказам от 5 марта 1918 г. и от 19 марта 1918 г.). Штат предусматривал наличие трех человек комсостава и трех конторщиков³³⁸. Это бюро должно было входить в состав Организационного отдела МГШ³³⁹. К Морскому Генеральному штабу перешли функции юрисконсультской части Морского министерства.

Впрочем, желание улучшить структуру штаба и после этого не давало покоя его сотрудникам. Летом—осенью 1918 г. под литерами «А» и «Б»³⁴⁰ появились два новых проекта организации МГШ. В примечаниях к проекту «А» говорилось, что проект должен исправить главные недостатки существующей организации: отсутствие «какой—

³³⁵ РГА ВМФ. Ф. р—187. Оп. 1. Д. 42. Л. 19.

³³⁶ Там же. Л. 17.

³³⁷ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 1. Д. 157. Л. 116 об. Приказ по флоту и морскому ведомству № 288 от 13 апреля 1918 г.

³³⁸ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 455. Л. 3.

³³⁹ Там же. Л. 5.

³⁴⁰ Там же. Л. 37—39. См. Приложение 9, 10 и 14.

либо органической связи» Учебного отдела «с работой генмора в узком смысле слова», тогда как в случае реализации предложений «к компетенции Нагенмора (начальника МГШ. — *К.Н.*) через Учебный отдел войдут хозяйственные и денежные дела управления» и «неравномерность в нагрузке лиц, непосредственно подчиненных генмору»³⁴¹. В соответствии с проектом «Б», все дела Упрузамора (Управление учебных заведений морского ведомства) и все «денежные» дела передавались начальникам учебных отрядов и школ, а МГШ должен был сосредоточиться на разработке учебных «вопросов принципиального характера». Этот же проект предусматривал создание Военно-учебной инспекции, подчиненной МГШ, которая должна была следить «за проведением в жизнь вопросов, выработанных генмором в отношении учебной части флота; быть связующим звеном между генмором, школами и флотом; устранять всякие, могущие быть в связи с переживаемым временем, недостатки и осложнения при осуществлении на практике подготовки личного состава»³⁴². Ни один из проектов не был реализован.

Повышение роли МГШ требовало соответствующего оформления. 23 июля 1918 г. начальник Морского Генерального штаба обратился с докладом в Высший военный совет и представил соображения о признании его строевым учреждением. 2 августа последовала резолюция Л. Д. Троцкого, В. А. Антонова-Овсеенко и М. Д. Бонч-Бруевича: «МГШ является строевым штабом и должен быть удовлетворяем наравне со штабами флотов»³⁴³. В тот же день Высший военный совет также признал МГШ строевым учреждением³⁴⁴.

* *
*

В связи с реорганизацией и расширением прав МГШ приказом 19 июня 1918 г.³⁴⁵ на него было возложено «рассмотрение и разработка тех законопроектов флота и морского ведомства, кои относятся к вопросам общей организации службы во флоте», составление отзывов «по всем проектам положений и штатов учреждений флота

³⁴¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 38.

³⁴² Там же. Л. 39–39 об.

³⁴³ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 454. Л. 80 об.

³⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 82–82 об.

³⁴⁵ Приказ по флоту и морскому ведомству № 445 от 19 июня 1918 г.

и морского ведомства, со стороны соответствия их общим требованиям морской службы» и «сосредоточение сведений и современных материалов текущего военно-морского законодательства»³⁴⁶.

Эти события привели к постепенному «затоплению» работы штаба второстепенными организационными вопросами, тогда как постепенно создававшиеся речные флотилии начинали свою деятельность во многом «сами по себе», под руководством сухопутного начальства. МГШ занимался такими вопросами, как «обширные статистические работы по учету производительных сил страны с целью определения, насколько эти силы могут быть использованы для потребностей Красного флота»³⁴⁷. Эти работы не были завершены, поскольку в феврале 1919 г. этот отдел «ввиду более насущных, настоятельных потребностей сложившейся обстановки военного времени, был упразднен»³⁴⁸. Штаб волновала проблема перевода флота на мирное положение, «причем судовой состав был подразделен по трем категориям: а) действующий флот, б) вооруженный резерв и в) суда, состоящие на долговременном хранении, с определением численности команд для первой группы в 75% таблицы комплектации 1915–1916 гг., для второй — 25% и для последней — 10%. Эти основания демобилизации явились руководящими; в сентябре–октябре 1918 г. б. Генмор начал и лишь в следующем году закончил весьма обширную работу по пересмотру таблиц комплектации судов параллельно с группировкой судов по категориям»³⁴⁹. Эти разработки имели бы большую ценность, однако в условиях стихийной демобилизации, упадка дисциплины и дезорганизации службы они превратились в бумажные «стратегические вензеля».

В сентябре 1918 г. была сделана попытка навести порядок в ликвидационных органах флота. Действительно, их в морском ведомстве появилось предостаточно. На 25 сентября 1918 г. существовали: ликвидационная комиссия заказов при ГУК; ликвидационный отдел УМА; ликвидационная комиссия заказов при УМА; ликвидационный отдел при ГУЛИСО; ликвидационная комиссия при ГУЛИСО;

³⁴⁶ *Случевский В. В.* Б[ывший] Морской генеральный штаб (б. Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси) // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 68.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же.

ликвидационная комиссия Морского ведомства по расчету временных военных учреждений в Архангельске за войну 1914–1918 гг.; комиссия по ликвидации Управления грузовых перевозок по Балтийскому морю; комиссия по ликвидации строительства крепости Петра Великого; ликвидационная комиссия по расчетам за суда, взятые по военно-судовой повинности и реквизированные; ликвидационное бюро Свеаборгского порта при Упрабмор (телеграфное сокращение названия Управления по делам рабочих и вольнонаемных служащих морского ведомства — УДРИВС); ликвидационное бюро Ревельского порта при Упрабмор; комиссия по эвакуации Петроградского района. Предполагалось также учреждение новых органов. Эти структуры содержались за счет самых разных источников финансирования: за счет штатных излишков, операционных кредитов, кредитов на удовлетворение денежным содержанием портовых служащих и рабочих и на эвакуационные кредиты³⁵⁰. В сентябре 1918 г. предлагалось выстроить систему ликвидационных органов и обеспечить разграничение их функций. Во главе ликвидационного дела предполагалось поставить Совещание по ликвидации заказов морского ведомства при ГУК³⁵¹, создать комиссию из представителей заинтересованных учреждений морского ведомства. Прежде всего следовало создать «Междуведомственную комиссию при Коллегии НКМД для выработки системы ликвидационных органов, штатов и положений, подлежащих введению в действие с 1 января 1919 г.»³⁵² Этими мероприятиями МГШ занимался и даже довел их до конца, правда, за исключением ликвидационных дел по Архангельску «вследствие занятия противником этого района»³⁵³.

Кроме того, МГШ успел поруководить «деятельностью специально созданных с этой целью в Морском ведомстве ликвидационных комиссий», которые занимались определением судьбы торговых судов, находящихся в распоряжении морского ведомства. «Часть судов его подлежала возвращению из Германии в обмен на германские суда, находившиеся в наших руках, некоторая незначительная

³⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 1–2.

³⁵¹ Образовано приказом по флоту и морскому ведомству № 230 за 1918 г.

³⁵² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 1–2.

³⁵³ *Случевский В. В.* Б[ывший] Морской генеральный штаб (б. Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси) // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 75.

часть, подлежала возвращению владельцам, и, наконец, большая часть его судов подлежала, в силу национализации, передаче в Главод»³⁵⁴. Судя по всему, эта работа отнимала у сотрудников МГШ львиную долю служебного времени, требуя к тому же частых командировок в Петроград³⁵⁵.

МГШ боролся за собирание исторических материалов во флоте, опираясь на приказ ВМК «Об организации правильной постановки архивного дела во флоте в целях всестороннего собирания материалов истекшей войны и современной революции, являющихся историческими материалами важнейшей исторической ценности» от 14 января 1918 г.³⁵⁶ В результате «в сентябре 1918 г. в Петрограде была создана Военно-морская историческая комиссия по составлению истории войны на море 1914—1918 гг., в ноябре, в том же году, она переименовала свое название и стала называться Комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.»³⁵⁷ Кроме того, в 1918 г. была начата работа по составлению новых уставов, наставлений и правил специальных служб.

МГШ пришлось организовывать речные и озерные флотилии и работать над приемом Кронштадтской крепости в морское ведомство. Характерно, что эта деятельность, имеющая практический характер, оказалась на самом последнем месте в записке В. В. Случевского, посвященной деятельности МГШ в 1918—1919 гг.³⁵⁸ Видимо, практические вопросы не слишком занимали МГШ в то время, о чем довольно откровенно писал сам автор записки: «Теперь, однако, в перспективе прошлого, нам легко было обрисовать значительную работу б[ывшего] Генмора, произведенную им в трудовые два года коренной ломки старых уставов жизни и создания новых. Работа эта лежит не в плоскости оперативных функций, это об[ласть] б[ывшего] высшего учреждения Моркома, с этой стороны, как было указано нами в начале, конструкция эта не обладала достаточной

³⁵⁴ Там же. С. 69.

³⁵⁵ Там же. С. 75.

³⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 213. Л. 1. Приказ по флоту и морскому ведомству № 35 от 14 января 1918 г.

³⁵⁷ Случевский В. В. Б[ывший] Морской генеральный штаб (б. Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси) // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 69.

³⁵⁸ Там же. С. 70.

эластичностью для приспособления к требованиям новой деятельности, а в плоскости законодательно-организационных функций его»³⁵⁹.

Логика политического развития отечественного флота в 1917–1918 гг. заключалась в том, что сначала старый флот был взорван изнутри революционным движением, которое весной–летом 1917 г. привело к созданию многочисленных представительных органов. Примерно год спустя флот вновь приобрел основные черты регулярности. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при ликвидации выборных органов раздавались лишь единичные голоса протеста. Почему большевикам легко удалось ликвидировать те матросские комитеты, которые оказались «не по зубам» Временному правительству? Причиной была не столько усталость от повседневной политической борьбы, хотя и этот фактор сыграл свою роль. Полагаем, что главным обстоятельством стала значительно более широкая (по сравнению с Временным правительством) социальная опора Советской власти. Это позволяло большевикам чувствовать себя у руля управления страной увереннее, чем их предшественникам.

Пошедшее на службу к Советской власти офицерство искало способ ужитья с новым начальством. Так появилась идея превратить советское морское ведомство в подобие британского адмиралтейства, что позволяло легко сделать гражданского политика Л. Д. Троцкого «первым лордом Адмиралтейства» и удачно вписать традиционную структуру управления русским флотом в новые политические реалии. В то же время страшный призрак подчинения сухопутному командованию уже начал бродить по коридорам МГШ, вызывая ужас руководителей морского ведомства. Не исключено, что в этот период значительную роль в сохранении флотом организационной самостоятельности сыграл В. М. Альтфатера, который умел находить общий язык с самыми разными людьми. Его лояльность Советской власти, по-видимому, была вполне искренней.

Объективно в 1918 г. центральный аппарат морского ведомства, все больше замыкался в канцелярской работе, не имевшей прямого отношения к разгоравшейся Гражданской войне. Думается, дело было не столько в отсутствии достаточной гибкости организационных структур, сколько в нежелании бывших офицеров активно участвовать в Гражданской войне.

³⁵⁹ Там же.

Глава V

В РАЗГАР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (конец 1918 — 1919 г.)

Окончание Первой мировой войны в Европе, поражение Германии, подписание Компьенского перемирия (11 ноября 1918 г.) и интернирование немецкого флота поставило вопрос о пересмотре взглядов советского руководства на роль и значение военно-морских сил на Балтике. После исчезновения такого грозного противника, как кайзеровские военно-морские силы и ликвидации ограничений Брестского мира можно было использовать Балтийский флот, единственный, оставшийся к тому времени в распоряжении советского правительства, как военно-политический инструмент. Уже 15 ноября 1918 г. был создан Действующий отряд Балтийского флота, а в конце ноября — начале декабря Красный Флот начал боевые операции против белоэстонцев и белофиннов. Однако в первых числах декабря на Балтике появилась английская эскадра¹, а следовательно, и новый серьезный противник.

Существенное изменение обстановки привело к организационным преобразованиям. Еще в сентябре 1918 г. учреждается Революционный военный совет Республики (РВСР), который объединил функции ранее упраздненных Высшего военного совета и Коллегии Наркомата по военным делам. Несмотря на то что РВСР был наследником коллегиальных органов управления сухопутным ведомством, ему подчинили и флот. Впервые в отечественной истории образовался орган, полностью объединивший управление сухопутными

¹ Морской атлас. М., 1966. Т. III. Военно-исторический. Ч. 2. Описания к картам. С. 23–25.

и морскими вооруженными силами. В отличие от Совета государственной обороны, РВСР был не просто регулярно заседающим совещанием. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий фактически стал единоначальником в военном и морском ведомствах. Спустя несколько лет произошло полное слияние аппаратов сухопутного и морского ведомств.

3 декабря 1918 г. М. В. Альтфатеру и Ф. Ф. Раскольникову было поручено «представить в возможно короткий срок проект реорганизации Центрального управления Морского ведомства сообразно с изменившимися обстоятельствами»². Поручение было дано телеграммой за подписью начальника Штаба РВСР бывшего генерал-майора Ф. В. Костяева и члена РВСР С. И. Аралова. В военном ведомстве к этому времени уже произошло поглощение коллегии Реввоенсоветом. Такое же мероприятие назревало и в морском ведомстве. Логичным было появление проекта создания учреждения, получившего рабочее название «РВС морского ведомства». В нем говорилось: «РВС морского ведомства по существу является морским отделом морской комиссии РВСР и во всех отношениях всецело ему подчинен»³. «РВС морского ведомства» должен был состоять из «технического члена» (он же командующий морских сил Республики) и «политического члена» (комиссар при командующем). Комиссар не должен был вмешиваться в техническую сторону отдаваемых командующим распоряжений, но он отвечал за отсутствие в распоряжении командующего положений, «расходящихся с коммунистической политикой Советской власти». Комиссар должен был подписывать все приказы вместе с командующим, председательствовать в Бюро морских комиссаров, назначать, смещать и перемещать комиссаров всех центральных учреждений, нести ответственность за деятельность центральных учреждений морского ведомства. Все комиссары отдельных частей, вплоть до судна, должны утверждаться председателем Бюро морских комиссаров по представлению РВС флотов. Члены РВС флотов и флотилий должны назначаться РВСР по представлению Бюро морских комиссаров⁴.

Результатом их деятельности стал приказ РВСР №394 от 18 декабря 1918 г. о реорганизации центрального аппарата морского ведом-

² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 28.

³ Там же. Л. 173–173 об.

⁴ Там же.

ства за подписями Л. Д. Троцкого, И.И. Вацетиса, С.И. Аралова и Э. М. Склянского⁵. Согласно этому приказу, прежде всего из РВСР выделялся Морской отдел (МО РВСР) в составе командующего всеми Морскими, озерными и речными силами Республики В. М. Альтфатера и председателя Бюро морских комиссаров Ф. Ф. Раскольников⁶. Коллегия Наркомата 17 декабря 1918 г. была упразднена. Надо отметить, что название «Верховная морская коллегия» для обозначения Коллегии НКМД использовалось вплоть до конца 1918 г., хотя официально оно употреблялось лишь до 22 февраля 1918 г. В частности, существовала Канцелярия ВМК, позднее переименованная в управление делами МО РВСР. Она включала в себя отделения: общих дел, юридическое, кодификационное⁷. «Положение об Управлении делами МО РВСР» было введено приказом № 176 от 14 марта 1919 г. за подписями Э. М. Склянского и В. М. Альтфатера⁸. Видимо, этот приказ был одним из последних документов, подписанный рукой Василия Михайловича.

Формально МО РВСР — коллегиальный орган, фактически в нем была установлена та степень единоначалия, которая только и была возможна в тогдашних вооруженных силах Советской России: МО РВСР состоял из командующего ВМФ (В. М. Альтфатер) и комиссара при нем (Ф. Ф. Раскольников). В Красной Армии высшее военное руководство сохранило, хотя в значительной степени лишь на бумаге, гораздо больше черт коллегиальности: в составе РВСР числилось по 10–15 человек.

Как сообщалось в одном из докладов по МГШ, написанном в мае 1919 г., целью создания МО РВСР было решение «всех текущих принципиальных вопросов, касающихся управления флотом и морским ведомством, составляющих самую значительную часть дел по управлению этим ведомством»⁹. МО РВСР получил права бывшей Коллегии за исключением: 1) права назначения начальников эскадр,

⁵ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 34, 174.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 369–370.

⁷ Систематический сборник постановлений по НКМД. Библиотека РГА ВМФ. (р–2767. л. 2 об., 11) «Положение об Управлении делами МО РВСР» введено приказом № 176 от 14 марта 1919 г. за подписями Э. М. Склянского и В. М. Альтфатера.

⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 21.

⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 121.

бригад, отрядов, их перемещения и утверждения их отпусков; 2) изменения существующих штатов и положений, когда не достигнуто соглашение с Комиссариатом финансов и Государственным контролем; 3) издания новых штатов без согласования с этими комиссариатами; 4) распространения на флот действия узаконений, объявленных по военному ведомству и не требующих утверждения СНК или новых расходов. Полномочия МО РСФСР были не столь широки, как у Коллегии НКМД, и приближались по своему объему к полномочиям дореволюционного морского министра, тогда как права Коллегии соответствовали, скорее, правам прежнего главнокомандующего флотом.

МО РСФСР было дано право пересматривать и выработать штаты всех учреждений. Однако их утверждение было возможно только после их пересмотра в Особом междуведомственном совещании при участии представителей Наркоматов Госконтроля и Финансов. Приказ о создании такого совещания «для обсуждения всех финансовых и хозяйственных мероприятий Наркомата по морским делам» Э. М. Склянский подписал еще 12 декабря 1918 г.¹⁰ Председателем комиссии должен был стать В. М. Альтфатер, его заместителем по «вопросам чисто хозяйственного характера» начальник ГМХУ — Седов.

МО РСФСР поручалось выработать подробный проект положения об управлении морским ведомством. В результате 31 декабря 1918 г. приказом РВС понижался статус ряда управлений: Управление личного состава было включено в состав МГШ и преобразовано в Отдел личного состава и учета, та же судьба постигла и Управление военноморских учебных заведений¹¹. В те же дни Управление морской авиации и воздухоплавания было преобразовано в Авиационный отдел ГУК, а УДРВС — в коллегию по управлению заводами Морского ведомства.

Для реализации этих организационных изменений были приняты следующие шаги. Прежде всего вместо ГУЛИСО в МГШ образовали Отдел личного состава флота и учета, вместо УВМУЗ — Учебный отдел МГШ, Организационный отдел ГУЛИСО слили с Организационным отделом МГШ, создав Организационный отдел

¹⁰ Там же. Л. 36 об.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 454. Л. 80–81 об.; Д. 238. Л. 16.

МГШ. Мобилизационно-экономический отдел МГШ был упразднен, а его функции передали в Отделение общих дел Организационного отдела вместе с частью личного состава. Оперативный и Иностран- ный отделы МГШ слили в единый Оперативный отдел, выделив из Иностранного отдела Службу связи, которая стала самостоятельной службой Морского комиссариата. Тактическое отделение МГШ было преобразовано в Тактико-техническое с включением в его состав Исторического отделения.

В результате этого преобразования организация МГШ приобрела следующий вид:

1. Оперативный отдел:
 - а) Балтийское отделение;
 - б) Волжско-Камское отделение;
 - в) Речно-озерное отделение;
 - г) Отделение по обработке сведений по иностранным флотам;
2. Организационный отдел:
 - а) штатное отделение;
 - б) уставное отделение;
 - в) отделение общих дел;
3. Тактико-технический отдел:
 - а) тактическое отделение;
 - б) техническое отделение;
 - в) историческое отделение;
4. Отдел личного состава флота и учета:
 - а) отделение комплектования;
 - б) отделение по службе личного состава;
 - в) отделение учета;
5. Учебный отдел:
 - а) учетное отделение;
 - б) распорядительное отделение;
6. Канцелярия.

Учебный отдел так и не был создан из-за того, что в составе этого органа осталось всего три сотрудника, и его предпочли назвать отделением, а не отделом. Распорядительное отделение Учебного отдела вовсе не было сформировано¹².

¹² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 454. Л. 80–81 об.; Д. 238. Л. 3–33.

Канцелярия МГШ в 1918 г. приобретала все больший вес в штабе. По словам одной из докладных записок, сотрудники Канцелярии регистрировали все входящие бумаги, отправляли исходящие, участвовали в междуведомственных совещаниях, занимались организацией эвакуации МГШ из Петрограда в Москву. Кроме того, она занималась разработкой проекта организации Курьерской части морского ведомства, заботилась о личном составе в бытовом плане, выступала в качестве «продовольственного органа при МГШ»¹³. Канцелярии пришлось столкнуться с «общим недостатком всего» и сделать вывод, что «чем больше разруха, тем больше усилий» приходится прилагать Канцелярии¹⁴.

В то же время был разработан проект альтернативной организации МГШ, на случай, если бы потребовалось совсем уж крайнее сокращение штатов. В объяснительной записке к этому варианту организации указывалось, что дальнейшее сокращение штатов (по сравнению с предлагаемым проектом) не представляется возможным, в августе 1918 г. они уже были сведены к минимуму¹⁵:

1. Оперативный отдел:

- а) 1-е оперативное отделение (разрабатывает операции на Балтийском море, следит за ситуацией на Черном и Белом морях и на Тихом океане) (3 сотрудника);
- б) 2-е оперативное отделение (речно-озерное) (3 сотрудника);

2. Иностраный отдел (в том числе шифрование):

- а) Балтийское отделение (2 сотрудника);
- б) отделение связи (4 сотрудника);

3. Учебно-тактический отдел:

- а) учебное отделение (3 сотрудника);
- б) тактическое отделение (всего 11 сотрудников: все столы — по 1 сотруднику, авиационный стол — 2 сотрудника):
 - артиллерийский стол;
 - крепостной стол;
 - минный стол;
 - стол подводного плавания;
 - кораблестроительный стол;
 - портовый стол;

¹³ Там же. Л. 40–40 об.

¹⁴ Там же. Л. 40 об.

¹⁵ Там же. Л. 114.

- штурманский стол;
 - авиационный стол;
 - стол личного состава;
4. Мобилизационно-экономический отдел¹⁶:
 - а) мобилизационное отделение (6 сотрудников);
 - б) экономическое отделение (7 сотрудников);
 5. Организационный отдел:
 - а) административное отделение (6 сотрудников);
 - б) штатное отделение (8 сотрудников);
 - в) историческое отделение (численность сотрудников не указана);
 6. Отдел личного состава флота и учета:
 - а) отделение комплектования (2 сотрудника);
 - б) отделение по службе личного состава (4 сотрудника);
 - в) отделение учета (4 сотрудника);
 7. Отделение общих дел (канцелярия) — (3 сотрудника).

Чтобы разгрузить начальника МГШ от лишних обязанностей, предполагалось¹⁷:

- ограничить доклад начальнику МГШ тремя лицами:
 - а) помощник (организующий всю работу собственно штаба);
 - б) начальник отдела личного состава;
 - в) начальник учебного отдела;
- подчинить мелкие отделы более крупным (в частности, историческое отделение подчинить тактико-техническому отделу);
- при начальнике МГШ образовать должность флаг-секретаря.

Таким образом, наступила полная победа МГШ над Главным морским штабом, доживавшим последние два года под именем Управления личного состава флота. Данное событие имело большое значение для старых сотрудников штаба. Дело в том, что борьба между Главным морским штабом (предшественником ГУЛИСО) и МГШ началась сразу же после создания Морского Генерального штаба. Кстати, МГШ стал преемником Военно-морского учебного отдела ГМШ. До появления МГШ Главный штаб был основным учреждением по управлению повседневной деятельностью флота, а его начальник — третьим лицом в ведомстве после генерал-адмирала

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 454. Л. 80—81 об.; Д. 238. Л. 114.

¹⁷ Там же. Л. 98—108.

и управляющего Морским министерством. Теперь новорожденный МГШ претендовал на роль «мозга флота», а его молодые офицеры нещадно критиковали Главный морской штаб, функции которого постепенно сокращались. И вот результат: ГУЛИСО, наследник ГМШ, полностью ликвидировано! Впрочем, вряд ли в конце 1918 г. старые сотрудники МГШ громко праздновали свою победу.

Борьба МГШ против ГМШ, которая началась сразу после создания Морского генштаба в 1906 г., завершилась сосредоточением в МГШ всех полномочий в области стратегического планирования, разведки, подготовки тактических наставлений, разработки штатов, мобилизационной и кадровой работы, руководства учебными заведениями. Вне МГШ остались лишь области снабжения (ГМХУ), технические вопросы кораблестроения и разработки морского оружия (ГУК) и некоторые второстепенные вопросы. Можно сказать, что диктатура МГШ в морском ведомстве, за которую так долго боролись «младотурки» генерального штаба, стала реальностью. В свое время, перед Первой мировой войной, офицеры МГШ полагали, что вслед за признанием руководящей роли их учреждения наступит расцвет морского ведомства, но действительность рубежа 1918–1919 гг. изменила их планы. Вместе с тем структура центрального управления флотом значительно упростилась и, по большому счету, свелась к трем учреждениям: все оперативные вопросы и управление кадрами сосредоточилось в МГШ, судостроение и производство вооружения и техники — в ГУК, снабжение — в ГМХУ.

Несмотря на то что дальнейшее сокращение штатов считалось невозможным, с 7 февраля 1919 г. вводились новые, еще более упрощенные, штаты МГШ.

Согласно этому документу¹⁸:

1. Расформировывался мобилизационно-экономический отдел;
2. Организационно-тактический отдел разделялся на:
 - а) организационный (с передачей ему дел упраздненного мобилизационно-экономического отдела), в его составе
 - штатное отделение
 - уставное отделение
 - отделение общих дел (все организационные вопросы, кроме штатных)
 - б) тактический.

¹⁸ Там же. Л. 61–61 об.

Эти новые штаты обсуждались на «Междуведомственном совещании при МО РВСР по рассмотрению временных штатов МГШ и службы связи НКМД» под председательством В. М. Альфатера и с участием представителей Наркомфина, Госконтроля, МГШ и других ведомств. Правда, надо отметить, что сокращение штатов было небольшим: в МГШ предполагалось сократить 1 ставку комсостава и 6 некомсостава, службу связи — на 1 ставку комсостава¹⁹. В результате получились действительно очень ужатые штаты. Например, в организационном отделе, согласно справке его начальника Л. Г. Гончарова, на 7 марта 1919 г. работали всего четыре человека: А. Ю. Постриганев (отвечавший за бывшие дела мобилизационного отдела), Е. Е. Святловский (ему были поручены бывшие дела экономического отдела), Г. П. Коттер (мелкая переписка, справки, отдельные поручения), С. Е. Карский (дела организационного характера)²⁰.

Процесс сокращения центральных органов военно-морского управления на этом не остановился. Совет рабоче-крестьянской обороны 5 мая 1919 г. постановил обязать все ведомства сократить свои штаты на 25–50 %. Первой реакцией на это постановление стал рукописный набросок управляющего Морским комиссариатом, который сохранился в виде правленной машинописной копии²¹. Затем этот набросок был развернут в объяснительную записку по вопросу о сокращении штатов Моркома²².

В записке указывалось на отсутствие должной связи с центром, объясняющееся недостатком «живых сил», как на одну из причин недостатков деятельности высших военной и военно-морской инспекций. В записке говорилось, что окончание войны с Германией и эвакуация учреждений из Петрограда весной 1918 г. вызвали трехкратное сокращение штатов. Вместе с тем уже в конце лета 1918 г. Гражданская война потребовала срочных формирований, которые «отвлекали все наличные живые силы морского ведомства, сохраненные ранее для обслуживания флота в том составе, в котором он находился после Брестского договора в условиях мирного времени»²³.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 453. Л. 9–9 об.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 456. Л. 12.

²¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 179–179 об.

²² Там же. Л. 177–178 об.

²³ Там же. Л. 177.

В это время личный состав флота и центрального аппарата морского ведомства достиг минимума.

Зимой 1918–1919 гг. были созданы двенадцать флотилий вместо двух действующих флотов, существовавших в конце 1917 г. Представление же о том, что для двух флотов с сорока тысячами личного состава нужен больший аппарат, чем для двенадцати флотилий с двадцатью тысячами, ошибочно, по мнению авторов записки, так как бóльшая децентрализация создает большие трудности для центрального управления. В феврале 1919 г. произошел переход озерно-речных флотилий «в морвед», в связи с чем начальник Онежской флотилии Э. С. Панцержанский был переведен в МГШ, а его место занял бывший начальник дивизиона заградителей той же флотилии В. Е. Бурачек²⁴. Впоследствии к обязанностям МГШ прибавилось «обслуживание» Черноморского флота.

Автор записки делал вывод, что обстоятельства требуют не сокращения, а расширения штатов руководящего аппарата морского ведомства. При этом текущая реорганизация ведомства вызвала рост нагрузки на центральный аппарат. Сократить можно лишь то, что «явно доживает», то есть ликвидационные органы прежних учреждений и организаций. Майская записка 1919 г. содержала предложение приостановить рассмотрение мероприятий по сокращению штатов и расширить резерв морского ведомства. Возможности сокращения штатов тщательно обсуждались на нескольких заседаниях в Москве и Петрограде, в частности, под председательством недавно назначенного командующим всеми Морскими силами Республики Е. А. Беренса. Выяснилось, что «буквально исполнить» данное постановление СРКО невозможно ввиду «происходящей общей реорганизации морского ведомства»²⁵.

* *
*
* *

Одним из нерешенных вопросов военно-морского управления, доставшихся Советской России от дореволюционного периода, был вопрос об организации взаимодействия сухопутной армии и флота на стратегическом и оперативном уровнях. Во время Первой мировой

²⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 493, 497.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 92–93.

войны проблема координации была решена таким образом. После проведения мобилизации в августе 1914 г. два действующих флота (Балтийский и Черноморский) перешли в подчинение Ставки Верховного Главнокомандования, причем Балтийский был подчинен VI армии, а Черноморский непосредственно Ставке. За Морским министерством остались функции снабжения, а Морской Генеральный штаб, сосредоточивший в себе интеллектуальные «сливки» флота, остался фактически не у дел. Для руководства действующими флотами было создано Военно-морское управление (ВМУ) при Ставке и аналогичное управление при штабе 6-й армии²⁶. Впоследствии ВМУ при Ставке было реорганизовано в Морской штаб Ставки, а в августе 1917 г. вновь переименовано в ВМУ²⁷. После ликвидации старой армии, а вместе с ней Ставки, исчезло и ВМУ, все оперативные функции снова перешли к МГШ.

Примерно те же проблемы встали перед руководством советских вооруженных сил во время Гражданской войны. Ситуация усугублялась тем, что теперь вместо двух действующих флотов появилось более десятка речных флотилий, управление которыми из единого центра в условиях хозяйственной разрухи и быстро меняющейся оперативной обстановки было весьма затруднительно.

При выработке организационных форм руководства армией и флотом в годы Гражданской войны продолжали опираться на дореволюционное законодательство. Так, в декабре 1918 г. работала комиссия по пересмотру «Положения о полевом управлении войсками в военное время» 1914 г. До 10 декабря 1918 г. представителем в ней от МГШ был Н. Я. Мясковский, затем В. В. Яковлев, заместителем последнего стал С. Е. Карский²⁸.

Возможно, что толчком к созданию этой комиссии стала недатированная записка Л. Г. Гончарова о необходимости переработать статьи 86, 87 и 88 «Положения о полевом управлении...» 1914 г., в которых говорилось о начальнике ВМУ²⁹. Л. Г. Гончаров предлагал подчинить ВМУ не Верховному Главнокомандующему непосредственно, а начальнику Штаба ВГК. Он предлагал конкретизировать

²⁶ Симоненко В. Г. Морской Генеральный штаб русского флота (1906–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976. С. 143–145.

²⁷ Там же. С. 150–153.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 32–33, 48–50.

²⁹ Там же. Л. 55–55 об.

указание статьи 87-й, где говорилось о том, что обязанности чинов ВМУ определяются его начальником. Теперь в 87-й статье прописывалось, что ВМУ состоит из трех отделов: Оперативного, Организационного и Общих дел (последний ведал вопросами снабжения, учета личного состава, наград и канцелярия). Статью 88-ю, о том, что начальник ВМУ докладывает начальнику штаба ВГК по морским вопросам, предлагалось оставить без изменений. Кроме того, Л. Г. Гончаров считал необходимым внести ряд содержательных поправок³⁰.

14 марта 1919 г. С. Е. Карский представил особое мнение по поводу пересмотра «Положения...»³¹ Дело в том, что при рассмотрении статьи, определявшей круг ведения ВМУ, в отсутствие С. Е. Карского были внесены слова о возложении на ВМУ также «общего руководства контрразведкой», (надо полагать, на флотах). С. Е. Карский пытался убедить комиссию исключить эти слова, но при голосовании остался в меньшинстве. Он считал, что руководить морской контрразведкой в мирное и военное время должен МГШ, который имеет свою Регистрационную службу. Передавать эти полномочия полевым штабам нет необходимости. Только А. Ф. Керенский, став главкомом, «по политическим соображениям» создал параллельный контрразведывательный орган в штабе фронта, возложив руководство морской контрразведкой на ВМУ³². Несмотря на передачу функций разведки и контрразведки органам ВЧК в начале 1919 г., в военном и морском ведомствах продолжалось конструирование учреждений для руководства разведкой и контрразведкой. Возможно, «старым» специалистам, заседавшим в комиссии, казалось, что деятельность ВЧК прекратится с окончанием Гражданской войны. Тогда разведывательная и контрразведывательная деятельность вернутся в лоно военного или морского ведомств. Разработка «Положения...» затянулась и к 13 мая 1919 г. работа по его составлению все еще не была окончена³³. Одновременно вопрос о пересмотре системы оперативного управления морскими силами ставился «снизу». В ПШ РВСР существовало Морское отделение, начальник которого был подчинен начальнику Оперативного управления штаба. 7 февраля 1919 г. был поставлен вопрос о необходимости дать начальнику

³⁰ Там же. Л. 55–55 об.

³¹ Там же. Л. 56–56 об.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 94.

Морского отделения ПШ РВСР право непосредственного доклада начальнику этого штаба³⁴. Кроме того, к созданию особого органа оперативного руководства действующими силами флота подталкивал пример сухопутной армии. В Наркомате по военным делам с мая 1918 г. существовал Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб), объединявший прежние Главное управление Генерального штаба, Главный штаб, Главный комиссариат военно-учебных заведений и ряд других учреждений. Параллельно с ним с сентября 1918 г. был организован Полевой штаб РВСР для оперативного руководства действующими армиями и фронтами. В целом, ПШ РВСР был аналогом штаба Ставки верховного главнокомандующего, времен Первой мировой войны³⁵.

Видимо, вскоре было принято принципиальное решение о создании штаба коморси, но процесс его организации затянулся. 6 марта 1919 г. начальник Оперативного отдела МГШ бывший капитан 2 ранга Г. С. Пилсудский направил начальнику этого штаба Е. А. Беренсу рапорт: «...месяц тому назад, по приказанию коморси, я был временно командирован в МГШ для исполнения обязанностей начальника Оперативного отдела, вновь сформированного»³⁶. Через отдел идут вопросы, которые должны быть в компетенции штаба коморси, еще не существующего, и вопросы из сферы оперативного отдела МГШ, «как она понималась раньше». На них не хватает времени. Необходимо работать вечерами при недостаточном питании. Состав отдела — 11 человек комсостава и 7 некомсостава³⁷. Автор доклада предложил создать штаб коморси со всеми необходимыми отделами и реорганизовать весь МГШ по схеме такого штаба, в качестве паллиативного решения назначить бывшего старшего лейтенанта С.Н. Мелентьева начальником объединенного отдела (из Оперативного и Тактико-технического), а автора доклада отправить на его постоянное место службы в Артиллерийский отдел ГУК к 23 марта. При этом С. Н. Мелентьев сможет распределить личный состав объединенного отдела в соответствии с потребностью, разрешить ему выдавать премии.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 44.

³⁵ Структуру Всероглавштаба и ПШ РВСР см. в Приложении 11.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 456. Л. 16–17 об.

³⁷ Там же. Л. 16–17 об.

В мае 1919 г. в МГШ появляется проект организации ВМУ при Полевом штабе РВСР, военно-морских отделов при штабах фронтов и военно-морских отделений при штабах армий³⁸. Согласно проекту «Положения о Военно-морском управлении, Военно-морских отделах и отделениях при ПШ РВСР и штабах фронтов и армий», в компетенцию ВМУ входили оперативные вопросы, вопросы снабжения действующих флотов и флотилий, а также морская разведка и контрразведка. Начальник ВМУ находился в оперативном подчинении начальника ПШ РВСР, начальник Военно-морского отдела фронта — в оперативном подчинении начальника штаба фронта, а начальник Военно-морского отделения армии — в оперативном подчинении начальника Оперативного отдела штаба армии³⁹. Одним из сотрудников МГШ, опытным офицером Г. С. Пилсудским были разработаны штаты: ВМУ — 20 человек (в том числе 8 комсостава), ВМОТдел — 6 человек (в т. ч. 3 комсостава) и ВМОТделение — 7 человек (в т. ч. 3 комсостава)⁴⁰. Оперативный отдел МГШ сделал единственное существенное возражение: по его мнению, ВМОТделения в армиях следует подчинить начальникам штабов непосредственно⁴¹.

Этот проект был подвергнут критике почти сразу же после появления. «Проведенная реформа, однако, далеко не оправдала возложенных на нее надежд»⁴², так как:

I. флоты в военное время должны были бы отделиться от ведомства, которое их снабжает;

II. были разделены на Москву и Петроград центральные учреждения, руководящие флотом;

III. не был решен вопрос о полномочиях уполномоченного РВСР в Петрограде, о его отношениях с наморси Балтийского моря;

IV. «наконец, все проведенные по реорганизации морского ведомства реформы не были в достаточной степени скоординированы с существующей обстановкой»⁴³ (под обстановкой понимались⁴⁴ расстройство и истощение ресурсов, некомплект и неподготовленность

³⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 78. См. Приложение 13.

³⁹ Там же. Л. 79–80.

⁴⁰ Там же. Л. 81.

⁴¹ Там же. Л. 89.

⁴² Там же. Л. 122.

⁴³ Там же. Л. 122.

⁴⁴ Там же. Л. 106.

личного состава, резкие и частые изменения стратегической и тактической обстановки, разделение центральных учреждений между Петроградом и Москвой).

Исходя из таких соображений были предложены «вытекающие из обстановки задания для основных положений новой организации»: строгое и полное разделение труда; простота и гибкость аппарата; объединенное и более детальное в оперативном отношении руководство; объединенное руководство по организации новых частей; органы в Петрограде должны возглавляться авторитетным лицом, а московские органы должны быть подсобными для петроградских. В Петрограде располагались в то время: ГУК, ГМХУ, ГГУ, Упрузамор⁴⁵. Эти принципы не отличались оригинальностью и целиком (кроме последнего пункта) были списаны с аналогичных докладных записок дореволюционного времени.

Основные начала новой организации должны быть следующими:

I. коморси, он же помощник главкома по морской части;

II. упморком с двумя помощниками:

1) начальник МГШ в Москве

2) помощник упморкома в Петрограде

III. при коморси штаб по схеме штаба морских сил с оперативным отделом, специалистами, службой связи и «контингентом лиц для объезда фронтов на предмет более тесного контакта»;

IV. учреждения в Петрограде, возглавляющиеся помощником упморкома, по возможности объединяются в группы. При этом «основной задачей тыловых управлений на ближайшее время следует признать следующее: скорейшую подачу на фронты заготовок и приспособление из имеемого всего того, что может быть фронтом использовано»⁴⁶;

V. из Петрограда в Москву выделяются ячейки учреждений (от «управления вооружений и снабжений») и входят в МГШ технической группой;

VI. «Крайне желательно провести новую организацию в пределах штатов, для чего руководствоваться следующим»:

1) оперативный отдел Штакоморси, специалисты и служба связи берутся из МГШ, люди для связи с фронтами — из частей;

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 106.

⁴⁶ Там же. Л. 106 об.

2) остаток группы операторов МГШ (2–3 человека) объединяется с технической группой (в которую включаются и техническая группа петроградских учреждений);

3) «организация Морского Генерального штаба согласовывается с одной стороны с организацией Штакоморси, а с другой стороны — с организацией тыловых управлений»⁴⁷.

Проект новой реорганизации морского ведомства был доложен Э. М. Склянскому и одобрен им 12 мая 1919 г.⁴⁸

Еще 14 апреля 1919 г. структура Штаба коморси была утверждена приказом РВСР по флоту⁴⁹. ПШ РВСР находился в Серпухове с 10 ноября 1918 по 28 июля 1919 г.⁵⁰, поэтому вновь возникло территориальное разделение центральных органов морского ведомства, вновь повторилась ситуация времен Первой мировой войны, когда ВМУ находилось вместе со Ставкой в Барановичах, а потом в Могилеве. После переезда летом 1919 г. Полевого штаба в Москву все руководство военно-морскими силами вновь сосредоточилось в одном городе.

Был разработан проект структуры штаба коморси, в мае 1919 г. было запрошено утверждение созданных схем.⁵¹ Предложенное «Положение...» предусматривало в составе штаба коморси следующие отделения: оперативное, техническое, распорядительное и канцелярию⁵². «Положение о командующем всеми морскими, озерными и речными силами Республики» (коморси) определяло, что он подчинен Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики (главком). При нем создавался штаб⁵³. В структуре штаба⁵⁴ обращает на себя внимание совмещение функций разработки операций (Оперативное управление) и снабжения действующих сил (флагманские специалисты). Видимо, флагманские специалисты фактически являлись наследниками Технического отделения штаба коморси образца 1919 г.

⁴⁷ Там же. Л. 106 об. — 107.

⁴⁸ Там же. Л. 105.

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 122.

⁵⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 463.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 330. Л. 19.

⁵² РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 349. Л. 28.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 330. Л. 1–13.

⁵⁴ Схема датирована августом 1920 г. См. Приложение 12.

Деятельность штаба коморси началась 3 июня 1919 г. Окончательно же «Положение» о нем было разработано в МГШ к 20 июня и послано начальнику Полевого штаба РВСР в Серпухов⁵⁵. Отзыв едва успели получить к началу совещания по обсуждению окончательного варианта положения о коморси и о его штабе (11 августа,).⁵⁶ В это совещание входили представители Штаба РВСР, Штаба коморси и МГШ. Отсутствие «Положения...» нервировало сотрудников нового органа управления. 25 августа сотрудник штаба бывший капитан 2 ранга С. А. Изенбек и комиссар штаба А. К. Ган запрашивали, что задерживает утверждение положения о нем. Только 27 сентября 1919 г. совещание запросило утверждение приказа о введении Положений о коморси и его штабе.⁵⁷ Положение о коморси предусматривало, что он является помощником главкома по морским вопросам, но при этом не руководит операциями сам (это делают главком и командармы), а является консультантом по морским вопросам⁵⁸.

В. В. Случевский, бывший капитан 1 ранга, служивший в МГШ, записал в 1920 г.: «Недостаточная эластичность конструкции б[ывшего] Генмора особенно начала сказываться в условиях текущей (начавшейся тогда) гражданской войны, с возникновением у нас внутренних фронтов, а вместе с тем речных и озерных флотилий. Ближайшим последствием этого было то, что б[ывший] Генмор как учреждение перестал успевать за темпом вызванной новыми условиями работы и руководить оперативной деятельностью, в значительной степени принявшей характер речных операций, ему было не под силу. Работа б[ывшего] Генмора, которая, по существу, должна была сводиться главным образом к оперативному руководству, в действительности, ввиду его конструкции во многом принимала никчемный академический характер. Обстоятельство это и послужило в естественном порядке причиной к возникновению мысли об организации такого центра при командующем всеми морскими силами Республики (Коморси), который в непрерывном контакте с действительностью принял бы на себя функции оперативно-

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 1. Д. 330. Л. 31.

⁵⁶ Там же. Л. 31—33.

⁵⁷ Там же. Л. 45.

⁵⁸ Там же. Л. 40—41.

административные, не отставая от революционной жизни. Мысль эта приняла конкретную форму в 1919 г., и именно в этом году, 3 июня, в виде такого центра явился сформированный Штаб командующего всеми морскими силами Республики (Штакоморси), в состав которого вошло Особое оперативное управление, предназначавшееся заменить собой впоследствии Генмор»⁵⁹.

Приказ РВСР о структуре морского ведомства за подписями Э. М. Склянского, И. И. Вацетиса и С. И. Аралова вышел в начале июня 1919 г.⁶⁰ Он подводил итоги реорганизации, проведенной весной 1919 г. Согласно ему в состав управления флотом входили: МО РВСР, Управление техническо-хозяйственной частью морского ведомства, Уполномоченный РВСР в Петрограде. Все морские вооруженные силы (и крепости) подчинялись коморси. Эту должность занимал Е. А. Беренс. При коморси состоял Штаб. Наконец, управляющему морским комиссариатом (в это время упморкомом был Н. И. Игнатъев)⁶¹ подчинялись все подразделения, не входившие в действующую армию. Упморком имел двух помощников — начальника МГШ и поморкома (помощник управляющего делами наркомата по техническо-хозяйственной части). При этом коморси и упморкому предоставлялись права МО РВСР по принадлежности.

Е. А. Беренс и Н. И. Игнатъев в руководстве ведомством пришли на смену умершему В. М. Альфатеру. Они возглавили флот Советской России в разгар Гражданской войны, но оба оказались на стороне красных, видимо, случайно.

Евгений Андреевич Беренс (1876–1928) закончил Морской корпус и Штурманский офицерский класс, он участвовал в легендарном бое крейсера «Варяг» с японской эскадрой, будучи старшим штурманом крейсера. Позднее Е. А. Беренс вспоминал, «что возвращаясь в Чемульпо, они думали, что их всех отдадут под суд, а оказалось...

⁵⁹ В. В. Случевский. Б[ывший] Морской генеральный штаб (б. Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси). Цит. по: Кикнадзе В. Г., Войтиков С. С. Органы управления отечественного Военно-морского флота в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 67–68.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 124–124 об. Приказ РВСР № 945 от 5 июня 1919 г.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 125.

дали по Георгиевскому кресту»⁶². В 1910—1914 гг. был морским агентом в Германии, в 1915—1917 гг. — в Италии. После возвращения в МГШ, произведенного в контр-адмиралы Е. А. Беренса личный состав вскоре избрал начальником штаба. Недаром Евгений Андреевич был охарактеризован В. А. Белли как «всеми любимый и уважаемый»⁶³. В марте 1918 г. по приказу Е. А. Беренса в связи с переездом МГШ в Москву были уничтожены основные документы по организации заграничной морской разведки, причиной чего были упорные слухи о том, что большевики являются немецкими агентами⁶⁴. Еще раньше, в феврале 1918 г., МГШ передал всю свою заграничную агентуру Англии⁶⁵. Эти действия позволяют считать, что Е. А. Беренс не доверял Советской власти. По-видимому, такие убеждения он сохранил и позднее. Летом 1919 г. он пытался уйти с поста коморси и изложил причины своего отказа от должности в письме В. И. Ленину. Тогда отставка принята не была, но полгода спустя, в феврале 1920 г., Е. А. Беренса все же переместили на почетный, но абсолютно невлиятельный пост «состоящего для особо важных поручений при РВСР». Так как никаких явных поводов для его отставки не было, остается предположить, что ее причиной было политическое недоверие. Кстати, на такой же пост был определен и А. А. Брусилов, смещенный с поста инспектора кавалерии. 1 июня 1921 г. комиссар при командующем Морскими силами И. Д. Сладков писал заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому: «Доношу, что для участия в комиссии, отправляющейся в Лондон, нами выдвинуты кандидатуры [Н. Н.] Струйского и [Е. А.] Беренса. Первый из них известен как человек вполне лояльный по отношению к Советской власти; второй — хороший дипломат, но человек определенно кадетских убеждений»⁶⁶. 28 ноября (11 декабря) 1917 г. СНК объявил кадетов партией врагов народа, следовательно, в этом документе Е. А. Беренс был охарактеризован как контрреволюционер, умеющий маскировать свои политические убеждения.

⁶² Белли В. А. В российском императорском флоте... С. 75.

⁶³ Там же. С. 186.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 53. Л. 4 об. — Подробнее об этом см. *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского; *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб. М., 2002.

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 102. Л. 14.

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 5. Д. 4. Л. 70.

В сочетании с характеристикой, данной Н. Н. Струйскому, можно полагать, что И. Д. Сладков считал Е. А. Беренса не вполне лояльным по отношению к Советской власти. Мнение комиссара было вполне справедливо: достаточно вспомнить о том, что, оказавшись в командировке в Берлине в конце октября 1923 г., Е. А. Беренс вступил в переговоры с бывшим вождем партии октябристов и одним из лидеров белой эмиграции А. И. Гучковым. Как заметил современный исследователь С. Т. Минаков, «с последним посланец Председателя РВС СССР был в весьма доверительных отношениях в период работы во Временном правительстве»⁶⁷. По свидетельству И. Гессена, Л. Д. Троцкий через Е. А. Беренса предлагал А. И. Гучкову вернуться в СССР. Якобы во время этих переговоров речь шла также и о возможности организации беспрепятственного прохода Красной Армии через территорию Польши для помощи революции в Германии. Однако если Е. А. Беренс и имел задание от Л. Д. Троцкого, то в своих разговорах с А. И. Гучковым был излишне откровенен, так как, по предположению С. Т. Минакова, именно после этой встречи А. И. Гучков, оценивший предложения со стороны Л. Д. Троцкого как признак слабости Советской власти, предложил П. Н. Врангелю перейти к активной деятельности в России, в частности, к террору⁶⁸. При этом родной брат Е. А. Беренса Михаил Андреевич командовал врангелевским Черноморским флотом и увел его в Бизерту. Сам же Е. А. Беренс участвовал от имени советского правительства в переговорах по вопросу о возможном возвращении Францией этих кораблей.

Сложные отношения с большевиками не помешали Е. А. Беренсу занять высшие посты в РККФ. В 1918 г. он представлял флот в Высшем военном совете, после смерти В. М. Альфатера стал командующим всеми морскими, озерными и речными силами Республики (апрель 1919 — февраль 1920 гг.) и непосредственно руководил боевыми действиями. С 1920 г. он состоял для особо важных поручений при РВСР, привлекался в качестве морского эксперта к переговорам с иностранными государствами, участвовал в международных конференциях в Генуе, Лозанне, Риме и Женеве. В 1924–1926 гг. вновь попал на военно-дипломатическую работу, став военно-морским

⁶⁷ Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 286.

⁶⁸ Там же. С. 287.

атташе СССР во Франции и в Англии. С 1926 г. состоял для особо важных поручений при Наркоме по военным и морским делам и председателе РВС СССР. Существует мнение, что Е. А. Беренс был отозван с дипломатической работы из-за критического отношения к развитию военных контактов СССР с Германией. Если Е. А. Беренс действительно был настроен антантофильски, то тогда еще более логичным представляется его поведение в феврале 1918 г., когда заграничная агентура русской морской разведки была передана англичанам по его приказу.

Николай Иванович Игнатъев (1880–1938) прожил не менее насыщенную событиями жизнь. Он учился в Морском корпусе, участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае, в русско-японской войне. В Цусимском сражении он находился на крейсере «Жемчуг». Еще до войны с Японией Н. И. Игнатъев окончил Артиллерийский офицерский класс, а затем стал одним из крупнейших специалистов в области морской артиллерии. Им были разработаны получившие общее признание «Таблицы стрельбы артиллерии», с осени 1915 г. он привлекается к выработке основных характеристик проектируемых новых линкоров с 16-дюймовыми орудиями главного калибра⁶⁹. С мая 1914 г. Николай Иванович служил в Организационно-тактическом отделе МГШ, затем флагманским артиллеристом Балтийского флота. Как писал В. А. Белли, «благодаря неустанной самоотверженной работе ... Николая Ивановича Игнатъева, создавшего новые методы управления огнем, были прекрасно поставлены артиллерийские стрельбы»⁷⁰. С лета 1917 г. он начальник ГУК, капитан 1 ранга. В ноябре 1917 г. Н. И. Игнатъев опубликовал открытое письмо в журнале «Свободный флот» в адрес I Всероссийского флотского съезда с обвинениями революционеров в развале флота. Это не мешало ему сохранить свою должность. Более того, в 1919 г. он занимает еще более высокий пост управляющего делами Наркомата по военно-морским делам, позже переименованный в пост помощника командующего всеми морскими силами Республики по хозяйственной части. После окончания Гражданской войны Н. И. Игнатъев некоторое время возглавлял Техническое

⁶⁹ Подробнее об этом см. *Виноградов С. Е.* Последние исполины российского императорского флота. Линейные корабли с 16" артиллерией в программах развития флота. 1914–1917 гг. СПб., 1999.

⁷⁰ *Белли В. А.* В российском императорском флоте... С. 271.

управление Главного морского технико-хозяйственного управления. В 1922–1926 г. Николай Иванович откомандировывается в распоряжение ВСНХ, преподает при этом в Морской академии и Академии Воздушного флота. В 1926 г. он возвращается в высшее руководство флота, становится председателем Научно-технического комитета Управления ВМС РККА⁷¹. В 1931 г. Н. И. Игнатьев был обвинен в контрреволюционном заговоре и осужден к 10 годам лишения свободы. Причину такой перемены в его положении, видимо, следует искать в борьбе различных теоретических оснований строительства морских сил — доктрины океанского флота («проливная идея») и мысли о необходимости для СССР строительства «малого флота» («заливная идея»). Имелось в виду, что океанский флот должен бороться за Черноморские и Балтийские проливы, а малый флот — действовать у берега, в заливах. Н. И. Игнатьев был ярким представителем идеи океанского флота, строительство которого в нашей стране, как показала практика, было нереальным по экономическим и техническим причинам не только в начале 30-х годов, но даже и десять лет спустя. Условия для воплощения в жизнь этой амбициозной идеи окончательно созрели лишь в 60-е гг. Среди обвинений в 1931 г. звучали и упреки в создании сплоченной группы старых специалистов, которые блокируют молодых, а сами при этом далеки от флотских проблем и подобраны Н. И. Игнатьевым на основании их личной преданности. В 1934 г. Н. И. Игнатьев был досрочно освобожден и работал в НИИ им. А.Н. Крылова. В ноябре 1937 г. он был вновь арестован и в августе 1938 г. расстрелян.

Уместно сказать несколько слов о преемнике Е. А. Беренса на посту коморси А. В. Немитце, которого с Н. И. Игнатьевым связывали неприязненные отношения. Александр Васильевич Немитц (1879–1967) окончил Морской корпус и Артиллерийский офицерский класс, в основном служил на Черном море. В 1905 г. он проявил недюжинное гражданское мужество, выступив защитником попавших под суд матросов во время процесса над участниками восстания на крейсере «Очаков», а когда четверо из них были приговорены к расстрелу, добился помилования у командующего флотом Н. И. Скрыдлова. В 1907 г. А. В. Немитц был прикомандирован к МГШ, но вскоре

⁷¹ Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-ое мая 1928 г. Л., 1928. С. 110.

ушел оттуда на учебу в Николаевскую морскую академию. Перед войной он преподавал в Академии и написал несколько военно-теоретических трудов, в том числе высоко оцененный современниками курс лекций «Прикладная стратегия»⁷². Во время Первой мировой войны А. В. Немитц служил в Ставке Верховного главнокомандующего, затем вернулся на Черноморский флот командиром канонерской лодки, дивизиона эскадренных миноносцев, Минной дивизии. Был награжден Георгиевским оружием и произведен в контр-адмиралы.

С июля 1917 г. А. В. Немитц стал командующим флотом, сменив на этом посту А. В. Колчака. У Александра Васильевича сложились неплохие отношения с матросами, которые не забыли его позиции в 1905 г. Складывалось впечатление, что он должен встать на сторону революции. Однако в декабре 1917 г. адмирал внезапно уехал из Севастополя в штаб Румынского фронта, к генералу Д. Г. Щербачеву. Это произошло за несколько дней до начала расправ с офицерами в Севастополе. Мотивы отъезда А. В. Немитца не до конца ясны, тем более, что Д. Г. Щербачев в то время уже явно выступил против Советской власти. Поступок А. В. Немитца выглядел как дезертирство и переход на сторону контрреволюции. За это ВМК приговорила адмирала к расстрелу, но А. В. Немитц никакого участия в формирующемся белом движении не принял и поселился в Одессе. После освобождения города Красной Армией вспомнили и об А. В. Немитце. А. А. Иоффе, тогда член Совета обороны Украины, летом 1919 г. рекомендовал его в письме к В. И. Ленину. Это письмо содержало критику упморкома Н. И. Игнатъева и намек на плохие отношения между ним и А. В. Немитцем. В. И. Ленин, в свою очередь, поручил Э. М. Склянскому повидать А. В. Немитца и поговорить с ним⁷³. Но бывший адмирал находился в Одессе, а не в Москве, и уже вступил в РККА, оказавшись начальником штаба группы войск И. Э. Якира, прорывавшихся из петлюровско-белогвардейского окружения на север. В составе этой группы действовали войска таких легендарных военачальников как Г. И. Котовский, И. Ф. Федько, И. И. Гарькавый, членом РВС группы был Я. Б. Гамарник. За руководство 400-километровым походом А. В. Немитц становится кавалером ордена Красного Знамени.

⁷² Немитц А. В. Прикладная стратегия: 1912–1913 учебный год. СПб., 1913.

⁷³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. Март–ноябрь 1919. С. 317.

6 февраля 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина принимается решение о назначении «адмирала А. В. Немитца командующим Морскими силами Республики»⁷⁴. Надо отметить, что А. В. Немитц был первым и единственным главой военно-морских сил Советской России, имевшим опыт руководства одним из флотов до революции. Осенью 1920 г. он принимал непосредственное участие в организации взаимодействия сил флота с войсками Южного фронта при изгнании из Крыма войск П. Н. Врангеля. В ноябре 1921 г. А. В. Немитц был сменил Э. С. Панцержанским на посту помгавкомора. В литературе встречаются глухие указания на то, что уход А. В. Немитца был связан с его беспартийностью: «считая, что дальнейшая работа в должности коморси — “беспартийному не по силам”, А. В. Немитц переходит на преподавательскую работу»⁷⁵. Впрочем, и Э. С. Панцержанский никогда не был членом РКП(б). Позднее Александр Васильевич состоял для особо важных поручений при РВСР, одновременно преподавал в Военно-морской и в Военно-воздушной академиях. Можно предположить, что одной из причин фактической отставки А. В. Немитца были плохие отношения с Н. И. Игнатьевым. Как только звезда последнего закатилась и к руководству ВМС пришел В. М. Орлов, А. В. Немитц получает назначение на пост заместителя инспектора ВМС РККА. С 1940 г. он окончательно переходит на преподавательскую работу, получает звание вице-адмирала и в 1947 г. уходит в отставку. А. В. Немитц был женат на Анастасии Александровне Врубель, родной сестре знаменитого русского художника.

Вернемся в 1919 г. Любопытно, что в приказе № 945 упоминался МО РВСР, хотя его права передавались коморси и упморкому, то есть смысл существования этого органа пропадал. Скорее всего, мы имеем дело с неудачно отредактированным текстом и можем считать, что 3 июня 1919 г. МО РВСР был упразднен и создана должность командующего морскими силами (коморси) и управляющего наркоматом по морским делам (упморком)⁷⁶. Таким

⁷⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 8. Ноябрь 1919 — июнь 1920. С. 280.

⁷⁵ *Лебедько В. Г.* Вице-адмирал Александр Васильевич Немитц // *Гражданская война в России: Черноморский флот / Сост. В. Доценко.* М., 2002. С. 285.

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 2. Д. 30. Л. 117; *Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.* С. 369–370.

образом, формально окончательно завершился период коллегиального руководства морским ведомством. Фактически от коллегиального принципа отказались значительно раньше. Уже МО РСФСР состоял всего из двух человек — В. М. Альтфатера и Ф. Ф. Раскольникова, что практически означало наличие командующего военноморскими силами и комиссара при нем. После пленения Ф. Ф. Раскольникова англичанами в самом конце 1918 г. В. М. Альтфатер и вовсе остался единственным членом МО РСФСР.

Штакоморси предполагалось организовать по следующей схеме⁷⁷.

I. Оперативное управление:

- 1) Четыре оперативные части

II. Техническая инспекция:

- 1) артиллерийский инспектор
- 2) минный инспектор
- 3) инспектор по механической части и кораблестроению
- 4) инспектор по штурманской и авиационной частям
- 5) инспектор по личному составу
- 6) инспектор по интендантской части

III. Служба связи:

- 1) шифровально-телеграфная часть
- 2) цифирная часть (составление шифров)

IV. Канцелярия

Предложенная структура продержалась не долго, уже в июле 1920 г. она выглядела так⁷⁸:

1. Оперативное управление:

- а) центральный оперативный отдел
 - 1-я оперативная часть (Балтийское море с бассейнами рек)
 - 2-я оперативная часть (Каспийское море)
 - 3-я оперативная часть (Ледовитый океан с бассейнами рек Сибири)
 - 4-я оперативная часть (Черное и Азовское моря)
- б) иностранный отдел
- в) обще-оперативный отдел

Кстати, надо отметить неустойчивость наименований Штаба коморси. Весной 1919 г. он назывался и Морским оперативным

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. р.—342. Оп. 1. Д. 454. Л. 61 об—63.

⁷⁸ Там же. Л. 88—89 об.

отделением ПШ РВСР, и Военно-морским управлением при ПШ РВСР, и Особым оперативным управлением. Возможно, первоначально было создано некое ядро Штаба коморси, вокруг которого планировалось постепенно создать сам штаб. Его именовали по-разному, пытаясь подчеркнуть, что имеют в виду еще не до конца сформированный штаб.

В результате образования Штаба коморси, позднее переименованного в Штаб всех морских сил Республики, вновь, как и в 1916 г., возникло два органа руководства флотом. Действующими флотами и флотилиями, как предполагалось, должен был руководить Штакоморси, а тыловыми структурами, невоюющими частями флота — МГШ. При этом лучшие кадры МГШ были переведены в Штакоморси, который получил довольно большие штаты. МГШ оказался обескровлен и поставлен на грань ликвидации. Численность его резко упала («на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ »⁷⁹). Наметился дефицит кадров. Руководство штаба начало жаловаться на невозможность удовлетворить все пожелания по выделению новых и новых специалистов из числа штабных работников⁸⁰. Начальником Штатного отделения старым сотрудником МГШ, бывшим морским агентом в Болгарии, капитаном 2 ранга В. В. Яковлевым был поставлен вопрос об усилении людьми с флотов, в первую очередь, Организационного отдела МГШ, где кроме штатных вопросов занимаются вопросами организации службы, подготовки личного состава и обработкой положений о различных учреждениях. В этом Организационному отделу помогает Тактико-технический, «где подрабатываются организационные вопросы с технической стороны»⁸¹.

Стратегическая функция МГШ была выполнена. Как отмечал В. В. Случевский, после выделения штаба коморси «б[ывший] Генмор, до окончательной своей ликвидации в начале 1920 г., постепенно переходил к исключительно тыловой работе»⁸². По иронии судьбы МГШ постигла та же судьба, что и его бывшего заклятого врага — ГМШ.

⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 445. Л. 73. См. Приложение 16.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 454. Л. 53.

⁸² В. В. Случевский. Б[ывший] Морской генеральный штаб (б. Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси) // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 68.

* *
* *

Реорганизация МГШ между тем не закончилась. 16 июня 1919 г. временно исполняющим обязанности начальника МГШ бывшим капитаном 1 ранга В. Н. Черкасовым была подписана схема реорганизации штаба. В докладе, адресованном в РВСР, отмечалось, что существование в составе МГШ органа учета личного состава и управления учебными заведениями (Отдел личного состава и учета и Учебный отдел) не соответствует задачам генерального штаба. Предлагалось выделить эти органы и подчинить их начальнику МГШ как заместителю коморси. В качестве прецедента рассматривалось образование Штаба командующего всеми морскими, речными и озерными силами Республики (коморси). Организационный отдел и Канцелярию МГШ предлагалось оставить без изменений, а Оперативно-Мобилизационный и Технический реорганизовать согласно приложению к записке⁸³.

Доклад В. Н. Черкасова предполагал разделение МГШ на четыре отдела⁸⁴.

I. оперативно-технический отдел:

- 1) оперативное отделение;
- 2) 1-е техническое отделение, занимающееся вопросами кораблестроения, подводного плавания, «механическое дело» (судовые механизмы), автомобильное дело, портовое строительство и ремонт;
- 3) 2-е техническое отделение, занимающееся вопросами артиллерии, фортификации, минного и заградительного дела, электротехники (слово «электротехника» сопровождалось в документе знаком вопроса, проставленным от руки) и радио (зачеркнуто в документе);
- 4) 3-е техническое отделение, занимающееся вопросами пороха и взрывчатых веществ, штурманского дела, службы связи, авиации и радио (вписано от руки);
- 5) историческое отделение;

⁸³ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 64, 80–81 об.; Д. 238. Л. 16. См. Приложение 15.

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 454. Л. 58–61 об.

II. организационный отдел:

- 1) штатное отделение;
- 2) уставное отделение;
- 3) отделение общих дел;
- 4) отделение учета (перечислено в тексте, но не обозначено в кратком перечне отделений. Возможно оно по ходу обсуждения было исключено);

III. Отдел личного состава флота и учета:

- 1) отделение комплектования;
- 2) отделение по службе личного состава;

IV. Учебный отдел:

- 1) учебное отделение;
- 2) распорядительное отделение;

V. Канцелярия МГШ:

- 1) информационное бюро в Петрограде.

Данный проект, видимо, встретил поддержку в высшем руководстве вооруженными силами, и в июне 1919 г. в развитие приказа РВСР № 945 появился проект приказа РВСР, который предусматривал выделение из МГШ УЛИСО и Упрузамора, приравнивание МГШ к строевым штабам, подчинение начальнику МГШ, как помощнику управделами НКМД, УЛИСО и Упрузамор, выработку новых штатов. На проекте имеется подпись Э. М. Склянского и резолюция, возможно принятая начальником МГШ: «Если штаты, выделенные УЛИСО и Упрузамору придется увеличить, то войти с дополнительным докладом. Если же только увеличение власти и окладов, то Э. М. Склянский согласен. О приравнении к строевым штабам — отдельный мотивированный доклад»⁸⁵.

14 июля 1919 г. был подписан приказ управляющего делами НКМД № 439 о введении в действие временных штатов МГШ на основании протокола междуведомственной подкомиссии при МГШ от 25 и 26 июня 1919 г.⁸⁶

Собственно, этот проект и был реализован. 13 августа 1919 г. врид начальника МГШ С.М. Холодовский в письме на имя комиссара МГШ А. К. Гана сообщал, что он готов, в соответствии

⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 55.

⁸⁶ Там же. Л. 68.

с представлением Коморси Республики, сообщить о структуре МГШ⁸⁷. Структура МГШ была такова.

1. Оперативно-мобилизационный отдел:
 - а) оперативное отделение;
 - б) мобилизационно-экономическое отделение;
2. Организационный отдел:
 - а) штатное отделение;
 - б) уставное отделение;
 - в) отделение общих дел;
3. Тактико-техническое отделение:
 - а) 1-я группа (кораблестроение, подводное плавание, механическое и автомобильное дело, портовое строительство, ремонт);
 - б) 2-я группа (артиллерия и крепости);
 - в) 3-я группа (минное дело, заграждения, радио, пороха и взрывчатые вещества);
 - г) 4-я группа (штурманское дело, служба связи, авиация);
4. Канцелярия.

Очевидно, что структура, описанная С. М. Холодовским, вполне совпадает со структурой, предложенной В. Н. Черкасовым.

Несмотря на то что МГШ сократился численно и начал превращаться в тыловой орган, желание продолжать реорганизации не ослабело. В августе 1919 г. появилась идея восстановления мобилизационно-экономического отделения, либо экономического отделения, как органа, наблюдающего за военно-морской промышленностью и координирующего ее работу⁸⁸.

В сентябре 1919 г. В. В. Яковлев предложил реорганизовать Штатное отделение МГШ, «придерживаясь схемы наркомвоена», где проекты штатов подготавливаются во Всероглавштабе, а «приводятся в окончательный вид в согласии с вновь выходящими распоряжениями и приказами и с существующими формами делопроизводства» в Канцелярии. В морском ведомстве для этого потребуются усилить Канцелярию МГШ двумя штатными единицами. При этом проведение штатов в междуведомственной штатной подкомиссии останется за Штатным отделением МГШ⁸⁹. Здесь мы,

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 454. Л. 151–153.

⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 456. Л. 24.

⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 454. Л. 52.

пожалуй, впервые сталкиваемся с прямым заимствованием опыта сухопутного ведомства, чего старались всеми способами избегать, понимая, что создание похожих на сухопутные структур морского управления может в перспективе привести к подчинению морского ведомства сухопутному.

В. В. Яковлев 19 ноября распорядился «переписать срочно, хотя бы и сверхурочно в 18 экз.» объяснительную записку о структуре МГШ⁹⁰. Эта записка не во всем соответствует схеме, упоминавшейся выше. Так, технический отдел разбит в записке на шесть групп (кораблестроительная, подводного плавания, механического дела, автодела, портового строительства и ремонта), а не на четыре отделения. В организационном отделе в записке не значится историческое отделение, присутствующее на схеме. Видимо, структура подразделений МГШ уточнялась и после ее официального утверждения. Надо полагать, что реорганизации настолько вошли в повседневную деятельность штаба, что 3 октября 1919 г. исполняющий должность начальника МГШ Г. Г. Грече испрашивал у упморкома разрешение на учреждение должности помощника начальника МГШ, который занялся бы организацией работы самого штаба⁹¹.

После создания Штаба коморси наступила эпоха постепенного заката МГШ. Неизбежно должна была появиться (и появилась) идея слить МГШ с техническими и снабжающими органами и создать единый тыловой орган флота, лишенный оперативных функций, что вызвало сопротивление МГШ и его борьбу за строевой статус. В связи с этим обстоятельством, а также в связи с худшим материальным положением сотрудников МГШ по сравнению со Штабом коморси, появилась записка о необходимости признания МГШ строевым учреждением, обслуживающим флот⁹². В записке указывалось, что МГШ должен иметь преимущество перед другими генеральными штабами, так как в него «вливается часть наиболее сведущих и выдвинувшихся представителей флота», он не формируется из особого корпуса офицеров генерального штаба. В записке отмечалось, что штабкоморси — учреждение временного характера, тогда как МГШ — постоянный орган. «Наличие “Ставок” в последнее время не исключало деятельность Генеральных штабов, также ближайшим образом

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 65–67 об.

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 6–6 об.

⁹² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 454. Л. 64–66.

обслуживающих фронты и флоты, но на других основаниях»⁹³. МГШ — учреждение постоянное, и в то же время не административно-хозяйственное, следовательно, он может претендовать на статус строевого учреждения, тем более что 2 августа 1918 г. Высший военный совет признал этот статус за МГШ, и это постановление до сих пор не отменено. Даже после выделения штакоморси в компетенции МГШ останется выработка штатов, уставов, разработка организационных вопросов строевого характера⁹⁴.

Можно предположить, что с офицерами МГШ сыграло дурную шутку то обстоятельство, что до революции не был создан корпус офицеров морского генштаба. Высшее руководство Советской России хорошо осознавало ценность офицеров сухопутного корпуса генштаба, вплоть до того, что отдельные военачальники Красной Армии, не окончившие Академию Генерального штаба, причислялись к Генеральному штабу в качестве почетной награды. На флоте же отсутствовал столь ясный формальный признак высшей военной квалификации. Поэтому выделить наиболее ценных специалистов среди массы флотских офицеров было затруднительно. Следует отметить, что спор о необходимости создания корпуса офицеров генерального штаба на флоте имеет давнюю историю. Вопрос о нем поднимался еще в начале 90-х годов XIX в. и обсуждался после русско-японской войны⁹⁵. Однако было решено, офицерам Штаба нельзя обособляться от флота и самим созданием корпуса офицеров МГШ будет спровоцировано ухудшение общего мнения об МГШ⁹⁶.

О постепенном избавлении МГШ от оперативных функций свидетельствует справка, представленная осенью 1919 г. В ней утверждалось, что Морской Генеральный штаб после выделения Штаба командующего морских сил успел проделать ряд важных работ⁹⁷. Например,

⁹³ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 454. Л. 80 об.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См., например, докладную записку начальнику МГШ А. А. Эбергарду лейтенанта барона Б. Н. Гойнинген-Гюне 2-го от 28 сентября 1911 г., который, в частности, предлагал особое форменное отличие (аксельбант синего цвета) для офицеров МГШ (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1—10).

⁹⁶ Резолюция начальника МГШ А. А. Эбергарда на записке лейтенанта Б. Н. Гойнинген-Гюне, упомянутой выше. (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1—10). Подробнее см.: *Назаренко К. Б.* «Мозг» флота России: От Цусимы до Первой мировой войны. С. 143.

⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 536. Л. 2—25.

по Уставному отделению были пересмотрены уставы (дисциплинарный, караульной службы и внутренней службы) и осуществлена передача Кронштадтской следственной тюрьмы и арестантского лазарета в морское ведомство из ведения Наркомюста.

Кроме того, были представлены:

1. положение об управлении портами;
2. положение об управлении Санитарной частью флота;
3. положение о корабельных судах;
4. образование новых уставных комиссий;
5. об образовании делопроизводства по судебным вопросам в Морском комиссариате;

6. положение об Упморкоме;

7. организация печатания уставов;

8. выяснение понятий «красноармеец», «комсостав» и прочих;

В работе находились:

1. положение о коморси;
2. вопрос о Высшей военно-морской инспекции;
3. вопрос о присвоении особых прав командующему Верхнеднепровской флотилии;
4. вопрос об образовании морского отделения Военно-хозяйственной академии;
5. положение о комиссарах;
6. вопрос о передаче дел Штатного отдела МГШ Канцелярии НКМД;
7. вопрос о реорганизации управления Кронштадтской крепостью;
8. подбор материалов по проекту о военно-морском законодательном совете;
9. вопрос об участии в комиссиях и совещаниях;
10. вопрос о выдаче справок и словесных заключений;
11. вопрос о производстве дознаний и расследований;

Одновременно с этим мобилизационно-экономическое отделение МГШ вело работы по привлечению гражданских судов на флот, обратной передаче их Главоду, а Штатное отделение разрабатывало таблицы комплектации и штаты; занималось зачислением военных судов в ранги и т. д.

Нетрудно заметить, что работа МГШ теперь сосредоточилась на юридических и организационных вопросах.

Пересмотр уставов лежал на Морской редакционной комиссии и ряде подкомиссий для составления уставов и правил специальных служб для флота и береговых частей, созданных в феврале 1919 г. в МГШ в соответствии с докладом, утвержденным Э. М. Склянским и В. М. Альтфатером⁹⁸. Частично они должны были заседать в Москве, частично — в Петрограде. Под руководством начальника МГШ, за 4 месяца предполагалось разработать прежде всего Морской устав и Устав караульной службы, затем Дисциплинарный устав, Устав внутренней службы для береговых частей флота и, в последнюю очередь, правила специальных видов службы, Хозяйственный устав и правила прохождения службы личным составом.

Вскоре бывший капитан 1 ранга В.С. Вечеслов представил проект основных положений «Морского устава воинского воспитания военно-морского флота (дисциплинарный устав)»⁹⁹. Дисциплину устав определял как «воспитание и самовоспитание». Новшеством была идея условного наказания за первый дисциплинарный проступок, с тем чтобы в случае совершения второго проступка наказание удваивалось.

14 февраля 1919 г. из МГШ в РВСР поступило предложение образовать комиссию и подкомиссии для разработки новых уставов. Одна подкомиссия должна была заняться составлением Морского устава¹⁰⁰ и Устава корабельной службы, другая — Дисциплинарного устава и Устава внутренней службы береговых частей, наконец, третья — правил специальных служб. Это было тем более актуально, что в Красной Армии уже были введены новые уставы внутренней и гарнизонной служб, и ожидалось издание Дисциплинарного устава. Э. М. Склянский и В. М. Альтфатер дали согласие на это предложение. Общие положения уставов должны были утверждаться РВСР, к работе предполагалось привлечь представителей флота и опытных специалистов. Срок устанавливался в 4 месяца. Наиболее остро встал вопрос об обязанностях моряков и порядке корабельной службы. Переписку уставная комиссия должна была вести через Уставное отделение МГШ. Первую и третью подкомиссии предполагалось образовать в Петрограде, а вторую — в Москве. Подкомиссия по со-

⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. р.—342. Оп. 1. Д. 455. Л. 180—182 об. Приказ РВСР № 115 от 22 февраля 1919 г.; л. 185.

⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. р.—342. Оп. 1. Д. 455. Л. 187—190 об.

¹⁰⁰ Под Морским уставом подразумевался Боевой устав ВМФ.

ставлению правил специальных служб должна была состоять из семи секций — артиллерийской, минной, радиотелеграфной, механической, штурманской, авиационной и санитарной¹⁰¹.

Уже 18–19 февраля состоялись первые заседания совещания под председательством В. М. Альтфатера, в которое входили комиссар МГШ В. И. Пенкайтис, М. К. Сафронов и представители от МГШ, Балтийского флота, Морской академии и Волжской флотилии. Было решено в первую очередь (до «15–20 апреля сего года»¹⁰²) разработать Устав внутренней службы на судах, Боевое наставление (включающее в себя разделы о свойствах военно-морского оружия, о применении этих свойств «в отдельных типовых формах боевой обстановки» и о применении принципов, изложенных в предыдущих разделах, к отдельным типам боевых кораблей), Дисциплинарный устав. Устав боевой службы на судах должен был быть окончен к 1 мая. Прочие уставы — Хозяйственный, Караульной службы, Правила специальных служб (службы на подводных лодках, штурманской службы, речных операций, стрельбы по берегу) — должны были разрабатываться впоследствии. Все уставы, кроме Дисциплинарного, Караульной службы и Правил специальных служб, должны были разрабатываться в Петрограде, а эти три — в Москве. Надзор за разработкой уставов был возложен на бывшего капитана 2 ранга Г. Н. Пелля¹⁰³. К лету 1919 г. появились уставы внутренней службы, воинского воспитания (дисциплинарный), о караулах и правила специальных служб¹⁰⁴.

В частности, из проекта Устава морской караульной службы (введенного взамен Устава о караульной службе на военных судах 1913 г.¹⁰⁵) была устранена «парадная» часть, благодаря чему объем устава сократился на одну треть. Ограничено участие корабельного караула в церемониях, теперь он должен был участвовать только в подъеме и спуске флага, в приветствиях судов 1 и 2 рангов, в смотрах, в похоронах на корабле. Было добавлено описание караульного помещения.

В разработке уставов моряки несколько отставали от сухопутной армии, где их составление началось еще с осени 1918 г. В морском

¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 400–402 об.

¹⁰² Там же. Л. 474–475.

¹⁰³ Там же. Л. 474–475.

¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 223.

¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 12–13 об.

ведомстве, правда, уже летом 1918 г. появилась инициатива снизу: штаб Балтийского флота представлял проект дисциплинарного устава в Коллегию наркоммора еще 19 июля 1918 г.¹⁰⁶, однако тогда никаких действий предпринято не было.

Вполне очевидно, что все эти вопросы не слишком близки к оперативным. Ирония истории по отношению к МГШ заключалась в том, что он во многом превратился в свой антипод — Главный морской штаб — и тоже потерял вес в ведомстве, уступив свое место Штабу коморси.

* *
*

Одновременно с реорганизацией «старых» подразделений происходило создание новых. Так, по инициативе начальника МГШ Е. А. Беренса и комиссара штаба Л. М. Рейснер приказом по флоту и морскому ведомству от 14 февраля 1919 г. было образовано Архивное отделение флота и морского ведомства с подчинением Морискому (Комиссия по исследованию и использованию опыта войны на море в 1914—1918 гг. — Мориском). Задачей Архивного отделения было собирание архивных материалов и приведение их в порядок. Работа велась под руководством управляющего 2-м отделением III-й секции ЕГАФ (бывший Архив Морского министерства) А. И. Лебедева¹⁰⁷, опытного архивного работника, заведовавшего Архивом Морского министерства еще с 1912 г.

В начале 1919 г. упорядочивается система военно-судебных органов Советской России и начинается работа комиссии под председательством Н. В. Крыленко по установлению норм уголовного права (процессуального и материального) в связи с восстановлением судов в военном ведомстве (военные трибуналы, полковые суды, следователи). При Организационном отделе Всероглавштаба было учреждено Особое делопроизводство по судебно-организационной части в РККА. 13 марта 1919 г. МГШ подготовил доклад о необходимости учреждения революционного трибунала в морском ведомстве. Уже на другой день В. М. Альтфатер утвердил штаты организационно-судной части (ОСЧ) при МО РВСР. Тогда же эти штаты были внесены

¹⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 216 об.

¹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 894. Л. 8, 10.

на обсуждение межведомственной штатной подкомиссии¹⁰⁸. 31 марта 1919 г. междуведомственная штатная подкомиссия при МГШ рассмотрела вопрос об утверждении временных штатов организационно-судной части при МО РВСР. Во главе подкомиссии в то время стоял старший помощник начальника Штатного отделения МГШ П. И. Шуберский, представителем от Наркомфина был Д. Г. Тарасов, от госконтроля — А. А. Милославский, от ГМХУ — А. Беляев¹⁰⁹. Подкомиссия решила ввести штат нового подразделения с 1 июля 1919 г. в количестве 4-х человек. Данный штат был утвержден в качестве временного (до 1 июля) и объявлен приказом РВСР 12 апреля 1919 г.¹¹⁰

Фактически организационно-судная часть (или особое дело-производство) приступила к работе в середине мая 1919 года¹¹¹. 22 мая 1919 г. в СНК было направлено представление о выделении 15 706 руб. 48 коп. на организацию судебной части при МО РВСР с отзывами НКФ от 16 мая и НКГК от 17 мая того же года¹¹². Учитывая темпы инфляции, нельзя сказать, что сумма, запрашиваемая для организации ОСЧ, была значительной.

Работа нового органа заключалась в участии в комиссии Н. В. Крыленко, даче заключений по вопросам военно-морской юстиции и руководстве существующими судебными органами. За время работы удалось¹¹³:

1. выработать положение об организационно-судной части, которое было представлено на утверждение наркомун;
2. выработать временные правила о производстве дознаний;
3. дать заключение по вопросам о назначении дисциплинарных взысканий в Астрахано-Каспийской флотилии, о прекращении следствия по делу бывшего заведующего временными санитарными складами морского ведомства Сплendorинского и др.
4. подготовить к привлечению к ответственности виновных в издании незаконного приказа к выдаче 1 382 814 руб. 40 коп. морякам Волжской флотилии;

¹⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 194–195 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 66–67. — Второй инициал читается плохо.

¹¹⁰ Там же. Л. 75. Приказ РВСР № 254 от 12 апреля 1919 г.

¹¹¹ Там же. Л. 194–195 об.

¹¹² Там же. Л. 108.

¹¹³ Там же. Л. 194–195 об.

5. провести техническую работу по выработке схем судебных органов;

6. принять участие в комиссии военного ведомства по выработке процессуальных и материальных норм уголовного права;*

7. ходатайствовать в СНК о выдаче кредита на существование Судебно-организационной части.

Есть упоминание штата ОСЧ из 6 человек, в т. ч. 4 — комсостав¹¹⁴. Этот штат был утвержден в качестве временного в августе 1919 г.¹¹⁵

Наркомат государственного контроля предпринял поход против данного органа, в результате деятельность ОСЧ была прекращена 1 июля 1919 г. в связи с прекращением срока действия временных штатов, введенных 12 апреля того же года¹¹⁶. Дважды морское ведомство обращалось в СНК с просьбой о кредитах, но оба раза неудачно.

В июне 1919 г. появился проект приказа РВСР о введении в действие «Положения о Судебно-организационной части НКМД»¹¹⁷.

7 июня 1919 г. в Малом Совнаркоме вторично был рассмотрен вопрос об отпуске средств на судебно-организационную часть. Проект, предложенный морским ведомством, был единогласно отклонен после протеста представителя госконтроля, который ссылался на декрет о суде. На следующий день упморком получил доклад¹¹⁸, в котором говорилось, что в военном ведомстве аналогичный орган действует под названием Особого делопроизводства при Организационном управлении Всероссийского Главного штаба, а ссылка госконтроля на декрет 24 ноября 1917 г. игнорирует законодательство за полтора прошедших года и неверна по существу, так как военная и морская юстиция созданы после декрета о суде. Кроме того, организационно-судная часть не суд, а административный орган. Существуют отдельные органы военной юстиции (реввоен трибуналы, полковые суды) и морской юстиции (реввоен трибуналы и дисциплинарные суды), существует острая необходимость в единообразной организации судопроизводства, сама организационно-судная часть уже создана согласно приказу по флоту и морскому ведомству

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 145.

¹¹⁵ Там же. Л. 167.

¹¹⁶ Там же. Л. 194—195 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 132.

¹¹⁸ Там же. Л. 138—138 об.

№ 254, а представители госконтроля не возражают против создания данного органа на междуведомственном совещании.

16 июля состоялось очередное заседание комиссии при МГШ по вопросу «об учреждении в морском ведомстве органа, ведающего вопросами судебного характера», то есть об организационно-судной части¹¹⁹. В заседании приняли участие: начальник Уставного отделения МГШ В. В. Яковлев, его помощник А. М. Добровольский, начальник Отделения общих дел А. Ю. Постриганев, помощники начальника Штатного отделения Н. А. Иордан и Н. Л. Миллер, комиссар МГШ К. А. Гайлис, комиссар Канцелярии Морского комиссариата А. К. Ган. Комиссия установила, что судебно-организационная часть прекратила свою деятельность 1 июля из-за отказа Малого СНК в кредите на ее существование. Еще раз указывалось, что в военном ведомстве существует и успешно действует особое делопроизводство, которое подготовило и провело, в частности, декрет о полковых судах. А. К. Ган предложил передать деятельность по консультированию судов ВВМИ, «усилив ее одним–тремя юристами, а наблюдение за существующими судебными органами поручить особому бюро, делопроизводству. Насущная потребность в таком бюро проглядывает в каждой получаемой с мест телеграмме и многочисленных запросах по предстоящей организации судебных органов»¹²⁰. К. А. Гайлис всецело поддержал А. К. Гана. Н. Л. Миллер подробно изложил организацию Особого делопроизводства Всероглавштаба. Он предложил создать делопроизводство по судебным вопросам при Канцелярии НКМД, со штатами применительно к штатам бывшей организационно-судной части, а вопрос о включении юристов в состав ВВМИ передать на ее рассмотрение.

20 ноября 1919 г. ВЦИК утвердил положение о ревтрибуналах¹²¹.

* *
*

В 1918–1919 гг. остро стояла проблема контроля над исполнением на местах распоряжений центра и информирования центральных органов о положении на местах. Чтобы решить эту проблему,

¹¹⁹ Там же. Л. 144, 150–151.

¹²⁰ Там же. Л. 151.

¹²¹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 337. Л. 16.

15 или 16 сентября 1918 г.¹²² было утверждено Положение о Высшей военной инспекции. Его подписали: председатель РВСР Л. Д. Троцкий, главком И. И. Вацетис, члены РВСР К. А. Мехоношин, К. Х. Данишевский, И. Н. Смирнов. ВВИ делилась на 2 отдела — военный и политический¹²³. В №137 за 1918 г. «Известиях Наркомвоена» Н. И. Подвойский опубликовал статью «Рабочее-крестьянская красная армия мировой пролетарской революции и ее контрольный орган — Высшая военная инспекция»¹²⁴.

Вскоре появилась идея обзавестись подобным же органом в морском ведомстве. Положение о Высшей военно-морской инспекции (ВВМИ) было утверждено 15 марта 1919 г.¹²⁵ Предполагалось, что ВВМИ будет органом РВСР по инспектированию ВМФ под непосредственным руководством МО РВСР. Целью ее образования была фактическая проверка исполнения распоряжений, «сбор материалов и инструктирование на местах». В составе ВВМИ предполагалось иметь двух инспекторов, чьи должности соответствовали должностям старших флагманов, двух политических комиссаров, управляющего делами и его помощника, двух машинисток и двух конторщиков¹²⁶.

ВВМИ начала свою работу не позднее середины мая 1919 г. Правда, довольно долго руководители гражданских ведомств сомневались в необходимости ее существования. Вопросы вызывало кажущееся взаимное дублирование деятельности ВВМИ и Наркомата государственного контроля. 30 апреля 1919 г. Малый СНК постановил обратиться с запросом в госконтроль и наркомфин о необходимости существования данной инспекции¹²⁷. 26 (25?)¹²⁸ мая 1919 г. собралось первое заседание Междуведомственной штатной комиссии при МГШ с целью рассмотреть вопрос о создании Высшей

¹²² На 16 сентября указывает РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 459. Л. 26; на 15 сентября — РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 165.

¹²³ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 29–31.

¹²⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 459. Л. 26.

¹²⁵ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 146, 181 об. Приказ РВСР №195 от 15 марта 1919 г.

¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 184. Л. 680–681.

¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 148.

¹²⁸ Дата 25 мая приводится в: РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 459. Л. 40–48 об.; дата 26 мая — РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 109.

военно-морской инспекции¹²⁹. Председателем ее был начальник Уставного отделения МГШ В. В. Яковлев, в нее входили помощник В. В. Яковлева А. С. Фадеев, начальник Морского оперативного отделения Полевого штаба РВСР Г. С. Пилсудский, представитель НКФ С. И. Федоров, представитель НКГК, помощник управляющего Военно-морским отделом этого наркомата П. Д. Сиувский. Представитель госконтроля внес предложение объединить ВВМИ и НКГК и созвать совещание из представителей морского и контрольного ведомств для определения границ полномочий объединенного контроля. Представитель наркомфина предложил объединить обе инспекции одним ответственным лицом, причем моряки заявили, что это легко сделать в рамках РВСР. Один из представителей морского ведомства заявил, что надо экономить время, поэтому ВВМИ необходимо организовать при коморси Республики, так как целью существования инспекции является, в основном, проверка исполнения оперативных распоряжений коморси¹³⁰.

Проект положения об этом органе подготовил Г. С. Пилсудский:

1. ВВМИ является органом РВС и коморси;
2. «ВВМИ является органом фактического обследования как осуществляются на местах распоряжения и директивы Верховной морской коллегии»;
3. ближайшим непосредственным руководителем ВВМИ является коморси;
4. инспекция руководствуется общей инструкцией и конкретными указаниями;
5. инспекции проводятся не чаще, чем раз в 1–2 месяца;
6. для делопроизводства учреждается должность управляющего делами ВВМИ;
7. инспекция занимается фактической проверкой исполнения решений и сбором материалов для разных мероприятий¹³¹.

На данном заседании представитель госконтроля заявил, что «ввиду предстоящей реорганизации госконтроля и неопределенного пока вопроса об организации Военного и Морского контроля» необходимо созвать совещание представителей госконтроля,

¹²⁹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 109.

¹³⁰ Там же. Л. 181 об.

¹³¹ Там же. Л. 111.

морского ведомства и ВВМИ, однако созыв такого совещания выходит за рамки компетенции морского ведомства и для этого необходимо решение РВСР¹³². В итоге было принято предложение обратиться в РВСР с просьбой созвать комиссию и «разрешить вопрос об инспекции в полном объеме»¹³³.

ВВМИ должна носить двойственный характер. С одной стороны, это орган командования (в обязанности инспекции входила проверка строевой и боевой деятельности), а с другой стороны — административный орган. Как орган, имеющий командные функции, ВВМИ не могла быть объединена с Госконтролем, так как в декрете о Госконтроле от 2 апреля 1919 г. было сказано, что на это ведомство возлагаются «функции непосредственного контроля, обеспечение осуществления декретов и постановлений центрального правительства во всех областях хозяйства и государственного управления»¹³⁴. С другой стороны, нет оснований объединять ВВМИ с ВВИ, поскольку строевая служба в сухопутной армии и на флоте различна. Связать их можно, например, путем совместного инспектирования приморских крепостей и совместных мероприятий армии и флота. Кредиты на содержание инспекции в течение первой половины 1919 г. так и не были отпущены. По предложению представителя Госконтроля было решено содержать инспекцию за счет сметных остатков в течение первого полугодия 1919 г. Из-за отсутствия средств появилось предложение содержать инспекцию в минимальном штате (два инспектора, два комиссара и небольшое управление делами), непосредственное руководство и выработку заданий для инспекции возложить на МО РВСР и присоединить управление делами ВВМИ к МГШ, так как именно Морской Генеральный штаб будет, в основном, пользоваться итогами инспекций¹³⁵.

Даже эти минимальные штаты не были заполнены. Инспектор был только один — опытный моряк, бывший контр-адмирал С. В. Зарубаев, второго положенного инспектора не было, за управляющего делами инспекции был А. Бекман, комиссаром — А. К. Ган. Вскоре выяснилась необходимость в связи с ликвидацией Судебно-организационной части усилить ВВМИ двумя—тремя лицами с юридическим

¹³² РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 452. Л. 117.

¹³³ Там же. Л. 181 об.

¹³⁴ Там же. Л. 117.

¹³⁵ Там же. Л. 180—180 об.

образованием, проверить гостиницу «Красный флот» и установить ее подчиненность¹³⁶.

7 июля 1919 г. Э. М. Склянский приказал учредить комиссию по вопросу о реорганизации Военной и Морской инспекций в составе двух представителей от ВВИ, двух от НКМД, по одному от НКФ и НКГК. Задачей комиссии должна быть выработка положения об инспекциях военного и морского ведомств, которое надо было затем представить в РВСР. Председателем комиссии назначался А. М. Мочульский¹³⁷. 5 августа 1919 г. в комиссию при Организационном управлении Всероглавштаба были назначены представителями морского ведомства А. М. Добровольский и А. С. Фадеев¹³⁸.

Комиссия под председательством А. М. Мочульского по вопросу о взаимоотношениях между госконтролем и инспекциями (военной и морской) начала работать в августе 1919 г. и рассмотрела два вопроса¹³⁹. Прежде всего, вопрос о присоединении Высших военной и морской инспекций к Наркомату госконтроля. В соответствии с докладом МГШ от 31 мая, такое слияние было признано нецелесообразным и противоречило декрету о задачах Госконтроля от 2 апреля 1919 г. В этом декрете на Наркомат госконтроля возлагались лишь функции административно-хозяйственного контроля, но не технического контроля и не контроля над оперативной деятельностью. Во-вторых, рассматривался вопрос об объединении военной и морской инспекций в одном органе. Поскольку флот не действует самостоятельно в открытом море, а взаимодействует с армией, военное и морское управление уже объединены в лице РВСР, «не предрешая вопрос о том, какой орган должен быть органом объединяющим».

В приложении к докладу МГШ о задачах ВВМИ от июля 1919 г. приведена схема ее взаимоотношений с РВСР, Высшей военной инспекцией и Госконтролем¹⁴⁰. Схема предполагает, что ВВИ и ВВМИ подчиняются РВСР и Наркомату госконтроля, при инспекциях имеется «Постоянное совещание по вопросам обследования совместных операций и морских крепостей».

¹³⁶ Там же. Л. 149.

¹³⁷ Там же. Л. 152. Д. 459. Л. 71.

¹³⁸ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 156.

¹³⁹ Там же. Л. 165.

¹⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 459. Л. 66.

Несмотря на крохотные штаты и постоянные организационные неурядицы, инспекция обследовала в июле 1919 г. Кронштадтский порт и Северо-Двинскую флотилию. Согласно «Справке о деятельности чинов военно-морской инспекции помимо исполнения ими прямых своих обязанностей»¹⁴¹, сотрудникам ВВМИ удалось поучаствовать в комиссии о деятельности Кронпорта и его отношениях с местным совнархозом, в комиссии о наличии топлива в Балтийском флоте, в следственной комиссии по вопросу о Тюб-Караганском бое и о деятельности Астрахано-Каспийской флотилии, в следствии по делу о гибели канонерских лодок «Терек» и «Рошаль», в расследовании о злоупотреблениях в Волжско-Каспийской флотилии, в обследовании Мариинской водной системы и о передаче Главоду судов для усиления снабжения Петрограда топливом. На зиму 1919–1920 гг. планировалось инспектирование разработки планов кампании 1920 г. и ремонтных работ.

После окончания инспектирования Волжской флотилии ВВМИ выехала в Петроград 22 мая 1919 г.¹⁴² По окончании работы ВВМИ в Петрограде был представлен доклад в РВСР «по расследованию обвинения ответственных руководителей Кронштадтского порта в преступной небрежности в деле снабжения Балтийского флота»¹⁴³. В докладе говорилось, что 13 марта начальник ГУК дал распоряжение Кронштадтскому порту приступить к заготовке необходимого для летней кампании имущества. Ко 2 апреля выяснились сведения о количестве необходимого, и 7 апреля Кронштадтский порт передал 28 ведомостей с требованиями Чрезкомснабу и Совнархозу Северного района. В «Северохозяйстве» эти требования пролежали без движения по 20 апреля, «сначала ввиду болезни (сыпной тиф) Монецова (председатель «Северохозяйства»), взявшего их на дом, а затем вследствие наступивших праздников»¹⁴⁴. Таким образом, к 1 мая ничего заготовлено не было. Председатель Чрезкомснаба и председатель Совнархоза Северного района написали Л. Д. Троцкому жалобу на флотское начальство, обвиняя его в крайне позднем представлении требований. По указанию Л. Д. Троцкого ВВМИ и должна была расследовать произошедшее.

¹⁴¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 164.

¹⁴² РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 459. Л. 53–59 об.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

Комиссия пришла к выводу, что обвинения в адрес флотского начальства необоснованны, но состояние порта удручающее. Прежде всего, острый недостаток топлива, затем некомплект и необученность команд кораблей. Задания, даваемые флоту, постоянно меняются, поэтому невозможно планировать заготовки, при этом задания по снабжению выполняются в объеме свыше 70 %¹⁴⁵.

В сентябре 1919 г. была ликвидирована Высшая военная инспекция во главе с Н.И. Подвойским, «в связи с принятием ВЦИК Положения о Наркомате госконтроля»¹⁴⁶. Упразднение ВВИ и ВВМИ было очередным шагом к укреплению системы субординации в вооруженных силах Советской России. Теперь единственным авторитетным контролирующим органом в армии и на флоте становились комиссары и политотделы, а двойной контроль в виде специальных инспекций с широкими и не слишком определенными полномочиями упразднялся. Кроме того, ВВИ во главе с Н. И. Подвойским, стойким противником регулярной армии, могла сыграть определенную роль в дискредитации того курса военного строительства, который проводил Л. Д. Троцкий. Существование ВВМИ, конечно, не имело такого политического подтекста.

* * *

*

Одновременно с созданием МО РВСР происходит перестройка органов управления флота. 5 декабря 1918 г. передана телеграмма Л. Д. Троцкого о том, что РВСР принял решение поставить во главе морских сил на Балтийском море РВС флота в составе начальника морских сил С.В. Зарубаева, членов РВС Б.П. Позерна и С.П. Нацаренуса. Одновременно объявлялся распущенным Совет комиссаров Балтийского флота (Совкомбалт)¹⁴⁷.

В марте 1919 г. в Петрограде разработали проект «Положения о РВС БФ»¹⁴⁸, исходя из указаний комиссии под председательством коморси (с участием членов РВС БФ и комиссара МГШ). Подготовила проект Юрисконсультская часть штаба БФ и представители

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 137.

¹⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 452. Л. 90.

¹⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

МГШ. К «Положению о РВС БФ» прилагалось «Основное положение о составе и взаимоотношениях РВС БФ».

Согласно проекту РВС БФ назначался, а не избирался, и становился «высшей военной и политической властью на Балтийском флоте». РВС БФ был ответственен только перед РВСР. Он обладал правом назначения и перемещения должностных лиц вплоть до командиров судов 1 ранга, предоставления отпуска «внутри Республики» продолжительностью до двух месяцев, а раненым и больным — до четырех месяцев. РВС БФ обладал правом давать директивы командующему флотом, все распоряжения командующего должны были визироваться одним из членов РВС и без такой визы были недействительны¹⁴⁹.

Согласно «Основному положению о составе и взаимоотношениях РВС БФ» совет состоял из «политических членов» и командующего флотом «как высшего военного руководителя». «Политические члены» обладали высшей политической властью на флоте, ведали «политическо-социальным воспитанием», один из них непосредственно заведовал Политотделом флота, другой — состоял при командующем. Круг деятельности РВС определялся «Положением о РВС БФ»¹⁵⁰.

В марте 1919 г. по поручению В. М. Альтфатера, Е. А. Беренса и Л. М. Рейснер было создано два проекта: основного положения о составе и взаимоотношениях чинов РВС БФ и положения о РВС БФ. Они были обсуждены в Петрограде при участии начальника МГШ Е. А. Беренса, наморси Балтийского моря бывшего контр-адмирала А. П. Зеленого, членов РВС БФ А. В. Баранова и В. И. Пенкайтиса, комиссара Л. М. Рейснер, представителей МГШ и штаба БФ, однако «дальнейшего движения эти проекты не получили»¹⁵¹. До октября 1919 г. проект так и не был утвержден¹⁵².

Одновременно с созданием МО РВСР значительно сократилась численность центральных управлений, и появилась идея перевести значительную их часть (если не все органы управления тылом флота) в Петроград. Стали предпринимать действия в этом направлении. В конце 1918 г. в Петрограде утвержден в должности уполномоченный

¹⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 1. Д. 335. Л. 2—9.

¹⁵⁰ Там же. Л. 10—15.

¹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. р—342. Оп. 1. Д. 452. Л. 90.

¹⁵² РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

РВСР. ГУК полностью переведено в Петроград, «на очереди» стоял вопрос о переводе туда же ГМХУ. Складывалась редкая для истории отечественного флота ситуация, когда его центральные учреждения могли оказаться территориально разнесенными.

Вопрос о связи центральных органов управления с периферией стоял тогда весьма остро. Например, осенью 1918 г. особая комиссия обследовала состояние Балтийского флота и обнаружила очень плохую связь начальника морских сил моря с МГШ¹⁵³. Это породило идею создания информационного бюро в Петрограде для связи с центральными учреждениями. Вопрос о формах координации решался довольно долго. Только 21 декабря 1918 г. приказом РВСР И. И. Вахрамеев был назначен уполномоченным РВСР по снабжению флота в Петрограде¹⁵⁴. 1 января 1919 г. его полномочия были расширены, он стал управляющим техническо-хозяйственной частью морского ведомства¹⁵⁵. В тот же день было объявлено «Положение об управляющем техническо-хозяйственной частью морского ведомства и уполномоченном РВСР по снабжению флота в Петрограде»¹⁵⁶. В круг ведения уполномоченного перешли ГУК, ГМХУ, ГГУ, управление заводами и портами морского ведомства, военный отдел при Коллегии наркомата по морским делам (НКМД) в Петрограде. Главной задачей уполномоченного стали достройка и ремонт кораблей в Петрограде.

16 июля 1919 г. начальник исторического отделения МГШ Н. В. Новиков в письме упморкому Н. И. Игнатьеву упоминал о том, что в Петроградское отделение МГШ (Петрогенмор) входят историческое отделение и канцелярия Петрогенмора. Другое ее название — информационное отделение. Еще осенью 1918 г. отмечали, что это название неудачное. «Полагаю, что «информационное бюро» своим названием пугает людей дела, так как с понятием информации связано что-то неважное, необходимое лишь как одно из бесчисленных средств осведомления», — говорилось в докладе особой комиссии, которая обследовала состояние Балтийского флота в начале осени 1918 г. По мнению работников той же комиссии,

¹⁵³ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 455. Л. 31–35.

¹⁵⁴ Там же. Д. 452. Л. 42. Приказ РВСР № 873 от 21 декабря 1918 г.

¹⁵⁵ Там же. Л. 43. Приказ РВСР № 1 от 1 января 1919 г.

¹⁵⁶ Там же. Л. 43–45. Приказ РВСР № 2 от 1 января 1919 г.

необходимо было реорганизовать работу бюро, поскольку она не систематизирована¹⁵⁷.

Штаты этих учреждений к тому времени были сокращены до предела. Так, в Историческом отделении работали, кроме самого Н. В. Новикова, еще два сотрудника — заведующий архивом и библиотекой, а также делопроизводитель-архивист. В канцелярии трудились всего четверо, включая заведующего, машинистку, служащего для поручений («на вакансии машиниста») и сторожа. По новому штату канцелярия упразднялась и сливалась с Историческим отделением, причём сокращалась должность младшего помощника начальника отделения (которую занимает начальник Канцелярии Петрогенмора Н.Н. Рихтер) и одна должность машиниста¹⁵⁸.

24 июля 1919 г. ставится вопрос о создании Центральной регистратуры НКМД в Петрограде¹⁵⁹. Кандидатом в заведующие стал М. Н. Варфоломеев, бывший младший чиновник Архива Морского министерства, занимавший в тот момент должность заведующего временным архивным подготовительно-справочным отделом флота и морского ведомства. В регистратуре предусматривалось 8 должностей комсостава и столько же некомсостава.

* *
*

Уход немцев с Украины и занятие ее советскими войсками в конце 1918 — начале 1919 гг. поставило вопрос о возрождении Черноморского флота под вывеской военно-морских сил УССР. Характерно, что ни о какой реальной самостоятельности украинского советского флота речь не шла даже теоретически. 6 апреля 1919 г. Н. И. Подвойский, занимавший тогда должность наркомвоенмора Украины, обратился к В. М. Альтфатеру и Л. М. Рейснер с просьбой указать кандидатуру для замещения должности комфлота и командира экипажа. Морское управление Украины выдвинуло на пост комфлота бывшего капитана 1 ранга А. И. Шейковского (в документе назван «Швейковским»), комиссаром при нем матроса А. В. Полупанова. В качестве командира экипажа был предложен бывший прапорщик

¹⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 31–35.

¹⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 894. Л. 2.

¹⁵⁹ Там же. Л. 11.

по морской части С. В. Максимов. На должность начальника Морского управления Украины был выдвинут бывший прапорщик по механической части А. Т. Дармороз (в документе назван «Дарморос») ¹⁶⁰.

Реакцией на обращение Н. И. Подвойского стал утвержденный Э. М. Склянским и В. М. Альтфатером 10 апреля 1919 г. доклад МГШ о создании на «Украине» морского отдела, как первоначально хотели назвать этот орган, или морского бюро, как оно стало называться в действительности. Очевидно, что, отвергая термин «отдел», стремились подчеркнуть большую самостоятельность этого органа по отношению к Москве. Туда были командированы бывший капитан 1 ранга Г. И. Бутаков «для организации военно-морского дела на Украине» и начальник 4-го оперативного отдела МГШ С. М. Холодовский ¹⁶¹. Н. И. Подвойский в телеграмме на имя Л. Д. Троцкого (копия В. М. Альтфатеру и Л. М. Рейснер) сам просил откомандировать на Украину из Орла Г. И. Бутакова 4-го ¹⁶² (правда, именуя его почему-то капитаном 2 ранга), видимо, считая его ценным специалистом. Правда, в отношении Г. И. Бутакова Н. И. Подвойский серьезно ошибся: тот перешел на сторону белых в мае 1919 г., хотя буквально накануне ему дали хорошую характеристику: «вполне подготовленный моряк, соответствующий своему назначению» и даже назвали товарищем ¹⁶³. Точно так же к белым в июле 1919 г. перешел А.И. Шейковский

1 мая 1919 г. подписывается доклад о результатах проверки морских учреждений Советской Украины силами Высшей военной инспекции. Выяснилось, что на Украине существовали самостоятельные военно-морские структуры с «первых чисел ноября» 1917 г., когда была образована Морская генеральная рада, затем преобразованная в Генеральный секретариат, а позже — в Народное министерство по морским делам. «Правительственные перевороты и смена власти отражались лишь на изменении названия ведомства. С восстановлением на Украине Советской власти министерство было переименовано в Комиссариат Морских Сил, а впоследствии

¹⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 1. Д. 184. Л. 816.

¹⁶¹ Там же. Л. 813.

¹⁶² Там же. Л. 814

¹⁶³ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1000. Л. 32 об.

в Морское управление, подчиненное Штабу Наркомвоена»¹⁶⁴. Однако Одесский окружной военный комиссариат «самостоятельно подчинил себе все местные морские учреждения в его округе, что сильно затрудняет работу центра». «Положение в Севастополе [осталось] не выяснено. Для связи с РСФСР от РВС командирован тов. Холодовский, кроме того Моруп (Морское управление Украины. — К. Н.) о всей своей работе ставит в известность Генмор РСФСР»¹⁶⁵.

Моруп Украины был организован следующим образом.

1. Технический отдел (52 сотрудника по штату, 30 на лицо)
 - а) кораблестроительное отделение:
 - подотдел по постройке судов;
 - подотдел по ремонту судов;
 - подотдел по подводным судам;
 - б) механическое отделение;
 - в) отделение боевого вооружения:
 - артиллерийский подотдел;
 - минный;
 - электротехнический;
 - г) техническое бюро;
 - д) строительный отдел;
 - е) отдел общих дел;
 - ж) канцелярия;
2. Хозяйственный отдел (по штату — 34 сотрудника)
 - а) финансовое отделение:
 - сметно-кассовый подотдел;
 - бухгалтерский подотдел;
 - б) отделение снабжения:
 - продовольственно-вещевой подотдел;
 - подотдел по снабжению топливом, шхиперским имуществом и техническим материалом;
3. Юрисконсультский отдел
4. Санитарный отдел (по штату — 8 сотрудников)
5. Учебный отдел (по штату — 10 сотрудников):
 - а) организационное отделение;
 - б) учебное отделение;
 - в) хозяйственное отделение;

¹⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1000. Л. 32—43.

¹⁶⁵ Там же. Л. 32 об.

6. Общая канцелярия (27 сотрудников):

- а) общее отделение;
- б) приказное отделение;
- в) комендантское отделение.

Вполне очевидна традиционная структура этого органа управления, копировавшая типичные образцы подобных органов в России. Обращает на себя внимание лишь достаточно высокое положение юрисконсультской службы, поднятой до уровня отдела. Кстати, в украинском морском ведомстве попытались внедрить ведение хозяйственной отчетности по системе двойной бухгалтерии, однако «в последнее время» перешли на систему «применительно к книге 15 Свода морских постановлений»¹⁶⁶. Это лишний раз подчеркивало тенденцию к унификации административных органов советских республик с соответствующими структурами РСФСР, причем на базе дореволюционного законодательства.

В докладе ВВИ отмечалось, что «в своей деятельности отделы руководствуются неутвержденным положением». «Главным препятствием в работе [Технического] отдела является его оторванность от заводов и портов и расстройство транспорта». «В ближайшее время выработается положение об управлении заводами, произведется оценка материалов и заводских магазинов, рассмотрится ряд коллективных договоров, штаты и сметы на 1919 г.»¹⁶⁷

Указывалось, что в РСФСР планируется передать в ведение Наркомздрава как самостоятельные отделы Главное Санитарное Управление флота и Главное Военно-Санитарное Управление.

Работа общей канцелярии была описана в точных цифрах. Отмечалось, что «исполнение бумаг» быстрое, входящих в день в среднем $4\frac{2}{3}$, исходящих 6, но канцелярия плохо оборудована и не укомплектована нужным для выполняемого объема работ количеством сотрудников.

Всего в Морупе полагалось по штату 179 служащих, из них всего 47 специалистов.

В качестве показателя работы Морупа говорилось о том, что к осени возможно вступление в строй нескольких подводных лодок и «даже» двух миноносцев — «Цериго» и «Занте», Верхнее-

¹⁶⁶ Там же. Л. 39–39 об.

¹⁶⁷ Там же.

Днепровская флотилия сформирована, Нижнее-Днепровская в стадии формирования, морской авиации нет, «если не считать один действующий аппарат».

В заключении говорилось, что временное положение, по которому существует Моруп, предусматривает его дальнейшее преобразование в наркомат, «но такое преобразование вряд ли будет осуществлено при существующей в настоящее время тенденции к централизации всех вооруженных сухопутных и морских сил»¹⁶⁸.

На рубеже 1918–1919 гг. поле деятельности морского ведомства расширилось. Уход со сцены немецкого флота, освобождение Украины от немцев и австрийцев и появление перспектив возрождения Черноморского флота, начало наступления Красной Армии на востоке с выходом к великим сибирским рекам должно было оживить деятельность морских штабов. Действительно, темпы реорганизаций увеличились. С одной стороны, на флоте продолжается укрепление субординации, начатое еще весной 1918 г. МО РСФСР, как уже отмечалось, состоял из фактического командующего ВМФ (В. М. Альфатер) и комиссара при нем (Ф. Ф. Раскольников), так что нельзя говорить о МО РСФСР как о коллегиальном органе в буквальном смысле этого слова. Появление летом 1919 г. должности командующего всеми морскими, озерными и речными силами Республики означало окончательный отказ от рудиментов коллегиального управления флотом. Формирование Штаба коморси (впоследствии — Штаба всех морских сил Республики) привело к постепенному затуханию деятельности МГШ, который отдал новому органу «право первородства». Постепенно в конце 1918–1919 гг. упорядочивается система управления флотами и флотилиями. Судовые комитеты были распущены, созданы РВС флотов и флотилий, главную роль в которых играли командующие, а «политические члены» — второстепенную.

¹⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1000. Л. 42.

Глава VI

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ

(1920–1921 гг.)

Окончание Гражданской и Советско-польской войн поставило перед Советской Россией вопрос о переходе вооруженных сил к существованию в условиях мира. Правда, мир этот в начале 20-х годов был достаточно зыбким, продолжались боевые действия против вооруженных формирований различного происхождения, обычно называвшихся бандами. Эти вооруженные формирования зачастую получали поддержку от властей сопредельных государств, что делало их еще опаснее. С другой стороны, оставалась надежда на скорый революционный взрыв в развитых странах Европы, который прорвет кольцо международной блокады советских республик. Только с середины 20-х годов можно говорить о наступлении более-менее полноценного мирного периода, и то не на всей территории страны: беспокойно было в Средней Азии и на Северном Кавказе. Поворот от политики военного коммунизма к НЭПу поставил вопрос об источниках снабжения вооруженных сил и о порядке такого снабжения.

Переход флота на мирное положение осложнялся вопросом о его дальнейшей судьбе. В очередной раз в эпоху экономической разрухи появлялось сомнение в необходимости существования полноценных морских сил нашей страны. Основная сложность заключалась в вопросе об источниках финансирования флота и о распределении скудных бюджетных средств между флотом и сухопутной армией.

Надо учитывать то обстоятельство, что вопрос о возрождении флота не сводился к технической проблеме изыскания средств

на строительство и ремонт кораблей и на содержание личного состава. Расходы на полноценный флот должны были составить такую астрономическую сумму, что для ее оправдания требовались особые политические соображения. Действительно, если бы руководство СССР поставило на повестку дня вопрос об экспорте революции путем военного похода в Европу или сопредельные страны флот должен был бы сыграть в этих условиях существенную роль. Достаточно вспомнить, что основной объем военных грузов во время советско-польской войны Польша получала по морю через Данциг, так как Германия отказывалась пропускать в Польшу военные грузы. Если бы Балтийский флот был достаточно силен для организации блокады этого единственного польского порта, победа Красной Армии под Варшавой стала бы очень вероятной.

С другой стороны, специфика военно-морских сил состоит в достаточно большой свободе маневра ими. Это приводит к тому, что не только слабый, но даже средней силы флот как правило, не соответствует задачам, стоящим перед великой державой. Другая великая держава, обладающая более сильным флотом, может перебросить его в любой уголок мирового океана и захватить господство на море даже у берегов другого континента. В конкретной ситуации 20-х годов это означало, что, если бы Великобритания и Франция ввели свои корабли в Балтийское и Черное моря, слабые советские военно-морские силы ничего не могли бы им противопоставить. Японский флот на Дальнем Востоке находился в еще более благоприятных условиях, ведь красные военно-морские силы на Тихом океане полностью отсутствовали. Для оказания эффективного противодействия английскому, французскому или японскому флотам требовалось иметь флот, сопоставимый с флотами этих сильных морских держав, причем на каждом из изолированных морских театров. Единственной альтернативой строительству мощного (и фантастически дорогого) флота было создание «москитных» сил — подводных лодок, торпедных катеров, минных заградителей, которые во взаимодействии с береговой артиллерией и авиацией, при наличии подготовленного личного состава и оборудованных баз, могли оказать противнику сильное сопротивление и прикрыть побережье, но, конечно, не смогли бы разгромить морские силы врага. Впрочем, о дискуссиях сторонников «океанского» и «москитного» флотов можно написать не одно исследование.

После окончания Гражданской войны у многих руководителей советского морского ведомства возникла иллюзия, что руководство страны, движимое идеей мировой революции, пойдет на строительство сильного линейного флота. В принципе, политическое руководство СССР могло выбрать курс на непосредственное военное вмешательство в дела соседних государств. В историографии принято связывать такой курс с именем Л. Д. Троцкого. На наш взгляд, весьма важно, что глава советских вооруженных сил и стал, вольно или невольно, главным трубадуром «экспорта революции». Однако комплекс многообразных причин, не последнее место среди которых занимала экономическая разруха в Советской России, привел к отказу от активной внешней политики. Следовательно, отпадал вариант немедленного усиления военного флота. Это не означало, что для военных специалистов терялась возможность влияния на высшее руководство страны. Как отмечал О. Н. Кен, «в новых политических условиях молодая военная стратегия обладала двойными притязаниями — претензией на воплощение важнейших традиционных интересов государства и на определение практических приготовлений к “новому туру войн и революций”»¹.

В конкретных исторических условиях перед советским руководством снова встал вопрос о принципах военного строительства, актуальный для государств с любым социально-политическим строем. Вопрос об устройстве вооруженных сил Советской России вновь начал активно обсуждаться, когда Гражданская война стала близка к завершению². Специфика этого спора состояла в том, что кроме традиционных антагонистов (профессиональных военных и чиновников финансового ведомства) в нем принимали участие видные деятели РКП(б), опиравшиеся в своих проектах на идеи, заложенные в программе большевистской партии. Вопрос о замене регулярной армии всеобщим вооружением народа поднимался в программах почти всех европейских социал-демократических партий начала XX в. В программе-минимум РСДРП 1903 г. также содержался

¹ Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008. С. 23.

² Бочков Е. А. Экономические, социально-политические и военные аспекты территориально-милиционного устройства Вооруженных сил СССР в 1920–1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 32–34.

пункт о необходимости замены «постоянного войска всеобщим вооружением народа»³.

VII Съезд РКП(б) в марте 1918 г. в резолюции «О войне и мире» указал на необходимость «всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения без различия пола, военным знаниям и военным операциям»⁴. 22 апреля 1918 г. был издан декрет ВЦИК о всеобщем военном обучении, который стал первым шагом по организации армии на милиционных началах. Через два дня в составе Управления военно-учебных заведений был создан Центральный отдел всеобщего военного обучения. В январе 1919 г. этот отдел был преобразован в Главное управление всеобщего военного обучения и формирования Красных резервных частей (ГУВВО). Летом—осенью того же года была развернута сеть территориальных кадров Всеобщуча⁵.

В резолюции VIII Съезда РКП(б) по военному вопросу (март 1919 г.) проблема перехода к всеобщему вооружению народа была скорректирована, но осталась руководящей идеей военного строительства: «Отбрасывая на ближайший исторический период так называемый *всенародный* характер милиции, как он значился в нашей старой программе, мы отнюдь не порываем с программой милиции как таковой. <...> Милицию мы переносим на классовые основы и превращаем ее в советскую милицию. Очередная программа работы состоит, следовательно, в создании армии рабочих и крестьянской бедноты на основе обязательного обучения военному делу внеказарменным, по возможности, путем, т. е. в условиях, близких к трудовой обстановке рабочего класса. <...> Можно считать теоретически неопровержимым, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях, близких к их повседневному труду <...> К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем»⁶.

³ Второй съезд РСДРП. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II Съезде партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1. С. 62.

⁴ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Резолюции съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 27.

⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 123–124.

⁶ Восьмой съезд РКП(б). Резолюции и постановления съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 94–95.

IX Съезд РКП(б) (март–апрель 1920 г.) вынес специальную резолюцию «О переходе к милиционной системе», где разъяснялись и конкретизировались положения, принятые на предыдущем съезде, подчеркивалась необходимость тесной привязки организации армии к производственным районам⁷. Практически к проведению милиционного принципа в РККА удалось приступить только с августа 1923 г., когда десять стрелковых дивизий были переведены на милиционные начала⁸.

Среди большевиков, стоявших в годы Гражданской войны у руководства вооруженными силами, было много убежденных сторонников милиционной системы. Одним из самых преданных приверженцев милиционной армии был Н. И. Подвойский, безуспешно отстаивавший эту идею весной 1918 г. и впоследствии не изменивший своих взглядов. Характерно его выступление на Втором Всероссийском съезде политработников в декабре 1920 г., где Н. И. Подвойский оппонировал главному докладчику И. Т. Смилге. По наблюдению последнего, «комплектованные из “земляков” части хорошо дрались на чужой стороне. Но на родине они никуда не годились. Солдата тянуло к хате, и он дезертировал и во время наступления, и во время отхода, не желая расставаться с домом»⁹. И. Т. Смилга выступал не только против милиционной армии, но и против территориального принципа укомплектования, который может существовать и в кадровой армии (например, территориальный принцип комплектования существовал в прусской и германской армиях в XIX — первой половине XX в.) Н. И. Подвойский возражал И. Т. Смилге, оперируя умозрительными построениями. Он полагал, что подготовленную армию может дать «только милиционная система», при которой «совершенно отсутствует муштра, а происходит нормальное воспитание — и физическое, и культурное, и техническое — юношей от 16 до 18 лет и притом не в одиночку, а массовое» и без отрыва от производительного труда. «Наше военное строительство должно быть

⁷ Девятый съезд РКП(б). Резолюции съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 265–266. Приложение 17.

⁸ Вишняков Н. П., Архипов Ф. И. Устройство вооруженных сил СССР. М., 1927. С. 21.

⁹ Политработник. 1921. № 1. С. 10. Цит. по: Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 196–197.

построено на массовом вовлечении в работу всех трудящихся при помощи наших партийных и профсоюзных организаций»¹⁰, — отмечал Н. И. Подвойский.

Ф. Энгельс в одном из писем К. Марксу еще в 1868 г. пришел к отрицанию милиционной армии как практического мероприятия. Он писал: «Американская война (Гражданская война в США. — К. Н.), где милиция была у обеих сторон, доказывает только, что милиционная система требует совершенно неслыханных жертв деньгами и людьми именно потому, что организация существует только на бумаге. Каково пришлось бы янки, если бы вместо южной милиции им противостояла бы постоянная армия в несколько сот тысяч человек? Прежде чем Север успел сорганизоваться, они оказались бы уже в Нью-Йорке и Бостоне и <...> продиктовали бы мир <...> самое главное — это хорошие офицеры и доверие людей к офицерам, — то и другое при милиционной системе совершенно недостижимо! <...> Только со времени введения оружия, заряжающегося с казенной части, с чистой милицией по-настоящему покончено. Это значит, что любая рациональная военная организация не может не представлять собой нечто среднее между прусской и швейцарской системой, — но что именно? Это зависит в каждом отдельном случае от обстоятельств. Только коммунистически устроенное и *воспитанное* (курсив Ф. Энгельса. — К. Н.) общество может очень близко подойти к милиционной системе, но и то полностью не достигнет ее»¹¹. Говоря о «швейцарской» системе, Ф. Энгельс имел в виду чисто милиционную армию, кадры которой в мирное время ничтожны, а военнообязанные призываются лишь на короткие сборы. Под «прусской» он подразумевал кадровую регулярную армию со сравнительно длинными (2—3 года) сроками действительной службы.

Однако какие бы споры ни вызывал милиционный принцип построения армии, проблему применимости милиционных начал к флоту следовало решать отдельно. Если вопрос о переводе сухопутной армии на милиционные начала после окончания Гражданской войны в России был сравнительно ясен (здесь требовалось быстрое и радикальное сокращение числа военнослужащих), то с флотом

¹⁰ Политработник. 1921. № 1. С. 14; Цит. по: *Молодцыгин М. А.* Красная Армия. С. 196—197.

¹¹ Энгельс—Марксу. 23 января 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 32. С. 19—20.

яности было значительно меньше. Нетрудно заметить, что о военноморских силах в резолюциях партийных съездов практически ничего не говорилось, поскольку все внимание было приковано к сухопутной армии, а принципы, предложенные для строительства сухопутных сил, считались применимыми для флота. С одной стороны, флот был значительно малочисленнее армии, он составлял менее 2 % численности вооруженных сил. Казалось бы, что это обстоятельство делало не столь актуальным его быстрое сокращение. С другой стороны, корабельный состав флота за годы Гражданской войны резко уменьшился, что требовало соответствующего сокращения личного состава, особенно после ликвидации большинства речных и озерных флотилий. Кроме того, Кронштадтское восстание 1921 г. заставило задуматься о политической благонадежности моряков, а тяжелое состояние экономики поставило вопрос о возможности поддержания хотя бы минимального состава флота. Проблема перехода морского ведомства на милиционную систему комплектования осложнялась планами объединения Военного и Морского комиссариатов в единый наркомат. Хотя Реввоенсовет и объединял формально оба ведомства, фактически их аппараты были самостоятельны.

К весне 1921 г. РККФ насчитывал свыше 96 000 человек¹², тогда как перед началом Первой мировой войны на флоте служило 35 000 человек, а летом 1917 г. флот насчитывал более 150 000 матросов и офицеров¹³ (увеличение в 4,3 раза, сокращение к 1921 г. в 1,6 раза). Примерно та же тенденция наблюдалась и в армии: до мобилизации армия состояла из 1 423 000 солдат и офицеров¹⁴, к лету 1917 г. она увеличилась до 7 400 000 человек¹⁵, весной 1921 г. численность РККА составляла 5 500 000 человек¹⁶ (сначала увеличение в 5,2 раза, затем сокращение в 1,3 раза).

Осенью 1920 — весной 1921 гг. в морском ведомстве действовал целый ряд комиссий и совещаний, которые вырабатывали основы перехода флота на мирное положение. В центре их внимания стояли вопросы о применимости милиционной системы к флоту

¹² РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 5. Д. 4. Л. 105, 107.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 194. Л. 505–506.

¹⁴ *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века. С. 15.

¹⁵ *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 186.

¹⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 296.

и о противодействии идеям поглощения морского комиссариата военным ведомством. Несмотря на изменение названий комиссий и корректировку их состава, они работали приблизительно в одном направлении, и у руля их стояли одни и те же люди.

Осенью 1920 г. начала работу «Комиссия по выработке оснований при переходе Морского комиссариата на мирное положение» под председательством известного военно-морского теоретика, автора ряда печатных работ М. А. Петрова (бывший капитан 1 ранга, начальник Оперативного управления Морского штаба Республики, многолетний сотрудник Морского Генерального штаба). В комиссии работали авторитетнейшие руководители морского ведомства. Среди них были опытные сотрудники МГШ: Б. И. Доливо-Добровольский (бывший капитан 1 ранга и начальник морской разведки), Л. Г. Гончаров (бывший капитан 1 ранга и начальник Оперативного отдела МГШ), Е. Н. Смирнов (бывший начальник Мобилизационно-экономического отдела МГШ), начальник Главного управления кораблестроения бывший генерал-майор С. О. Барановский, его заместитель Д. П. Уайт, опытные командиры кораблей бывшие капитаны 2 ранга М. П. Арцыбушев и С. А. Паскин. В комиссию входил также бывший начальник ОГК, бывший контр-адмирал С. И. Фролов. Судя по словам Ф. Ф. Раскольников, С. И. Фролов в свое время не просто принял Февральскую революцию, но «горячо говорил окружавшим его гардемаринам: “Я считаю, что должна быть установлена демократическая республика. Другого выхода нет. Только демократическая республика может восстановить мирное положение [внутри страны]”»¹⁷.

В комиссию входил старый большевик К. А. Гайлис, комиссар Морского штаба Республики, который после смерти И. Д. Сладкова в апреле 1921 г. стал комиссаром при командующем всеми морскими силами Республики, а также «выдвиженцы» М. К. Сафронов, П. А. Подобед, Д. Нечаев, К. Кросавский и П. Я. Жабарин. В ряде заседаний участвовал бывший капитан 2 ранга Е. Е. Меньшов¹⁸ и бывший генерал-майор, профессор Военно-юридической академии А. М. Добровольский, поступивший в МГШ после демобилизации русской армии в начале 1918 г.¹⁹

¹⁷ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 28.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 47.

¹⁹ Там же. Л. 33.

О роли, которую играли в морском ведомстве в 20-е годы М. А. Петров и Б. Б. Жерве, хорошо сказал командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 1 июня 1937 г. Он вспомнил, как в свое время считали, что «лучшими людьми, которые могут возродить флот и управлять флотом, являются Петров, Тошаков, Жерве»²⁰. 18 октября 1920 г. состоялось первое заседание комиссии под председательством М. А. Петрова²¹. Перед комиссией была поставлена задача разработать «проект перехода флота на мирное положение в связи с введением в армии милиционной системы»²². В основу работы комиссии была положена «записка с основными тезисами», автором которой, вероятно, был М. А. Петров, но в руководстве Морского комиссариата не было ясности в определении задач данной комиссии. М. А. Петров сразу же заявил коллегам, что он переговорил с начальником Штаба командующего Морскими силами Республики Б. С. Радзиевским, «чтобы выяснить, что конкретно требуется от комиссии, но не получил достаточно определенных указаний и вопрос, по-видимому, сводится практически к тому, чтобы подвести его к какой-то идейной основе...»²³ Комиссии предоставили свободу действий, надеясь, что она создаст концепцию милиционной системы.

М. А. Петров считал, что необходимо разработать принципиальную программу строительства флота и морского ведомства и подвести «идейное обоснование под существующий наш Морской комиссариат»²⁴, поскольку ему грозило присоединение к сухопутному ведомству.

Б. И. Доливо-Добровольский оказался морским начальником, наиболее осведомленным о намерениях сухопутного командования, поэтому несколько раз на различных заседаниях информировал своих коллег о положении «на сухопутном фронте». Незадолго до описываемых событий он случайно узнал о подготовке в сухопутном ведомстве проекта милиционной системы и слияния военного

²⁰ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 86.

²¹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 15. Л. 13.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Д. 3137. Л. 2.

²⁴ Там же.

и морского ведомств. Б. И. Доливо-Добровольский донес об этом начальству и оказался членом комиссии по разработке этого вопроса. Одновременно была создана и «наша комиссия», то есть комиссия под председательством М. А. Петрова. Б. И. Доливо-Добровольский рассказал сослуживцам о том, что в Главном управлении военно-учебных заведений были созданы две комиссии под председательством А. А. Брусилова. «В этих комиссиях огромное большинство офицеров бывшего Генерального штаба высказалось, что они не понимают, что такое милиционная система, и на последнем заседании договорились о том, что не могут выработать милиционной системы»²⁵. Вместе с тем была высказана просьба, чтобы «Правительство» создало эту комиссию в качестве самостоятельного подразделения, а не при Всевобуче. На заседании прозвучали слова: «Мы, как военные специалисты, компетентно отвечаем, что такое армия, но не компетентны ответить, что такое милиционная армия. Это вызвало страшное волнение, и в следующее заседание явился Подвойский и указал, что эта комиссия компетентна решить этот вопрос, что они сами не могут дать ответа — что такое милиционная армия, а мы, военные специалисты, не только компетентны ответить, что такое армия, но и что такое милиционная армия, вместе с тем он ответил, почему нас собрал Всевобуч — что Ленин дал это указание и рассчитывал, что это будет проведено при Всевобуче. Этим вопрос, конечно, был исчерпан»²⁶.

Н. И. Подвойский был горячим сторонником милиционной армии и весной—летом 1918 г. даже пытался провести решение об организации особой «тер-армии» (то есть территориальной армии) в противовес «генеральской» Красной Армии, которая начала перестраиваться на регулярных началах. Вполне естественно, что именно Н. И. Подвойский осенью 1920 г. организовал проработку проектов милиционной армии при Всевобуче. Вместе с тем характерно и то, что Николай Ильич, наученный опытом Гражданской войны, уже не брался сам определять, как надо строить милиционную армию. Военные специалисты были настроены против милиционного принципа вообще, считая, что таким путем сильную армию построить невозможно. Однако ссылка Н. И. Подвойского

²⁵ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 27.

²⁶ Там же.

на авторитет В. И. Ленина оказалась решающей, хотя остается не до конца понятным, в какой форме и почему В. И. Ленин отдал такое распоряжение и отдал ли он его вообще? Право сомневаться в том, что Н. И. Подвойский получил в данном случае категорическое указание В. И. Ленина, нам дает эпизод из его воспоминаний, который характеризует Николая Ильича как ненадежного мемуариста. По словам Н. И. Подвойского, В. И. Ленин 27 октября 1917 г. единоличным решением назначил его четвертым комиссаром по военным и морским делам в дополнение к избранным Вторым Съездом советов П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко и В. А. Антонову-Овсеенко²⁷. В действительности это событие не имело места, и Николай Ильич действовал в ранге заместителя народного комиссара по военным делам²⁸.

В военном ведомстве, кроме комиссий, выработывавших проекты перехода на милиционную организацию армии, в апреле 1920 — феврале 1921 гг. существовала еще и редакционная коллегия по созданию сборника «Два года Красной Армии», в состав которой были включены крупные военные работники, в том числе и Б. И. Доливо-Добровольский, который в январе 1921 г. высказался так: «интернациональным стремлениям должно предшествовать развитие национального патриотизма»; пока еще «идеалы интернационализма мертвы для масс. Поэтому, прибегая при организации армии РСФСР к принуждению, ... воодушевляющую идею приходится заменять воздействием РКП»²⁹.

Таким образом, у Б. И. Доливо-Добровольского было много возможностей для обсуждения с видными деятелями военного наркомата волновавших их вопросов. Он побывал на совещании у начальника Главного управления всеобщего военного обучения и формирования Красных резервных частей Н. И. Подвойского, где присутствовали «военные ученые и деятели Москвы»,³⁰ включая бывшего начальника штаба «Командующего армиями» (видимо, имеется в виду М. Д. Бонч-Бруевич, который летом 1919 г. занимал пост начальника ПШ РВСР, либо его предшественник на этом посту

²⁷ Подвойский Н. И. Год 1917. С. 181–182.

²⁸ Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 14–15.

²⁹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 98; Цит. по: Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление. С. 3.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 3.

Ф. В. Костяев).³¹ Один из участников совещания, бывший генерал-майор А. М. Валуев, «в специальной комиссии под его председательством разработал схему управления Военным комиссариатом на милиционной основе». ³² Эта схема предусматривала объединение военного и морского ведомств, создание единого Генерального и Главного штабов и единого Главного управления снабжения армии и флота. Б. И. Доливо-Добровольский решительно возражал против подобной идеи, ссылаясь на «авторитеты». Он заявлял, что «моряки будут против этой схемы бороться самым категорическим образом»³³. Ему ответили, что желательнее было бы, чтобы «мор[ское] вед[омство] обосновал[о] свое существование в связи с новым государственным устройством, чтобы слить воедино военные операции страны с трудовыми процессами, разработал [о] бы схему своей организации в соображении с новыми идеями устройства вооруженных сил Республики»³⁴. Кроме того, на совещании сам Н. И. Подвойский высоко оценил будущую роль флота, заявив, что «в настоящее время РСФСР представляет кадр для всемирной революции, что эпоха войн не кончилась и что мы должны перейти на вопрос подготовки у себя кадра для войн продкласса (заменено на: «рабочего класса», далее зачеркнуто до конца цитаты. — *К. Н.*) и должны иметь очень большой кадр, потом этот кадр инструкторов должен быть переброшен за пределы РСФСР, и только всеобъемлющий флот даст нам [возможность?] этот кадр [перебросить?]»³⁵. При правке заключительная часть фразы была вычеркнута, видимо, из-за нежелания отрываться от прозаической почвы, на которой стояла комиссия под председательством М. А. Петрова.

В военном ведомстве обсуждалось несколько проектов, созданных в Полевом штабе РВСР, во Всевобуче, «но ни один из этих проектов не был одобрен, потому что относительно милиционной системы в настоящее время нет сложившегося твердого определенного мнения»³⁶. В основу всех проектов были положены тезисы IX Съезда РКП(б). «Сегодня выяснилось, что о переходе к чисто

³¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 124, 494.

³² РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 3.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 3-4.

³⁵ Там же. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 18-19.

милиционной системе не может быть и речи, будет смешанная [система], потому что по пространству нашего государства невозможно на [милиционной] армии остановиться, нужны какие-то прикрывающие части, возможно, построенные на каких-то особых началах. Флот, несомненно, является такой прикрывающей частью, потому комплектование флота должно быть совершенно особенным, должно как-то связываться с милиционной системой, как и будут связываться с ней те части, которые будут стоять на границе»³⁷.

Позиция, о которой рассказывал своим коллегам Б. И. Доливо-Добровольский, была в развернутом виде сформулирована Л. Д. Троцким несколько недель спустя на VIII Съезде Советов 29 декабря 1920 г. Председатель РВСР тогда четко выразил взгляды, к которым пришло военное ведомство в результате дискуссии осенью 1920 г. «Нам необходимо, — говорил Л. Д. Троцкий, — сокращая армию, переходить к созданию новой системы построения армии. Мы будем к ней переходить, товарищи, со всей осторожностью, опираясь на тот опыт, который мы накопили за три года жестоких боев, неудач и побед. Мы не имеем возможности уже сегодня, уже сейчас демобилизовать всю армию. Мы должны иметь страховку против возможных врагов. И эта страховка должна быть достаточно сильна, для того чтобы выдержать первый удар, который нам попытались бы нанести внезапно, чтобы нас застигнуть врасплох. Эта страховка должна быть достаточно сильна, чтобы мы успели в случае опасности поднять тяжелые резервы из среды рабочих и крестьян, прошедших необходимую милиционную выучку. Чем будет определяться соотношение и какова будет пропорция между нашими полевыми частями и между нашими будущими молодыми милиционными частями? Это понятно каждому из нас. Пропорция эта будет определяться тем, в какой мере мы будем ограждены от наших врагов, от угрозы прямого вероломного и хищного удара. И чем более мировое положение Советской Республики и международного рабочего класса будет крепнуть, тем меньше нам понадобится страховка в виде полевых частей, и тем смелее и тверже мы придем к демобилизации наших возрастов. Мы говорим об этом условно. Мы говорим, что, если обстановка позволит, мы это сделаем. Здесь есть элемент неопределенности,

³⁷ Там же.

которая вызвана не нашей нерешительностью, а неопределенностью мировой обстановки, — и наш долг, если вы подтвердите это, и особенно ваш долг, делегаты флота и армии, разъяснить каждому отсталому солдату-красноармейцу, что означает наше заявление о том, что мы не сможем демобилизоваться, если будет в неблагоприятную сторону изменяться мировая обстановка»³⁸. В своем выступлении Л. Д. Троцкий сформулировал идею сочетания кадровых («полевых») и территориально-милиционных частей. При этом он считал возможным, по мере разрядки международной напряженности, увеличение числа милиционных и сокращение числа кадровых частей, но о собственно милиционной армии речи не было.

На очередном заседании комиссии М. А. Петрова 15 ноября 1920 г. Б. И. Доливо-Добровольский поведал о том, как он протестовал и вел частные разговоры с руководителями сухопутной армии, в частности с А. А. Брусиловым и Н. М. Потаповым. Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926) достаточно известен, в Первую мировую войну он командовал армией, Юго-Западным фронтом. Мировую известность ему принесло летнее наступление Юго-Западного фронта в 1916 г., вошедшее в историю как «Брусиловский прорыв». Весной 1917 г. он был верховным главнокомандующим, а в 1923–1924 гг. занимал пост инспектора кавалерии РККА.

Генерал-лейтенант царской армии Николай Михайлович Потапов (1871–1946) около пятнадцати лет был военным атташе в Австро-Венгрии и Черногории, затем служил в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ), в 1917 г. был генерал-квартирмейстером (по современной терминологии — начальником оперативного управления), а затем исполнял обязанности начальника ГУГШ. Будучи много лет связан с военной разведкой как военный агент за рубежом, Н. М. Потапов, видимо, быстрее своих коллег сориентировался в политической ситуации. По свидетельству видного деятеля ВЧК М. А. Кедрова, Н. М. Потапов по собственной инициативе вступил в контакт с большевиками еще летом 1917 г.³⁹ После Октября

³⁸ *Троцкий Л. Д.* Сокращение армии (Сообщение VIII Съезду Советов 29 декабря 1920 г.) // *Троцкий Л. Д.* Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 17. Ч. 2.

³⁹ *Войтиков С. С.* Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — марте 1918 г. // *Вопросы истории.* 2007. № 10. С. 5.

Н. М. Потапов занимал должность управляющего делами Наркомвоена, сотрудника военно-исторической комиссии, председателя Военного законодательного совета (с июня 1920 г.), помощника главного инспектора Всевобуча (с ноября 1921 г.), помощника главного начальника Всевобуча (с июля 1922 г.)⁴⁰. Затем Н. М. Потапов находился на преподавательской работе, в 1936 г. получил звание комбриг и в том же году скончался⁴¹.

А. А. Брусиллов и Н. М. Потапов говорили Б. И. Доливо-Добровольскому: «дайте нам такой клин, который мы могли бы вогнать в нашу систему, если Вы нам ничего не дадите, тогда конечно, пройдет созданная нами система, которая нам представляется нужной; кроме того, выясняется второе обстоятельство, что большинство из политических деятелей — сам Подвойский и большинство офицеров Генштаба вполне охотно присоединились ко мнению о том, что милиционная система для флота вовсе неприменима; мы это понимаем, говорили они. Я же это делал провокационно, хотя уже имел выработанный принцип, что она (милиционная система. — *К. Н.*) у нас принимается условно»⁴². Отсюда, по мнению Б. И. Доливо-Добровольского, вытекают два варианта поведения руководства флотом: 1) флот полностью отказывается от милиционной системы и участия в трудовом процессе, следовательно сохраняет независимость от армии; 2) милиционная система принимается морским ведомством условно, то есть «мы вливаем в себя всю народно-хозяйственную отрасль морского дела — рыболовство, промыслы и торговый флот, но, конечно, не Внешторг, как это я слышал здесь на днях, что совершенно невозможно по политическим условиям»⁴³. Таким образом, создается «всеобщее Адмиралтейство» и флот опять таки освобождается от угрозы слияния с армией.

Участник совещания К. А. Гайлис заявил, что вопрос о судьбе флота не стоит, флот должен существовать, даже если Советская Россия откажется от регулярной армии. Он пояснил, что IX Съезд партии ставил вопрос не о флоте, а об армии, и что этот съезд

⁴⁰ Список лиц с высшим военным образованием, состоящих на службе в РККА. Составлен по данным к 1-му марта 1923 г. [Б.м.], 1923. С. 182

⁴¹ *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР. С. 492.

⁴² РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 15. Л. 13.

⁴³ Там же.

происходил в момент «увлечения трудовыми армиями»,⁴⁴ и именно в этом духе надо понимать его резолюцию. Он полагал, что милиционная система совершенно неприменима к флоту. Это заявление имело особый вес, если учесть, что К. А. Гайлис был членом РСДРП(б) с 1906 г., а в 1920 г. совмещал работу в морском ведомстве с членством во ВЦИК, а также в Кассационном и Верховном трибуналах ВЦИК⁴⁵. Естественно, что К. А. Гайлис не мог не рассматриваться присутствующими как представитель верховной власти.

Уже на первом заседании комиссии М. А. Петрова выяснилось мнение ее участников по поводу обсуждаемых вопросов (приводится в окончательной редакции):

1. «Флот должен существовать даже в том случае, если правительство откажется от создания регулярной армии;
2. Флот не может ни разоружаться, ни оставаться в том состоянии, в каком он пребывает в настоящее время: флот должен быть воссоздан;
3. Флоту должна быть предоставлена самостоятельность в пределах его создания и обучения;
4. Морской комиссариат должен раздвинуть рамки своей деятельности путем привлечения в экономический оборот страны;
5. В России все морские ресурсы ограничены средствами военноморскими, почему надлежит пересмотреть перечень тех потребностей и деятельности, которые надлежит взять и ввести в Морской комиссариат;
6. Трудовая задача для боевых судов флота будет задачей второстепенной и экономическая отрасль должна выявиться на них как побочная деятельность;
7. Милиционная система, как система комплектования флота, к каковому не применима полностью, однако необходимо выработать правила прохождения службы некомпозитом флота, гарантирующую отличную подготовку военмором и совмещающее в себе условие всемерного сокращения срока службы;

⁴⁴ Имеется в виду резолюция IX съезда «О переходе к милиционной системе» (Девятый съезд РКП(б). Резолюции съезда // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 265–266.)

⁴⁵ Гвардейцы Октября: Роль коренных народов стран Балтии... С. 242–244, 404.

8. Что окончательная задача комиссии — схема конструкции Морского комиссариата»⁴⁶.

Позднее, 19 ноября, на четвертом заседании комиссии М. А. Петрова, происходила правка стенограмм предыдущих заседаний. В частности, были отредактированы пункты 3, 4 и 5 решений, принятых на первом заседании. Пункт третий («Флоту должна быть предоставлена самостоятельность в пределах его создания и обучения») был изменен по предложению Б. И. Доливо-Добровольского и приобрел существующий вид. Ранее в этом пункте, видимо, перечислялись конкретные боевые и трудовые задачи флота. Пункт 4-й было решено вычеркнуть, а 5-й, ставший теперь 4-м, изложить в редакции, предложенной И. Е. Хвойником: «Морской комиссариат должен раздвинуть рамки своей деятельности путем привлечения в экономический оборот страны», причем М. А. Петров предлагал другой вариант: «Необходимо аппарат Морского Комиссариата приспособить к выполнению задач, упомянутых в пункте третьем, то есть не только военных, но и трудовых», но его предложение не прошло⁴⁷.

Самой интересной на данном этапе обсуждения была идея подчинения торгового судоходства Морскому комиссариату. Эта идея была вполне естественна и опиралась на мировой опыт. Так, в Италии торговое судоходство контролировало одно из подразделений Морского министерства, в Германии во время Первой мировой войны была организована ловля рыбы в Северном море силами тральщиков военного флота и т.д. После доклада Д. Н. Уайта о применении «трудового начала» на флоте, было решено создать подкомиссию для разработки этого вопроса под председательством С. О. Барановского⁴⁸.

После доклада начались прения, которые М. А. Петров пытался удержать в рамках повестки дня, включавшей вопрос о милиционной системе вообще и вопрос о принципах комплектования флота⁴⁹. Участники заседания все время сбивались на обсуждение конкретных условий прохождения службы, из-за чего С. И. Фролов предложил

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 15. Л. 13.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 40. О деятельности трудовых армий см. статью В. В. Цысь (*Цысь В. В.* Трудовые армии периода Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 53–59).

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 15. Л. 19.

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 16.

этот вопрос «сталкивать» в специальную подкомиссию, образованную тут же во главе с М. П. Арцыбушевым⁵⁰. С. И. Фролов несколько дополнил основного докладчика, пояснив, что, по мысли Всевобуча, «в будущем конечная цель — вооруженный народ». Идея сторонников милиционной армии состоит в том, чтобы разделить территориальные округа на призывные округа и тем самым прийти к территориальному комплектованию каждого подразделения. «Эта работа еще не закончена, они еще не знают, по каким признакам делить: по заводским, фабричным, земельным... Тут вместе [с тем] появляется трудармия лиц до сорокадевятiletнего возраста»⁵¹. С. И. Фролов отмечал, что идея трудового использования флота может быть реализована в торговом флоте и на технически сложных предприятиях.

В ходе обмена мнениями выяснилось, что у С. И. Фролова более оптимистическая точка зрения относительно добровольцев на флоте, чем у М. П. Арцыбушева. В связи с проблемой поиска кадров для флота, М. А. Петров поставил вопрос о возможности использовать «идею морской записи, которая существует три столетия»⁵². Речь шла о созданной во Франции в XVII в. системе, при которой население приморских местностей или связанное с морем по своей хозяйственной деятельности, освобождалось от призыва в сухопутную армию, но должно было служить на флоте. В XIX в., когда в сухопутной французской армии срок службы был 5–7 лет, в «морскую записку» стремились попасть многие, так как срок основной службы на флоте был всего 3 года, а на дополнительную 3-х летнюю службу практически не призывали. Такие короткие по меркам XIX в. сроки службы были возможны, ибо предполагалось, что матросы придут на боевые корабли, уже умея обращаться с парусами и веслами. К началу XX в. специфика «морской записки» практически исчезла, просто французский флот по традиции продолжал комплектоваться призывниками, жившими у моря⁵³.

Возражая М. А. Петрову, Б. И. Доливо-Добровольский предполагал, что флоту, скорее всего, откажут в создании целого приморского округа комплектования с многочисленными заводами,

⁵⁰ Там же. Л. 57.

⁵¹ Там же. Л. 57.

⁵² Там же. Л. 18.

⁵³ *Hamilton C. I. Anglo–French Naval Rivalry, 1840–1870. Oxford, 1993. P. 169–171.*

«потому что они сами в основу милиционной системы кладут именно заводы, где они будут готовить инструкторов, которые будут идти в губернии земельно-сельскохозяйственные»⁵⁴. «Я знаю, что они (руководители сухопутной армии. — К. Н.) хотят все заводы взять себе именно в качестве инструкторов с точки зрения политической»⁵⁵. С. А. Паскин предложил именовать призываемых на службу «старым словом “ратник”», а добровольцев — «волонтерами». М. А. Петров возразил: «Нет, это веет очень старым режимом, но сейчас мы настаиваем на терминах. Что же касается волонтера — это флотское название»⁵⁶. Вопрос об источниках комплектования, судя по всему, повис в воздухе.

В заключение М. А. Петров предложил Оперативному управлению Морского Генерального штаба разработать некоторые вопросы и подготовить их к следующему заседанию.

Второе заседание комиссии М. А. Петрова произошло 27 октября.⁵⁷ М. А. Петров доложил о милиционной системе во флоте. Он указывал на невозможность применения ее в морском ведомстве в полном объеме, в силу того что здесь должны служить специалисты, знакомые со всеми техническими новинками. Подготовка флотских специалистов занимает длительное время, при коротких сроках службы будет невозможно их использовать в практической деятельности. На флоте существуют специальности, «для которых нужны выборные люди, обладающие определенными талантами (наводчик, дальномерец (так! — К. Н.), рулевой)»⁵⁸. М. А. Петров считал необходимым положить в основу комплектования флота некомсоставом принципы сокращения срока службы и подбора призывников с подходящими гражданскими специальностями. Личный состав должен быть разделен на два «разряда»: кадровый («специалисты-профессионалы, инструкторы-руководители») и переменный. Минимально допустимым сроком действительной службы докладчик считал полутора—двухгодичный, который позволял затратить на обучение до одного года и от полугода до года еще

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 21.

⁵⁵ Там же. Л. 23.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 15. Л. 14; Д. 1040. Л. 182–183 (Повестка дня); Д. 15. Л. 14; Д. 1040. Л. 157–159; 185–188 (Протокол заседания).

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 15. Л. 14.

оставалось на «применение знаний на практике». По прошествии полутора—двух лет военмор должен был три—три с половиной года состоять в резерве, проходя ежегодно в течение семи месяцев, с 1 марта по 1 октября, «повторный курс» на том же корабле, на котором он служил. Затем военнообязанный на три года переходил в резерв 1 разряда, а на следующие три года — в резерв 2 разряда. Общий срок пребывания на действительной службе составлял бы от 3 1/2 до 4 лет, что было лишь немногим меньше дореволюционного срока службы, срок пребывания в запасе составил бы 6 лет, и общий срок службы равнялся бы 10 годам — ровно столько же, сколько и в дореволюционное время. Разделение действительной службы на два периода (собственно действительная и резерв), такое же, как было принято позднее в милиционных частях РККА, наводит на мысль о том, что М. А. Петров был в курсе разработок своих сухопутных коллег. Отличие состояло лишь в значительно более длинных по сравнению с сухопутной армией сроках как первоначальной службы (периода обучения), так и «повторного курса». Источниками комплектования кадрового состава флота, по мысли М. А. Петрова, должны были служить «добровольцы по всеобщей морской записи», а для переменного состава, во-первых, «точно и поименно названные заводы», во-вторых, морские и рыболовные промыслы, в-третьих, торговые моряки и, в последнюю очередь, определенные территории⁵⁹. В данном случае налицо попытка совместить зарубежную и русскую дореволюционную практику.

В конце октября — первой половине ноября 1920 г. в морском ведомстве сформировалось представление о дальнейшей тактике поведения для отстаивания своей ведомственной независимости. Появляется идея создания «Всеобщего Адмиралтейства», которое должно включать в себя руководство военным, торговым, рыболовным флотом, пограничной охраной, гидрографической, маячной, лоцмейстерской службами, словом, полностью охватывать все виды деятельности, связанные с морем и мореплаванием. В такой форме надеялись привить флоту «трудовое начало». Идея включения определенных промышленных предприятий в военное ведомство приобрело реальные очертания несколько позднее, летом 1921 г., когда

⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 15. Л. 16—16 об.

было создано «кустовое комбинированное хозяйство Московской губернии»⁶⁰, однако это мероприятие проводилось исключительно в рамках военно-сухопутного ведомства.

Симптоматично, что третье заседание комиссии М. А. Пётрова состоялось 15 ноября 1920 г. в кабинете коморси А. В. Немитца. Логично предположить присутствие командующего на этом совещании, хотя ни одной реплики А. В. Немитца в стенограмме и не зафиксировано. В повестку были вынесены вопросы:

- «О создании всеобщего Адмиралтейства;
- о включении экономической деятельности во флот (морской транспорт, пассажирское сообщение, эксплуатация морских кадр[ов] (недров? — К. Н.), правильное морское рыболовство, птицеводство (так в документе. Возможно имеется в виду птицеводство? — К. Н.), китовый, тюлений и др. промыслы;
- об обширном развитии морского научного естествознания;
- об организации охраны и контроля (таможенно-пограничной службы);
- об организации заводской деятельности, могущей обслужить Адмиралтейство»⁶¹.

На этом заседании председательствовал С. И. Фролов, который заявил, что он «председатель случайный»⁶². Была избрана подкомиссия в составе М. П. Арцыбушева, И. Е. Хвойника, Б. И. Смирнова для разработки к следующему заседанию основных тезисов о введении милиционной системы на флоте и «по вопросу слияния аппарата управления флота с таковым аппаратом армии»⁶³.

Пораженный планами военных, П. Я. Жабарин сказал, что «если это [поглощение морского ведомства военным] произойдет... морской комиссариат должен погибнуть»⁶⁴. Надо срочно искать выход, так как если предложения комиссии Всевобуча «пойдут вверх», «то впоследствии будет трудно, а возможно, и поздно»⁶⁵ что-либо менять. В комиссии Всевобуча, заявил П. Я. Жабарин, «оборудовано

⁶⁰ Реввоенсовет Республики: Протоколы 1920–1923: Сборник документов. М., 2000. С. 218–219 и др.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 26.

⁶² Там же. Л. 31.

⁶³ Там же. Л. 26 а.

⁶⁴ Там же. Л. 31.

⁶⁵ Там же.

поглощение нашего комиссариата», а значит, надо обосновать его самостоятельность⁶⁶. С. И. Фролов пояснил, что происходит борьба Всевобуча и ГУВУЗа из-за различных проектов. «Мы видим, — говорил он, — что все гражданские организации весьма несимпатично относятся к милитаризации промышленности — Промвоенсовет говорит, что мы Вам будем поставлять людей — специалистов, говорит, что забота Моркома является только промышленность использ[овать], а не то что постройка судов, эллингов, портов — это не военное дело, этим ведают гражданские учреждения»⁶⁷. Б. И. Доливо-Добровольский вновь указал, что «они», то есть высшие руководители военного ведомства, собираются не всю армию перевести на милиционную основу, «они имеют в виду и создание регулярной армии на окраинах государства, а море есть тоже окраина государства»⁶⁸. Он присоединился к мнению С. И. Фролова, который считал, что «из соображений чисто канцелярской политики нам необходимо иметь два варианта»⁶⁹. И. Е. Хвойник заявил: нельзя будет предложить два взаимоисключающих варианта, надо составить один, причем он полагал, что «мы не сможем отстоять чисто регулярный флот»⁷⁰. Б. И. Доливо-Добровольский возражал ему, предлагая представить два варианта, причем второй, предусматривающий элементы милиционной системы на флоте, можно будет представить как жертву со стороны морского ведомства⁷¹.

П. Я. Жабарин задал вполне риторический вопрос: «Что думают сухопутные о флоте?»⁷², на который С. И. Фролов ответил, что они думают заполнить пропасть между флотом и армией. «Люди не понимают значения флота и просто рубили с плеча — подчинить и все кончено, тогда будет все соединено... Я думаю, что рисуют они это невозможным карикатурным способом»⁷³.

Следующее, четвертое заседание комиссии было назначено на четверг, 18 ноября, но затем было перенесено на 19 ноября. Перенос

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 3137.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 32.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 33.

⁷¹ Там же. Л. 34.

⁷² Там же. Л. 37.

⁷³ Там же.

вызван тем, что 18 ноября произошло согласительное заседание представителей Морского комиссариата и Главода о трудовом использовании Онежской флотилии. Представитель морского ведомства на этом заседании, Е. Е. Меньшов, сообщил, что было принято решение о том, что тральщики морского ведомства на Онежском озере будут в навигацию 1921 г. переданы Главоду на месяц, ибо на Свири навигация начинается на месяц раньше, чем на «Онезере» и таким образом тральщики успеют поработать на реке в системе Главода. М. А. Петров высказался, что «это образцовое решение»⁷⁴. Е. Е. Меньшов указал собравшимся на то, что «в директиве Главкома была разрешена Мордивизия»⁷⁵, как на пример расширения функций морского ведомства. Действительно, Морская экспедиционная дивизия морских сил Черного и Азовского морей была сформирована по приказу командующего морскими силами Республики 12 августа 1920 г. в составе четырех морских полков двухбатальонного состава, одного кавалерийского полка, артиллерийской бригады и инженерного батальона. В боях за Мариуполь 27–29 сентября дивизия понесла большие потери и в начале ноября была расформирована⁷⁶. Некоторое время дивизией командовал И. К. Кожанов, командующий Черноморским флотом в 30-е годы. Каких-либо директив Главкома о Морской дивизии, относящихся к ноябрю 1920 г. нами не обнаружено⁷⁷, поэтому полагаем, что Е. Е. Меньшов просто сослался на опыт существования такого соединения.

Вопрос о трудовом использовании флотилий обсуждался еще 1 февраля 1920 г. на заседании РВСР, причем командующему Морскими силами Е. А. Беренсу было поручено «разработать по этому поводу конкретные предложения»⁷⁸. На том же заседании РВСР предполагалось рассмотреть вопрос «о трудовом использовании 7-й армии», действовавшей против Юденича под Петроградом, но по невыясненным причинам этот вопрос был вычеркнут из повестки дня⁷⁹.

⁷⁴ Там же. Л. 55.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Моряки за власть Советов на Украине: (Ноябрь 1917 — 1920 г.): Сборник документов. Киев, 1963. С. 496–498.

⁷⁷ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969.

⁷⁸ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923. С. 34.

⁷⁹ Там же. Примечание.

На заседании 19 ноября, где вновь председательствовал М. А. Петров, Д. Н. Уайт, представлявший морское ведомство на совместном совещании с Главодом, должен был сделать доклад «Применение трудового начала на флоте»,⁸⁰. Стенограмма этого заседания сохранилась не полностью⁸¹.

В своем докладе 19 ноября Д. Н. Уайт цитировал Л. Д. Троцкого и говорил: «Значит здесь он отчетливо и резко высказал мысль о морском транспорте, организации которого совершенно другие и потому эксплуатация их должна быть особенной от эксплуатации других орудий транспорта»⁸². Вывод, однако, был безрадостным для моряков: «Вряд ли удастся забрать мортранспорт из НКПС», с другой стороны, рыболовство уже находится в руках Главрыбы, только на гидрографию никто не претендует, хотя и в этой области есть конкуренты в лице некоего «Плавучего института» и «Комитета Северных путей» (имелся в виду возникший весной 1920 г. в Омске Комитет Северного морского пути⁸³). В промышленности есть главки, которым подчинены заводы, но они бездеятельны. «Здесь поле деятельности [для изъятия предприятий в подчинение морского ведомства] очень широко»⁸⁴. Кроме того, у морского ведомства есть такое преимущество, как мастерские мореходных инструментов, которых нет у НКПС. Д.Н. Уайт предвидел «атаки» со стороны других ведомств на людей, имущество и материальные ценности морского ведомства.

Специфика положения морского транспортного флота в составе НКПС состояла в том, что Л. Д. Троцкий с 20 марта по 10 декабря 1920 г. был исполняющим обязанности наркома путей сообщения. С одной стороны, это облегчало проведение в жизнь идеи «забрать» морской транспорт из НКПС, но с другой Л. Д. Троцкий мог быть и не был заинтересован в «растаскивании» наркомата путей сообщения. При обсуждении доклада И. Е. Хвойник традиционно занял пессимистическую позицию, считая, что все трудовые функции у Морского комиссариата заберут другие ведомства, и он останется ни с чем. М. А. Петров высказывался более оптимистично: прежде

⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 55.

⁸¹ Там же. Л. 40–57.

⁸² Там же. Л. 47.

⁸³ Морской энциклопедический словарь. СПб., 1994. Т. 3. С. 111.

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 47.

всего, у морского ведомства уже есть Байкальский «флот» и Западно-Двинская флотилия, которые возят грузы и пассажиров. Это дает возможность «поплавать всем», следует брать сразу целые отрасли промышленности, чтобы не расплывать силы. М. П. Паскин поделился воспоминаниями о деятельности Флотилии Северного Ледовитого океана в конце 1917 — начале 1918 г., когда два тральщика ежедневно ловили рыбу, а команда линкора «Чесма» исполняла «целый ряд работ по ремонту тральщиков и других судов, по проводке электричества, плетение сетей»⁸⁵.

Ознакомившись с докладом Д. Н. Уайта о применении «трудового начала» на флоте, по предложению М. А. Петрова решили создать подкомиссию для разработки этого вопроса с задачей завершить работу в течение двух недель. М. А. Петров предложил включить в состав комиссии Л. Г. Гончарова, Е. Е. Меньшова, И. Е. Хвойника, затем ее дополнили С. О. Барановским (председатель) и П. А. Подобедом. Комиссии вменялась в обязанность «разработка степени применимости трудового начала к флоту», причем «в виде конкретных указаний»⁸⁶. Результатом работы комиссии должна была стать записка, с которой предполагалось ознакомить Л. Д. Троцкого, Э. М. Склянского, Особое совещание (возможно, имеется в виду «Особое совещание для выработки схемы управления при переходе Морского комиссариата на мирное положение») и «академический совет [Морской Академии]»⁸⁷.

Затем был заслушан доклад М. П. Арцыбушева о работе подкомиссии по разработке «Основных тезисов по вопросам, связанным с введением милиционной системы в Армии, и по вопросу слияния аппарата управления Флота с таковой же в Армии»⁸⁸. Подкомиссия М. П. Арцыбушева предложила следующие тезисы:

1. флот находится на окраине государства, следовательно, он наиболее уязвим;
2. трудовая задача армии — сельское хозяйство и промышленность, а флота — морские перевозки и судостроение;
3. по живой силе армия превалирует;
4. техники больше на флоте;

⁸⁵ Там же. Л. 52.

⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 15. Л. 19; Д. 3137. Л. 53, 68.

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 56.

⁸⁸ Там же. Л. 64–66.

5. флот целиком является «прикрывающей частью». Быстрота мобилизации имеет неодинаковые последствия для флота и армии;
6. «действующий флот должен быть в постоянной боевой готовности», в соответствии с предыдущим пунктом;
7. на флоте необходима «непрерывная тренировка его личного состава в военно-морском искусстве»;
8. флоту необходимы кадры специалистов для обслуживания сложной техники;
9. для флота характерна длительность подготовки специалистов;
10. личному составу флота нужна «постоянная тренировка и выд[еление] талантов»;
11. основная масса кораблей должна иметь полный личный состав (что вытекало из пунктов 5 и 6);
12. флот должен остаться регулярным и в полной боевой готовности и после сокращения армии. Сверхсрочная служба должна быть добровольной и «должна быть обставлена целым рядом бытовых удобств»;
13. система управления флотом должна быть самостоятельной и обладать внутренним единством «не допуская амальгамирования (искусственного слияния разнородных частей. — *К. Н.*) его органов управления с другими ведомствами»;
14. необходимо не подчинение или слияние армии и флота, а «синтез их в высшем органе, руководящем всеми Вооруженными Силами Республики».

М. А. Петров оценил доводы подкомиссии М. П. Арцыбушева как очень веские. Он заявил, что надо ругать «ошибочную экономию и принцип самого взгляда» на флот, как на нечто второстепенное по сравнению с армией, «тем более, за большинством из нас в этом отношении богатейший опыт»⁸⁹. Полагаем, что М. А. Петров намекал на споры руководителей армии и флота перед Первой мировой войной, когда на воссоздание погибшего в войне с Японией флота отпускались огромные средства, в то время как сухопутные вооруженные силы финансировались сравнительно скромно. Тогда появилось множество публикаций, посвященных доказательствам того, что сильный флот жизненно необходим России, что он якобы

⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 15. Л. 19; Д. 3137. Л. 44.

значительно поднимет ценность нашей страны как союзника в надвигавшемся мировом конфликте. Естественно, что такая ситуация очень устраивала руководство морского ведомства. В то же время очевидно, что в обороне России армия играла и играет главную роль, а флот — второстепенную. Именно против такого взгляда и была направлена реплика М. А. Петрова и его единомышленников. Признать их правоту вряд ли возможно — складывается впечатление, что флотский патриотизм для них был выше реального положения дел.

И. Е. Хвойник все же высказался за то, чтобы «армия и флот [были] соединены в одном боевом органе»⁹⁰, имея в виду, видимо, РВСР. Мысль И. Е. Хвойника поддержал Б. И. Доливо-Добровольский. К середине ноября 1920 г. в военном ведомстве уже определились основные подходы к реформе армии. Б. И. Доливо-Добровольский сообщил своим коллегам 19 ноября, что, по словам А. А. Брусилова, Э. М. Склянский поручил Особому совещанию выработать схему управления Военного ведомства, причем сам Б. И. Доливо-Добровольский стал членом этого совещания. «Будет единый комплекс Армии и Флота, но во главе будет стоять политик, назывался именно Троцкий»⁹¹, — рассказывал он коллегам. Этому политику должны быть подчинены, по словам Б. И. Доливо-Добровольского, Главное управление по военным делам, Всероссийское главное управление по морским делам и Высший военный совет, в состав которого входят:

1. начальник;
2. помощник морского комиссара по военным делам (видимо, в стенограмме опечатка и следует читать: «помощник военного комиссара по морским делам»);
3. представитель народного хозяйства;
4. представитель Наркомата иностранных дел;
5. два—три сухопутных и морских специалиста.

Б. И. Доливо-Добровольский заявил: «Мне сказали: если Вы ничего не имеете [против того] что у Вас будет единый комиссар, а Вам желательно лишь иметь отдельный Ген[еральный] штаб и особенно если Вы еще дадите нам свои соображения, что милиционная система не годится во флоте в таком виде, то шансы на Вашу

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

свободу довольно велики»⁹². Другими словами, сами сухопутные военные специалисты не слишком претендовали на подчинение флота армии.

Далее на заседании комиссии М. А. Петрова 19 ноября 1920 г. рассматривался вопрос о схеме управления морского ведомства в новых условиях. Б. И. Доливо-Добровольский составил схему организации центральных учреждений морского ведомства в связи с новыми идеями⁹³. Во время заседания в схему была внесена правка. Прежде всего была проделана большая работа по конкретизации структуры морского ведомства. Подробно определили структуру управлений (отделов) МГШ, ГМХУ, Главного управления снабжений и Счетно-финансового управления и структур, подчиненных Морской академии. В то же время члены совещания отказались от конкретизации подразделений, подчиненных командующим флотами. На совещании в схему было внесено больше элементов единоначалия. Так, вместо «Совета Всероссийского Генерального штаба» значился «Председатель [Революционного Военного] Совета», вместо «Конференции Морской академии» — «начальник Морской академии». Схема, предложенная Б. И. Доливо-Добровольским и переработанная на совещании, была вполне стройной и логичной, удивляет только странное положение наркома по морским делам, который выглядит простым передаточным звеном между председателем РВСР и начальником Всероссийского Адмиралтейства. Если бы, скажем, командующие флотами и МГШ подчинялись наркому, а прочие подразделения — начальнику Адмиралтейства, структура была бы более логичной. Представляется, что причиной такой странности в схеме было априорное предположение, что посты наркома по военным и по морским делам, а также председателя РВСР, будет совмещать одно лицо, как это было в годы Гражданской войны. Тогда за этим лицом останется общее руководство, а непосредственным начальником морского ведомства станет начальник Всероссийского Адмиралтейства.

К схеме прилагалась объяснительная записка, в которой описывалась предлагаемая схема учреждений. В записке упоминаются не отраженные на схеме «Комиссия по изучению и использованию

⁹² РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 45.

⁹³ См. Приложение 18.

опыта войны 1914–1918 гг.», морской музей и библиотека Морского комиссариата, которые находятся в ведении начальника Морской академии, а сама академия, согласно записке, подчиняется начальнику Главного управления Всероссийского адмиралтейства, тогда как на схеме Академия подчинена непосредственно начальнику Всероссийского адмиралтейства. Скорее всего, в данном случае дело не в разночтении, а в опечатке, так как очень легко было перепутать начальника Всероссийского адмиралтейства (аналог дореволюционного морского министра) и начальника Главного управления Всероссийского адмиралтейства (аналог товарища морского министра). Существенно уточнение в записке, что при всеобщей мобилизации начальник Всероссийского адмиралтейства становится командующим Морскими силами, а МГШ разделяется на штаб коморси и военно-морское управление полевого штаба главнокомандующего. Флоты и флотилии переходят в оперативное подчинение главному, в прочих отношениях — остаются подчинены коморси. При частичной мобилизации из МГШ выделяется морской отдел полевого штаба главнокомандующего, а остальные органы морского управления продолжают функционировать как и в мирное время. В записке указывалось, что в компетенцию Главного штаба Всероссийского адмиралтейства входят также «сношения по санитарной части», а самостоятельный санитарный орган в морском ведомстве не предусматривается, как и орган управления морской авиацией, ввиду того, что к осени 1920 г. и авиация, и санитарная часть были выведены из подчинения центральных органов управления флотом.

Записка Б. И. Доливо-Добровольского была дополнена выводами, сформулированными «Комиссией для выработки проекта положения о порядке и условиях прохождения службы во флоте», которая была создана 11 октября 1920 г. по приказу коморси и упморкома⁹⁴. В делопроизводстве этот совещательный орган называется также подкомиссией. 9 ноября в эту комиссию был включен М. П. Арцыбушев в качестве представителя Оперативного управления Штаба Морских сил⁹⁵. Активная работа комиссии, видимо, началась только после появления на ее заседаниях М. П. Арцыбушева, ее председателя. В документах комиссии есть указание, что

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 175, 177–179.

⁹⁵ Там же. Л. 175.

20 ноября с 11 до 12 часов состоялось заседание подкомиссии, во время которого были разработаны положения, позднее внесенные в пункты 27–31 «Положения о Всероссийском Адмиралтействе»⁹⁶. Однако согласно стенограмме рассмотрение «Положения о Всероссийском Адмиралтействе» происходило в комиссии М. А. Петрова 19 ноября. Следовательно, одна из дат является неверной, но определить, какая именно, представляется затруднительным.

«Комиссия для выработки проекта положения о порядке и условиях прохождения службы во флоте» под председательством М. П. Арцыбушева пришла к выводу, что «служба военморов во флоте должна принять постепенно добровольный характер», для этого следует выделить кадровый состав, служащий минимум 6 лет и состоящий из добровольцев, и переменный состав, служащий по системе, разработанной М. П. Арцыбушевым (служба—отпуск—повторительные сборы), согласно проекту, оглашенного на втором заседании «Комиссии по выработке оснований при переходе Морского комиссариата на мирное положение» 27 октября 1920 г. Источником комплектования кадрового состава должны были служить школы юнг, добровольцы по всеобщей морской записи и сверхсрочнослужащие, а источником комплектования переменного состава — «точно и поименно названные заводы», морские и рыболовные промыслы, торговые моряки и определенные территории⁹⁷.

Вернемся к заседанию комиссии М. А. Петрова 19 ноября 1920 г. Когда специалисты начали редактировать схему центральных учреждений, предложенную Б. И. Доливо-Добровольским, С. И. Фролов потребовал указать, что снабжение армии и флота должно быть организовано как раздельное. И. Е. Хвойник предупредил, что борьба за раздельное снабжение «может быть чревата обратным действием». Поддержав С. И. Фролова, Б. И. Доливо-Добровольский приводит такой аргумент: «Если бы подготовительные стратегические операции были бы одинаковы или схожи, они могла бы быть совместны, но материальная часть армии отличается качеством, а не количеством от подготовительной части флота»⁹⁸.

М. А. Петров не случайно в 20-е годы считался одним из ведущих советских морских теоретиков. Вступив в спор С. И. Фролова

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 181–181 об.

⁹⁷ Там же. Л. 177–179.

⁹⁸ Там же.

с И. Е. Хвойником, он высказал оригинальное для моряка своего времени мнение о том, что «в самом плане подготовки государства к войне может быть только один план и для армии и для флота. Мы сейчас заняты [тем, чтобы] выяснить аргументы [в пользу раздельного существования сухопутного и морского ведомства], чтобы обосновать [их раздельное существование]. Я хочу указать, что неосторожно было бы сослаться на стратегию мирного времени, на план войны, потому что если смотреть так, то уж не так много доводов, чтобы [организационно] разделять [армию и флот]. Если речь идет о большой стратегической операции, то здесь большая почва для объединения [руководства армией и флотом]. Я согласен по существу, что это не было бы безграмотно (объединение стратегического планирования для армии и флота. — *К.Н.*), но если надо подчеркнуть разницу [между армией и флотом], то советовал бы уклониться [от обсуждения вопросов стратегического руководства]»⁹⁹.

Б. И. Доливо-Добровольский не согласился со своим коллегой: «Я говорил о стратегической подготовке операции — это есть план войны, но мы, кажется, в этом отношении разное понимаем, но по существу дела это неважно»¹⁰⁰. Видимо, эту реплику надо понимать так, что Б. И. Доливо-Добровольский не был готов принять идею о необходимости единого плана войны для армии и флота, понимая под планом войны оперативный план действий флота. М. А. Петров завершил обсуждение вопроса о стратегическом планировании: «Коли мы будем искать доводов, чтобы иметь свою самостоятельность, то как раз план подготовки государства к войне будет для нас иметь отрицательное значение, если мы им воспользуемся, как доводом. План войны как таковой должен обязательно в одном органе вывариваться»¹⁰¹. Затем М. А. Петров зачитал телеграммы, в которых говорилось о «злободневности вопроса» и о том, что «идут конкретные распоряжения о привлечении армии для использования ее в смысле труда»¹⁰². Текст этих телеграмм отсутствует в стенограмме, но, возможно, имеются в виду распоряжения, вытекавшие из решения РВСР, принятого 6 ноября о временной передаче войсковых частей для трудового использования гражданским ведомствам. Данное

⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 46.

¹⁰⁰ Там же. Л. 46.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

решение было доведено до исполнителей телеграммой от 8 ноября¹⁰³. Несмотря на слова М. А. Петрова о том, что еще предстоит разговор о трудовом использовании флота, судя по стенограмме, заседание на этом заявлении и закончилось.

Пятое заседание комиссии проходило 22 ноября уже под председательством Б. И. Доливо-Добровольского. Он ознакомил присутствующих со схемой управления вооруженными силами, «которая (насколько можно думать из частных разговоров) намечается в военных кругах»¹⁰⁴. Согласно этой схеме, предполагалось иметь в подчинении наркома по военным и морским делам («политика», т. е. не профессионального военного): Военный совет (в составе: начальники Главных управлений армии, флота, воздухоплавания, нарком иностранных дел, председатель ВСНХ и специально назначенные военные специалисты); Главное управление армии; Главное управление флота, Главное управление воздухоплавания. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что речь здесь идет о создании органа, аналогичного Совету государственной обороны, с включением в него представителей ведомства иностранных дел и руководства промышленностью, а центральные органы управления вооруженными силами дополняются военно-авиационным ведомством, равным в правах с военно-сухопутным и военно-морским. Эта схема ни в чем не противоречила идеям, которые ранее обсуждали моряки.

На основе принятой схемы Б. И. Доливо-Добровольский предложил два варианта названия органа центрального морского управления: Всероссийское главное управление флота или Всероссийское Адмиралтейство, «склоняясь больше ко второму»¹⁰⁵. Было решено разрабатывать схему, «придерживаясь принципа простоты и строгой экономии в личном составе». Быть может, предыдущая схема не устроила именно из-за отсутствия «экономии в личном составе»? Действительно, схема, разработанная 22 ноября¹⁰⁶, носит явные следы сокращения и упрощения структуры учреждений, по сравнению со схемой, разработанной 19 ноября. Из позднейшей схемы был исключен начальник Главного управления адмиралтейства (аналог дореволюционного товарища морского министра), а ГГУ и ГМХУ

¹⁰³ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923. С. 151.

¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 58.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См. Приложение 19.

подчинены непосредственно начальнику Всероссийского адмиралтейства. При этом, видимо, ГМХУ представляло собой аналог Главного управления снабжений из предыдущей схемы. Счетно-финансовое управление было подчинено начальнику ГМХУ. Однако в схеме 22 ноября не нашло отражения Главное морское техническое управление, что представляется существенным упущением.

В результате деятельности комиссии М. А. Петрова появился доклад на имя заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского. В нем говорилось: «Принципы трудармии в целом не могут [быть] перенесены на военный флот, ибо по существу флот является аппаратом техническим по преимуществу и должен быть всегда в полной боевой готовности, укомплектованный в действующей своей части полным числом команды ... Военная неудача в сухопутной части поправляется вливанием в нее свежего человеческого материала, неудача в бою морской единицы влечет за собою окончательную невосстановимую потерю ее»¹⁰⁷. Отсюда, по мнению авторов доклада, вытекала полная неприменимость милиционной системы к флоту. Кроме того, военный флот может оказаться полезным для решения транспортных задач, рыболовства, научных экспедиций, ремонта. Так, «Германия во время Европейской войны дала блестящий пример организации морской рыбной ловли в огромном масштабе при помощи тральщиков»¹⁰⁸. В Советской России «наш революционный флот» уже использовался для мирной работы: в мае 1920 г. была организована транспортировка дров по Волге силами военных моряков Северного отряда Волжско-Каспийской флотилии, мирной деятельностью флот занимался на Байкальском и Онежском озерах¹⁰⁹.

Вопрос о новой структуре управления флотом перешел на новый уровень. Если раньше структура обсуждалась «в рабочем порядке», то теперь к ее рассмотрению подключилось высшее руководство морского ведомства. 25 ноября 1920 г. происходило совещание, на котором «горячо дебатировался» вопрос об органах центрального морского управления. О ходе этого заседания рассказывал командующий Морскими силами А. В. Немитц на следующий день, на совещании с руководителями центральных учреждений и специалистами¹¹⁰.

¹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 61.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Л. 62.

¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 147.

Видимо, 25 ноября состоялось какое-то совещание в узком кругу, не оставившее следов в делопроизводстве. По словам А. В. Немитца, на этом совещании было выделено три главнейших центральных органа, которые должны были быть в морском ведомстве: оперативный — МГШ, статистический (т. е. разведывательный) и научно-технический (Главное морское техническое управление — Гламортех). Затем была предпринята попытка «сделать из трех два» органа. Поскольку снабжающие функции отошли к Чусоснабфлоту¹¹¹, Гламортех остался лишь научным органом, что, по мнению участников совещания, позволяло даже объединить МГШ и Морской технической комитет. Возник спор, какому органу должны быть переданы функции научного сопровождения: Морскому Генеральному штабу или Главному морскому хозяйственному управлению? А. В. Немитц был сторонником слияния Гламортеха с МГШ. Следует отметить, что суть спора, как и состав участников совещания 25 ноября, не установлены. Почему возникла необходимость такого резкого упрощения структуры управления флотом, фактически сводящейся к одному МГШ? Возможно, А. В. Немитцу были даны какие-то устные указания Л. Д. Троцким. Это подтверждается тем обстоятельством, что в итоге реорганизации от центральных органов руководства морским ведомством действительно остался один Морской штаб Республики, наследник Морского Генерального штаба.

Под председательством коморси А. В. Немитца 26 ноября 1920 г. открылось заседание «Комиссии по вопросу о введении милиционной системы в армии и на флоте». К счастью, на этом совещании велась стенограмма, что случалось нечасто¹¹². Открывая заседание, коморси заявил, что РВСР поручил комиссии под председательством А. А. Брусилова выработать проект «Закона об управлении армией и флотом в мирное время», в которой представителем флота является Б. И. Доливо-Добровольский. «Положение флота и положение [флотского] командования в Гражданской войне было далеко не достаточно прочно, — говорил А. В. Немитц, — Я просил собраться

¹¹¹ Управление чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны (Совета труда и обороны) по снабжению Красной Армии и Флота (9 июля 1919 — 16 августа 1921 г.) — орган, созданный для снабжения вооруженных сил кроме продовольствия и предметов первой необходимости, которые заготовлял Наркомпрод. Уполномоченным был А. И. Рыков.

¹¹² РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 133–144, 145–156 об.

наиболее крупных по стажу и по положению во флоте лиц, для того чтобы сообща наметить одну схему какой-нибудь организации, относительно которой сговориться так, чтобы, жертвуя взаимными противоречиями, мы уже во всех других сношениях внешнего характера будем дружно отстаивать тот взгляд, ту схему, которую мы здесь выработаем, для того чтобы при переходе на мирное положение хотя бы в принципиальных вопросах отстаивать интересы флота»¹¹³.

Б. И. Доливо-Добровольский вновь повторил историю о том, что полевой штаб РВСР и Всевобуч разработали еще весной проект организации вооруженных сил Республики. Главная идея проекта — соединенный комиссариат армии и флота с тремя главными управлениями — Генеральный штаб армии и флота, Главное управление армии и флота, Главное управление снабжения армии и флота. Сам Борис Иосифович в комиссии А. А. Брусилова доказывал «полную невозможность» такой схемы управления. Отсюда вытекал вопрос: что могут предложить моряки взамен? Предложение было сформулировано так: во главе объединенного комиссариата стоит нарком-«политик», а комиссариат делится на управления — армии, флота и, возможно, авиации. За выделение авиации в самостоятельный вид вооруженных сил выступали военные специалисты А. И. Верховский и Н. М. Потапов. «Разбирая это, для нас очень важно, — заявил Б. И. Доливо-Добровольский, — как назвать это учреждение и лицо, его возглавляющее, ибо в проекте название это играет огромную роль и принципиально мы постановили, по возможности, избегать тех названий, которые встречаются в армии. Там есть слово «инспекция», которое мы у себя вычеркиваем, так как иначе соблазн слить их водино будет очень велик, и предложил назвать — начальник Всероссийского Адмиралтейства. Это название уже существует в Англии и таким образом оригинальность этого названия ничего нового не вызывает»¹¹⁴. Начальник МГШ должен был являться одновременно заместителем начальника Адмиралтейства. Затем рассматривали схему, разработанную в комиссии М. А. Петрова. С. И. Фролов напомнил о том, что «мы предполагаем еще иметь» военный совет с участием представителей от армии и флота.

¹¹³ Там же. Л. 145.

¹¹⁴ Там же. Л. 146.

А. В. Немитц подвел итог: «Получается приблизительно то же, что и сейчас, так как Троцкий сейчас объединяет, но только это еще не окончательно выкристаллизовано»¹¹⁵. Затем он рассказал о выводах, к которым пришли на совещании 25 ноября. Профессор Морской академии Б. Б. Жерве тут же стал спорить с командующим, утверждая, что нельзя ставить на один уровень МГШ и прочие органы управления морским ведомством, которые будут подчиняться МГШ. Службу связи не следует включать в Морской Генеральный штаб, тактическую и организационную части штаба нужно объединить, а статистический орган отделить от органа оперативного управления. Мобилизационный орган штаба становится самостоятельным. В общем, по мнению Б. Б. Жерве, МГШ должен был иметь отделы: оперативный, статистический (в свою очередь, подразделявшийся на части, ведавшие русской и иностранной статистикой), организационно-тактический, мобилизационный и исторический. Техническое управление Б. Б. Жерве предполагал разделить на три отдела, а Главное хозяйственное управление на два — Главное управление снабжения и счетно-финансовый отдел. «Совершенно не вижу надобности, чтобы штаты проходили через Управление делами. Все должно проходить в сметном порядке через счетную часть», — говорил Б. Б. Жерве. Канцелярия должна состоять при начальнике Всероссийского Адмиралтейства, «как это носит название в Английском адмиралтействе». Гидрографию Б. Б. Жерве предлагал ввести в состав ГМХУ в виде четвертого управления, а Управление безопасности кораблевождения (Убеко) распределить по морям¹¹⁶.

Б. Б. Жерве подверг критике схему, только что предложенную командующим Морскими силами А. В. Немитцем. Реакция коморси была неожиданной. Он начал рассуждать о том, как лучше оформить схему, предложенную Б. Б. Жерве, а не о том, как отстоять собственную. А. В. Немитц задался вопросом, как юридически оформить главенство МГШ. Быть может, не следует ставить его формально выше других органов, полагал коморси, так как «все задания, вырабатываемые МГШ, являются обязательными для остальных учреждений постольку, поскольку они утверждены»¹¹⁷. Он также полагал, что лучше пока не трогать гидрографию, так как «можно убить это

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 147.

¹¹⁶ Там же. Л. 148—149.

¹¹⁷ Там же. Л. 150.

учреждение». «Повторяю еще раз, что [во] внутреннем строении Генерального штаба нам надо стремиться к Вашему замечанию». Финансовый отдел обязательно должен быть самостоятельным, а не в составе Гламортеха, «хотя это принципиально неправильно»¹¹⁸.

Кем же был Б. Б. Жерве, пользовавшийся таким авторитетом в глазах А. В. Немитца и присутствующих? Борис Борисович Жерве (1878–1934) участвовал в русско-японской войне на крейсере «Громобой», был награжден тремя боевыми орденами, служил на Балтике минным офицером, старшим офицером крейсера «Россия», командиром эсминца. Окончил Николаевскую морскую академию. После того как в начале Первой мировой войны он командовал эсминцем на Черном море, попал в штаб приморской крепости императора Петра Великого (Ревеля) и в 1917 г. оказался начальником обороны Приморского фронта этой крепости, с октября — начальником Береговой обороны Финского залива. Борис Борисович хорошо проявил себя при эвакуации флота из Ревеля в Гельсингфорс в феврале 1918 г. За Первую мировую войну он заслужил две боевых награды и чин капитана 1 ранга. Еще до войны Б. Б. Жерве начал заниматься литературным трудом, участвовал в составлении «Военной энциклопедии» издательства И. Д. Сытина, печатался в журнале «Морской сборник». Отдельным изданием вышла его работа «Германия и ее морская сила»¹¹⁹. После Октябрьской революции он ушел на преподавательскую работу в Морской академии, некоторое время был начальником Училища командного состава флота, в 1923 г. возглавил Военно-морскую академию РККФ и Морскую историческую комиссию по изучению опыта войны 1914–1918 гг. на море, издал несколько научных и научно-популярных работ по морской стратегии¹²⁰. Б. Б. Жерве считался одним из ведущих специалистов в мире по вопросам морской политики и стратегического применения

¹¹⁸ Там же. Л. 150.

¹¹⁹ Жерве Б. Б. 1) Германия и ее морская сила. Пг., 1914; 2) Правила ведения военно-морских тактических игр. Пг., 1914.

¹²⁰ Жерве Б. Б. 1) Значение морской силы для государства: Популярный очерк. Пг., 1921; 2) Значение морской силы для государства. Пг., 1922. (2-е изд. Л., 1925); 3) Морская стратегия Наполеона. Критико-стратегический очерк. Пг., 1922; 4) Море, флот и комсомол. Л., 1926; 5) Средиземное море: Политико-стратегический очерк. М., 1927 (в соавт. с М. А. Петровым и Е. Н. Шведе); 6) Методы исчисления вероятности попадания в береговые военные сооружения. М., 1933; [Ред., авт. введения:] Борьба флота против берега в мировую войну. Л., 1927–1928.

флота. В 1930 г. был арестован, но вскоре освобожден. Правда, в Морскую академию уже не вернулся, а возглавлял кафедры теории и истории военно-морского искусства в Военно-политической и Военно-инженерной академиях.

В отличие от М. А. Петрова, Б. Б. Жерве никогда не служил в Морском Генеральном штабе, но можно смело утверждать, что он был пропитан атмосферой этого штаба ничуть не меньше, чем люди, проводившие там долгие годы. Об этом свидетельствует его стремление установить главенствующее положение МГШ в системе управления морским ведомством. Эту идею отстаивали представители МГШ. Б. Б. Жерве обращался к английскому опыту. Если до Первой мировой войны эталоном для «младотурок Генерального штаба» был германский флот, не только количественно сильный, но и производящий впечатление хорошо организованного и технически оснащенного, то теперь эталонным стал английский, который победой в войне доказал свое превосходство над немецким. В данном случае, конечно, речь идет не о действительно сильных или слабых сторонах военно-морской организации Германии и Великобритании, а о том впечатлении, которое они производили на офицеров русского флота.

После выступления Б. Б. Жерве на совещании 26 ноября 1920 г. появился Ф. Ф. Раскольников, командующий Балтийским флотом с июня 1920 г. (после успешной Энгельской десантной операции на Каспийском море и в ожидании возможного нападения со стороны английского флота на Балтике в ходе советско-польской войны)¹²¹. Федора Федоровича пришлось вводить в курс дела — «Коморси объясняет Раскольникову историю возникновения настоящей комиссии и причины вызвавшие ее существование»¹²². Ф. Ф. Раскольников тут же включился в обсуждение, заявив, что следует вернуться к организации МГШ, существовавшей до Первой мировой войны, и ни в коем случае не допускать слияния морского ведомства с военным. «Только при таких условиях нормальное строительство флота будет обеспечено»¹²³. Наркомом по морским делам должен быть «политик гибкий вроде Альфатера»¹²⁴. Флот «не может существовать как

¹²¹ Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь братьев Гранат. М., 1989. С. 620.

¹²² РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 151.

¹²³ Там же. Л. 152.

¹²⁴ Там же.

пасынок, а может быть лишь любимым сыном государства, пользующимся постоянной заботой, а чтобы обеспечить эту заботу нам надо иметь своего комиссара»¹²⁵, сказал Ф. Ф. Раскольников. Он довольно изящно выразил мысль о том, что самостоятельный морской наркомат способен обеспечить большее финансирование флота, тогда как при едином наркомате придется бороться за финансы с армией. При этом Раскольников считал, что Генеральный штаб должен быть единым для всех вооруженных сил, с сухопутным начальником и моряком—помощником. «Что касается вопросов оперативной разработки, здесь интересы флота не пострадают, если будет объединение, что же касается других отраслей, то смешно говорить о каком-нибудь объединении»¹²⁶, — завершил свою речь командующий Балтфлотом. Ф. Ф. Раскольников подтвердил оценку, данную ему однокашником по ОГК адмиралом советского флота И. С. Исаковым: «Что-то, а говорить (вернее, выступать) умеет. Очевидно, школа Кронштадта 1917 года не прошла даром»¹²⁷.

Речь вызвала восторг собравшихся. «Я готов был аплодировать, выслушав слова Федора Федоровича»¹²⁸, — выразил общее мнение Б. И. Доливо-Добровольский. Видимо, позиция Ф. Ф. Раскольникова была особенно важной в силу того, что он был старым большевиком, с подпольным стажем с 1912 г. Беспартийным «старым специалистом», собравшимся на совещание, видимо, казалось, что позиция Ф. Ф. Раскольникова в значительной мере облегчает проведение их идей. Однако она не рассеяла всех сомнений. Б. И. Доливо-Добровольский полагал, что полностью отстоять независимость флота все же не удастся, но был против слияния Генеральных штабов. По его мнению, «влияние армейского духа будет убийственно для флота... Германский флот, в сущности говоря, хотя он был самостоятельный флот, но он создавался под знаком сухопутного... Но если армия в виде единой бациллы заведется на флоте — это гибель флота»¹²⁹.

Видимо, это место стенограммы следует понимать так, что Б. И. Доливо-Добровольский высказывал мысль о создании центральных органов управления немецкого флота по образцу сухопутной

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Исаков И. С. Каспий, 1920. С. 22.

¹²⁸ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 153.

¹²⁹ Там же.

армии. Например, Морской Генеральный штаб в Германии появился в 70-е годы XIX в. по образцу сухопутного, когда о подобном учреждении в других флотах и не слыхивали. Однако тогда не очень понятно, в чем Б. И. Доливо-Добровольский видит вред подражания армии в организационных вопросах? Возможно, он вспоминал об «эпохе Штоша» в немецком флоте, когда с 1871 по 1883 г. им руководил бывший генерал-лейтенант А. фон Штош, а затем еще пять лет бывший генерал Л. фон Каприви. В это время в Германии не существовало отдельного Морского министерства, снабжением и строительством флота руководил морской департамент Военного министерства¹³⁰. Вполне возможно, что Б. И. Доливо-Добровольский держал в руках воспоминания А. фон Тирпица, вышедшие в Германии в апреле 1919 г., где автор подробно описывает влияние армейского духа на германский флот в 70–80-е годы XIX в.¹³¹ При этом надо иметь в виду, что А. фон Тирпиц стремился к объективности в оценках генералов во главе немецкого флота, указывая на слабость и малочисленность самих морских сил Германии того времени и лишь иногда позволял себе иронизировать по поводу сухопутных «загибов» А. фон Штоша. В сущности, он дает и Штошу, и Каприви положительную оценку. Возможно, Б. И. Доливо-Добровольский имел в виду судостроительные предпочтения сухопутных руководителей немецкого морского ведомства, ведь в 70–80-е годы XIX в. в Германии, в основном, строились корабли береговой обороны.

В то же время характерен тон высказывания Б. И. Доливо-Добровольского о германском флоте. В его реплике содержится намек на изначальную неполноценность морских сил Германии, на то, что причиной поражения немецкого флота в Первой мировой войне была та самая «сухопутная бацилла». Возможно, эту «бациллу» увидели в том, что главные силы кайзеровского флота провели почти всю войну на своих базах. С другой стороны, главные силы английского флота тоже не отличались особой активностью. При этом руководство немецкого флота стремилось всячески дистанцироваться от сухопутного командования, поэтому трудно обвинять немецкий флот времен Первой мировой войны в подверженности сухопутному влиянию.

¹³⁰ См., например: *Тирпиц А., фон*. Воспоминания. М., 1957. С. 57.

¹³¹ *Тирпиц А., фон*. Воспоминания. С. 62–69 и др.

А. В. Немитц присоединился к этому мнению, сказав: «Мы все стремимся к принципиальной точке зрения Федора Федоровича, а это (единый наркомат. — *К. Н.*) является какой-то уступкой, которую мы сделаем, если будем к этому вынуждены»¹³². Похоже, слова Ф. Ф. Раскольникова были восприняты как разрешение на то, чтобы обратиться к дореволюционному опыту. Командующий морскими силами вспомнил, что задачи МГШ сформулированы «очень точно и чрезвычайно обдуманно в положении о Морском Генеральном штабе Российской Империи, когда он создавался, и при всех перипетиях и формах основная задача его оставалась неприкосновенной. Формула такая: создание морских военных сил Государства и разработка плана войны на море. Создание Морских сил больше связано с промышленностью и торговым мореплаванием, а не армией... Первая задача — это толкнуть свое отечество на пропаганду морской идеи и создание коммерческого флота»¹³³. Можно подумать, что этот разговор происходит не в 1920, а в 1906 г. Мысль о развитии торгового судоходства и необходимости пропаганды «морской идеи», как называли тогда военно-морскую пропаганду, неоднократно высказывалась после русско-японской войны.

Одним из важных сюжетов, обсуждавшихся в ноябре 1920 г., был вопрос о создании органа, координирующего деятельность сухопутных и морских вооруженных сил. Б. Б. Жерве полагал, что для разработки общегосударственного плана войны должен существовать военный совет с участием представителей гражданских ведомств. «Таким образом, объединение деятельности всех органов государства должно быть в высшем органе — в Совете обороны, или я даже сохранил бы название РВС»¹³⁴. Интересно отметить, что «старые специалисты» чувствовали себя в составе Красного Флота настолько комфортно, что обсуждали идеологически окрашенные названия, вроде Революционного военного совета Республики.

Ф. Ф. Раскольников высказал мысль о полезности объединения Генеральных штабов армии и флота, которые, по его мнению, ничего не решают, а представляют собой что-то вроде научной лаборатории. «Генеральный штаб является чисто совещательным органом»¹³⁵.

¹³² РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 154 об.

¹³³ Там же. Л. 154 об.

¹³⁴ Там же. Л. 154 об.

¹³⁵ Там же. Л. 155.

Федор Федорович обнаружил непонимание различий оперативного штаба (эскадры, флотилии, флота) и Генерального штаба, так как генштаб неизбежно связан с политическими и экономическими проблемами, на него влияют перестановки в гражданском руководстве страны и политические процессы в обществе значительно сильнее, чем на любой оперативный штаб. Авторитет его выше, освещение вопросов, которые он рассмотрел, может иметь большое политическое значение.

Б. Б. Жерве еще раз повторил мысль о полезности «органической» связи морского и сухопутного Генеральных штабов, частично поддержав Ф. Ф. Раскольникова, но не путем слияния штабов, а через создание авторитетного высшего совета из представителей военного и морского командования «наподобие Англии и Японии». Следует отметить, что в Японии как раз дело координации усилий армии и флота обстояло очень неблагоприятно, что в полной мере проявилось во время Второй мировой войны.

Было решено создать Особое совещание во главе с Б. Б. Жерве для разработки вопроса об отношениях сухопутного и морского генеральных штабов. Фактически совещание занялось не только конструированием схемы взаимоотношения штабов, но и созданием схемы центральных учреждений Морского комиссариата. Б. Б. Жерве предложил в председатели Ф. Ф. Раскольникова, но тот снял свою кандидатуру¹³⁶.

Уже на следующий день это совещание собралось для работы. В нем участвовали Г. А. Александров, В. А. Бокард, А. В. Домбровский, Б. Б. Жерве, А. П. Зеленой, В. А. Кукель, А. Н. Мелентьев, Ф. Ф. Раскольников, а также те, кто работал в комиссии под председательством М. А. Петрова — М. П. Арцыбушев, Л. Г. Гончаров, Б. И. Доливо-Добровольский, П. Я. Жабарин, Е. Е. Меньшов, С. А. Паскин и С. И. Фролов.

27 ноября «Совещание по общему мнению пришло к единогласному заключению»¹³⁷:

1. «Совместная работа Морского и Сухопутного Генеральных Штабов, а также всех органов, участвующих в директивной работе по созданию обороны страны, должна совершаться в Высшем

¹³⁶ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 156.

¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 476. Л. 1-1 об.

Советском органе, который может иметь наименование: “Совет Всероссийского Генерального Штаба”» (СВГШ);

2. «Для воссоздания и будущего развития флота в соответствии с основными государственными заданиями, управление Морским комиссариатом должен возглавить отдельный Народный Комиссариат по Морским Дела»;

3. «Непосредственным техническим помощником Наркома явится Начальник Всероссийского Адмиралтейства», в его подчинении будут находиться начальник МГШ, начальник Главного управления Всероссийского адмиралтейства, командующие флотами, Главный штаб Всероссийского адмиралтейства, Морская академия, личная канцелярия («исполняющая функцию юридическо-кодификационную»);

4. В постоянный состав СВГШ должны входить народные комиссары по военным и по морским делам, начальники МГШ и Большого Генерального штаба (имелся в виду генштаб сухопутных войск, уподобленный в этом названии германскому генеральному штабу сухопутных войск периода до Первой мировой войны);

5. «СВГШ дает оперативные задания в широком масштабе Военному и Морскому Народным Комиссариатам, каковые таким образом оказываются подчинены в оперативном отношении Председателю СВГШ»;

6. Наркомы (очевидно, имеются в виду главы гражданских ведомств, иначе получится противоречие с пунктом 4) могут приглашаться для обсуждения оперативных вопросов на СВГШ;

7. «Член Особого совещания Ф. Ф. Раскольников остался при особом мнении: «Начальник МГШ должен иметь двойное подчинение — с одной стороны — Начальнику Всероссийского Адмиралтейства, а с другой стороны — Начальнику Большого Генерального Штаба, входящего в состав военного комиссариата»¹³⁸.

В соответствии с этой запиской были составлены три схемы: «Идеальная схема»¹³⁹, «Практическая схема»¹⁴⁰ и «Идеальная схема Управления и Командования Морской силой (с указанием отношения к Командованию Сухопутной силой)»¹⁴¹.

¹³⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1 Оп. 3. Д. 476. Л. 1–1 об.

¹³⁹ Там же. Л. 3. См. Приложение 20 и 21.

¹⁴⁰ Там же. Л. 3.

¹⁴¹ Там же. Л. 6.

«Идеальная схема» представляла собой самое общее изображение структуры центрального военного и морского управления, причем совершенно не были конкретизированы структура «Генерального штаба военного и морского» и «Комиссариата военного и морского». Оставались не прояснены взаимоотношения между Верховным главнокомандующим и командующими армиями и флотами.

«Практическая схема» представляла собой изображение структуры руководства морским ведомством. Особых новшеств по сравнению с существовавшей в то время структурой она не представляла.

Наконец, «Идеальная схема Управления и Командования Морской силой (с указанием отношения к Командованию Сухопутной силой)» представляла собой несколько более развернутую «Практическую схему» и предусматривала непосредственное подчинение флотов и флотилий председателю РВСР («он же главнокомандующий», как гласила подпись), а не главе морских сил. Должность коморси в этой схеме вообще не нашла отражения.

Ни в одной из схем не нашел отражения Совет всероссийского генерального штаба, новая терминология (типа «Начальник Всероссийского Адмиралтейства») также не фигурировала в них. Складывается впечатление, что схемы подготавливали лица, либо не участвовавшие в совещаниях и ничего не знавшие об их результатах, либо сознательно игнорировавшие подобные указания.

28 ноября 1920 г. состоялось новое заседание этой комиссии, но ее название в стенограмме звучит по-другому: «Комиссия по вопросу о введении милиционной системы в армии и на флоте»¹⁴². В центре обсуждения был вопрос о структуре МГШ. «Следовало бы с самого начала поставить вопрос [о структуре МГШ] на правильные рельсы, а не дать ему потом самому постепенно дорасти до этого. Я лично предложил бы ввести естественную структуру Генерального Штаба», — говорил Б. Б. Жерве¹⁴³, то есть выделить отделы — статистический, оперативный, организационно-тактический, мобилизационный и исторический.

Большие разногласия вызвал вопрос о статусе разведывательно-го органа штаба, который по традиции именовался отделом иностранной статистики. Создать его предложил Б. И. Доливо-

¹⁴² РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 112–118, 119–125, 126–132.

¹⁴³ Там же. Л. 126.

Добровольский, «так как начальник должен иметь досуг для творческой работы»¹⁴⁴. Это предложение Бориса Иосифовича было тем более естественным, что сам он был первым начальником «секретной службы МГШ», то есть морской контрразведки¹⁴⁵. Л. Г. Гончаров выступил за два самостоятельных отдела (иностранной и русской статистики), поддержав Б. И. Доливо-Добровольского, но при этом предполагал объединить их фигурой помощника начальника штаба. Б. Б. Жерве сразу согласился с тем, что можно было бы иметь и два статистических отдела, включенных в Статистическое управление, и назвать другие отделы управлениями. М. П. Арцыбушев же полагал, что, как он выразился, нужен один человек для справок по иностранной и русской статистике. Надо полагать, что Михаил Петрович имел в виду единый Статистический отдел¹⁴⁶. Видимо, это мнение стало преобладать, и тогда Б. И. Доливо-Добровольский заявил о необходимости не просто создать отдел иностранной статистики, но и подчинить его непосредственно начальнику штаба, для того чтобы начальник штаба мог давать начальнику этого отдела секретные инструкции лично. Б. И. Доливо-Добровольский сказал: «Я стою на том, что необходимо его [начальника Отдела иностранной статистики] подчинить непосредственно начальнику Генерального Штаба. Ему надо дать полную инициативу и свободу. Я настаиваю потому, что видел и знаю эту работу и за границей, и здесь. Знаю, какое ему придается колоссальное значение в Англии»¹⁴⁷. Ф. Ф. Раскольников поддержал мысль Б. Б. Жерве о необходимости двух отделов, объединенных в управление, возглавляемое помощником начальника штаба. Б. И. Доливо-Добровольский стал спорить против управления как «лишней инстанции». Тогда Л. Г. Гончаров, как компромисс, внес предложение «всунуть (!) [разведывательный орган] в оперативное управление»¹⁴⁸.

Один из участников совещания, Г. А. Александров, выступил за отделение уже существующего Научно-технического отдела от ГМТУ, так как задача первого — следить за развитием научной мысли, а задача второго — воплощать изобретения в жизнь, то есть он предложил

¹⁴⁴ Там же. Л. 127.

¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 62. Л. 36.

¹⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 129.

¹⁴⁷ Там же. Л. 130.

¹⁴⁸ Там же. Л. 130.

вернуться к системе, существовавшей до 1911 г., когда Морской технический комитет отвечал за научное сопровождение, а Главное управление кораблестроения и снабжений — за воплощение технических идей в жизнь. Б. Б. Жерве справедливо считал, что для пользы дела их надо слить в один орган, как владеющий научной информацией, так и осведомленный об имеющихся реальных возможностях¹⁴⁹.

Неделю спустя, 5 декабря 1920 г., произошло еще одно заседание этого совещания, уже под названием «Особого совещания для выработки схемы управления [при переходе] Морского комиссариата [на мирное положение]». Председательствовал Б. Б. Жерве, участвовали Ф. Ф. Раскольников, С. И. Фролов, В. А. Кукель, Л. Г. Гончаров, С. А. Паскин и П. П. Лукашевич¹⁵⁰. Видимо, между 28 ноября и 5 декабря было еще одно или несколько заседаний, стенограммы которых утрачены, поскольку встреча 5 декабря началась с зачитывания особого мнения начальника политотдела Главного управления водного транспорта НКПС В. И. Зофа и протокола предыдущего заседания, который не был нами обнаружен.

5 декабря пришли к выводу, что особое центральное управление портами при начальнике Главного управления Всероссийского Адмиралтейства (ГУВА) не нужно, ибо в центре портами будут ведать три учреждения — Гламортех, Гламорфин и Морское центральное управление снабжения (МОРЦУС), каждое по своей специальности. Также нет необходимости в учреждении при ГУВА Управления технико-хозяйственной статистики, поскольку учет и статистика могут вестись в каждом главном управлении особо, а суммировать эти данные может Управление статистики МГШ. В МГШ следует включить особую научную редакцию, в состав Военно-морской академии — морские библиотеку и музей. Морские силы должны подразделяться на флоты и флотилии, причем командующему Балтийским флотом должна подчиняться Северная флотилия, командующему Черноморским — Азовская и Днепровская флотилии, а Каспийская, Сибирская и речные (кроме Днепровской) флотилии должны быть самостоятельны. Флоты в мирное время во всех отношениях подчиняются начальнику ГУВА. Командующий флотом

¹⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 128.

¹⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 19. Л. 1.

руководит самим флотом, приморскими крепостями и тыловыми учреждениями. В случае общей мобилизации начальник ГУВА назначается командующим морских сил, МГШ переименовывается в Штаб коморси с выделением Военно-морского управления Полевого штаба главкома. В протоколе указывалось, что МГШ, Морская академия, все главные управления подчиняются начальнику ГУВА. Флоты и флотилии в оперативном отношении подчиняются главкому, в прочих отношениях — коморси. В случае частичной мобилизации начальник ГУВА получает указания от главкома, в Полевом штабе которого создается Морской отдел (для связи ПШ с МГШ, флотами и флотилиями). Флоты и флотилии в этом случае также подчиняются главкому в оперативном отношении, а в прочих — по-прежнему начальнику ГУВА¹⁵¹. 5 декабря были почти дословно повторены выводы, сделанные на заседании комиссии М. А. Петрова 19 ноября того же года и в записке Б. И. Доливо-Добровольского, о которых говорилось выше.

В конце 1920 г. командующий морскими силами А. В. Немитц отдал распоряжение создать комиссию из видных работников Морского комиссариата при Морском штабе для разработки «отдельных вопросов академическо-практического порядка». 11 декабря 1920 г. начальник Морского штаба бывший старший лейтенант Б. С. Радзиевский телеграфировал коморси, что во исполнение его директивы в тот же день создано совещание, на котором поручено виднейшим «старым специалистам» Е. А. Беренсу и Н. И. Игнатьеву выработать тезисы «Значение морской силы, характер деятельности Морского комиссариата, организация управления им»¹⁵². «Цель работы — популяризация морской идеи и установление общего мышления для работы Морского комиссариата»¹⁵³. В сущности, задачи были примерно теми же, которые пыталась решить комиссия под председательством М. А. Петрова.

14 декабря в Морском штабе под председательством его начальника Б. С. Радзиевского состоялось заседание по вопросу о сокращении вооруженных сил¹⁵⁴. «В связи с переходом на полумирное (!) положение...» он вынес предложение сформулировать мысль

¹⁵¹ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁵² РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 63.

¹⁵³ Там же. Л. 63.

¹⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 213–219.

о сокращении флота осторожно, «сократить до 40 %» (это выражение, видимо, следует понимать как «уволить не более 40 %»). В данном случае опирались на расчеты Полевого штаба, который собирался сократить армию с 5,5 до 3,3 млн чел., преимущественно за счет тыловых частей. Решение о сокращении армии было принято на заседании РВСР 25 ноября 1920 г. и затем уточнено на заседании 6 декабря¹⁵⁵. «Конкретно имеется факт такой, — говорил Б. С. Радзиевский: у Раскольниково [на Балтийском флоте] штаб в 350 человек, в то же время жалобы на некомплект на судах флота. Я бы сказал, что это ненормально: не должно складываться ситуации, когда на берегу комсостава в два раза больше, чем на кораблях»¹⁵⁶. Далее Б. С. Радзиевский поставил вопрос о необходимости расширения штатов, так как вольнонаемный состав, в основном женщины, был, по его мнению, неудовлетворителен. Он сказал: «Тут поднимался вопрос о замене мужчин женщинами и женщин мужчинами. Тут нужно установить твердую точку зрения, потому что пока требовались мужчины на фронт, это было необходимо...»¹⁵⁷, а в связи с окончанием Гражданской войны проблема высвобождения мужчин для фронта потеряла актуальность. С. И. Фролов пытался возражать, ссылаясь на «принцип равноправия». Б. С. Радзиевский в ответ ему заявил: «совершенно верно, но кроме принципа равноправия есть принцип удобства... у нас все держалось только на прикомандированных»¹⁵⁸. Затем разговор зашел о произошедшем слиянии МГШ и Оперативного управления штаба коморси, которое было неожиданностью для присутствующих и расстроило планы планомерного перехода на организацию мирного времени.

Обсуждение вопросов реорганизации морского ведомства в совещаниях и комиссиях осенью 1920 г. производит впечатление общих рассуждений по поводу не слишком хорошо известных участникам заседания вопросов. Видимо, секрет заключался в том, что «все, что до сих пор на счет предполагаемой реорганизации Морского комиссариата делается, известно из частных разговоров»¹⁵⁹. Для политического руководства страны основным военным вопросом была

¹⁵⁵ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920—1923. С. 154, 156, 158.

¹⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 215.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. Л. 219.

проблема организации сухопутной армии, выработка принципов такой организации и происходила в руководстве сухопутного ведомства, тогда как флот оказался «ни при чем». Вот характерный диалог, демонстрирующий степень неосведомленности моряков о планах высшего руководства и военного ведомства:

Б. С. Радзиевский: «Может быть, случится, что до результатов работы этой комиссии (комиссии А. А. Брусилова, в которой представителем морского ведомства был Б. И. Доливо-Добровольский. — К. Н.) введут временное положение при котором наши интересы могут пострадать, так что тут предпринять?»

Л. Г. Гончаров, обращаясь к Б. С. Радзиевскому: «нельзя ли Вам зайти к [Э.М.]Склянскому и узнать?»

Один из присутствующих (фамилия которого не была зафиксирована в стенограмме): «Так как это совещание было создано по приказу Коморси, принимал участие представитель Балтийского флота, принимал участие А. В. Домбровский, нельзя ли было, чтобы Вы эту схему доложили Главкому?»

Б. С. Радзиевский: «Главком тут ни при чем. С таким же успехом можно доложить митрополиту...»¹⁶⁰

Из дальнейшего обсуждения выяснилось, что в распоряжении моряков была схема организации центральных органов управления вооруженными силами, предложенная начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым, причем добыта эта схема была неофициальным путем. Б. С. Радзиевский говорил: «Эту схему я не от него [П. П. Лебедева] получил. Он говорил, что эта схема встретила оппозицию со стороны присутствующих. На каком-то заседании, где нашего представителя не было, возражали все представители всех Цусов (центральных управлений. — К. Н.). Он [П. П. Лебедев] выступил с этой схемой. Это вот встретило колоссальную оппозицию, так что было такое озлобленное настроение, хотели проголосовать и провалить, но он [П.П. Лебедев] отложил до следующего заседания, с тем что он докажет, что это так и нужно сделать»¹⁶¹.

Кроме того, имелась схема, предложенная Ф. Ф. Раскольниковым, схема А. П. Зеленого и «наша схема», то есть та, которая была выработана на предыдущих заседаниях. При этом схема Раскольникова

¹⁶⁰ Там же. Л. 217–218.

¹⁶¹ Там же. Л. 217.

пользовалась популярностью среди руководителей ведомства. На предложение присутствующих «двигать схему Раскольников» Б. С. Радзиевский ответил: «Я ее буду двигать, но я не имею указаний, а потому я думаю, что она не пойдет. Факт тот, что у Доливо-Добровольского имеется схема Коморси, имеется схема, которая тоже попала к Добровольскому. Работу они (члены комиссии А. А. Брусилова в военном ведомстве. — К. Н.) начали с низов. Они говорили, что надо начать с низов, как надо управлять ротой, потом строя таким образом, они идут дальше^{162?}»

По слухам, переданным коллегам Б. С. Радзиевским, «на схему А. П. Зеленого согласился Главком и все другие». Согласно «схеме А. П. Зеленого», управляющему Морским комиссариатом подчинялись МГШ, Гулисо и Увмуз, а сам управляющий подчинялся РВСР. Главкому же, при котором состоял комиссар, подчинялся Морской походный штаб, выделяемый за счет части МГШ—Штамора¹⁶³.

В итоге прений присутствующие решили послать А. В. Немитцу телеграмму о том, что комиссия закончит работу к весне и что РВСР приказал сократить армию на 50 %, не дожидаясь окончания работ комиссии А. А. Брусилова. «По этому вопросу собирались различные заседания, на которые представители Морского комиссариата пока не приглашались, но где структура Морского комиссариата трактуется». Предлагалось выступить с временной схемой «военмора Зеленого»¹⁶⁴. «Таким образом, — констатировало совещание, — можно считать основную схему мирного времени не нарушенной, так как вместо начальника Всероссийского Адмиралтейства в этой схеме стал Упморком»¹⁶⁵.

Новым этапом обсуждения организационной схемы центральных учреждений Морского ведомства стала организация приказом коморси № 11 от 12 января 1921 г. комиссии для составления проекта реорганизации морского ведомства. Первое ее заседание состоялось 12 января 1921 г. Председательствовал начальник Морского штаба Республики А. В. Домбровский, членами были старший флагман Б. И. Доливо-Добровольский, помощник начальника Строморси С. И. Фролов, представители Оперативного отдела МГШ М. А. Пет-

¹⁶² РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 217—218.

¹⁶³ Там же. Л. 218. См. Приложение 22.

¹⁶⁴ Там же. Л. 218.

¹⁶⁵ Там же. Л. 218.

ров, Бойков, Н. В. Бородин, Л. Г. Гончаров, представитель Строевого отдела МГШ С. А. Паскин, от Управления делами Морского комиссариата В. А. Бокард, А. Н. Яблонский, В. О. Маркович, А. Суров, от Главного морского технического управления С. О. Барановский, от Главного морского хозяйственного управления А. Г. Свитальский и И. А. Загвоздкин, от Рабкрина К. П. Мойпер¹⁶⁶.

Комиссия базировалась на уже принятом «Положении о командовании всеми морскими силами Республики», в ее задачи входили разработка положения о Морском комиссариате и каждом его органе, рассмотрение схематического проекта реорганизации Морского комиссариата, имеющегося у Коморси, а также пересмотр и сокращение штатов. Вместе с тем во время заседания оказалось, что присутствующие не представляют себе задач комиссии. Поэтому было решено представить «наверх» сведения только об «организации управления на местах», то есть в портах, и одновременно «навести справки путем личных сношений» с секретариатом СНК, отделом законодательных предположений Наркомюста и в РВСР о том, схемы каких именно органов требуется разработать и требуются ли сокращения по сокращению штатов. Первое заседание, которое продолжалось всего 50 минут, свелось к оглашению некоторых нормативных документов, а именно:

- выписки из пункта 8 раздела IV постановления VIII Съезда Советов «О Советском строительстве» («Поручается СНК рассмотреть положения о Народных Комиссариатах и их органах на местах в целях согласования с постановлениями VII и VIII Съездов Советов и в целях единообразного строения этих органов и не позднее 1 апреля представить на утверждение Президиума ВЦИК. После установленного срока все ранее изданные соответствующие положения отменяются»¹⁶⁷);
- статьи 1 протокола Организационного совещания от 10 января 1921 г., образованного СНК 11 декабря 1920 г. «по вопросу об упорядочении и упрощении советских аппаратов» («Все Народные Комиссариаты, ВСНХ, Главки и Центры обязаны представить схему, положение и штаты, с учетом необходимого сокращения». Рабкрин должен представить доклад по тем же

¹⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 815. Л. 1–2.

¹⁶⁷ Там же. Л. 6.

вопросам. Военному и Морскому комиссариатам давался самый большой срок на подготовку — 3 недели (то есть, к 1 февраля), тогда как, например, Наркомтруд получил всего одну неделю на подготовку¹⁶⁸);

- отношения Отдела законодательных предположений Наркомюста от 12 января 1921 г. №173 «О предоставлении сведений по тому же вопросу» (в котором со ссылкой на два предыдущих документа, указывалось на необходимость немедленно предоставить все необходимые сведения¹⁶⁹).

Обращает на себя внимание, что комиссию в морском ведомстве создали в тот же день, когда было получено отношение из Наркомюста.

Почти все время заседания и заняло оглашение этих документов. Так как решений было не слишком много (создать подкомиссии при каждом из управлений Морского комиссариата для углубленной подготовки вопроса), начальник управления делами Морского комиссариата В. А. Бокард предложил не ограничиваться разработкой схем организации центрального аппарата, а обратить внимание и на местный.

Второе заседание комиссии состоялось 18 января 1921 г. и продолжалось всего полчаса. На нем огласили схему организации центрального морского управления, полученную от Коморси¹⁷⁰. Председательствующий заявил, что достаточно будет свести все действующие положения об отдельных центральных учреждениях флота воедино, чтобы получить положение о Морском комиссариате. Для этого следовало, по его мнению, просто дать поручение начальнику Управления делами Морского комиссариата. «По его представлению эта работа имеет характер чисто инкорпорационный»¹⁷¹.

Однако не все присутствующие согласились с этим. А. Г. Свистальский, представитель Гламорхоза, считал все Положения (кроме Положения о Командовании МС и Штагоре) устаревшими. Например, часть функций ГМХУ и ГМТУ перешла Чусоснабарму и Упродснабфлоту, поэтому было бы целесообразнее каждому начальнику срочно разработать положение о своем учреждении по образцу по-

¹⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 815. Л. 7.

¹⁶⁹ Там же. Л. 5.

¹⁷⁰ Там же. Л. 3-4.

¹⁷¹ Там же. Л. 3 об.

ложения о Командовании всеми МС РСФСР и его штабе. Комиссия согласилась с этим предложением.

Составление проектов по учреждениям было решено окончить к субботе 29 января. Штатной части Строморси следовало к 29 января представить список местных учреждений морского ведомства. Начальнику Гламортеха предстояло разработать типовое положение и проекты штатов для портов I, II и III разрядов. Кроме того, было решено выделить подкомиссию для рассмотрения сокращения штатов под председательством начальника Управления делами В. А. Бокарда, первое заседание которой назначить на 26 января (к этому же сроку учреждения должны были представить мотивированные проекты упрощения и сокращения своих штатов).

10 февраля 1921 г. Полевой штаб РВСР был объединен со Всероссийским главным штабом в Штаб РККА¹⁷². С существованием двух штабов (одного для действующих войск (ПШ РВСР), а другого для тыловых и запасных частей (Всероглавштаб)) было покончено. Этот шаг был совершенно логичен. Если иметь в виду, что ПШ РВСР выполнял роль штаба Ставки верховного главнокомандующего, то после окончания войны он исчерпал свои задачи. Назревало такое же мероприятие в морском ведомстве, где продолжали существовать параллельно МГШ (тыловой орган) и орган оперативного руководства действующими морскими силами, или Морской штаб Республики (так с 27 августа 1920 г. стал называться Штаб коморси)¹⁷³. В начале весны 1921 г. продолжалось обсуждение вопроса о слиянии сухопутного и морского ведомств в единый наркомат, но вместе с тем в конце марта—начале апреля 1921 г. в рамках мероприятий по «разгрузке» Москвы встал вопрос о «переброске» НКМД в Петроград, что явно противоречило наметившейся тенденции к объединению руководства всеми видами вооруженных сил. Характерно, что высшее морское руководство, хотя и относилось скептически к идее слияния наркоматов по военным и по морским делам, выступило против отъезда из столицы. 6 апреля 1921 г. комиссар Морских сил Республики И. Д. Сладков указал в письме в НКВД, что по политическим соображениям необходимо оставить комиссариат в Москве¹⁷⁴. Аналогичное обращение было направлено от имени командующего

¹⁷² Там же. Л. 3 об.

¹⁷³ См. Приложение 23.

¹⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 5. Д. 4. Л. 170.

Морскими силами Республики А. В. Немитца и И. Д. Сладкова председателю комиссии по разгрузке Москвы М. Ф. Владимирскому. Здесь было добавлено, что оставить комиссариат в Москве необходимо в связи с необходимостью выполнить указания председателя РВС Республики Троцкого «в момент коренных изменений и ломки существующей структуры управления флотом»¹⁷⁵. Видимо, переезд морского ведомства мог быть превратно истолкован в связи с Кронштадтским восстанием (1–18 марта 1921 г.)

О том, насколько остро стоял вопрос о судьбе флота после Кронштадтских событий, свидетельствует записка В. И. Ленина Л. Д. Троцкому от 21 марта: «Не “прикрыть” ли нам на год флота совсем? К чему он? А уголь отдать ж[елезным] дор[огам] или текстильным фабрикам, чтобы дать мужикам ткань? По-моему, надо бы здесь пойти на решительные меры. Пусть флот пострадает. А сов[етская] власть выиграет»¹⁷⁶.

Вопрос о будущем флота волновал не только его руководство, но и рядовых «военморов». 25 мая 1921 г. в Москве был получен проект военмора Байкальского дивизиона судов Д. Иванова, возможно являвшегося секретарем комиссара дивизиона¹⁷⁷. Судя по тексту, автор проекта — коммунист из матросов. Д. Иванов считал, что «нельзя соединять Морской и Военный комиссариаты; в РВС и СНК должны быть представители НКМД; необходимо предоставить НКМД права военного ведомства, вернуть ему заводы, провести набор «хотя и из армии», доведя численность флота до 40 тысяч человек; увеличить учебные отряды, расширить ВУЗы, сделать их доступными для всех военморов, «хотя бы и не имеющих среднего образования и практиков (то есть имеющих только практические навыки, а не теоретическую подготовку. — К. Н.)»; использовать зимние стоянки для обучения личного состава; сделать «морской политорган» самостоятельным, стоящим в иерархии военных учреждений не ниже Политуправления РККА; создать «свои морские политотделы»; развернуть широкую пропаганду флота. В заключение Д. Иванов писал: «Нет сомнения, что только моряки могут приблизить своей организованностью, спайкой всемирную социальную революцию (подчерк-

¹⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 5. Д. 4. Л. 171.

¹⁷⁶ Записка Л. Д. Троцкому // В. И. Ленин: Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С.423.

¹⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 5. Д. 4. Л. 166–166 об.

нуто в оригинале. — К. Н.)»¹⁷⁸. Необходимо отметить, что в пользу сохранения полной самостоятельности морского ведомства высказывались не только высшие руководители, которых можно было бы подозревать в личных расчетах, но и представители низов флота. Традиция независимого от армии существования морских сил была очень сильна, прецедента объединения сухопутных сил и флота в одном ведомстве не было не только в дореволюционном русском государственном аппарате, но и среди ведущих морских держав того времени.

В Петрограде тем временем (июль—август 1921 г.) было собрано совещание при Побалте, о котором говорилось выше¹⁷⁹. Надо полагать, что единственным конкретным предложением совещания было улучшение материального положения комсостава.

19 августа 1921 г. появился «Проект соображений по организации военно-производственной пропаганды на флоте»¹⁸⁰. Его источниками послужили записки Лукьянова, Н. А. Бологова, отзывы А. К. Петрова и Е. Д. Довжикова и мнение совещания при Побалте 18 августа 1921 г. Суть проекта состояла в том, что необходим небольшой количественно, но высококачественный Красный флот. Следовало интеллектуально развивать личный состав, вести пропаганду спорта. «Военно-производственную пропаганду» понимали как пропаганду «идеи флота», то есть мысли о необходимости для благополучия государства иметь сильный и многочисленный флот. Мысль о необходимости пропагандировать деятельность флота уже звучала после революции. Так, 23 октября 1919 г. «военмор Карпенко» (возможно, Б. Карпенко) подал проект освещения в газетах деятельности Морского комиссариата. Идея Карпенко заключалась в том, что ему будут давать сведения о жизни флота и деятельности комиссариата, а он готов делать сводки, представлять их на просмотр начальнику штаба коморси и публиковать в газетах¹⁸¹. Видимо, этот проект так и остался на бумаге.

В октябре 1921 г. готовился проект приказа помглавкомора о создании постоянных инициативных совещаний при политотделах флотов для объединения усилий комсостава и коммунистов

¹⁷⁸ Там же. Л. 166 об.

¹⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 21–25.

¹⁸⁰ Там же. Л. 47–51.

¹⁸¹ РГА ВМФ. Ф. р–342. Оп. 1. Д. 457. Л. 49.

некомсостава¹⁸². Эти совещания должны также обратить внимание на военно-морскую производственную пропаганду, улучшение состояния Красного флота в смысле материальной части и дисциплины, улучшения материального положения личного состава.

К лету 1921 г., после слияния Морского Генерального штаба и Штаба командующего всеми морскими, озерными и речными силами Республики, образовался единый Штаб морских сил Республики, располагавшийся в Москве¹⁸³. Тогда же была создана новая комиссия по реорганизации флота. Теперь вопрос был поднят на новый уровень. В состав комиссии по реорганизации флота входили недавно назначенный начальником Политуправления РВСР С. И. Гусев, главком С. С. Каменев, начальник ПШ РВСР П. П. Лебедев, коморси А. В. Немитц, комиссар при коморси И. Д. Сладков и еще одиннадцать военных деятелей. Новая комиссия была не просто смешанной (из армейцев и моряков): военные моряки оказались в явном меньшинстве — из шестнадцати членов комиссии только двое (командующий всеми морскими, озерными и речными силами Республики А. В. Немитц, комиссар морских сил Республики И. Д. Сладков) представляли морское ведомство. Заседания состоялись 15, 18, 19, 21 июля 1921 г.

«Заслушав доклады командования морских Сил Республики и других заинтересованных ведомств», комиссия постановила провести радикальную реформу морского управления: «морское ведомство реформировать из самостоятельного Комиссариата в самостоятельный Морской штаб с подчинением члену РВСР по морским делам»; должность помощника коморси — упразднить; Главное морское хозяйственное управление и Главное морское техническое управление расформировать и организовать за счет их Техническо-Хозяйственное управление в Штабе Морских Сил Республики¹⁸⁴. Управление военно-морских учебных заведений предполагалось передать в ведение сухопутного Главного управления военно-учебных заведений, выработав формы взаимоотношений между ними, причем учебную часть оставить в ведении НКМД. Кронштадтскую и Севастопольскую крепости сухопутному командованию¹⁸⁵. В принятии

¹⁸² РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 26–27.

¹⁸³ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 358.

¹⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 13–16.

¹⁸⁵ Там же. Л. 15.

решения о передаче крепости сухопутному командованию сказалось влияние довоенных взглядов на роль морских крепостей как убежища флота. Управление безопасности кораблевождения и гидрографическую службу было решено оставить в составе морского ведомства, судоподъем и землечерпательные работы передать Мортрану, причем ему было предложено представить соображения о подъеме линкора «Императрица Мария», затонувшего в Севастополе, миноносцев, затопленных у Новороссийска в 1918 г., и кораблей, затопленных белыми у Одессы¹⁸⁶.

Одновременно были сформулированы задачи флотов и их состав: на Каспийском море иметь флот для обеспечения господства¹⁸⁷; на Черном море выполнить минимальную программу: иметь в составе флота легкий крейсер «Нахимов», эсминцы «Быстрый» и «Левкос» (или «Корфу»), 4 подводных лодки, 3 плавучие батареи (перестроенные из устаревших додредноутных линейных кораблей); на Балтийском море 1 линкор «сохранить в боеспособном состоянии, употребив его в качестве плавучей батареи, а остальные перевести на долговременное хранение», создать дивизион нефтяных эсминцев из 8 единиц действующих и 3 резервных, действующий дивизион подводных лодок (7 единиц) и резервный (6 единиц). Угольные миноносцы постепенно вывести из действующих сил, сохранив один дивизион для действий на Ладожском озере, а другой направив на Каспийское море. Оставить также в составе Балтийского флота 2 канонерские лодки для учебных целей и вспомогательные суда в минимальном составе. На ближайший год судостроение прекратить. Приступить при первой возможности к достройке легких крейсеров «Светлана» и «Адмирал Бутаков»; на северных морях действующий отряд передать в оперативное подчинение ВЧК, содержать его в составе: два действующих миноносца и два в резерве, две вооруженные яхты, один ледокол и шесть «истребителей» (торпедных катеров); тральщики на всех морях передать Мортрану и Главрыбе.

Относительно личного состава было решено проводить демобилизацию на тех же условиях, что и в РККА, что означало необходимость сокращения личного состава почти в два раза: на 1 марта 1921 г. численность морского ведомства по штату была 107 108 человек,

¹⁸⁶ Там же. Л. 16. Принято на заседании 15 июля.

¹⁸⁷ Там же. Л. 13 об. Принято на заседании 15 июля.

а фактическая — 89 430 человек¹⁸⁸, причем здесь подсчитаны только матросы, а в мае 1921 г. было установлено, что предельная численность флота, вместе с учреждениями, не может превышать 45 тысяч человек¹⁸⁹. Комиссия постановила отобрать необходимое количество старых моряков-специалистов и оставить их на флоте, поставив остающихся в лучшие условия, то есть «не хуже низшего комсостава РККА»¹⁹⁰. Положение со специалистами обострялось, оттого что в 1918 г. была демобилизована масса специалистов, но далеко не всех удалось призвать по мобилизациям в Красный флот, в 1917–1920 гг. не действовали школы младших специалистов, поэтому матросы 1896–1899 гг. рождения (1917–1920 гг. призыва) вовсе не получили необходимых знаний и навыков. После кронштадтского мятежа 6 тысяч матросов было «эвакуировано в армию», причем речь шла именно об «эвакуации» старых матросов. Это составляло почти треть наличного состава Балтийского флота, который в марте 1921 г. насчитывал 20 350 человек¹⁹¹. Еще в апреле 1921 г. был впервые поставлен вопрос о необходимости задержать специалистов тех возрастов, которые подлежали демобилизации¹⁹². Это решение, казалось бы, было проведено в жизнь. В 1921 г. приказом РВСР были задержаны на службе специалисты 1889–1891 гг. рождения, призванные на действительную службу в 1911–1913 гг.¹⁹³, однако уже 28 августа последовал новый приказ, на основании которого задержанные специалисты увольнялись в запас¹⁹⁴. Комиссия признавала необходимость возвращения на флот моряков-коммунистов из разных учреждений¹⁹⁵. Еще 2 апреля 1921 г. И. Д. Сладков на второй день после своего назначения комиссаром при командующем МС Республики отправил в Главод запрос о возвращении на флот 102 моряков-коммунистов¹⁹⁶. 25 апреля 1921 г. было принято постановление Оргбюро ЦК о возвращении на флот моряков-коммунистов

¹⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 105.

¹⁸⁹ Там же. Л. 159.

¹⁹⁰ Там же. Л. 14 об.

¹⁹¹ РГА ВМФ. Ф. р–5. Оп. 5. Д. 4. Л. 105.

¹⁹² Там же. Л. 160.

¹⁹³ Там же. Л. 22 об. Приказ РВСР № 475/70.

¹⁹⁴ Там же. Л. 22 об. Приказ РВСР № 1840/311.

¹⁹⁵ Там же. Л. 14 об.

¹⁹⁶ Там же. Л. 175.

в количестве 102 человек по особому списку. Несмотря на это постановление ни один из перечисленных в списке к 18 мая 1921 г. не был откомандирован теми ведомствами, в которых они служили. «Вопрос о них как будто стоит открытым» писал в ЦК РКП(б) И. Д. Сладков¹⁹⁷. Он наметил новый список, уже из 186 фамилий, который также отправил в ЦК 28 мая 1921 г. Судя по тому, что еще в середине июля пришлось принимать особое постановление о возвращении моряков—коммунистов, вопрос, видимо, не сдвинулся с мертвой точки. Правда, в литературе встречаются утверждения, что «в 1921–1922 гг. на флот было возвращено 1218 человек, из которых 697 направлено на Балтийский флот, 427 — на Черноморский, 84 — на Каспийскую военную флотилию и 10 человек — на Север»¹⁹⁸.

30 мая 1921 г. коморси объявил своим приказом новую структуру наркомата, утвержденную СНК¹⁹⁹.

Комиссия поставила вопрос о некотором улучшении снабжения флота. Так, она предложила установить, что наряды на уголь для траления должны выдаваться особо, отдельно от нарядов на учебные цели морских сил. Это решение было вызвано установившейся практикой сокращения нарядов на уголь для флота, а так как сокращение траления было невозможно, то остальные силы флота страдали особенно сильно, подготовить доклад в РВСР о заводах, необходимых для судоремонта и «обратить внимание Главснабпродарма на снабжение Кавказской армии и Кавказской (Каспийской? — К. Н.) флотилии, базируя его на Туркестан»²⁰⁰.

20 августа 1921 г. состоялось заседание РВСР, посвященное флоту. На нем присутствовали Л. Д. Троцкий, С. С. Каменев, П. П. Лебедев, А. В. Немитц, И. Д. Сладков, С. И. Гусев, В. И. Зоф, Г. Г. Ягода и другие²⁰¹. Выслушав доклад С. И. Гусева, комиссия утвердила стратегические задания, выработанные комиссией С. И. Гусева для флотов, несколько конкретизировав их. Для Каспийского моря было решено «сохранять государство (видимо, господство. — К. Н.)

¹⁹⁷ Там же. Л. 99.

¹⁹⁸ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Сост. В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. М., 1988. С. 125.

¹⁹⁹ Приказ коморси № 91/1/пох от 30 мая 1921 г. См. Приложение 24.

²⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. р—5. Оп. 5. Д. 4. Л. 16. Принято на заседании 15 июля.

²⁰¹ РГА ВМФ. Ф. р—1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 52–53 об. Протокол заседания РВСР № 144.

на море», на Черном — оборонять побережье, особенно Керченский пролив, на Балтике — оборонять приморский фланг Карельского фронта и сохранять обладание Ладожским озером, а также создавать кадры для флота, на Севере — охранять промыслы, устье Двины и Кольского залива. Были утверждены приложения 1–3 к решениям комиссии Гусева. Приняли решение немедленно демобилизовать возраста 1889–1892 годов рождения, 1893–1895 годы временно задерживались на службе. Особое внимание предполагалось уделить укомплектованию флота «политически надежным личным составом». Должность командующего Морскими силами (Коморси) было решено переименовать в помощника главнокомандующего по морским делам (Помглавкомор), должность помощника Коморси по техническо-хозяйственной части решили упразднить, ГМХУ и ГМТУ — расформировать, «все центральные учреждения Морского комиссариата свернуть в один Морской штаб Республики, подчиненный через Помощника Главнокомандующего по морским делам Главнокомандующему всеми Вооруженными силами Республики и являющимся его органом управления флотом. Разработанная командующим Морскими Силами Республики новая схема управления флотом, представленная Комиссии т. Гусева и утверждена»²⁰². Должность помглавкомора было решено не соединять с должностью начальника Морского штаба Республики (МШР). Севастопольскую и Кронштадтскую крепости решили передать сухопутному командованию, а вопрос о подчинении Балтийского флота Петроградскому военному округу передать Главкому на рассмотрение.

Таким образом, летом 1921 г. в общих чертах была разработана схема подчинения флота армейскому высшему руководству и включения Наркомата по морским делам в структуру Наркомата по военным делам. Новая схема организации морского ведомства была введена приказом по МШР от 5 октября 1921 г. во исполнение приказов РВСР и Помглавкомора²⁰³. Основными отличиями новой схемы от существовавшей на тот момент в организации морского ведомства были: слияние ГМХУ и ГУК в техническо-хозяйственное управление МШР, утрата морским ведомством Увмуза и слияние Тактического и Оперативного управ-

²⁰² РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1032. Л. 53 об.

²⁰³ РГА ВМФ. Ф. р–1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 84–84 об. См. Приложение 25.

лений бывшего Штаба в Оперативное управление МШР. Последнее мероприятие серьезной реорганизацией считать трудно, так как за 1918–1920 гг. структура подразделений МГШ и Штаба коморси менялась бесчисленное количество раз. Объединение же ГМХУ и ГУК было коренной ломкой устоявшейся структуры, ведь они существовали раздельно с 1911 года.

Наиболее развернутой и аргументированной запиской с критикой настоящего положения военного флота Советской России и с предложениями по выводу флота из кризиса была записка, поданная 18 ноября 1921 г. Э. С. Панцержанским, который тогда был начальником Морских сил Черного моря и помощником командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма. «Записка о флоте» была адресована Л. Д. Троцкому. В ней формулировались причины упадка военно-морских сил и намечались пути их спасения и развития.

Э. С. Панцержанский отмечал, что причинами кризисного состояния флота стали «отсутствие единого и согласованного для всех флотов плана политической работы благодаря недостаточному вниманию к флоту со стороны центральных политических органов; отсутствие твердой и определенной морской политики, хотя бы в отношении колыбели флота — Балтийского моря, на основах политической и стратегической оценки Балтийского театра; Балтийский флот надлежало рассматривать как базис для последующего устройства флотов Республики; отсутствие стройной и однообразной системы управления флотами и флотилиями, носившего случайный и эпизодический характер как в отношении расходования материальных средств, судостроительноремонтных программ, так и в отношении службы»²⁰⁴.

Э. С. Панцержанский не считал, что условия войны могут быть признаны «оправдывающими обстоятельствами» для пренебрежения флотом, так как, «во-первых, флот являлся немаловажной государственной военной артерией, а [во-вторых] ...для этого необходимо было лишь своевременно создать мощный, высокоавторитетный морской политический центр, долженствовавший возглавить

²⁰⁴ *Панцержанский Э. С.* Председателю Революционного военного совета Республики г. Троцкому. Записка о флоте // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 52.

и объединить морское ведомство, дать ему устойчивые формы существования во всех отношениях»²⁰⁵.

Затем командующий Черноморским флотом выдвинул ряд серьезных обвинений в адрес центрального руководства. Эти обвинения изложены не слишком последовательно, но их можно сгруппировать в несколько разделов. Власти обвинялись в инертности в отношении флота, а также в отсутствии закона о флоте. Под «законом о флоте» Э. С. Панцержанский, вероятно, подразумевал развернутую судостроительную программу по образцу принимавшихся в предвоенной Германии. Подобный закон о флоте обсуждался и в России в то время, но не был принят.

Э. С. Панцержанский не останавливался перед выдвиганием политических обвинений. По его мнению, власти виновны в допущении «взрыва дешевой демагогии в отношении всех моряков» после Кронштадтского восстания, а также в переложении «виновности в государственных преступлениях отдельных лиц командного состава на всю корпорацию остатков бывшего кадрового офицерства»²⁰⁶. По мнению автора записки, эти люди в большинстве своем доказали «полную лояльность Советской власти», а в меньшинстве — даже «глубокую верность пролетарской идеологии и Республике». Результатом необоснованных обвинений, по мнению Э. С. Панцержанского, стало «очередное падение авторитета командного состава, уничтожение веры в возможность в подобных условиях созидательной работы и глубочайший упадок энергии как среди лиц, подвергшихся незаслуженным репрессиям, так и тех, коим в силу случайных обстоятельств удалось избегнуть их»²⁰⁷.

Далее Э. С. Панцержанский высказывал претензии в отношении кадровой политики властей. Речь шла об огульном увольнении моряков под видом фильтрации и об определении корабельного состава флота, исходя из предельной численности продовольственных пайков для личного состава, а не из задач, стоящих перед ВМФ, а также о крайне тяжелом материальном положении командного состава.

Ликвидация самостоятельности морского комиссариата также признавалась автором записки тяжелой ошибкой, мероприятием,

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 53.

²⁰⁷ Там же.

«глубоко противоречащим военно-морскому историческому опыту и абсолютно не оправдываемым экономическими соображениями»²⁰⁸. Автор считал, что «полное подчинение флота армии являлось величайшей государственной ошибкой с точки зрения научно-академической (жестокие исторические примеры Франции, Германии, России)»²⁰⁹. Правда, остается только гадать, что имел в виду Э. С. Панцержанский под «жестокими историческими примерами», так как ни в одной из этих стран флот в XIX–начале XX в. не был подчинен армии, за исключением короткого периода 80-х годов XIX в. в Германии, когда флот этой страны был так малочислен, что вопрос о его самостоятельности просто не стоял.

Он критиковал центр за «невключение» судоремонтных заводов, предприятий, изготавливающих флотское вооружение и оборудование «в сеть государственных предприятий», что привело к упадку морской промышленности и уходу кадровых рабочих. Правда, Э. С. Панцержанский признавал, что «в современных условиях экономического положения страны не может быть никакого **обольщения насчет возможного расширения и строительства флота**, во-вторых, что флот пока должен стоять перед **основной задачей сохранения незначительного, но крепкого духом и знаниями ядра** (выделено в оригинале. — К. Н.)», но при этом единственный путь к спасению лежит через «кардинальное искоренение всех ошибок, допущенных в отношении флота до последних дней, вложенных в основу краткого анализа современного положения на страницах настоящей записки»²¹⁰.

Практически данная записка представляла собой нечто вроде ультиматума высшему руководству военного ведомства и, косвенно, высшему политическому руководству Советской России. Причем этот ультиматум был принят, во всяком случае, формально.

Н. Ю. Березовский пишет: «Есть все основания предполагать, что о “Записке” знал и В. И. Ленин. Ведь содержание этого документа составило основу доклада “О морском ведомстве”, представленного в ЦК РКП(б) 20 ноября назначенным накануне комиссаром при Помглавкоморе В.И. Зофом, членом РВС МСЧМ А. В. Барановым и главным командиром военных портов Черного

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. С. 53–54.

и Азовского морей Н. Ф. Измайловым. На следующий день состоялась их беседа с Владимиром Ильичем, проявившим глубокий интерес к флотским вопросам. Эта встреча, несомненно, повлияла на назначение Э. С. Панцержанского (приказ РВСР № 317 от 22 ноября 1921 г.) на должность Помглавкомора»²¹¹.

Складывается впечатление, что основной пружиной событий в морском ведомстве летом—осенью 1921 г. стала постепенно разгравшаяся в руководстве РКП(б) борьба, одним из главных героев которой стал Л. Д. Троцкий. Не исключено, что изменение структуры морского ведомства и назначение помглавкомором Э. С. Панцержанского было связано с этой борьбой. С осени 1921 г. И. В. Сталин становится докладчиком по военным вопросам на Политбюро наряду с Л. Д. Троцким, даже тогда, когда председатель РВСР присутствует на заседаниях. 14 сентября 1921 г. Политбюро приняло решение о сокращении флота и создало комиссию для контроля за этим процессом и его ускорением. Созыв комиссии поручался И. В. Сталину, в ее состав вошли С. И. Гусев, Судаков и представитель РВСР²¹². Вместе с тем следует подчеркнуть, что еще в августе 1923 г. решение Политбюро предусматривало лишь объединение «верхушечных органов военного и морского комиссариата в единый Реввоенсовет Союза ССР, с сохранением существующей автономии низовых органов Морского ведомства»²¹³. Впрочем, это уже предмет отдельного исследования.

Так оказался принципиально решен вопрос о подчинении флота сухопутной армии. С другой стороны, вопрос о переводе флота на территориально-милиционную систему комплектования больше уже не поднимался. Способы комплектования флота, по сравнению с дореволюционным периодом, не изменились, лишь срок службы сократился на один год.

²¹¹ Там же. С. 56–57.

²¹² Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: Реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 164.

²¹³ Решение Политбюро ЦК РКП(б) о слиянии аппаратов Военного и Морского ведомств. 9 августа 1923 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 33.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первый взгляд, русский флот к началу 1917 г. являлся достаточно крупной военной силой. Создавалось впечатление, что военно-морской организм Российской империи функционирует вполне нормально, не хуже, чем в других воюющих странах, что все идет по накатанной колее: и жизнь личного состава, и боевая подготовка, и повседневная управленческая деятельность руководящих органов флота. Вооруженные силы империи «традиционного» типа, с их внешней аполитичностью, сплоченным офицерским корпусом, безликой солдатской и матросской массой, функционировали по меньшей мере два столетия, и представлялось, что так будет всегда.

Но это была иллюзия. Грянул Февраль 1917 г., и начался распад государственных институтов Российского государства, в том числе и военно-морских сил. Через процесс распада «традиционных» вооруженных сил началось складывание армии и флота «революционного» типа. Перед военнотружущими впервые в жизни встал вопрос политического выбора: какой власти они собираются служить? Чьи интересы защищать? «Человек с ружьем» осознал себя единственной решающей силой в стране, от воли которой зависело, кому стоять у власти. Не случайно в массовом сознании Октябрьская революция ассоциируется с образом матроса в бушлате, перепоясанного пулеметными лентами.

Причины революционности матросов были сложными и неоднозначными. Разумеется, «фундаментом» их бунтарских настроений были социально-экономические и политические интересы тех социальных групп, выходцами из которых они были. Главным фактором было недовольство условиями службы, причем не материальной стороной дела, а моральными унижениями. Культурный уровень

матросов после отмены крепостного права вырос, и те порядки, с которыми мирились рядовые моряки эпохи Крымской войны, стали возмущать их внуков. Воспитательные меры (церковные службы и произнесение речей перед строем), предпринимаемые начальством, выросшим в условиях «традиционных» вооруженных сил, уже не достигали цели. Усталость от многолетней однообразной службы на крупных кораблях во время Первой мировой войны сказывалась на эмоциональном состоянии моряков. При этом следует учитывать, что для большинства не слишком политически развитых матросов важен был протест против любой существующей власти. В условиях 1917 г. большевики и анархисты, больше, чем другие политические силы, имели шанс использовать эти настроения. Особенно привлекательны были антивоенные лозунги большевиков. Позднее, во время Кронштадтского восстания, оказалось, что даже большой процент коммунистов в экипажах кораблей не является гарантией от мятежа против большевиков. Усталость от войны и военной службы провоцировали политический протест и нежелание значительной части матросов принимать участие в Гражданской войне.

Флотское офицерство, сохранившее во время мировой войны свой кадровый состав, предпочитало не замечать пропасти, которая постепенно отделяла кают-компанию от кубриков. Сформировавшиеся в условиях «традиционных» вооруженных сил, офицеры не привыкли задумываться над социально-политическими вопросами и совершенно растерялись перед взрывом беспричинной, как им казалось, ярости матросов во время Февральской революции. Воздействие на общественное мнение убийств офицеров матросами в 1917 г. было особенно велико: число павших от рук своих подчиненных было вполне сопоставимо с количеством офицеров, погибших в боях 1914–1917 гг. Позднее кровоточащая память об этих событиях поддерживалась офицерами-эмигрантами, которые создали дееспособные организации за границей (как политические, так и «ветеранские»). Эти расправы стали символом того зла, которое несла, в их представлении, революция, а руководство ими задним числом уверенно приписывали большевикам. Благодаря большому количеству мемуаров, оставленных моряками-эмигрантами, и сравнительно небольшому количеству воспоминаний бывших офицеров, служивших в РККФ, складывается впечатление о почти полном отказе старого командного состава флота служить большевикам.

В действительности же офицеры флота поступали на советскую военную службу. Часть их в конечном итоге оказалась в эмиграции, но не была склонна афишировать этот «порочащий» эпизод своей биографии.

Весной—летом 1917 г. идет быстрый рост демократических выборных органов на флотах. Комитеты и съезды организовывали не только матросы, но и инженеры Морской строительной части и канцелярские служащие. Характерно, что матросы, подражая рабочим, ставили в это время вопрос об улучшении их материального положения, хотя по сравнению с бытом солдат сухопутной армии, быт моряков был организован лучше. Центральные органы управления флотом в 1917 г. продолжали жить своей тихой канцелярской жизнью: самым «животрепещущим» вопросом, обсуждавшимся «под шпиром» стала проблема замены мужского канцелярского труда женским и реорганизация ГМШ.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде привело к власти в стране радикальную революционную силу — большевиков. Среди балтийских матросов они в то время пользовались широкой поддержкой. Казалось бы, предстояла кардинальная смена личного состава центральных учреждений, полная их ломка и создание на их месте чего-то принципиально нового. Однако в первые же дни после победы лидеры большевиков повели себя очень конструктивно. Начинаются переговоры с адмиралом Д. Н. Вердеревским о принятии им управления Морским министерством, только после его отказа фактическим наркомом по морским делам становится П. Е. Дыбенко, но управляющим Морским министерством все равно назначается адмирал М. В. Иванов. Надо отметить, что никто из руководства морского ведомства не принял участия в первых попытках пассивного сопротивления советской власти (в саботаже чиновников), а морские учебные заведения не были замешаны в юнкерском мятеже 27—29 октября 1917 г. Это было своеобразное перемирие между революционными матросами и руководством ведомства. Самой острой формой протеста против революции становился уход в отставку.

Новые люди, пришедшие в руководство флотом, удивительно быстро перенимали традиции учреждений, в которые они пришли работать. Основой преемственности стал флотский патриотизм, присущий рядовым матросам не меньше, чем бывшим офицерам. Характерно, что один из первых приказов ВМК в январе 1918 г. был

посвящен организации архивного дела на флоте, а в марте того же года существенно расширяются штаты Центрального архива морского ведомства. Это происходит на фоне общего сокращения аппарата ведомства. Было бы формализмом считать, что после того, как постановлением СНК 22 февраля 1918 г. учреждается Народный комиссариат по морским делам, а Верховная морская коллегия становится его Коллегией, «была завершена ликвидация буржуазного аппарата и созданы прочные основы нового, советского военно-морского аппарата»¹. Невозможно провести четкую черту между «старым» и «новым» аппаратом в морском ведомстве. Своеобразным символом такой преемственности стало производство по постановлению Первого флотского съезда М. В. Иванова в контр-адмиралы, Ф. Ф. Раскольников — в лейтенанты, И. И. Вахрамеева — в офицеры.

Революцией были выдвинуты неординарные личности. Из моряков отметим профессионального революционера Ф. Ф. Раскольников, адмиралов В. М. Альтфатера, Е. А. Беренса, А. В. Немитца, А. М. Щастного, матросов И. И. Вахрамеева, П. Е. Дыбенко. Да и один из известнейших лидеров контрреволюции А. В. Колчак тоже носил морскую форму. Вооруженные силы стали настолько самостоятельны в своем политическом выборе, что попали под пристальное внимание гражданских властей. Гибель А. М. Щастного показала, что «революционные» вооруженные силы должны либо слепо подчиняться высшей власти, либо сами брать власть и ставить на высшие государственные посты своих людей. Никакого «третьего пути» у армии и флота «революционного» типа не могло быть.

Руководители Советской России пытались искать принципиально новые подходы к решению тех или иных проблем государственного строительства, но обращались к традиционным способам. Попытка построить вооруженные силы на основаниях чистой идейности и полной добровольности провалилась. Собственно, список видных большевиков, которые увлеклись этой красивой идеей, был не очень длинен: Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко. Уже в марте 1918 г. был взят курс на строительство регулярных вооруженных сил. Назначение Л. Д. Троцкого наркомом по военным и мор-

¹ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Сост. В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. М., 1988. С. 49.

ским делам и устранение от руководства армией и флотом Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко стало важной вехой на этом пути.

Ранней весной 1918 г. определилось и отношение высшего руководства Советской России к «старым специалистам», в нашем случае — к офицерам флота. Был взят курс на привлечение их на службу Республике рабочих и крестьян. От них требовали беспрекословной лояльности, а не публичных покаяний. Количественные данные показывают, что многие кадровые офицеры старого флота пошли во время Гражданской войны на службу в РККФ, при этом они руководствовались как патриотическими идеями, так и материальной заинтересованностью. В «верхах» мало кто сомневался в необходимости поставить «специалистов» в приемлемые материальные и моральные условия. Уже в декабре 1917 г. начинается пересмотр окладов содержания командного состава флота в сторону увеличения. Важно отметить, что советское правительство, вводя новые оклады денежного содержания в начале 1918 г., постаралось не ущемить флотских офицеров, и материальное положение подавляющего большинства из них не только не ухудшилось, но, по сравнению с началом осени 1917 г., даже улучшилось. Во время Гражданской войны материальное положение моряков (как офицеров, так и матросов) конечно, ухудшалось, но этот процесс шел параллельно с усилением хозяйственной разрухи и военных тягот для всего населения Советской России. Больше всего по бывшим офицерам ударил отказ от привычного бытового обслуживания на кораблях, сопровождавшееся саркастическими высказываниями матросов по поводу неумения «господ» обслуживать себя. Постепенно командному составу РККФ были возвращены традиционные привилегии (освобождение от физических работ, особое питание, пользование кают-компанией), а в декабре 1921 г. и знаки различия. Этот процесс подталкивался самими бывшими офицерами, которые ставили перед командованием флота и политическим руководством страны вопрос о восстановлении авторитета командного состава.

«Старые специалисты» в основном стремились уклониться от активного участия в Гражданской войне. Они предпочитали оседать в штабах или на невоюющем Балтийском флоте, а не рвались на речные флотилии. О той роли, которую играли «старые специалисты» в высшем руководстве военно-морскими силами Советской республики, говорит состав совещаний, определявший канцелярскую

политику ведомства осенью 1920—весной 1921 г. Судя по тому, кто выступал на совещаниях, «выдвиженцы» практически не принимали участия в обсуждении и присоединялись к решению, которое вынашивалось «старыми военспецами». Бывшие офицеры выражали свое мнение вполне свободно. У руководства ведомством оказались не просто бывшие офицеры, а люди, пропитанные духом Морского Генерального штаба, независимо от того, служили они в нем до революции, как М. А. Петров, или не служили, как Б. Б. Жерве. Стремление установить главенствующее положение МГШ в системе управления морским ведомством — идея, которую отстаивали представители МГШ с момента основания штаба в 1906 г. Генштабисты постоянно искали образцы за границей. Если до Первой мировой войны эталоном для «младотурок Генерального штаба» был германский флот, не только количественно сильный, но и производящий впечатление хорошо организованного и технически оснащенного, то теперь эталонным стал английский, который победой в войне доказал свое превосходство над немецким. В данном случае речь идет не о действительно сильных и слабых сторонах военно-морской организации Германии и Великобритании, а о впечатлении, которое они производили на офицеров русского флота. Во взглядах этих людей революция ничего не изменила, и они продолжали отстаивать свои идеи в 1921 г. с тем же упорством, что и за пятнадцать лет до этого. Подобные настроения были свойственны не только морякам, но и руководителям авиации, которые также обращались к английскому опыту.

Рабочие и крестьяне в черных бушлатах и бескозырках с подозрением, а иногда и с ненавистью смотрели на специалистов, на синих кителях которых были слишком ясно видны следы от споротых погон. В этом чувстве слилась и память о прежних обидах, и разочарование от сознания того, что снова на командных и штабных должностях «сидят» вчерашние господа. Недоброжелательная атмосфера, а иногда и травля бывших офицеров в РККФ в годы Гражданской войны шла не сверху, а снизу. В то же время официально созданный институт политического контроля над командным составом — комиссары, не были поставлены в исключительное положение. Уровень их материального обеспечения и фактические полномочия были довольно скромными, а если вспыхивали кон-

фликты между комиссаром и начальником учреждения, высшее руководство флота зачастую становилось на сторону начальника, а не комиссара. Как ни странно, новый удар по «красным командирам» нанесла демобилизация флота по окончании Гражданской войны. Документы показывают, что в ходе ее были уволены в запас или ушли сами практически все выдвинувшиеся на командные посты из матросов. Постепенное вытеснение бывших офицеров с командирских мостиков и из штабов началось позднее, с середины 20-х гг., когда подросли выпускники военно-учебных заведений Красного Флота.

Овладение старым государственным аппаратом со стороны новой власти потребовало усиления «властной вертикали». В результате быстро нашли свой конец выборные органы, расцветшие в 1917 — начале 1918 гг., пример чему являют Законодательный совет морского ведомства и Верховная морская следственная комиссия. Они появились на волне демократизации вооруженных сил, претендовали на значительную власть и независимость от руководства ведомством, но очень скоро пришли в противоречие с необходимостью централизации и дисциплины и были легко упразднены, хотя формально их ликвидация была узурпацией власти Всероссийского флотского съезда. Такая же судьба постигла выборные организации чиновников, а в конце 1918 г. и судовые комитеты. Эпоха выборных учреждений постепенно ушла в прошлое, что было характерно не только для морского ведомства или для вооруженных сил, а вообще для всей системы власти в Советской России. Как отмечал известный английский историк Э. Карр, «рабочий контроль последовательно выполнил две задачи. Он сломал старый порядок, враждебный революции и, будучи доведенным до своего логического завершения, продемонстрировал, помимо возможности противоречия, необходимость новых форм контроля, более жесткого и централизованного»². Если учесть, что под «рабочим контролем» автор понимал разнообразные формы участия выборных органов в управлении предприятиями и учреждениями, то останется только согласиться с Э. Карром и отметить применимость его вывода не только к гражданской сфере, но и к вооруженным силам.

² Карр Э. История Советской России. М., 1990. Кн. 1. Большевицкая революция. 1917–1923. Т. 2. С. 712.

Мучительный поиск организационных форм центрального управления РККФ имел свою логику. Прежде всего, в 1918–1922 гг. завершались процессы внутриведомственной борьбы, начавшиеся значительно раньше, сразу после русско-японской войны. Так, ликвидация ГМШ была задумана офицерами МГШ еще в 1906 г., а осуществилась в конце 1918 г. С другой стороны, начались эксперименты по усовершенствованию государственного аппарата. Зачастую эти опыты ставились людьми, не имевшими административного опыта, и поэтому результаты таких проб не впечатляли. Фоном всех реорганизаций 1918–1919 гг. было сокращение центрального аппарата, что устанавливало очень жесткие рамки организационному творчеству. Открылось поле для реализации самых разных проектов реорганизаций, которые были созданы еще задолго до революции, но по разным причинам лежали под сукном. Среди проектов весны–лета 1918 г. были и планы полной ликвидации параллелизма в государственном аппарате, предполагавшие слияние всех медицинских, строительных, авиационных органов в особые центральные учреждения. Особое место в череде этих планов занимает идея превращения советского морского ведомства в сколок с британского, что позволяло сделать Л. Д. Троцкого «первым лордом Адмиралтейства» и удачно вписать традиционную структуру управления флотом в новые политические реалии.

Именно тогда, весной 1918 г., впервые появилась идея слить военное и морское ведомство, подчинив флот сухопутной армии. Эта мысль вызвала ужас не только у бывших адмиралов, но и у вчерашних матросов. Началась борьба за самостоятельность морского ведомства, которая велась с переменным успехом, но к началу 20-х годов не принесла морякам победы. Морское ведомство постепенно начинает терять отдельные структуры: санитарную часть и морскую авиацию, которые уходят в подчинение других центральных учреждений. Любопытно отметить, что и в белом лагере происходили параллельные процессы реорганизации морского ведомства, однако они не были доведены до конца, возможно, из-за слишком короткого периода существования белых государственных образований на территории России.

В 1918 г. МГШ и центральный аппарат морского ведомства все больше замыкались в канцелярской работе, не имевшей прямого

отношения к разгоравшейся Гражданской войне. Видимо, это было связано не только с логикой бюрократической работы ради самой работы, но и с тем, что офицеры штаба не горели желанием принимать участия в конфликте, который казался им братоубийственной междоусобицей. Перебои со связью, импровизированный характер речных флотилий, к которым трудно было применить рецепты «военно-морской науки», давал возможность генштабистам замкнуться в канцелярской «башне из слоновой кости» и дожидаться результатов внутреннего конфликта в стране.

В 1919 г. наступил организационный хаос. Создание, а затем упразднение МО РВСР, реорганизация МГШ, которая едва была проведена, как тут же начала пересматриваться, создание штаба коморси, постоянные попытки сокращения штатов не способствовали продуктивной деятельности. Видимо, в результате этих событий МГШ потерял работоспособность, и на смену ему пришел Штаб коморси (впоследствии — Штаб всех морских сил Республики).

Если говорить об организации взаимодействия флота и сухопутной армии, то ее механизм в 1919 г. был, на первый взгляд, скопирован с дореволюционных образцов. ВМУ при ПШ РВСР, а затем и Штаб коморси стали аналогом МШС образца 1916 г. Однако в 1919 г. был сделан важный шаг, на который не решились за три года до этого: был взят курс на ликвидацию МГШ и превращение полевого органа — Штаба коморси, а позднее Штаба всех морских сил, в единый орган оперативного руководства. МГШ оставалось только одно: превратиться в орган управления тылом и постепенно исчезнуть.

Важно отметить, что, хотя формально МО РВСР был коллегиальным органом, в нем была установлена та степень единоначалия, которая только и была возможна в тогдашних вооруженных силах Советской России: МО РВСР состоял из фактического командующего ВМФ (В. М. Алыфатер) и комиссара при нем (Ф. Ф. Раскольников). В Красной Армии высшее военное руководство сохранило (хотя в значительной степени на бумаге) гораздо больше черт коллегиальности: в составе РВСР числилось по 10–15 человек. В конечном итоге во главе флота оказался один человек: командующий всеми морскими, речными и озерными силами Республики с комиссаром при нем. Штаб коморси слился с МГШ в Морской штаб Республики,

чем была достигнута такая же степень единства управления ведомством, как и перед Первой мировой войной.

Постепенно в конце 1918–1919 гг. упорядочивается система управления флотами и флотилиями. Судовые комитеты были распущены, созданы РВС флотов и флотилий, в которых командующие играли главную роль, а «политические члены» — второстепенную.

В 1919 г. делаются попытки создать в морском ведомстве новые структуры, идея которых была заимствована в сухопутной армии. Речь идет о ВВМИ. Это был вполне дееспособный орган, возглавляемый опытным и авторитетным начальником С. В. Зарубаевым. Особых причин для ликвидации ВВМИ осенью 1919 г. не было, свою роль сыграло упразднение сухопутного аналога ВВМИ — ВВИ.

Можно отметить, что, когда при составлении организационных схем вставал вопрос о сокращении штатов и экономии, как правило, шли по пути ликвидации целых учреждений либо по пути соподчинения отдельных учреждений. В принципе возможен был и другой путь: сохранение организационной схемы при сокращении личного состава, однако такой путь выглядит менее эффективно в глазах руководства, а, кроме того, сокращение учреждений позволяет несколько сократить ставки руководителей подразделений.

Следует обратить внимание на то, что упрощение структуры центральных морских учреждений имеет свою логику. В случае сокращения флота (как числа кораблей, так и личного состава) такое упрощение становится неизбежным. Например, в 60–80-е годы XIX в., когда флот также резко сократился, сначала произошло слияние всех центральных подразделений в Канцелярию Морского министерства. В начале 80-х годов, когда флот стал расти, были созданы Главное управление кораблестроения и снабжений (ГУКИС) и Морской технический комитет (МТК), при отсутствии органа стратегического планирования для флота, роль которого в определенной степени играл ГМШ, занимавший ключевую позицию среди центральных органов управления флотом. Не случайно именно начальник ГМШ был третьим лицом в морском ведомстве после генерал-адмирала и управляющего Морским министерством. Фактически выделение Чусоснабфлота в особое центральное учреждение означало появление аналога ГУКИС. Морской Генеральный штаб при этом должен был играть роль старого ГМШ, с поправкой на больший вес

оперативно-стратегических вопросов в его деятельности. При слиянии Гламортеха с МГШ, как предлагал в конце 1920 г. А. В. Немитц, структура управления советским морским ведомством приблизилась бы к структуре, существовавшей в 1867–1885 гг., когда важнейшим органом центрального управления флотом оставалась Канцелярия Морского министерства. Сокращение и упрощение центрального аппарата морского ведомства, которое намечалось после окончания Гражданской войны, имело аналоги в истории реорганизации русского Морского министерства после Крымской войны.

Безусловно, самым острым вопросом, обсуждавшимся в морском ведомстве в конце Гражданской войны, был вопрос о его подчинении сухопутному начальству. Проблема эта не была новой: еще после русско-японской войны, при создании МГШ, его инициаторы стремились блокировать возможность создания единого для сухопутных и морских вооруженных сил Генерального штаба³.

Говоря о существовании отдельного от сухопутного морского ведомства, следует учесть, что его бытие было оправдано в эпоху, когда взаимодействие сухопутной армии и флота происходило эпизодически, а главной задачей военно-морских сил были самостоятельные операции. При наличии сильного флота, способного действовать в отдаленных уголках мирового океана, существование самостоятельного центрального органа управления им вполне целесообразно. При отказе от строительства океанского линейного флота и курсе на чисто оборонительный прибрежный флот было логично отказаться от существования самостоятельного морского ведомства. Вопрос о роли и месте армии и флота остро стоял в 20-е годы. Не удивительно, что в условиях оборонительной внешней политики и крайней экономии на военных расходах встал вопрос о ликвидации самостоятельного центрального органа руководства флотом и подчинении его сухопутному ведомству. Точно так же на этом этапе была окончательно отвергнута идея создания самостоятельного авиационного наркомата, а вся авиация вошла в подчинение единого Наркомата по военным и морским делам. Вести речь об организационном равноправии армии и флота можно тогда, когда их силы и стратегическая роль сравнимы. Когда они несопоставимы, невозможно го-

³ Подробнее см. *Кондратенко Р. В.* Заметки о предыстории Морского Генерального штаба // Гангут. 2007. № 44. С. 133–148.

ворить об организационном равноправии. В дореволюционное время оно было отчасти политическим наследием Петра Великого, за этим равноправием стояла традиция. После революции эта традиция была, по меньшей мере, поставлена под сомнение, если не вовсе утрачена.

Такой спор был характерен не только для России, флот которой по объективным причинам всегда страдал от неустойчивости своих перспектив. Возможность организационного поглощения флота сухопутной армией в эпоху промышленного переворота и индустриализации, страх флотских кругов перед таким поглощением, были сильны даже в таких «традиционных» морских державах, как Англия и Франция. С середины XIX в. по мере роста сухопутной армии, которая поглощала громадные контингенты новобранцев и начала превосходить флот по численности личного состава в десятки раз, этот страх только усиливался. Вместе с тем разницу между армией и флотом, казалось бы, стирало появление паровых кораблей, которые могли свободно маневрировать независимо от ветра, развитие средств связи, когда радио впервые дало возможность непрерывного управления кораблями и эскадрами. В результате возникло ощущение, что принципы морской тактики, напоминают «принципы, на которых основано маневрирование батареи полевой артиллерии»⁴, как писал известный реформатор английского флота адмирал Д.-А. Фишер.

Ведомственное противостояние флота с сухопутной армией имело свою логику. Борьба за ведомственную самостоятельность неизбежно приводила либо к созданию внутри армии и флота структур, дублировавших функции друг друга (морская пехота, морская авиация, подчиненные флоту части береговой обороны, речные и озерные силы, подчиненные армии), либо к попытке теоретического обоснования полного отказа от взаимодействия этих видов вооруженных сил. Первый путь наметился еще в середине XIX в. По словам английского историка С.-И. Гамильтона: «И французские, и британские морские офицеры отнюдь не были в восторге от перемены приоритетов стратегии и тактики. По мнению некоторых, флот превращался в подчиненную армии службу, исполняющую чуть ли не транспортные функции. В 1859 г. принц

⁴ Mackay R. F. Fisher of Kilverstone. Oxford, 1973. P. 87.

Жуанвиль⁵ писал: “С использованием пара уподобление морской войны войне сухопутной набрало ход, и если мы не сможем содержать постоянного корпуса морских стрелков и артиллеристов, мы немедленно превратимся в перевозчиков пехоты и артиллерии... Мы будем представлять собой не более чем корпус специалистов, не имеющих ни значения, ни влияния”»⁶.

Кстати, в некоторых случаях, выделение особого центрального органа управления военно-воздушными силами, если этот орган обладал подлинной самостоятельностью и авторитетом, приводило к тому, что ВВС поглощали противовоздушную оборону и даже обзаводились собственными сухопутными соединениями. Ярким примером этого процесса являются Люфтваффе фашистской Германии, в составе которых в 1943 г. появились даже танковые и моторизованные соединения («парашютно-танковая дивизия Герман Геринг» и «парашютно-моторизованная дивизия Герман Геринг»), не говоря уже о десятке парашютных и двух десятках «авиаполевых» (фактически пехотных) дивизий⁷.

В свое время идейным выразителем того течения, которое требовало полностью подчинить флот армии, выступал М. Н. Тухачевский. В своей статье «Стратегия организации», опубликованной в 1924 г., он указывал на необходимость стратегического массирования средств, отпускаемых на военные нужды. Для России, Германии, предвоенной Австро-Венгрии М. Н. Тухачевский видел главное направление приложения военных усилий на суше, тогда как для Великобритании и Японии — на море⁸. С другой стороны, М. А. Петров был сторонником самостоятельного морского ведомства и флота с широкими самостоятельными стратегическими задачами. Как говорили в 1937 г., «и по организационным вопросам ряд товарищей считали, что нужно отделиться от армии, самостоятельный морской наркомат образовать, считали, что армия не может вообще управлять флотом. Нужно уйти. Особенно [М. А.] Петров

⁵ Франсуа Орлеанский, принц Жуанвиль (1818–1900), сын короля французов Луи-Филиппа Орлеанского. Контр-адмирал французского флота (1843).

⁶ *Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870. Oxford, 1993. P. 164.*

⁷ *Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., 2003. С. 764, 771.*

⁸ *Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 179–183. — Впервые опубликовано: Военный вестник. 1924. № 28. С. 26–29.*

в этом деле распоясался. Прочитайте его книгу “Война на море”⁹ или о “Трафальгаре”¹⁰. Это все написано против армии, воспитание шло в духе отделения от армии»¹¹.

Самая серьезная попытка «защититься» от армии была предпринята в морском ведомстве осенью 1920—весной 1921 г. Тогда развернулась деятельность многочисленных комиссий, которые в один голос твердили о неприменимости милиционной системы к флоту и недопустимости организационного слияния морского и сухопутного руководства. Даже видные сухопутные военачальники, такие как А. А. Брусилов, поддерживали моряков в данном вопросе. Комиссары из числа матросов, входившие в состав этих комиссий, полностью солидаризовались со «старыми» специалистами по вопросу о самостоятельном существовании флота. Для того чтобы защитить организационную самостоятельность, изобретались различные варианты «трудового использования» морского ведомства, прежде всего, передачи ему морского транспорта, рыболовства и пр. Эти идеи лежали в русле взглядов Л. Д. Троцкого на «милитаризацию труда», которые как раз поздней осенью 1920 г. он высказывал в рамках «дискуссии о профсоюзах». В это время вновь возникла идея копирования британских органов управления флотом, вплоть до названия-кальки — Главное управление Всероссийского Адмиралтейства.

Можно предположить, что крест на идее независимого морского ведомства поставило Кронштадтское восстание 1921 г. Фактическим главой комиссии по реорганизации флота стал С. И. Гусев. Комиссия,

⁹ Скорее всего, И. К. Кожанов имеет в виду работу: *Петров М. А.* Морская оборона берегов в опыте последних войн России. [Л.], 1927. — В этой монографии действительно содержится резкая критика использования флота для обороны Севастополя в 1854—1855 гг. и Порт-Артура в 1904 г. М. А. Петров горячо отстаивает весьма спорную мысль о том, что крепости являются лишь убежищами для флота, но что флот не имеет права жертвовать собой ради защиты приморской крепости. Не исключено также, что И. К. Кожанов ведет речь о другом исследовании: *Петров М. А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927.

¹⁰ *Петров М. А.* Трафальгар (1805). Цусима (1905). Ютландский бой (1916): Критико-исторический очерк трех великих морских сражений. М., 1926.

¹¹ Вечернее заседание 1 июня 1937 г. Речь И. К. Кожанова // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 86.

в которой преобладали сухопутные военачальники, принимает решение о преобразовании самостоятельного комиссариата в «самостоятельный Морской штаб, с подчинением его члену РВСР по морским делам». ГМХУ и ГУК следует влить в создаваемый Морской штаб (или Штаб морских сил Республики). При этом морские учебные заведения должны были отойти сухопутному Главному управлению военно-учебных заведений, а морские крепости — сухопутному командованию, судоподъем и землечерпательные работы — Мортрану. В августе 1921 г. специальное заседание РВСР подтвердило решения комиссии С. И. Гусева.

Эти решения вызвали протест ряда «старых» специалистов, в частности Э. С. Панцержанского. Несмотря на то что в ноябре 1921 года Э. С. Панцержанский назначается помощником главнокомандующего по морским делам (помглавкомор), процесс слияния военного и морского ведомств продолжался.

Не исключено, что процесс постепенного оттеснения Л. Д. Троцкого от руководства вооруженными силами был в определенной степени связан с выработкой организационных форм руководства Красной Армией и Красным Флотом.

В ходе объединения центральных учреждений военного и морского ведомств принципиально важный шаг был сделан в августе 1923 г., когда образовался союзный Наркомат по военным и морским делам. При этом были введены новые штаты помглавкомора, комиссара морских сил, Управления делами морского ведомства и Морштареспа¹². Примерно через полгода этот шаг был закреплен изданием приказа РВСР о реорганизации центрального аппарата НКВМД и образовании Управления военно-морских сил (УВМС) СССР (28 марта 1924 г.)¹³. 19 апреля 1924 г. были введены в действие штаты УВМС¹⁴.

Таким образом, впервые в мировой практике среди крупных морских держав управление всеми видами вооруженных сил было объединено в рамках одного ведомства (правда, был опыт Австро-Венгрии, где управление флотом входило в состав единого Военного министерства). «Хотя [военно-морской] отдел и входил в состав

¹² Приказ РВСР № 1979 от 16 сентября 1923 г. См. Приложение 26.

¹³ Приказ РВСР № 446/26 от 28 марта 1924 г.

¹⁴ Приказ РВСР № 575 от 19 апреля 1924 г.

военного министерства, начальник морского отдела был в сущности совершенно самостоятелен, имея непосредственный доклад у Франца-Иосифа, и являясь по бюджетным вопросам докладчиком и ответчиком перед представительными учреждениями государства»¹⁵, — писал Б. М. Шапошников в конце 20-х годов. В СССР же УВМС не имело большой хозяйственной самостоятельности, так что единое военно-морское ведомство в Советском Союзе было более монолитным, чем аналогичный орган Австро-Венгрии.

Можно считать, что наибольшей степени объединение управления армии и флота достигло 22 июля 1926 г., когда был упразднен Штаб РККФ¹⁶. С этого момента высшее оперативное руководство флотами перешло к Штабу РККА, ставшему общим «мозгом» вооруженных сил СССР. Согласно «Положению об УВМС», утвержденному 1 июля 1929 г., УВМС являлся центральным органом по руководству боевой, организационно-мобилизационной, технической подготовкой ВМС, в том числе береговой обороны, комплектования, обучения, службы, строительства, ремонта, оборудования судов, специального морского снабжения, гидрографии¹⁷. Таким образом, УВМС стало полным аналогом Главного Управления РККА или Управления Военно-воздушных сил СССР существовавшего параллельно с ним в центральном аппарате Наркомата по военным и морским делам¹⁸.

¹⁵ Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 189.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 2973. Л. 117–118. Приказ РВСР № 390 от 22 июля 1926 г.

¹⁷ Приказ РВСР № 200/40 от 1 июля 1929 г.

¹⁸ Вишняков Н. П., Архипов Ф. И. Устройство вооруженных сил СССР. М., 1927. С. 68–69.

СОКРАЩЕНИЯ

Балтфлот	— Балтийский флот
БФ	— Балтийский флот
ВАУ	— Высшая авиационная коллегия (Всероссийская коллегия Рабоче-крестьянского красного воздушного флота)
ВВИ	— Высшая военная инспекция
ВВМИ	— Высшая военно-морская инспекция
ВВС	— Высший военный совет
ВК УВВФ	— Всероссийская коллегия УВВФ
ВКВФ	— Всероссийский комитет воздушного флота
ВМК	— Верховная морская коллегия
ВМОтдел	— Военно-морской отдел
ВМОтделение	— Военно-морское отделение
ВМРК	— Военно-морской революционный комитет
ВМСК	— Военно-морская следственная комиссия
ВМСО	— Военно-морской санитарный отдел
ВМУ	— Военно-морское управление
ВМФ	— Военно-морской флот
Военка	— Военная организация РСДРП(б)
Военмор	— военный моряк
Всевобуч	— всеобщее военное обучение трудящихся
Всеголавштаб	— Всероссийский Главный штаб
ВСНХ	— Высший совет народного хозяйства
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России (белых)
ВУЗ	— высшее учебное заведение

ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС	— Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
ГВМСУ	— Главное военно-морское судное управление
ГВМСуд	— Главный военно-морской суд
ГВСУ	— Главное военно-санитарное управление (сухопутное)
ГГУ	— Главное гидрографическое управление
Генмор	— Морской Генеральный штаб
Главвод	— Главный комитет водного транспорта ВСНХ
Главрыба	— Главный комитет рыбной промышленности ВСНХ
Гламортех	— Главное морское техническое управление
Гламорфин	— Главное морское финансовое управление
Гламорхоз	— Главное морское хозяйственное управление
ГМХУ	— Главное морское хозяйственное управление
ГМШ	— Главный морской штаб
Госконтроль	— Народный комиссариат государственного контроля, государственный контроль
ГУ РККВВФ	— Главное управление Рабоче-крестьянского красного воздушного флота
ГУВА	— Главное управление Всероссийского Адмиралтейства
ГУВВО	— Главное управление всеобщего военного обучения и формирования Красных резервных частей
ГУВВФ	— Главное управление Военно-воздушного флота (сухопутное)
ГУВМУЗ	— Главное управление военно-морских учебных заведений
ГУВУЗ	— Главное управление военно-учебных заведений (сухопутное)

ГУГШ	—	Главное управление Генерального штаба (сухопутное)
ГУК	—	Главное управление кораблестроения
ГУКИС	—	Главное управление кораблестроения и снабжения
ГУЛИСО	—	Главное управление личного состава
ГУМС	—	Главное управление морских сооружений
ГУПС	—	Главное управление портового строительства
ЕИВ	—	его императорское величество
ЗСМВ	—	Законодательный совет морского ведомства
КГС	—	Комитет государственных сооружений
КГФ	—	Курсы гардемарин флота
КИМ	—	Корпус инженер-механиков
ККИ	—	Корпус корабельных инженеров
ККО	—	Корпус корабельных офицеров
Комгосор	—	Комитет государственных сооружений
Коморси	—	командующий всеми морскими, озерными и речными силами Республики
Мартиролог ...	—	Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920—2000 гг. / Под ред. В. В. Лобыцына. М.; Феодосия, 2001.
МВД	—	Министерство внутренних дел
МГШ	—	Морской Генеральный штаб
МИД	—	Министерство иностранных дел
МИУ	—	Морское инженерное училище императора Николая I
МК	—	Морской кадетский корпус (до 1906 г.), Морской его императорского высочества наследника цесаревича корпус (1906—1917 гг.), Морское училище (1917—1918 гг.)
МО РВСР	—	Морской отдел РВСР
МО ПШ РВСР	—	Морской отдел ПШ РВСР
Морвед	—	морское ведомство
Мортран	—	Управление морского транспорта НКПС
Моруп	—	Морское управление (Украина)

МОРЦУС	— Морское центральное управление снабжения
Морштаресп	— Морской штаб Республики
МСЧ	— Морская строительная часть
МТК	— Морской технический комитет
МШ ЕИВ	— Морской штаб его императорского величества
МШР	— Морской штаб Республики
МШС	— Морской штаб Ставки
Нагенмор	— начальник МГШ
Наморси	— начальник морских сил моря
Наркомат	— Народный комиссариат
Наркомвоен	— Народный комиссариат по военным делам
Наркомздрав	— Народный комиссариат здравоохранения
Научпрод	— начальник учетно-продовольственного отдела
НКГК	— Народный комиссариат государственного контр- роля
НКМД	— Народный комиссариат по морским делам
НКФ	— Народный комиссариат финансов
ОГК	— Отдельные гардемаринские классы
ОО ВЧК	— Особый отдел ВЧК
ОО ОГПУ	— Особый отдел Объединенного государственного политического управления
Оперморси	— Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики
ОСЧ	— Организационно-судная часть
Офицеры ...	— <i>Волков С. В.</i> Офицеры флота и морского ведом- ства: Опыт мартиролога. М., 2004.
Петрогенмор	— Петроградское отделение МГШ
Петросовет	— Петроградский совет рабочих и солдатских (крас- ноармейских) депутатов
Побалт	— Политический отдел Балтийского флота
Политбюро	— Политическое бюро
Полпред	— полномочный представитель, посол
Помглавкомор	— помощник главнокомандующего по морской части
Поморком	— помощник управляющего делами НКМД по техническо-хозяйственной части

ПШ РВСР	—	Полевой штаб РВСР
РВС	—	Революционный военный совет
РВС БФ	—	Революционный военный совет Балтийского флота
РВСР	—	Революционный военный совет Республики
РГА ВМФ	—	Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
Реввоенсовет	—	Революционный военный совет Республики
РККА	—	Рабоче-крестьянская красная армия
РККФ	—	Рабоче-крестьянский красный флот
РКП(б)	—	Российская коммунистическая партия (больше- виков)
РСДРП(б)	—	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
СВГШ	—	Совет всероссийского Генерального штаба
СГО	—	Совет государственной обороны
СНК	—	Совет народных комиссаров
Совкомбалт	—	Совет комиссаров Балтийского флота
Совнарком	—	Совет народных комиссаров
Совнархоз	—	Совет народного хозяйства
Строморси	—	Строевое управление МГШ
Трудармия	—	трудовая армия
Убеко	—	Управление безопасности кораблевождения
УВВФ	—	Управление военно-воздушного флота (сухопут- ное)
УВМУЗ	—	Управление военно-морских учебных заведений
Увофлот	—	Управление военно-воздушного флота (сухо- путное)
УДРВС	—	Управление по делам рабочих и вольнонаемных служащих морского ведомства
УЛИСО	—	Управление личного состава
УМА	—	Управление морской авиации
УМСЧ	—	Управление морской строительной частью
Упморком	—	управляющий НКМД

Упрабмор	—	Управление по делам рабочих и вольнонаемных служащих морского ведомства
Упродснабфлот	—	Управление продовольственного снабжения флота
Упрузамор	—	Управление военно-морских учебных заведений
УСЧФ	—	Управление санитарной частью флота
ЦВМУ	—	Центральное военно-морское управление
Целедфлот	—	Центральный комитет флотилии Северного Ледовитого океана
Центробалт	—	Центральный комитет Балтийского флота
Центрокаспий	—	Центральный комитет Каспийской военной флотилии
Центромур	—	Центральный комитет Мурманского отряда судов флотилии Северного Ледовитого океана
Центропром	—	центр ВСНХ по руководству промышленностью
Центрофлот	—	Центральный исполнительный комитет военного флота
ЦИК	—	Центральный исполнительный комитет
ЦК	—	Центральный комитет
ЦКЧФ	—	Центральный комитет Черноморского флота
ЦУР БФ	—	Центральная украинская рада Балтийского флота
Чрезкомснаб	—	Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии
Чусоснабфлот	—	Управление чрезвычайного уполномоченного Совета рабочих и крестьянской обороны (Совета труда и обороны) по снабжению Красной Армии и Флота
ЧФ	—	Черноморский флот
Штаб ВГК	—	Штаб верховного главнокомандующего
Штаб коморси	—	Штаб командующего всеми морскими силами Республики
Штакоморси	—	Штаб командующего всеми морскими силами Республики
RAF	—	Royal Air Force — Королевские воздушные силы (военно-воздушные силы Великобритании)

- RFC — Royal Flying Corps — Королевский летный корпус (сухопутная авиация Великобритании)
- RNAS — Royal Navy Aviation Service — Королевская морская авиационная служба (морская авиация Великобритании)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Нормативные акты

1. Декреты Советской власти. М., 1957– (продолжающееся издание).
2. Дисциплинарный устав РККА 1940 г. (Введен в действие приказом наркома обороны № 356 от 12 октября 1940 г.)
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 13 т. М., 1983–1987.
4. Систематический сборник постановлений по Народному комиссариату по морским делам. Библиотека РГА ВМФ.
5. Устав внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации 1993 г. (Утвержден указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г.)
6. Устав внутренней службы РККА 1937 г. (Введен в действие приказом наркома обороны № 260 от 21 декабря 1937 г.)

Неопубликованные документы

Российский государственный архив Военно-морского флота

- Фонд 410. Канцелярия Морского министерства (1836–1918)
Опись 3. Дела: 883, 1155.
- Фонд 417. Главный Морской штаб (1884–1918)
Опись 2. Дела: 915, 2814.
- Фонд 418. Морской Генеральный штаб (1906–1918)
Опись 1. Дела: 1213, 1240, 1241, 1300, 1416, 1453, 1455, 1472, 2428.
Опись 2. Дела: 53, 62, 101, 102, 117.

- Фонд 420. Канцелярия морского министра (1907–1911)
Опись 1. Дело 147.
- Фонд 427. Главное управление кораблестроения и снабжения Морского министерства (ГУКИС) (1885–1911)
Опись 7. Дело 8.
- Фонд р–1. Штаб РККФ (1919–1926)
Опись 1. Дела: 476, 330, 335, 337, 349.
Опись 3. Дела: 15, 19, 815, 1000, 1032, 1040, 2973, 3137.
Опись 4. Дело 5.
Опись 6. Дело 3.
- Фонд р–5. Управление делами Народного комиссариата по морским делам (1918–1924).
Опись 1. Дела: 17, 30, 31, 82, 95, 96, 109, 154, 157, 158, 159, 163, 184, 194, 196, 210, 213, 242, 243, 258, 277.
Опись 2. Дело 30.
Опись 5. Дело 4.
- Фонд р–92. Штаб Краснознаменного Балтийского флота (1917–1941)
Опись 22. Дело 84.
- Фонд р–96. Совет комиссаров Балтийского флота (Совкомбалт) (1918)
Опись 1. Дело 72.
- Фонд р–187. Управление личного состава флота (УЛИСО) (1918–1920)
Опись 1. Дела: 42, 333, 336, 337, 346, 509
- Фонд р–332. Морское управление Вооруженных сил юга России (белых) (1919–1920)
Опись 1. Дело 93.
- Фонд р–342. Морской Генеральный штаб (Генмор) (1917–1921)
Опись 1. Дела: 2, 43, 44, 45, 46, 102, 118, 238, 420, 445, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 459, 460, 467, 536, 603, 604, 894.
- Фонд р–423. Управление артиллерии морской крепости Кронштадт (1918–1924)
Опись 1. Дело 70.
- Фонд р–917. Политический отдел Каспийской военной флотилии (1918–19??)
Опись 1. Дело 102.

- Фонд р–1483. Управление Морских сил РККА (1924–1937)
Опись 1. Дела: 35, 69.
- Фонд р–1529. Исторический отдел Главного Морского штаба (1871–1950)
Опись 2. Дела: 138, 309, 413, 497.
- Фонд р–1722. Морское министерство «Всероссийского правительства» (белых) (1918–1920)
Опись 5. Дело 89.

Государственный архив Российской Федерации

- Фонд 5903. Военно-морской агент во Франции (1906–19[26])
Опись 1. Дело 615.

Опубликованные источники

Протокольная документация

1. VIII Съезд РКП(б): Стенограмма заседания военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 года и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 года: Заседание съезда: 21 марта, вечернее // Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 144–178.

2. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы. М., 2008.

3. Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы, документы, опыт комментария. 1928–1934. СПб., 2000.

4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 13 т. М., 1983–1987.

5. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г.: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.

6. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923: Сб. документов. М., 2000.

Сборники документов

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы: В 5 т. М., 1994–2007.

2. Гвардейцы Октября: Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. 1915–1938:

Сб. документов и материалов / Сост. *В. А. Гончаров, А. И. Кокурин*. М., 2009.

3. Кронштадт 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост., введ. и примеч. *В. П. Наумова, А. А. Косаковского*. М., 1997.

4. Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы / Сост. *И. И. Кудрявцев*: В 2 кн. М., 1999.

5. Ленин В. И.: Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000.

6. Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. *В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников*. М., 2003.

7. Моряки за власть Советов на Украине: (Ноябрь 1917–1920 г.): Сб. документов. Киев, 1963.

8. Реформа в Красной Армии: Документы и материалы. 1923–1928 гг.: В 2 ч. М., 2006.

Отдельные документы:

1. Допрос Колчака. Л., 1925.

2. *Панцержанский Э. С.* Председателю Революционного военного совета Республики т. Троцкому. Записка о флоте // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 52–54.

3. *Случевский В. В.* Б[ывший] Морской генеральный штаб (б[ывший] Генмор) и Оперативное управление Штаба командующего всеми морскими силами Республики (Оперморси) // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 67–68.

Общественно-политическая публицистика

1. *Зиновьев Г. Е.* Об итогах VIII Съезда РКП(б): Доклад кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б), председателя Петроградского Совета Г.Е.Зиновьева на собрании актива Петроградской партийной организации: (Стенографическая запись): 29 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 185–198.

2. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1971–1975.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. М., 1955–1981.

4. *Смирнов В. М.* Тезисы о военной политике // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 181–184.

5. *Сталин И. В.* Сочинения: В 13 т. М., 1954.

6. *Троцкий Л. Д.* Наша политика в деле создания армии: Тезисы доклада // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 175–181.

7. *Троцкий Л. Д.* Сочинения: В 21 т. М.; Л., 1925–1927.

Военно-теоретическая публицистика

1. Борьба флота против берега в мировую войну / Под ред. *Б. Б. Жерве*: В 2 ч. Л., 1927–1928.

2. *Жерве Б. Б.* Германия и ее морская сила. Пг., 1914.

3. *Жерве Б. Б.* Правила ведения военно-морских тактических игр. Пг., 1914.

4. *Жерве Б. Б.* Морская стратегия Наполеона: Критико-стратегический очерк. Пг., 1922.

5. *Жерве Б. Б., Петров М. А., Шведе Е. Н.* Средиземное море: Политико-стратегический очерк. М., 1927.

6. *Жерве Б. Б.* Методы исчисления вероятности попадания в береговые военные сооружения. М., 1933.

7. *Ливен А. А.* Дух и дисциплина нашего флота. [Б.м.], 1908.

8. *Петров М. А.* Морская оборона берегов в опыте последних войн России. М., 1927.

9. *Петров М. А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927.

10. *Петров М. А.* Трафальгар (1805). Цусима (1905). Ютландский бой (1916): Критико-исторический очерк трех великих морских сражений. М., 1926.

11. *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1964.

12. *Жерве Б. Б.* Значение морской силы для государства: Популярный очерк. Пг., 1921. 69 с.; Пг., 1922.

13. *Жерве Б. Б.* Значение морской силы для государства. 1-е изд. Пг., 1922; 2-е изд. Пг., 1922; 3-е изд. Л., 1925.

14. *Жерве Б. Б.* Море, флот и комсомол. Л., 1926.

Маринистическая публицистика

1. *Казимиров М. [В].* Как избежать после войны некомплекта во флоте матросов // Еженедельник Морского сборника. 1917. № 8. 15 июля. С. 15–16.

2. Объяснительная записка к «табели окладов жалованья для морских команд» // Еженедельник Морского сборника. 1917. № 3. 10 июня. С. 10–11.

3. Ответы читателям. Г-ну Л.К. Москва // Свободный флот. 1917. № 12 (24). 7 ноября. С. 20.

4. Соколов А. Комиссия для выработки положений, касающихся военно-морского быта // Еженедельник Морского сборника. 1917. № 2. 3 июня. С. 11.

Мемуары и дневники:

1. А. В. Дневник обывателя // Архив русской революции. 1-е изд. Берлин, 1922; 2-е изд. М., 1991. Т. 4. С. 252–287.

2. Белли В. А. В российском императорском флоте: Воспоминания. СПб., 2005.

3. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М., 1958.

4. Варнек П. Действия флота в Северо-Западном районе Черного моря в 1920 году // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 178–213.

5. Василевский А. М. Дело всей жизни: В 2 т. М., 1989.

6. Вилькицкий Б. А. Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск, 2001.

7. Голеевский М. М. Материалы для истории гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну с 1917 г. по 1922 г. Белград, 1922. Кн. 2.

8. Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997.

9. Гуль Р.Б. Киевская эпопея: (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Архив русской революции. 1-е изд. Берлин, 1921; 2-е изд. М., 1991; Т. 2. С. 59–86.

10. [Гучков А. И.] Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 191–223; № 9/10. С. 186–211; № 11. С. 178–195; № 12. С. 165–175.

11. Демьянов А. С. Записки о подпольном Временном Правительстве // Архив русской революции. 1-е изд. Берлин, 1922; 2-е изд. М., 1991. Т. 7. С. 34–52.

12. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. В 2 т. М., 1959.

13. Исаков И. С. Каспий, 1920. М., 1973.

14. Кадесников Н. З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 9–70.

15. Колбасьев С. А. Поворот все вдруг. М., 1978.

16. *Костенко В. П.* На «Орле» в Цусиме. Л., 1955.
17. *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. М., 1963.
18. *Кузнецов Н. Г.* На далеком меридиане. М., 1966.
19. *Меркушов В. А.* Записки подводника: 1905–1915. М., 2004.
20. *Пантелеев Ю. А.* Полвека на флоте. М., 1974.
21. *Петров П. П.* Роковые годы. Франкфурт, 1965.
22. *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958.
23. *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. 1-е изд. М.; Л., 1925; 2-е изд. М., 1990.
24. Федор Раскольников. О времени и о себе: Воспоминания, письма, документы. Л., 1989.
25. *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
26. *Серебряков Е. А.* Революционеры во флоте // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989.
27. *Соболев Л. С.* Капитальный ремонт. М., 1989.
28. *Соболев Л. С.* Перстни // Соболев Л. С. Морская душа. Зеленый луч. Дорогами побед. М., 1958. С. 62–95.
29. *Соболев Л. С.* Первый слушатель // Соболев Л. С. Морская душа. Зеленый луч. Дорогами побед. М., 1958. С. 96–116.
30. *Соболев Л. С.* Экзамен // Соболев Л. С. Морская душа. Зеленый луч. Дорогами побед. М., 1958. С. 117–134.
31. *Тирниц А., фон.* Воспоминания. М., 1957.
32. *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: Мемуары. М., 1991.
33. *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм! М., 1987.
34. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.
35. *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. М., 2004.
36. *Шуберт К. К.* Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в Белой борьбе. М., 2002.

Литература

Монографии

1. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
2. *Васецкий Н. А.* Троицкий: Опыт политической биографии. М., 1992.

3. *Виноградов С. Е.* Последние исполины российского императорского флота. Линейные корабли с 16" артиллерией в программах развития флота. 1914–1917 гг. СПб., 1999.
4. *Войтиков С. С.* Троекский и заговор в красной Ставке. М., 2009.
5. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 1993.
6. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001.
7. *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве: 1650–1945. М., 2007.
8. *Доценко В. Д.* Русский морской мундир. СПб., 1994.
9. *Доценко В. Д., Бойнович А. Д., Купрюхин В. А.* Знаки и жетоны Российского императорского флота. 1696–1917. СПб., 1993.
10. *Звягинцев В. Е.* Трибунал для флагманов. М., 2005.
11. История XIX в. / Под ред. Е. В. Тарле: В 3 т. М., 1938.
12. История отечественного судостроения. СПб., 1995. Т. III: Судостроение в начале XX в.
13. Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика. М., 2004.
14. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.
15. *Карр Э.* История Советской России. М., 1990. Кн. 1: Большеви́стская революция. 1917–1923.
16. *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008.
17. *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота. 1855–1918. М., 1998.
18. *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: Дела и люди. СПб., М., 2002.
19. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918–1923. Берлин, 1924.
20. *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.
21. *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М., 2004.
22. *Минаков С. Т.* Сталин и заговор генералов. М., 2005.
23. *Мирский Г. И.* «Третий мир»: Общество, власть, армия. М., 1976.
24. *Молодцыгин М. А.* Красная Армия: Рождение и становление: 1917–1920. М., 1997.

25. *Назаренко К. Б.* «Мозг» флота России: От Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006.
26. *Петров Ю.* Военные комиссары в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1956.
27. *Рабинович А.* Большевики у власти: Первый год советской власти в Петрограде. М., 2007.
28. Реввоенсовет Республики: 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. / Под ред. А. П. Ненарокова. М., 1991.
29. *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина: Реальность истории и мифы политики. М., 2003.
30. *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб. М., 2002.
31. *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001.
32. *Тинченко Я. О.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.
33. *Федюкин С. А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.
34. *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.
35. *Хайрулин М. А., Кондратьев В. И.* Военлеты погибшей империи: Авиация в Гражданской войне. М., 2008.
36. *Харитонов О. В., Горшков В. В.* Русская армия. 1917–1920. СПб., 1991.
37. *Черушев Н. С.* «Невиновных не бывает...»: Чекисты против военных. 1918–1953. М., 2004; *Черушев Н. С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003.
38. *Шапошников Б. М.* Мозг армии. М., 1927.
39. *Benavides M. D.* La escuadra la mandan los cabos. Mexico, 1949.
40. *Hamilton C. I.* Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870. Oxford, 1993.
41. *Ferrandis M., Beirao C.* Historia contemporánea de España y Portugal. Barselona, 1966.
42. *Mackay R. F.* Fisher of Kilverstone. Oxford, 1973.
43. *Seaton A., Youens M.* The Army of the German Empire. 1870–1888. Oxford, 1973.

Неопубликованные диссертации

1. *Елизаров М. А.* Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.) : Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.

2. *Лихарев Д. В.* Морская политика Великобритании в 1900–1930 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994.

3. *Симоненко В. Г.* Морской Генеральный штаб русского флота (1906–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976.

Статьи

1. *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

2. *Бережной А.* Легенда или семейное родство советского адмирала // Факел—1989. Историко-революционный альманах. М., 1989.

3. *Березовский Н. Ю.* Военспецы на службе в красном флоте // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 55–62.

4. *Бочков Е. А.* Экономические, социально-политические и военные аспекты территориально-милиционного устройства Вооруженных сил СССР в 1920–1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 32–34.

5. *Братющенко Ю. В.* Кооперативное обслуживание моряков в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. Интернет-приложение Научные сообщения и информация. URL: www.mil.ru. (25.03.2009)

6. *Войтиков С. С.* Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 марте 1918 г. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 3–12.

7. *Герасимов В. Л.* Подготовка кадров отечественной морской авиации. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 99–105.

8. *Гребенкин И. Н.* Генерал Л. Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 108–122.

9. *Гребенщикова Г. А.* Британские подводные лодки типа «Е» на Балтике. 1914–1918 годы // Гангут. 2001. Вып. 29.

10. *Елизаров М. А.* «...здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения» // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 46–51.

11. *Елизаров М. А.* Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 года // Отечественная история. 2004. № 1. С. 165–174.

12. *Зданович А. А.* Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 75–82.

13. *Зданович А. А.* Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год: Российские спецслужбы: История и современность. М., Великий Новгород, 1999.
14. Как Троцкий и К^о разваливали флот (публикация Н. Ю. Березовского) // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 52–57.
15. *Калинин В. И., Лурье В. М.* Комендант Владивостокского укрепрайона генерал-лейтенант А. Б. Елисеев. Страницы биографии // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2004. Вып. 2. С. 105–124.
16. *Кикнадзе В. Г.* Советская радиоразведка на море в годы гражданской войны в России // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 159–165.
17. *Кикнадзе В. Г., Войтиков С. С.* Органы управления отечественного Военно-морского флота в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 61–77.
18. *Кондратенко Р. В.* Заметки о предыстории Морского Генерального штаба // Гангут. 2007. № 44. С. 133–148.
19. *Коровин В. М., Свиридов В. А.* «Народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне получали статус “ваше благородие”»: Особенности восполнения офицерского состава в России в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 34–39.
20. *Лебедько В. Г.* Вице-адмирал Александр Васильевич Немитц // Гражданская война в России: Черноморский флот / Сост. В. Доценко. М., 2002. С. 269–289.
21. *Мехоношин К. А.* От захвата власти к овладению аппаратом // Война и революция. 1928. № 2. С. 30–43.
22. *Морозов С. Д.* Офицерство российского флота в 1897–1917 гг.: Численность и состав // Клио. 2005. № 2 (29). С. 229–231.
23. *Назаренко К. Б.* К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 105–117.
24. *Поликарпов В.* Голос бойца ленинской гвардии революции // *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 9–21.
25. *Рабинович А.* Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61–81.
26. *Смолин А. В.* Адмирал А. В. Колчак — становление политика (март–июль 1917 г.) // Россия в XX в. Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 19–48.

27. Степанов А. Народно-революционная армия Дальневосточной республики. 1920–1922 // Цейхгауз. № 3. С. 38–40.

28. Точкин Ф. В. К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 г. // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 439–443.

29. Тронь А. А. Морская форма русской смуты. 1917 год // Цитадель. 1998. № 1 (6). С. 64–67.

30. Цысь В. В. Трудовые армии периода Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 53–59.

31. Шувалов А. А. Офицерский корпус белого движения: Проблемы консолидации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 98–104.

Справочная литература:

1. Аммон Г. А. Морские памятные даты. М., 1987.

2. Боевой путь Советского Военно-морского Флота / Сост. В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. М., 1988.

3. Великая Октябрьская Социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987.

4. Верзунов В. В. Моряки на Северо-Западе России (Офицеры флота и чины морского ведомства, служившие в отдельном Северном корпусе Северо-Западной добровольческой армии или пребывавшие в пределах Эстляндии после Октябрьского переворота и Гражданской войны в России) // Балтика. 2006. № 2–3; 2007. № 1. Европейское общество генеалогии и геральдики в Эстонии. URL: <http://www.genealogia.ee/207/00.htm> (15.06.2009)

5. Вишняков Н. П., Архипов Ф. И. Устройство вооруженных сил СССР. М., 1927.

6. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974.

7. Военная энциклопедия. Т. 1–18. СПб., 1911–1915.

8. Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

9. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 1998.

10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

11. Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь братьев Гранат / Под ред. Ю. Ю. Фигатнер. М., 1989.

12. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru> (24.09.2009)
13. *Малинко В. И., Голосов В. П.* Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. I.
14. Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Под ред. В. В. Лобыцына. М., 2001.
15. Морской атлас. М., 1966. Т. III. Военно-исторический. Ч. 2. Описания к картам.
16. Морской энциклопедический словарь. Л., 1991.
17. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии: 1933–1945 гг. М., 2003.
18. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926.
19. Список лиц с высшим военным образованием, состоящих на службе в РККА. Составлен по данным к 1-му марта 1923 г. [Б.м.], 1923.
20. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. Исправлено по 11 апреля. СПб., 1916.
21. Список начальствующего состава Военно-морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-ое мая 1928 г. Л., 1928.
22. Список офицерских чинов русского императорского флота: Царствование императора Александра Третьего / Сост. В. Ю. Грибовский // Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/publ/omsa3.shtml> (24.09.2009)
23. Список офицерских чинов русского императорского флота: Царствование императора Николая Второго / Сост. В. Ю. Грибовский // Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/publ/omsn207.shtml> (24.09.2009)
24. Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917. Ч. 1.
25. Форма одежды и знаки различия Красной и Советской армии. 1918–1945 гг. Л., 1960.

**Численность офицеров и бывших офицеров
в 1916–1921 гг.**

	На 10 апреля 1916 г. ¹	Выпущено за 1917 г. (неполные данные)	На 1 января 1918 г. ²	В РККФ в марте 1921 г. ³	Упомянуты в «Мар- тирологе...» ⁴	Всего в стлб. 5 и 6 (в скобках — разница со стлб. 4)	% в РККФ на 1 мар- та 1921 г. от стлб. 7
1	2	3	4	5	6	7	8
Адмиралы	73		54	нет свед.	81		
Генералы флота	77		44	нет свед.	28		
Генералы инженер- механики	27		32	нет свед.	17		
Всего адмиралов и генералов	177		130	128	126	254 (+124)	50,4%
Строевые штаб-офицеры	561		603	649	345	994 (+391)	65,3%
Строевые обер- офицеры кадровые	1796		2070	1628			
Строевые мичманы военного времени	0	537	511	нет свед.			
Мичманы военного времени берегового состава	0		430	нет свед.			
Мичманы военного времени по авиацион- ной части	0		94	нет свед.			
Всего мичманов военного времени	0		1035	968			
Всего строевых обер-офицеров	1796		3105	2596	683	3279 (+174)	79,1%
Инженер-механики:							
Штаб-офицеры	226		265	}953	72		
Обер-офицеры кадровые	442		645				
Мичманы военного времени	0	150	204	194	}102		
Всего	668		1114	1147		175	1322 (+208)

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5	6	7	8
по Адмиралтейству:							
Генералы	7		7	нет свед.	5		
Штаб-офицеры	106		105	нет свед.	9		
Обер-офицеры	539	}700 ⁵	1059	нет свед.	}86		
Прапорщики	нет свед. ⁶		288	нет свед.			
Всего	652		1459	1224	100	1324 (-135)	92,4%
Прапорщики:							
по морской части	нет свед.	200	447	485 ?			
по механической части	нет свед.	175	181	?			
по авиационной части	нет свед.	360	30	?			
«по своей специаль- ности»	нет свед.		461	?			
Всего прапорщиков			1119	485 ?⁷			43,3%?
Всего прапорщиков (в том числе по Адмиралтейству)	616		1407	?			
Зауряд-прапорщики:							
по механической части	0		69	нет свед.			
по морской части	0		242	нет свед.			
Всего	0		311	нет свед.			
Корпус корабельных инженеров:							
Генералы	11		11	нет свед.	4		
Штаб-офицеры	41		45	нет свед.	13		
Обер-офицеры	109		114	нет свед.	12		
Всего	161		170	171	29	200 (+30)	85,5%

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Корпус гидрографов:							
Генералы	15		11	нет свед.	4		
Штаб-офицеры	46		49	нет свед.	8		
Обер-офицеры	59		46	нет свед.	8		
Всего	120		106	112	16	128 (+22)	87,5%
Корпус морской артиллерии:							
Генералы	13		14	нет свед.	5		
Штаб-офицеры	15		22	нет свед.			
Обер-офицеры	9		9	нет свед.			
Всего	37		45	44	5	49 (+4)	89,8%
Корпус флотских штурманов:							
Генералы	2		1	нет свед.	1		
Штаб-офицеры	2		2	нет свед.			
Обер-офицеры	0		0	нет свед.	1		
Всего	4		3	3	2	5 (+2)	60,0%
Сухопутный гарнизона морской крепости Императора Петра Великого:							
Генералы	2		3	нет свед.			
Штаб-офицеры	13		32	нет свед.			
Обер-офицеры	64		111	нет свед.			
Всего	79		146	нет свед.			

1	2	3	4	5	6	7	8
Морское судное ведомство:							
Генералы	15		8	нет свед.	5		
Штаб-офицеры	17		18	нет свед.	6		
Обер-офицеры	5		10	нет свед.	2		
Всего морского судного ведомства	37		36	нет свед.	13		
Морская строительная часть:							
Генералы	6		4	нет свед.			
Штаб-офицеры	20		19	нет свед.	4		
Обер-офицеры	1		1	нет свед.			
Всего	27		24	нет свед.	4		
Всего генералов и офицеров морского ведомства (за исключением зауряд-прапорщиков)	4935	2122	8060	6559	1416	7975 (-85)	82,2%

¹ Рассчитано по: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г.: Исправлено по 10 апреля 1916 г. Пг., 1916.

² РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4–5; Ф. р-5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об.

³ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 5. Д. 4. Л. 106.

⁴ Мартиролог ... С. 18–155.

⁵ Всего было выпущено 700 прапорщиков и подпоручиков по Адмиралтейству.

⁶ В справочнике «Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г.» прапорщики перечислены без разбивки по специальностям под рубрикой «прапорщики по Адмиралтейству».

⁷ Из справки (РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 5. Д. 4. Л. 106) неясно, какие категории бывших прапорщиков имеются в виду. Это могут быть все вообще бывшие прапорщики, а могут быть только прапорщики по морской части, тогда как прапорщики по механической, по авиационной частям и «по своей специальности» отнесены к общему числу специалистов.

**Выпуск офицеров из военно-морских учебных заведений
в 1917–1918 гг.**

Учебное заведение	Чин и корпус	Дата выпуска	Количество выпущенных по РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 439. Л. 1–4 об. (составлено на рубеже 1916–1917 гг.)	Количество выпущенных по: РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4-5. (составлено осенью 1917 г.)	Примечание
1	2	3	4	5	6
Морское училище	Мичман, строевой	Июль 1917	145		
		1918		150	Выпуски происходили 24 февраля, 9 марта и 9 июля 1918 г.
Отдельные гардемаринские классы	Мичман, строевой	Март 1917	92		По другим данным всего за 1917 г. выпущено 118 или 180 человек ¹
		1918		90	Выпуск состоялся в феврале (или 1 марта) 1918 г. Выпущено около 114 человек ² .
Из гардемарин флота (Курсы гардемарин флота?)	Мичман, строевой	Осень 1917	100		Выпуск состоялся в мае 1917 г.
		Декабрь 1917	150, возможно до 200		Выпуск состоялся в начале 1918 г. (возможно, 1 января 1918 г.), окончено около 200 человек
		1918		200	

1	2	3	4	5	6
Школа прапорщиков флота (Школа мичманов военного времени)?	Прапорщик по морской части	Август 1917	100		
		1918		300	Не состоялся
Школа прапорщиков по Адмиралтейству (Школа мичманов военного времени берегового состава)?	Прапорщик по Адмиралтейству	Апрель 1917	150		Выпуск состоялся в марте 1917
		Сентябрь 1917	150		Выпуск состоялся в начале сентября 1917
		Декабрь 1917	150		Выпуск состоялся в конце сентября 1917?
Из окончивших мореходные школы		Декабрь 1917	100, возможно увеличение за счет окончивших речные уч-ща		
Из нижних чинов	Подпоручик и прапорщик по Адмиралтейству	Декабрь 1917	250		
Курсы гардемарин флота?	Мичман, инженер-механик	Декабрь 1917	150		

1	2	3	4	5	6
Училище судовых механиков	Прапорщик по механической части	?	100		
Из нижних чинов		?	75		
Из нижних чинов и гражданских судоводителей	Прапорщик по морской или механической части	1918		250	Видимо не состоялось
??	Прапорщик по авиационной части	Декабрь 1917	360		
		1918		250	Видимо не состоялось

¹ Морозов С. Д. Офицерство российского флота в 1897–1917 гг.: Численность и состав // Клио. 2005. №2 (29). С. 229. — Возможно, что автором допущена небольшая ошибка и гардемарины выпуска 1916 и 1917 гг. указаны как выпущенные в течение 1917 г. Учитывая, что в январе 1916 г. было выпущено 62 человека, на 1917 г. остается 118 гардемарин.

² Морозов С. Д. Офицерство российского флота в 1897–1917 гг.: Численность и состав // Клио. 2005. №2 (29). С. 229.

**Численность «некомандного» и командного состава РККФ
на 1 марта 1921 г.¹**

	Штат	Налицо	Некомплект	%% некомплекта от штатной численности
«Некомсостав»:				
Балтийский флот	39 157	20 350	18 807	48,0%
Черноморский флот и Азовская флотилия (на 1 февраля 1921 г.)	24 409	20 254	4 155	17,0%
Морские силы Белого моря	8299	7723	576	6,9%
Каспийский флот	6583	6177	406	6,2%
Сибирская флотилия	1022	877	145	14,2%
Аму-Дарьинская флотилия	1168	1065	103	8,8%
ВСЕГО	80 638	56 446	24 192	30,0%
В частях и учреждениях, не входивших в состав флотов и флотилий	26 470	32 984	Сверх комплекта 6514	Сверх комплекта 24,6%
ИТОГО	107 108	89 430	17 678	16,5%
Комсостав (в составе флотов и флотилий)	7809	6378	1 431	18,3%
<i>Комсостав в тыловых учреждениях (рассчитано нами)</i>	<i>Ок. 3000</i>	<i>Ок. 3500</i>	<i>Сверх комплекта ок. 500</i>	<i>Сверх комплекта ок. 17%</i>
<i>Всего комсостава (рассчитано нами)</i>	<i>Ок. 10 800</i>	<i>Ок. 9900</i>	<i>Ок. 900</i>	<i>8%</i>
Бывших офицеров в числе комсостава ¹⁰		6559		
<i>Процент бывших офицеров в числе комсостава (рассчитано нами)</i>		Ок. 66%		

¹ Численность «некомсостава» флота дана по: РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 5. Д. 4. Л. 105; численность комсостава — по: РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 5. Д. 4. Л. 107.

² РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 5. Д. 4. Л. 106.

**Численность некоторых белогвардейских морских формирований
в ходе Гражданской войны**

	Сибирская флотилия. 1 августа 1919 г. ¹	Дивизия морских стрелков (Сибирь). 10 сентября 1919 г. ²	Боевая речная флотилия (Сибирь). Август-сентябрь (?) 1919 г. ³	Всего в Сибири
Офицеры	199	218	18	
Чиновники	23	14		
Медики	16	10		
Священники	4			
Кондукторы	От 44 до 51		1	89
Гардемарины	246		4	
Воинские чины (нижние чины)	1303	3271		
Вольнонаемные	399			
На одного предста- вителя командного состава (с кондук- торами) приходится представителей рядового состава (без вольнонаем- ных, с гардема- ринами)	5,3	13,5		

¹ РГА ВМФ. Ф. р-1722. Оп. 5. Д. 89. Л. 11 об — 11^Б об.

² Там же. Л. 35^А.

³ Там же. Л. 41. (Поименный список).

Оклады служащих морского ведомства

	Названия должностей служащих ¹	Названия строевых должностей	Оклады служащих по предложению союза инженеров и техников Морской строительной части. Декабрь 1917 г. (в пересчете на месяц, включая «регулятор дороговизны») ²	Оклады служащих Архива Морского министерства (по предложению начальника Архива Морского министерства А. И. Лебедева. Январь 1918 г. ³ (не включая «регулятор дороговизны»)
1	2	3	4	5
1		Юнга (ученик)		Сторож, рассыльный
2		Матрос		Сторож, рассыльный
3		Старший матрос, плотник, помощник машиниста, кок, хлебопек, музыкант, санитар, рулевой, сигнальщик, дальномерщик, артельщик		Сторож, рассыльный
4		помощник кочегара		Сторож, рассыльный
5		Писарь, гальванер, электрик, телеграфист, радиотелеграфист, старшина: сигнальный, рулевой дальномерный		(переписчик)

в конце 1917— начале 1918 гг.

Оклады служащих центральных учреждений Морского комиссариата в месяц с 1/14 февраля 1918 г. по Постановлению СНК об изменении окладов содержания штатных служащих и лиц, состоящих на правительственной службе портов и учреждений морского ведомства (29 января / 11 февраля 1918 г.) ⁴			Оклады строевых моряков Морского комиссариата в месяц (в руб.) с 1/14 февраля 1918 г. по декрету «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота» (29 января / 11 февраля 1918 г.) ⁵					
	регулятор дороговизны	сумма с регулятором в пересчёте в цены 1914 г., в год				сумма с регулятором в пересчёте в цены 1914 г., в год		
			1 разряд	2 разряд	3 разряд	1 разряд	2 разряд	3 разряд
6	7	8	9	10	11	12	13	14
150,00 р.	150,00 р.	450,00 р.	180			510		
160,00 р.	155,00 р.	472,00 р.	210			555		
170,00 р.	160,00 р.	495,00 р.	220			570		
175,00 р.	162,50 р.	505,50 р.	225			577,5		
185,00 р.	167,50 р.	528,75 р.	230			585		

1	2	3	4	5
6		Кочегар, трюмный и боцман		230–300 р. (переписчик)
7		Повар и водолаз		164,17–375 р. (переписчик)
8		Минный машинист		Канцелярский чиновник XII класса
9		Капельмейстер, старшины: кочегарный, трюмный		
10		Минно-машинный старшина		
11		Комендор, машинист, моторист, старший писарь, мастер-оружейник, старшины: гальванёрный, электрик, телеграфный, радиотелеграфный		
12		Содержатели: шкиперский, артиллерийский, машинный		
13		Старшины: машинный, водолазный, артиллерийский		
14	младший чиновник	Фельдшер		
15		Моторный старшина	500 р. (младший делопроизводитель VII класса)	
16	младший делопроизводитель низшего разряда	Начальник plutонга		
17	младший делопроизводитель высшего оклада	Начальник центральной [радио?]станции, начальник радиостанции	600 р.	
18	младший делопроизводитель высшего оклада по технической и санитарной части, бухгалтеры младшего оклада	3-й помощник капитана		

Продолжение приложения 5

6	7	8	9	10	11	12	13	14
200,00 р.	175,00 р.	562,50 р.	235			592,5		
220,00 р.	183,00 р.	604,50 р.	240			600		
225,00 р.	185,00 р.	615 р.	245			607,5		
250,00 р.	195,00 р.	667,50 р.	250			615		
275,00 р.	202,50 р.	716,25 р.	255			622,5		
285,00 р.	210,00 р.	742,50 р.	260			630		
300,00 р.	217,00 р.	775,50 р.	270			645		
315,00 р.	220,00 р.	802,50 р.	280			660		
325,00 р.	221,50 р.	819,75 р.	290			675		
340,00 р.	225,00 р.	847,50 р.	300			690		
370,00 р.	226,80 р.	895,20 р.	430	380	330	885	810	735
380,00 р.	229,50 р.	914,25 р.	430			885		
385,00 р.	230,30 р.	922,95 р.	480			960		

1	2	3	4	5
19	старший дело производитель низшего оклада, бухгалтер высшего оклада, делопроизводитель ГУЛИСО	Начальник района (службы связи?)	600 р. (делопроизводитель VI класса)	
20		3-й артиллерист, минёр и механик	700	700 р. (Помощник заведующего отделом центрального архива)
21		2-й помощник капитана		
22		2-й артиллерист, минёр и механик		
23	старший дело производитель высшего оклада, старший делопроизводитель и секретарь ГУЛИСО	1-й помощник капитана	666,66 р.—750 р. (делопроизводитель V класса)	666 р. 33 к. — 750 р. (заведующий отделом центрального архива)
24		Начальник службы связи		
25		1-й артиллерист, минёр и механик		
26		Капитан	833,33—916,66 р.	833 р. 33 к.— 916 р. 66 к.
27	заведующий отделом ГУЛИСО, канцелярии НКМД	Флагманский отрядный специалист		
28	старший помощник начальника технического отдела ГУК	Флагманские специалисты при начальнике военного отдела [Центрального комитета флота] (бывшие флагманские специалисты штаба флота. — <i>К.Н.</i>)	1000 р. (Инспектор строительной части)	1000 р. (управляющий архивом Морского министерства)

Продолжение приложения 5

6	7	8	9	10	11	12	13	14
395,00 р.	232,30 р.	940,95 р.	505			997,5		
405,00 р.	233,50 р.	957,75 р.	510			1005		
420,00 р.	236,30 р.	984,45 р.	530	455		1035	922,5	
460,00 р.	239,10 р.	1048,65 р.	560	485		1080	967,5	
480,00 р.	241,25 р.	1081,75 р.	580	505	430	1110	997,5	885
500,00 р.	243,10 р.	1114,65 р.	580			1110		
550,00 р.	246,00 р.	1194 р.	635	560	485	1192,5	1080	967,5
590,00 р.	247,33 р.	1256 р.	655	580	505	1222,5	1110	997,5
625,00 р.	247,33 р.	1308,50 р.	710	635	560	1305	1192,5	1080
665,00 р.	247,33 р.	1368,50 р.	785			1417,5		

1	2	3	4	5
29		Бригадный [начальник]	1250 р. (Помощник начальника управления портостроения)	
30	помощник начальника ГУК, ГУЛИСО	Помощник начальника военного отдела [Центрального комитета флота] по оперативной и строевой части (бывший начальник штаба флота. — <i>К. Н.</i>)		
31	начальник Канцелярии НКМД, Главный санитарный инспектор	Начальник военного отдела [Центрального комитета флота] (бывший командующий флотом. — <i>К. Н.</i>)	1483 р. 33 к. (Начальник управления портостроения)	
32	начальник ГУЛИСО, ГУК, ГМХУ, ГГУ	Начальник МГШ, заведующий хозяйством Морского комиссариата		

¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 118. Л. 35.

² РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 210. Л. 6 об.—7 об.

³ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 213. Л. 10—10 об.

⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 420. Л. 4, 4 об., 6; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С.443.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 440—441.

Окончание приложения 5

6	7	8	9	10	11	12	13	14
685,00 р.	247,33 р.	1390,50 р.	805	730	655	1447,5	1335	1222,5
705,00 р.	247,33 р.	1428,50 р.	805			1447,5		
795,00 р.	247,33 р.	1563,50 р.	880			1560		
870,00 р.	247,33 р.	1676 р.	955			1672,5		

Организация и штаты Морского министерства,
 введенные в октябре 1911 г.
 (без Морского Генерального штаба)

Часть подводного плавания	1		начальник		
	4		помощник начальника		
	1	старший	делопроизводитель		
	1	младший	делопроизводитель		
	1	вольнонаёмный	счётный чиновник		
	2	вольнонаёмный	чертёжник		
	5	вольнонаёмный	писец		
Механический отдел	1		начальник		
	2		помощник начальника		высшего оклада
	2		помощник начальника		среднего оклада
	2		помощник начальника		нижшего оклада
	2	старший	делопроизводитель		
	3	младший	делопроизводитель		
	1	вольнонаёмный	журналист		
	1	вольнонаёмный	счётный чиновник		
	4	вольнонаёмный	чертёжник		

		8	вольнораёмный	писец		
Артиллерийский отдел		7		помощник начальника		
		18		производитель работ		
		2	старший	делопроизводитель		
		4	младший	делопроизводитель		
		1	младший	чиновник		
		1	вольнораёмный	журналист		
		2	вольнораёмный	счётный чиновник		
		10	вольнораёмный	чертёжник		
		22	вольнораёмный	писец		
Минный отдел		1	старший	помощник начальника		
		3	младший	помощник начальника		
		3		делопроизводитель		
		1	младший	чиновник		
		1	вольнораёмный	журналист		
		2	вольнораёмный	счётный чиновник		
		5	вольнораёмный	чертёжник		
		11	вольнораёмный	писец		

Отдел общих дел	хозяйственная и денежная отчетность, учет состоящих в запасе вольнонаёмных служащих морского ведомства, контракты и наряды, исчисление кредитов, различная переписка, личная переписка начальника	3	старший	делопроизводитель	5
		2	старший	делопроизводитель	6
		2	младший	делопроизводитель	7
		3	младший	делопроизводитель	8
		1		журналист	
		1	младший	чиновник	
	кораблестроительного отдела	5	старший	ревизор для проверки технической отчетности	
		9	младший	ревизор для проверки технической отчетности	
		2	вольнонаёмный	журналист	
		6	вольнонаёмный	счётный чиновник	
		27	вольнонаёмный	писец	
Главное морское хозяйственное управление					
		1		заведующий заготовительными операциями	
		1		заведующий сметными работами	
		1		счётный чиновник	10

Канцелярия управления		1	старший	делопроизводитель	6	
		1	младший	делопроизводитель	8	
		1		журналист		
1-е делопроизводство	земельные имущества, здания	1	старший	делопроизводитель	5	
		1	старший	делопроизводитель	6	
		1	младший	делопроизводитель	8	
		1	младший	чиновник		
2-е делопроизводство	экипажские материалы, пеньковые тросы	1	старший	делопроизводитель	5	
		1	младший	делопроизводитель	7	
		1	младший	чиновник		
3-е делопроизводство	обмундирование, продовольствие, провиант	1	старший	делопроизводитель	6	
		1	младший	делопроизводитель	7	
		1	младший	делопроизводитель	8	
4-е делопроизводство	топливо	1	старший	делопроизводитель	5	
		1	младший	делопроизводитель	7	
		1	младший	делопроизводитель	8	
		1	младший	чиновник		
5-е делопроизводство	перевозка грузов, продажа негодного имущества	1	старший	делопроизводитель	6	
		1	младший	делопроизводитель	7	
		1	младший	делопроизводитель	8	

7-е делопроизводство (6-го делопроизводства не существовало)	проекты финансовых смет, снабжение отправляемых за границу судов дополнительными средствами	1	старший	делопроизводитель	5
		1	младший	делопроизводитель	7
		1	младший	чиновник	
Бухгалтерия		1	старший	бухгалтер	5
		1	младший	бухгалтер	7
		1	младший	бухгалтер	8
		4	помощник	бухгалтер	9
		14		счётный чиновник	
Комиссия для установления образцов		1		председатель	по совместительству
		3		члены	по совместительству
		1		делопроизводитель	8
Управление морской строительной частью					
		1		начальник	
		3		помощник начальника	
		2	старший	делопроизводитель	
		1		производитель работ	
		1		бухгалтер	
		1	младший	чиновник	

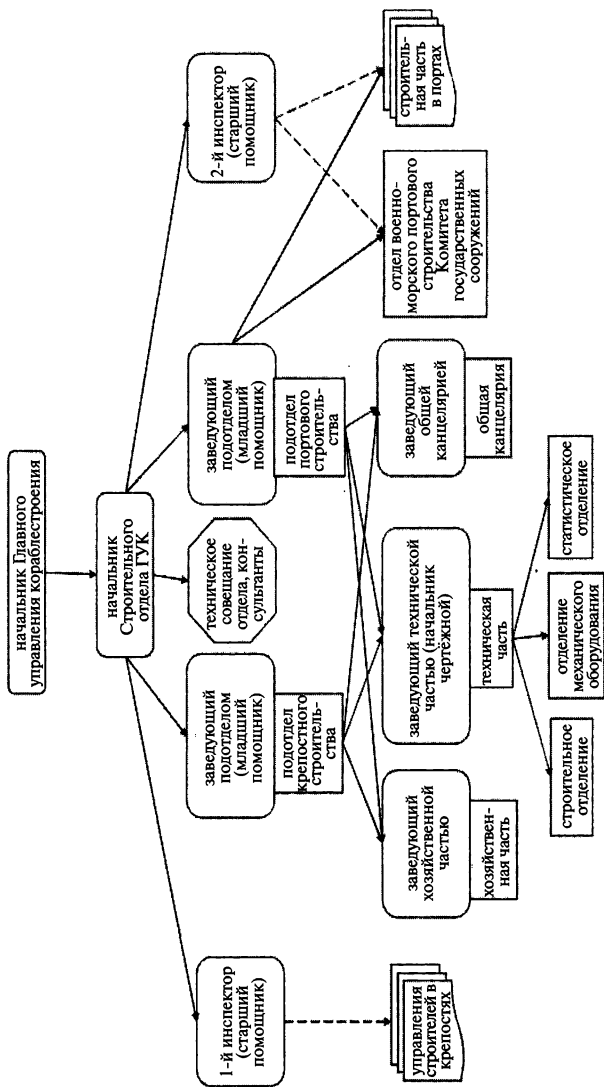
		3			чертёжник	
		1			регистратор	
		1	старший		писец	
		3	младший		писец	
Управление по делам рабочих и вольнонаёмных служащих						
	определяет вознаграждение вольнонаёмным мастерам, рабочим, служащим за утрату трудоспособности, следит за оказанием им медицинской помощи, устройством труда и быта	1			начальник	
		1			помощник начальника	
		1	старший		делопроизводитель	6
		1	младший		делопроизводитель	7
		1			бухгалтер	7
		1	младший		чиновник	9
		5			писец	
		2			машинистка	
Главное Гидрографическое управление (Кроме чиновников, в управлении более 400 вольнонаёмных)						
Канцелярия						Целиком укомплектована вольнонаёмными
Картографическая часть	картографическая мастерская					Целиком укомплектована вольнонаёмными
Редакция карт и лощей	редакция карт	1			редактор	5
		1	помощник		редактор	

		1	старший	корректор			
		1	младший	корректор			
	редакция лощий					Целиком укомп- лектована воль- нонаёмными	
Геодезическая часть		1		начальник			
		2	помощник	начальник			
Гидрометео- рологическая часть		1		начальник			
		1	помощник	начальник			
		2		вычислитель			
Депо морских карт и книг		1		заведующий			
		2	помощник	заведующий			
Компасная часть		1		заведующий			
		3	помощник	заведующий			
Маячно-лоц- манская часть		1		начальник			
		2	помощник	начальник			
		1		делопроизводитель			
		1		инспектор по маячной час- ти			
Инструмен- тальный каби- нет		1		начальник			

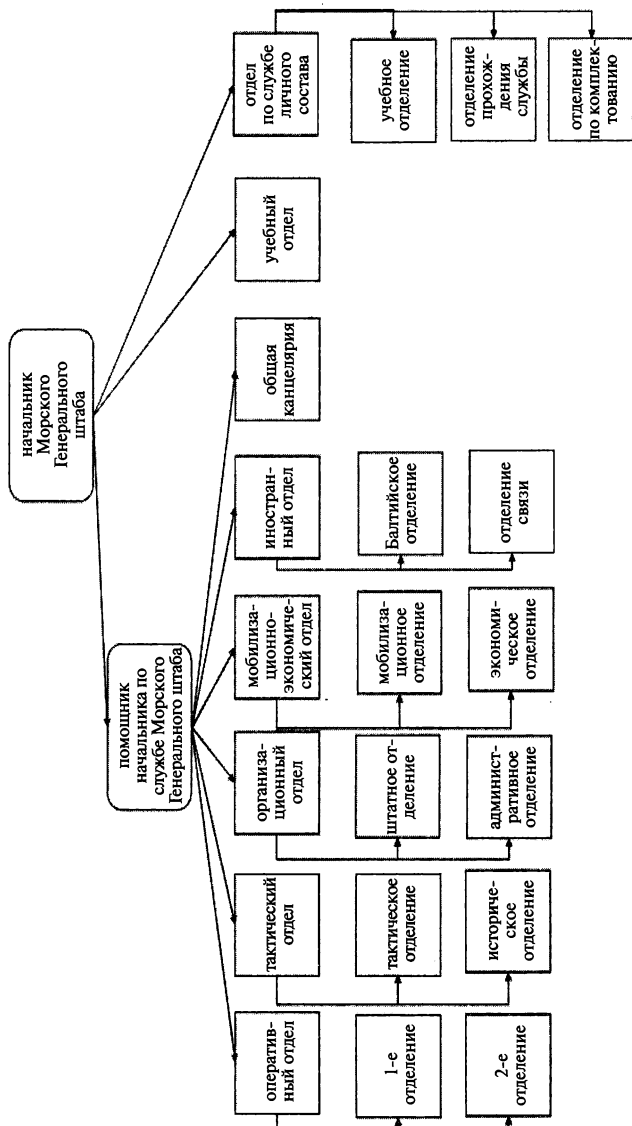
		1	помощник	начальник	
Библиотека		1		библиотекарь	6
Главное военно-морское судное управление					
	Начальник управления яв-	1		начальник	
	ляется главным военно-	1	помощник	начальник	
	морским прокурором, по-	1		делопроизводитель	5
	мощник начальника	2		делопроизводитель	6
	управления - помощни-	1		делопроизводитель	7
	ком главного военно-мор-	1		делопроизводитель	8
	ского прокурора	1	младший	чиновник	
		1		журналист	
		1	помощник	журналист	
		5		писец	
		5		машинистка	
Управление санитарной частью флота					
		1		начальник	
		1	старший	делопроизводитель	5 из врачей
		1	старший	делопроизводитель	6 из врачей
		1	младший	делопроизводитель	7 из врачей
		1	младший	делопроизводитель	7 чиновник
		1	младший	чиновник	9
		4	вольноваёмная	переписчица	
		1	вольноваёмный	бухгалтер	
		1	вольноваёмный	журналист	

	1	вольнораёмный	статистик	
Канцелярия Морского министерства				
	1		начальник	
	1	помощник	начальник	
	9		делопроизводитель	
	2	младший	чиновник	
	6		машинистка	
Юрисконсультская часть				
	1		юрисконсульт	
	3	помощник	юрисконсульт	
	1	младший	помощник юрисконсульта	он же делопроизводитель
	1	вольнораёмный	канцелярист	
	1		журналист	
	2		машинистка	
Архив Морского министерства				
	1		начальник	
	1	старший	делопроизводитель	6
	1		делопроизводитель	7
	1		делопроизводитель	8
	1	младший	чиновник	
	4		чиновник для составления алфавитов	
	1		перелётчик	
ВСЕГО	516			

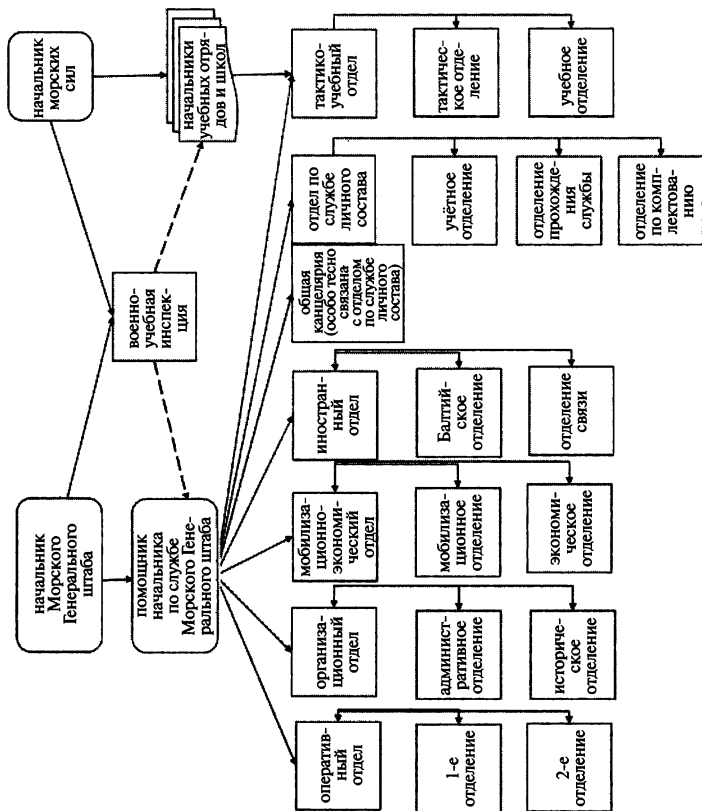
Схема взаимодействия Строительного отдела Главного управления кораблестроения с соответствующими подразделениями Комитета государственных сооружений (лето 1919 г.) (РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 186)

«Проект организации Морского Генерального штаба» (весна-лето 1918 г.)
 (РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 37)
 вариант А

«Проект организации Морского Генерального штаба» (весна-лето 1918 г.)
 (РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 37)
 вариант Б

**Примерная схема полевого штаба РВСР
в 1919 г.¹:**

- I. Главкомандующий (при нем — 10 сотрудников для поручений, стенографистки, секретари);
 - 1) Начальник штаба (при нем — 10 сотрудников для поручений, стенографистки, секретари);
 - 2) Помощник начальника штаба (при нем — 4 сотрудника для поручений, стенографистки, секретаря);
 - 3) Второй помощник начальника штаба (при нем — 5 сотрудников для поручений, стенографисток, секретарей);
- II. Оперативное управление (с начальником, его помощником и секретарем, всего 270 сотрудников):
 - 1) Оперативная часть;
 - 2) Разведывательная часть;
 - 3) Общее отделение;
 - 4) Топографическое отделение;
 - 5) Информационно-историческое отделение;
 - 6) Отделение внутренней связи.
- III. Административно-учетное управление (с начальником, его помощником и секретарем, всего около 400 сотрудников):
 - 1) Организационно-учетная часть (штаты, оклады, учёт войск);
 - 2) Инспекторская часть (учет командного состава, судопроизводство, награды);
 - 3) Общее отделение (издание приказов по Полевому штабу РВСР);
 - 4) Хозяйственная часть (хозяйство штаба и довольствие его сотрудников);
 - 5) Общая канцелярия (финансовые вопросы и издание приказов по личному составу)
 - 6) Комендатура (охрана);
 - 7) Хозяйственная база (кооператив Полевого штаба)
- IV. Управление связи Красной армии (начальник, 3 помощника, 8 инспекторов, всего 17 сотрудников):
 - 1) Отдел устройства службы связи (24 сотрудника):
 - а) Оперативное отделение;
 - б) Штатно-организационное отделение;
 - в) Отдел обучения войск связи;
 - 2) Радиотелеграфный отдел (всего 55 сотрудников):
 - а) Общее отделение;
 - б) Техническое отделение;
 - в) Отделение радиосвязи и радиоразведки;
 - г) Информационное отделение;

- 3) Эксплуатационно-технический отдел (всего 32 сотрудника):
 - а) 4 отделения
- 4) Отдел снабжения (всего 36 сотрудников):
 - а) 3 отделения
- 5) Дисло-почтовый отдел (всего 30 сотрудников):
 - а) 2 отделения
- 6) Административно-учетный отдел (всего 50 сотрудников):
 - а) Отделение личного состава
 - б) Счётное отделение
 - в) Инспекторское отделение
 - г) Журнальное отделение
 - д) Хозяйственное отделение
- 7) Комендантская часть (всего 27 сотрудников)

V. Инспекции:

- 1) Пехоты (23 сотрудника)
 - 2) Кавалерии (16 сотрудников)
 - 3) Артиллерии (40 сотрудников)
 - 4) Инженерных войск (14 сотрудников)
 - 5) Военно-хозяйственная (10 сотрудников)
 - 6) Военно-санитарная (10 сотрудников)
 - 7) Бронечастей (всего 30 сотрудников)
 - а) 4 делопроизводства
 - 8) Часть укрепленных районов (8 сотрудников)
 - 9) Общая журнальная часть (8 сотрудников)
- VI. Центральное управление военных сообщений (всего 800 сотрудников):
- 1) 5 отделов
 - а) 18 отделений

Примерная схема Всероглавштаба в 1919 г.²:

I. Организационное управление:

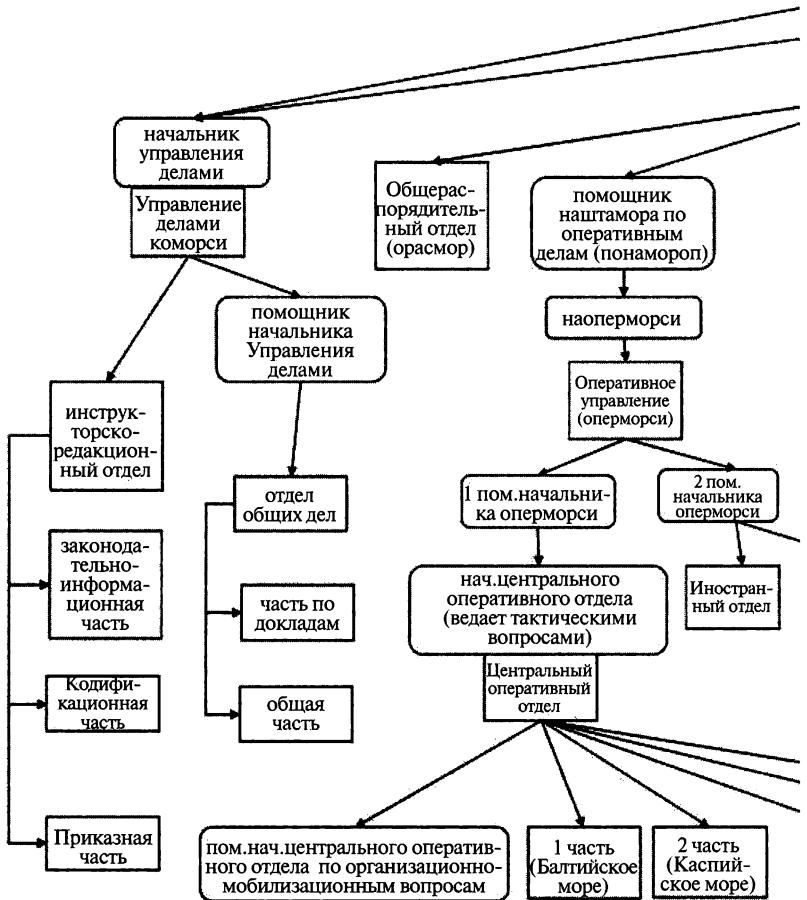
- 1) Отдел по службе Генерального штаба (вопросы организации службы генштаба);
- 2) Отчетно-организационный отдел:
 - а) Стратегическое отделение;
 - б) Отделение по устройству тыла;
 - в) Отделение по инженерной подготовке;
 - г) Дислокационное отделение;
 - д) 1-е отделение по сбору сведений об иностранных государствах;
 - е) 2-е отделение по сбору сведений об иностранных государствах;
 - ж) 3-е отделение по сбору сведений об иностранных государствах;
 - з) Военно-статистическое отделение;
- 3) Отдел по устройству и боевой подготовке войск:
 - а) Отделение пехоты (организация, штаты, иностранные сведения, общие организационные вопросы, заключения по вопросам вооружения и обмундирования);

- б) Отделение кавалерии;
 - в) Отделение технических войск;
 - г) Отделение полевых и местных управлений и частей вспомогательного назначения;
 - д) Уставное отделение;
 - е) Счетное отделение;
 - ж) Канцелярия;
- 4) Отдел военно-исторический;
 - 5) Общий и шифровальный отдел;
 - 6) Секретарская часть.
- II. Мобилизационное управление:
- 1) Мобилизационный отдел (мобилизационные расписания, учет численности армии);
 - 2) Отдел обязательной военной службы (учет, призыв);
- III. Управление по командному составу:
- 1) Военно-административный отдел (по личному составу);
 - 2) Общий отдел (справки, чрезвычайные происшествия и т. д.);
 - 3) Отдел (отделение) по сбору сведений о потерях в Красной армии;
 - 4) Пенсионный отдел;
 - 5) Эмеритальная часть;
- IV. Военно-топографическое управление:
- 1) Инспекция работ;
 - 2) Геодезический отдел;
 - 3) Картографический отдел;
- V. Военно-учебное управление:
- 1) Учебная часть;
 - 2) Отдел ВУЗ;
 - 3) Отдел всеобщего [военного] обучения (намечено его реформирование в особое управление).

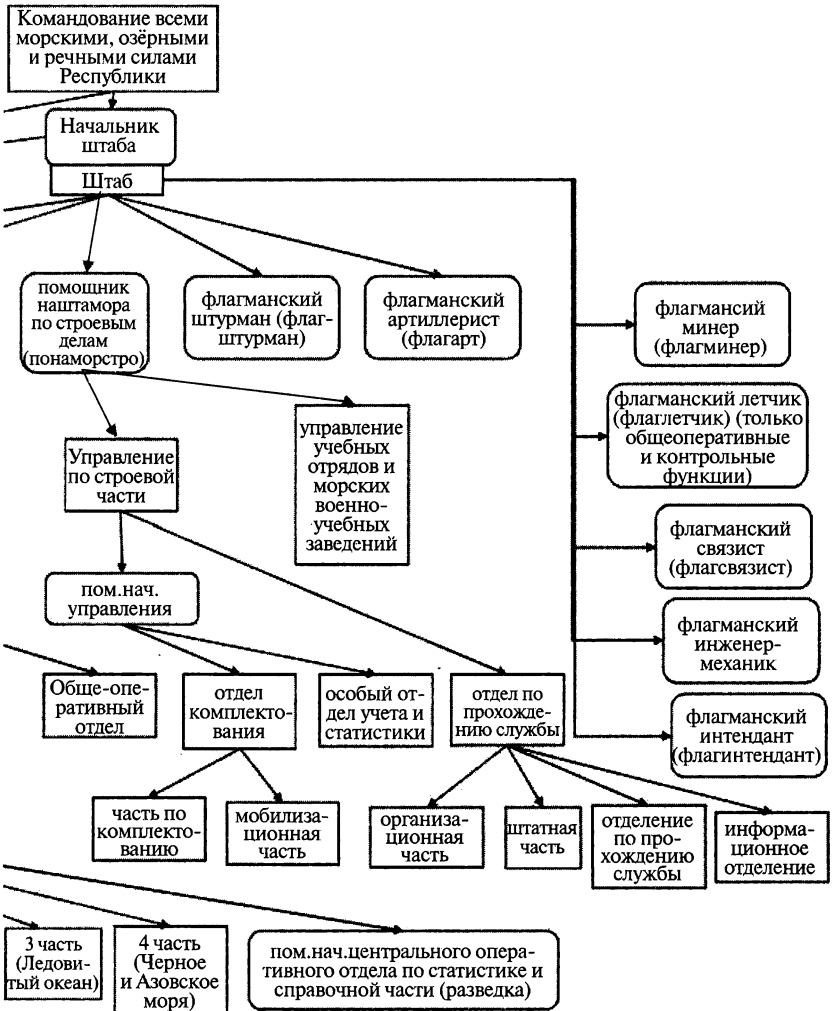
¹ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 454. Л. 75-75 об.

² РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 454. Л. 76-76 об.

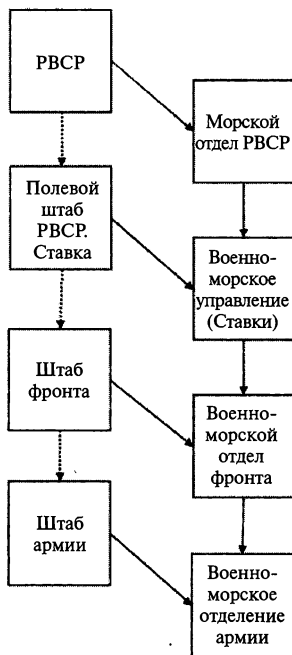
Организация Штаба командующего морскими силами

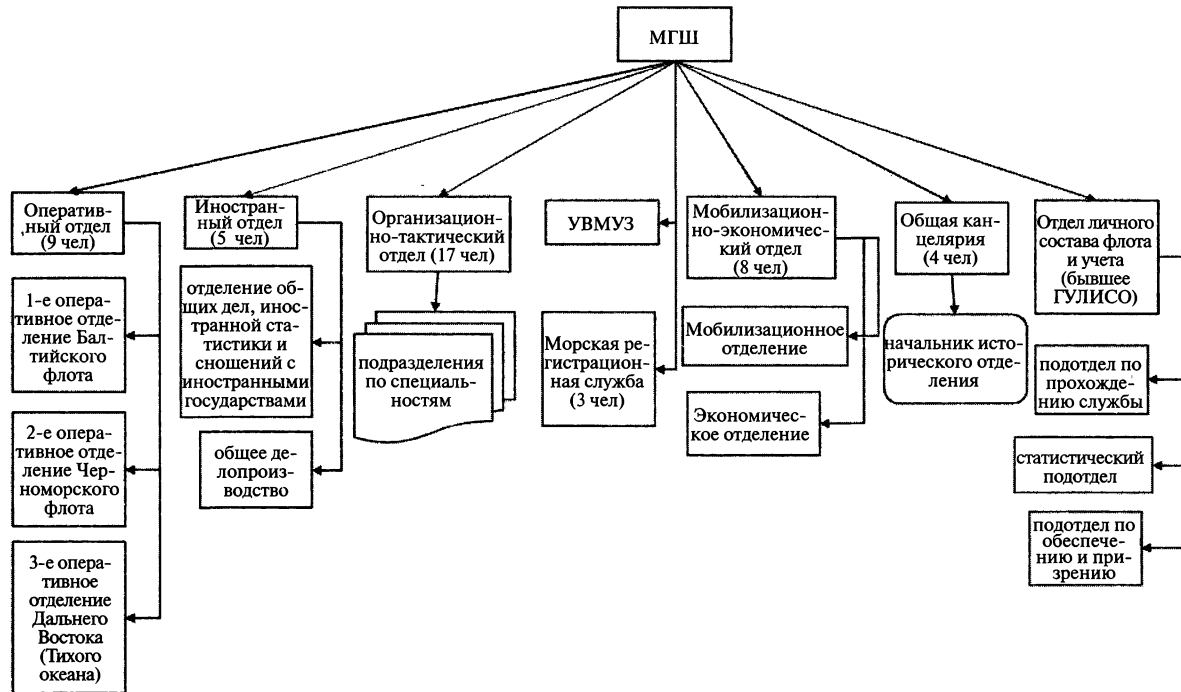
в августе 1920 г. (РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 330)

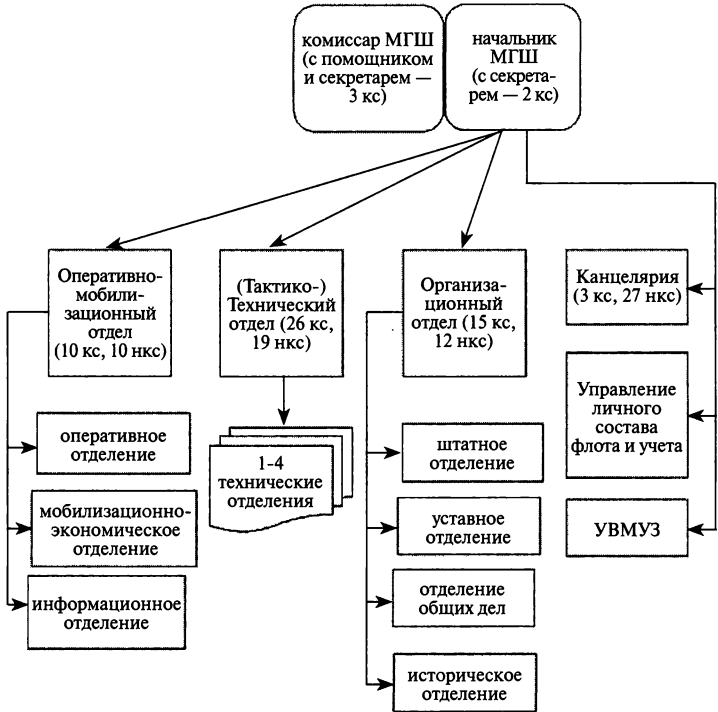
**Схема взаимодействия Военно-морских
управлений и органов сухопутного управления
по проекту МГШ (май 1919 г.)
(РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 452. Л. 78)**

Фактическая организация МГШ на 23 декабря 1918 г.
(РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 44–46)

**Схема реорганизации МГШ от 16 июня 1919 г.
(РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 64.
Численность сотрудников дана по:
РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 455. Л. 69–70 об.)**

**Проект организации МГШ
после выделения из него Штаба Коморси
(РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 453. Л. 26–28 об.)**

*Технические группы (отделения):

- 1-я — кораблестроение, подводное плавание, механическое дело, автомобильное дело, портовое строительство, ремонт
- 2-я — артиллерия, крепости
- 3-я — минное дело, заграждения, радио, пороха и взрывчатые вещества
- 4-я — штурманское дело, служба связи, авиация

**Резолюция IX Съезда РКП(б)
«О переходе к милиционной системе»¹**

1. Приближение к концу гражданской войны и благоприятные изменения в международном положении Советской России ставят на очередь вопрос о коренных изменениях в постановке нашего военного дела в соответствии с неотложными хозяйственными и культурными потребностями страны.

2. С другой стороны, необходимо установить, что до тех пор, пока в важнейших мировых государствах остается у власти империалистическая буржуазия, социалистическая республика ни в каком случае не может считать себя в безопасности.

Дальнейший ход событий может в известный момент снова бросить теряющих под ногами почву империалистов на путь кровавых авантур, направленных против Советской России.

Отсюда вытекает необходимость поддержания дела военной обороны революции на должной высоте.

3. Нынешнему переходному периоду, который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением их от производительного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах Красная рабоче-крестьянская милиция.

4. Сущность советской *милиционной системы* должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей.

5. В своем территориальном распределении милиционные части (полки, бригады, дивизии) должны быть приурочены к территориальному размещению промышленности так, чтобы промышленные очаги с окружающей их и тяготеющей к ним сельскохозяйственной периферией образовывали основу для милиционных частей.

6. Организационно рабоче-крестьянская милиция должна опираться на вполне подготовленные в военном, техническом и политическом отношениях кадры, которые держат на постоянном учете обучаемых ими рабочих и крестьян и способны в любой момент извлечь их из своего милиционного округа, охватить своим аппаратом, поставить под ружье и повести в бой.

7. Переход к милиционной системе должен иметь характер необходимой постепенности, в соответствии с военным и международно-дипломатическим положением Советской республики, при непременном условии, чтобы обороноспособность последней во всякий момент оставалась на должной высоте.

8. При постепенной демобилизации Красной Армии лучшие ее кадры должны получить наиболее целесообразное, т. е. наиболее приспособленное к мес-

тным производственно-бытовым условиям, размещение на территории страны и обеспечить таким образом готовый аппарат управления милиционных частей.

9. Личный состав милиционных кадров должен затем постепенно обновляться в направлении теснейшей связи с хозяйственной жизнью данного района, так, чтобы командный состав дивизии, расположенный на территории, охватывающей, например, группу горных заводов, с примыкающей к ним деревенской периферией, состоял из лучших элементов местного пролетариата.

10. В целях указанного обновления кадров курсы командного состава должны быть территориально распределены в соответствии с хозяйственно-милиционными округами и через эти курсы должны проходить лучшие представители местных рабочих и крестьян.

11. Военная подготовка на милиционных началах, которая должна обеспечить высокую боеспособность милиционной армии, будет складываться:

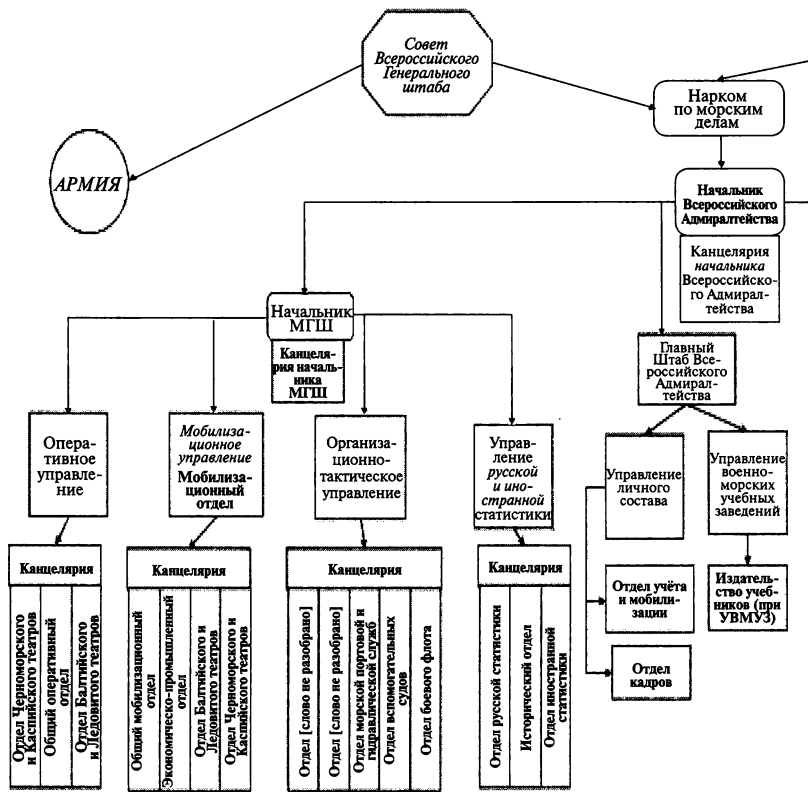
- а. из допризывной подготовки, в области каковой военное ведомство работает рука об руку с ведомством народного просвещения, с профессиональными союзами, организациями партии, Союзом молодежи, спортивными учреждениями и пр.;
- б. из военного обучения граждан призывного возраста, со все более и более коротким сроком и со все большим приближением казармы к типу военно-политической школы;
- в. из кратковременных повторительных сборов, целью которых является проверка боеспособности милиционных частей.

12. Предназначенная для задач военной обороны страны организация милиционных кадров должна быть в необходимой мере приспособлена для дела трудовой повинности, т. е. должна быть способна формировать трудовые части и снабжать их необходимым инструкторским аппаратом.

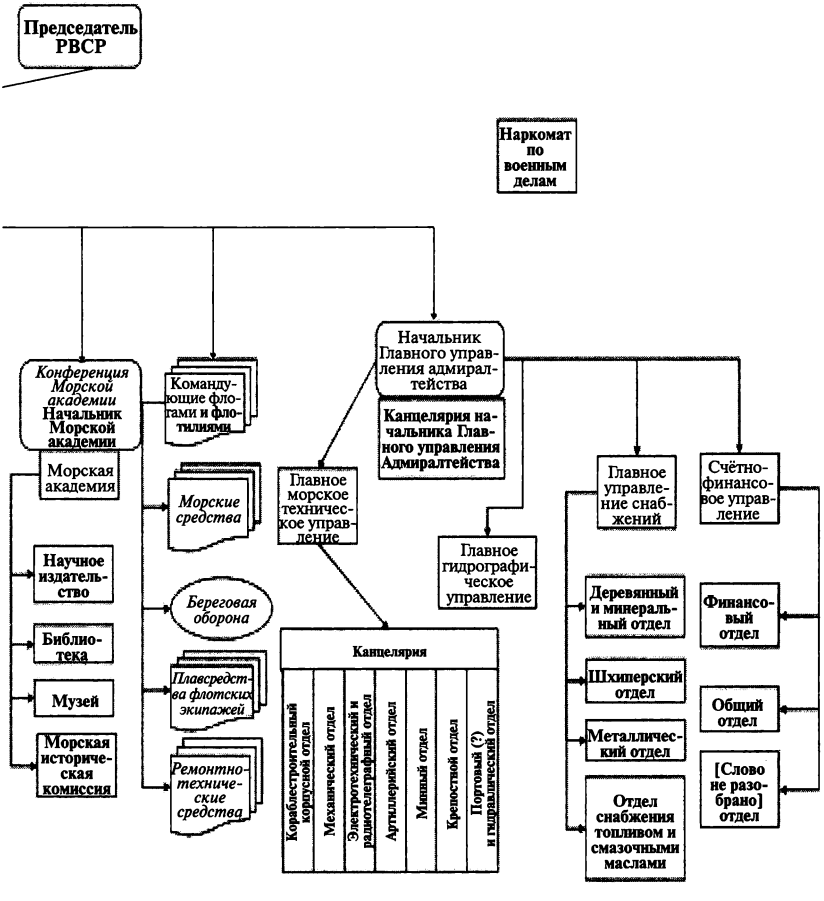
13. Развиваясь в сторону превращения в вооруженный коммунистический народ, милиция в настоящий период должна сохранять в своей организации все черты диктатуры рабочего класса.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 265–266.

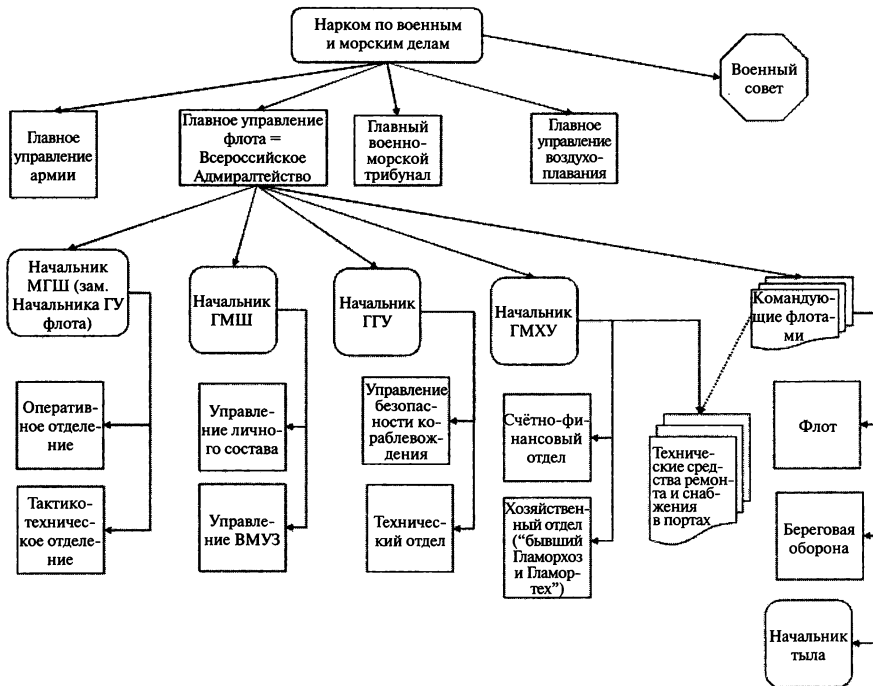
Схема НКМД по предложению Б.И. Доливо-Добровольского, исправленная
 “Схема управления Морским Комиссариатом и флотом в мирное время”)

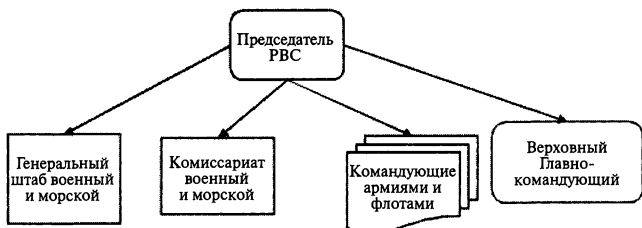
на совещании 19 ноября 1920 г. (Название, данное на совещании — (РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 67)

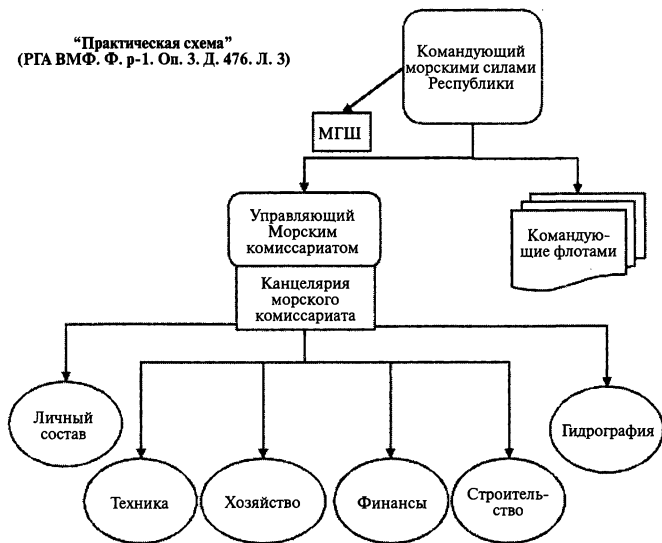
**Схема организации морского ведомства, обсуждавшаяся
22 ноября 1920 г. (РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 3137. Л. 58-60)**

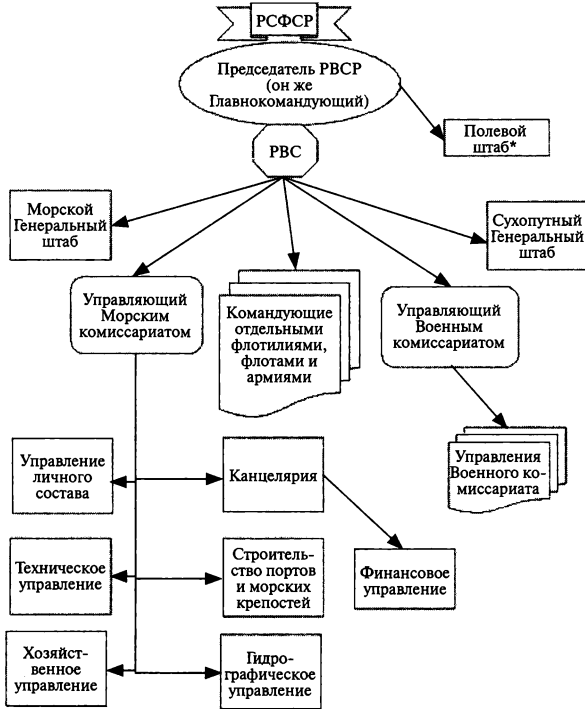
**Схемы организации морского ведомства,
обсуждавшиеся в ноябре-декабре 1920 г. «Идеальная схема»
(РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 476. Л. 3)**

**«Практическая схема»
(РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 476. Л. 3)**

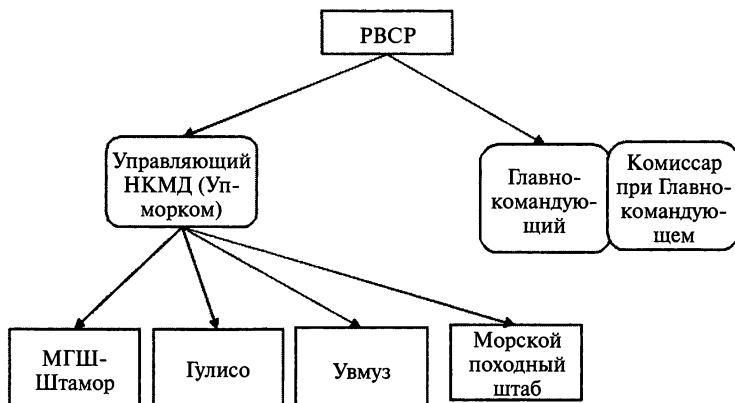

**Схемы организации морского ведомства, обсуждавшиеся
в ноябре-декабре 1920 г. (“Идеальная схема Управления
и Командования Морской силой
(с указанием отношения к Командованию Сухопутной силой)”)
(РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 476. Л. 6)**

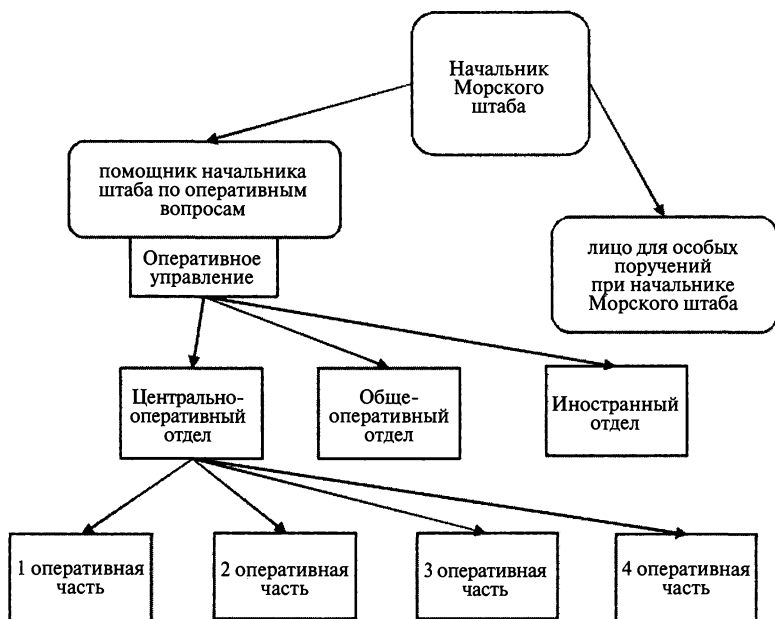

* “Небольшой (подч. в документе) полевой штаб, в составе которого имеется Морское Отделение, выделенное из Морского Генерального штаба, подобно тому, как Военный Отдел этого Штаба выделен из Сухопутного Генерального штаба”

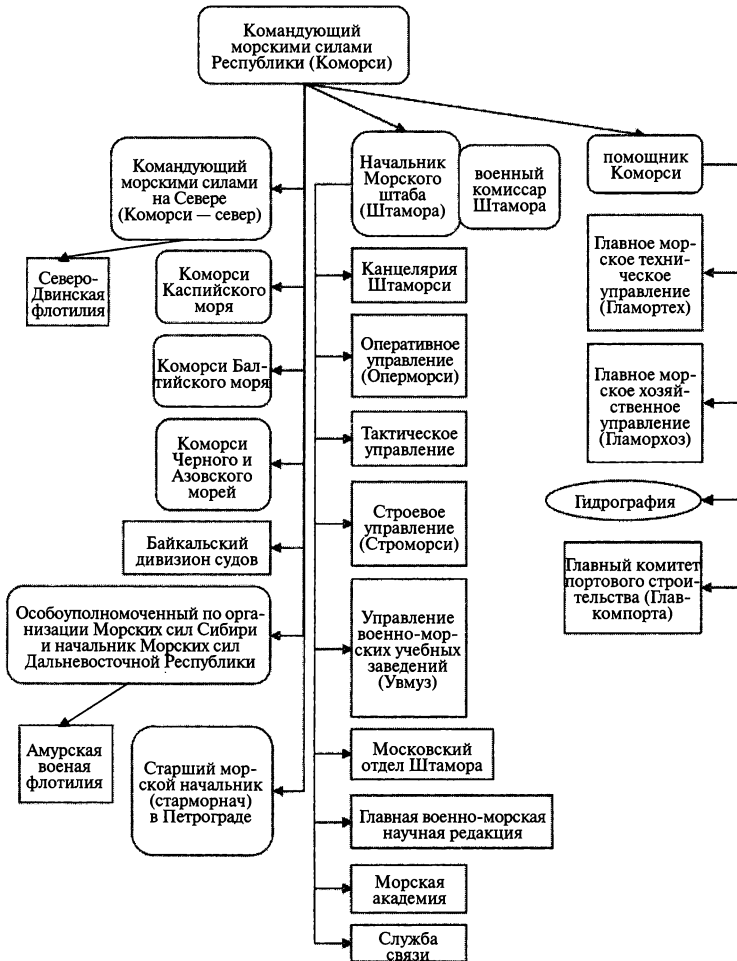
**Предложения А. П. Зеленого по организации морского ведомства,
обсуждавшиеся в декабре 1920 г. (“Схема военмора Зеленого”)
(РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 218)**

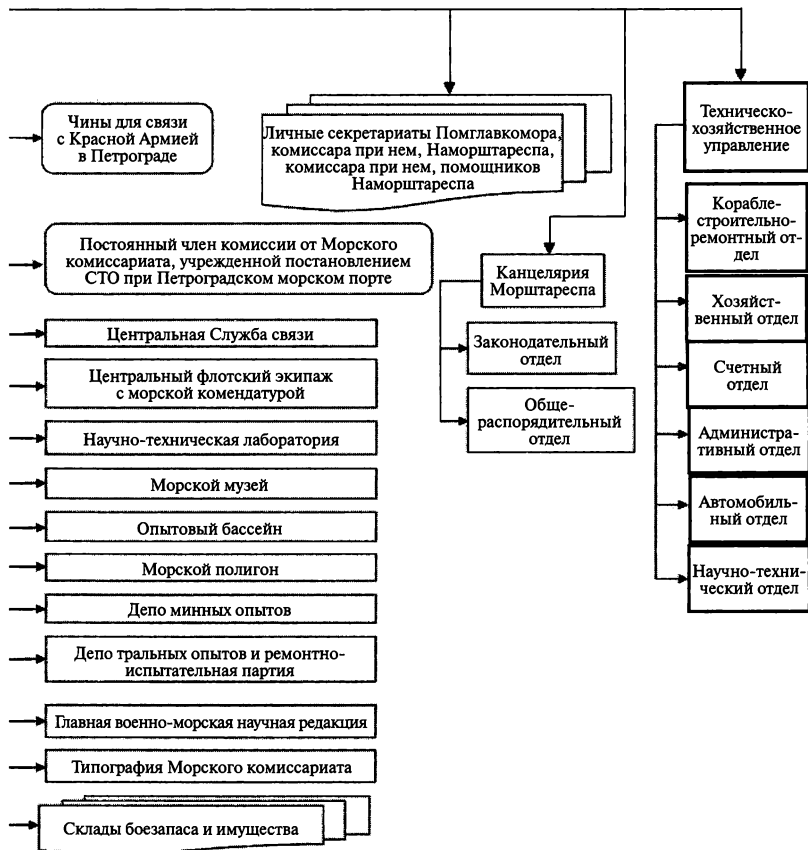
**Фактическая схема организации Морского Штаба Республики
Зима 1920–1921 гг.
(РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 815. Л. 8)**

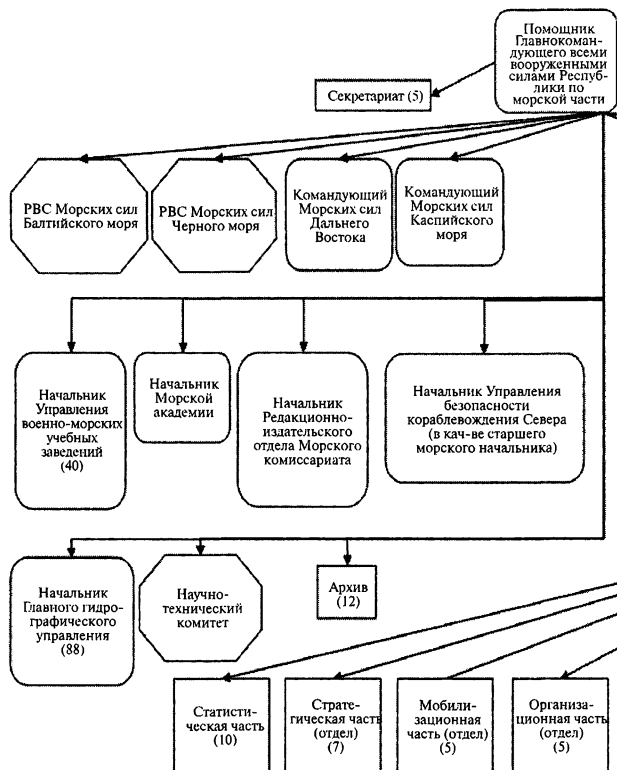
Организация НКМД утвержденная СНК и объявленная приказом Коморси № 91/1/пох от 30 мая 1921 г. (РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 82–82 об., схема — Л. 83)

Республики (Морштаресп) от 5 октября 1921 г. во исполнение приказов (РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1040. Л. 84–84 об.)

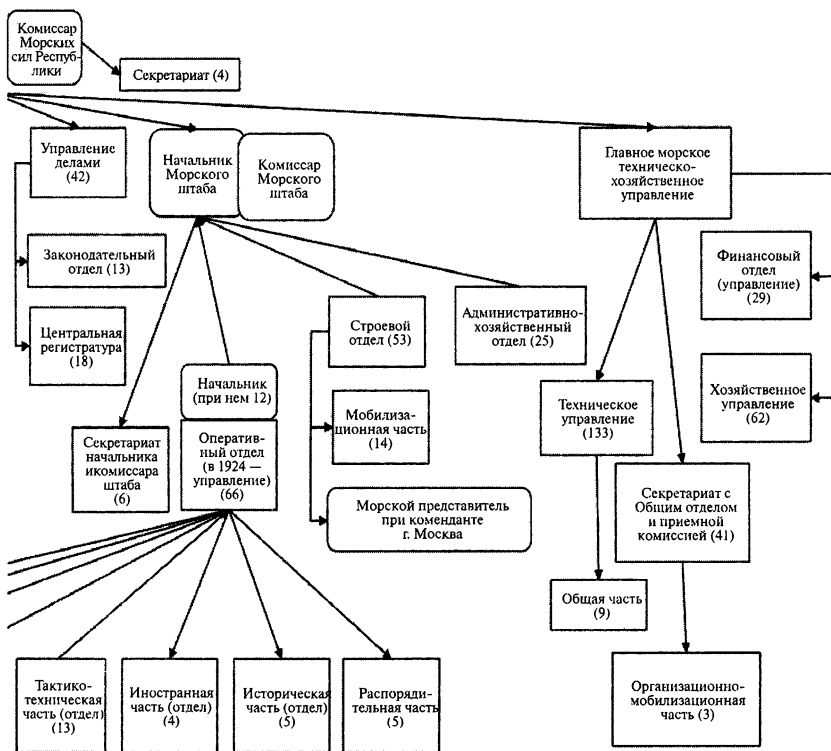

Организация центральных учреждений НКВМД в 1923 г. (РГА ВМФ. Ф. р-1483.

Численность личного состава на 15 марта 1924 г.

Оп. 1. Д. 9. Л. 13 об.)

Научное издание

Кирилл Борисович Назаренко

Флот, революция и власть в России: 1917-1921

Редактор *Е. В. Маркасова*
Корректор *Ю. В. Корневская*

Формат 60х90^{1/16}. Усл. печ. л. 30,5. Тираж 1000 экз. Заказ №75
Отпечатано в типографии МБА

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46
Тел.: (499) 766-74-57. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

ISBN 978-5-91791-058-1

Издательство «Русская панорама»
109028, Москва, Серебряническая наб., 27, оф. 103.
Тел./факс: (495) 917-59-83, 917-70-94

ISBN 978-5-93165-292-4

Возможен ли был после Октябрьской революции приход к власти военных? Какой политический выбор сделали во время революции флотские офицеры? Каким было отношение Советской власти к «старым специалистам»? Какие механизмы влияли на решения по реорганизации аппарата управления флотом? Существуют ли общие закономерности работы до-революционного и советского государственного аппарата? Эти вопросы находятся сегодня в центре ожесточенной дискуссии.

Данное исследование раскрывает проблемы российского флота, выявленные в сложный период революционных событий 1917 г., широкий круг источников позволил вскрыть и проанализировать проблемы выбора, перехода в новое качество и становления советского флота, широкий круг вопросов, связанных с морской политикой, организацией и деятельностью морского ведомства царской и Советской России. В книге рассматриваются биографии ряда ключевых фигур отечественного флота начала XX в. В ней также предлагается новый взгляд на политическую роль вооруженных сил в современном мире.

СПб Дом Книги"

А-0...

379.00

2 000217 524779

Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в